

ОБЩЕСТВО - СРЕДА - РАЗВИТИЕ

www.terrahumana.ru

№ 3(48)'18

Выходит 4 раза в год

Входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов...» ВАК Минобрнауки РФ

ОБЩЕСТВО

Эффективное управление

Кудрявцева Т.Ю. Кластер как институциональная форма организации рынка 3

История и современность

Брачев В.С. Жизнь и судьба историка: Константин Вильгельмович
Нотман (1901–1937) 10

Котков В.М., Коткова Ю.В. Александро-Невский собор – главный собор
Кавказского военного округа 14

Стратегия дискурса

Чукуров А.Ю. Идеи постгуманизма в культурологической перспективе 24

Глобализация: полемика цивилизаций

Lane D. The October Revolution and its Consequences 31

Тезич М.Дж. Формирование бурятского этноса в структуре территории
и социального пространства 42

Феномены социального развития

Федотова В.А. Экономические детерминанты отношения к здоровью 47

Bhosale V.V. History of Matheran Hill Station in India 55

Языки культуры

Тхакахов В.Х. Идентичность и память в урбанонимах Магаса 62

Кулешова А.А., Хачатурова Е.А., Митрохина Т.А. Актуальные тенденции
презентации коллекций дизайнеров костюма 68

Мир художественной культуры

Климова О.М. Модусы бытия в живописи отечественных неопримитивистов
начала XX века: культурологический анализ 75

Культурное наследие

Мосолова Л.М., Омуралиев М.Б. Искусствознание в динамике культуры
Киргизии XX – начала XXI веков 79

Марченко М.А. Копилка как культурный феномен. Путь эволюции 84

СРЕДА ОБИТАНИЯ

Осмысление ноосферы

Гладкий Ю.Н., Махова И.П., Гладкий И.Ю. Геофизические и экономические
детерминанты развития ветроэнергетики в России: противоречивая связь 88

Глобальный экологический кризис: мифы и реальность

Овсяня А.Э. О концентрациях ртути в рыбе устьевой области
реки Северная Двина 96

Природная среда

<i>Ловелиус Н.В., Ретелюм А.Ю.</i> Малые и большие солнечные циклы в лесах Скандинавии	103
<i>Потахин М.С., Белкина Н.А., Слукровский З.И., Новицкий Д.Г., Морозова И.В.</i> Изменение донных отложений Выгозера в результате многофакторного антропогенного воздействия	107

НОВОСТИ

<i>Воронцов А.В., Агеев В.У., Ловелиус Н.В.</i> Памяти Виктора Алексеевича Зверева (1935–2018)	118
<i>Воронцов А.В., Ловелиус Н.В., Жохова О.В., Осипов А.И.</i> Памяти Любови Николаевны Самсоновой (1948–2018)	119
<i>Костюк Р.В., Руцин Д.А.</i> Электоральная революция в Мексике: Что дальше? Дискуссионный семинар в СПбГУ. Санкт-Петербург, 24 сентября 2018 года.....	120
<i>Дробышева М.Н.</i> Российские артисты на фестивалях в Финляндии, Хорватии, Китае в 2018 году	122
<i>Субботин А.А.</i> Наше будущее – ноосфера. Рецензия на монографию А.И. Субетто «Русская наука: от прошлого – к ноосферной ответственности за будущее России и человечества»	125
<i>Акимов С.С.</i> Рецензия на научный каталог выставки «Библейский театр Мартина Энгельбрехта»	130
Contents	133
Summary & References	135
Правила направления, рецензирования и опубликования научных статей	152
Редакционный совет	157

УДК 332.14
ББК 65.01

Т.Ю. Кудрявцева

КЛАСТЕР КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ РЫНКА*

Рассматриваются фундаментальные вопросы, касающиеся промышленных кластеров, на основе постулата о том, что рынки организуются так, чтобы эффективно осуществлять определенные виды экономической деятельности. Доказывается гипотеза, что пространственное расположение промышленных кластеров является сутью рынка, организованного особенно целесообразным способом. Многие конкурирующие научные школы, изучающие промышленные кластеры, имеют, по крайней мере, одну общую черту: все они согласны с тем, что кластеры представляют собой явления реальной жизни, характеризующиеся совместной локализацией отдельных экономических субъектов, которые в некотором смысле связаны между собой, но не объединены какой-либо общей собственностью или управлением, поэтому они не являются иерархическими структурами. Таким образом, кластер является одной из таких специфических рыночных организаций, структурированных по территориальным линиям, поскольку это позволяет создать набор институтов, приносящих пользу для определенных видов экономической деятельности, а именно отраслей, имеющих высокую степень неопределенности и развитые социальные институты. Институты, характерные для данной формы рынка, помогают создать среди участников кластера среду, которая уменьшает препятствия для приобретения и использования знаний, созданных или используемых локально.

Ключевые слова:

кластерная организация рынка, кластерная экономика, промышленные кластеры, сетевая организация рынка.

Кудрявцева Т.Ю. Кластер как институциональная форма организации рынка // Общество. Среда. Развитие. – 2018, № 3. – С. 3–9.

© Кудрявцева Татьяна Юрьевна – кандидат экономических наук, доцент, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург; e-mail: tankud28@mail.ru

Существует много конкурирующих научных школ, изучающих промышленные кластеры, но все они сходятся в том, что это явление характеризуется совместной локализацией отдельных экономических субъектов, которые в некотором смысле связаны между собой, но не объединены какой-либо общей собственностью или управлением. Несмотря на данное единство, пока не появилось общего понимания относительно первостепенной причины, по которой отдельные сущности локализовались вместе, что заставило их связываться вместе, каковы могут быть последствия и, на более фундаментальном уровне, почему это вообще имеет значение.

В данном исследовании рассматриваются фундаментальные вопросы, касающиеся промышленных кластеров, и утверждается, что рынки организуются так, чтобы эффективно осуществлять определенные виды экономической деятельности, выдвигается предположение, что пространственное расположение промышленных кластеров является сутью рынка, организованного особенно целесообразным способом.

1. Сущность понятий «фирмы» и «рынки»

Фирмы и рынки – так часто используемые и настолько знакомые большинству из нас понятия, которые тесно связаны с

* Статья подготовлена при поддержке Министерства науки и образования Российской Федерации (проект № 26.6446.2017/БЧ).

4 | современной, глобализирующейся, основанной на знаниях рыночной экономикой, что мы иногда склонны забывать о том, что они являются социальными инновациями, созданными независимо друг от друга столетия назад, и только недавно объединенными вместе. Рынки, по-видимому, появились, не менее трех тысяч лет назад в качестве временных мест обмена продуктами между людьми (семьями, кланами), но только в течение последних двух веков они были институционализированы и стали регулироваться с явной целью усиления конкуренции. Существование рынка в его современном смысле вовсе не является самоочевидным, как полагает Уильямсон [22]. Напротив, современные рынки являются результатом точного расчета и сознательных усилий в сочетании с менее рационально планируемыми инновациями. Даже самая короткая транзакция между партнерами, «на расстоянии вытянутой руки», обычно осуществляется на рынках, которые в настоящее время стали сильно институционализированными.

Фирмы появились намного позже рынков. Слово «фирма» было впервые упомянуто в 1574 году как производное от *firmare*, что означает «скреплять подписью». Однако, судя по всему, адвокат Синиальд Фиески, в 1243 году ставший Папой Иннокентием IV, первым использовал фразу *persona ficta* при назначении прав и обязательств в отношении строго фиктивной сущности. Тем самым он включил в римское право идею о том, что права собственности могут выполняться, активы собираться, капиталы накапливаться и договоры подписываться чисто юридическими лицами с ограниченной ответственностью и бесконечным временем жизни [17]. Последующее распространение данной юридической инновации – а это, безусловно, была инновация – имело судьбоносные последствия для возникновения капитализма, поскольку фирма постепенно стала основным инструментом и организационной формой координации для всей большей доли экономической деятельности, осуществляемой отдельными членами общества.

Современные фирмы, ищущие ренты, обмениваются планами и идеями, а также наборами товаров, на рынках, которые обеспечивают институциональные рамки – или условия – для подобных событий координации и обмена. Это определение рынков шире, чем определение, принятое в обычной экономической науке, где взаимодействие на рынке состоит из событий

обмена, в которых ценовые сигналы являются единственным источником информации для фирм-участниц. Лоасби, среди прочих, утверждает, что рынки, как институциональные рамки, где происходят события обмена, не могут быть достоверно сведены к стандартной теории цен [15]. Боулз подчеркивает, что рынки делают гораздо больше, чем просто размещают товары и услуги [9].

Границы между сферой рынка и сферой фирмы оставались нечеткими до лета 1932 года, когда Рональд Коуз, впоследствии получивший Нобелевскую премию, не выяснил, почему люди иногда предпочитают использовать свои навыки в рамках трудового договора, а не как свободные предприниматели. Ответ, найденный Коузом, заключался в том, что при использовании ценового механизма рынка существуют издержки, и эти издержки – впоследствии они стали известны как «транзакционные издержки» [10] – иногда превышают затраты на организацию работы под единым руководством в рамках фирмы.

Полученные Коузом результаты вылились в постоянно растущий интерес к тому, чтобы точно определить, какие виды деятельности фирма может выгодно объединить в рамках своих управленческих полномочий, а какие лучше всего оставлять другим и приобретать на рынке. Хотя за последние десятилетия вопросы о том, что производить, а что покупать, стали, вероятно, наиболее изученными явлениями в экономике, гораздо меньше внимания уделяется сопутствующему вопросу о том, как виды деятельности, распределенные между фирмами, впоследствии объединяются, чтобы создать что-то полезное.

Данное исследование будет ограничено вопросом о том, как фирмы максимизируют выгоды от внешних отношений и, в частности, как фирмы с помощью рыночных отношений: а) становятся более осведомленными о существующих и будущих возможностях и потребностях и трансформируют эти знания в инновации продуктов и процессов (создание знаний); а также б) компенсируют колебания спроса и предложения, что помогает обеспечивать эффективное использование ресурсов, которые каждая фирма вкладывает в производство (ресурсоэффективность) [4; 20].

Хотя рыночные отношения предоставляют возможности для создания знаний и компенсации колебаний, эти выгоды могут быть нивелированы транзакционными издержками. К таким издержкам относятся затраты, связанные с координаци-

рованием стимулов и планов, т.е. поисковые и информационные затраты, которые несет фирма до выявления любого потенциального делового партнера; затраты на переговоры и принятие решения перед совершением сделки; и затраты на контроль и правоприменение для фактического получения того, что было указано в договоре. Они также включают коммуникативные издержки, связанные с когнитивной дистанцией, т.е. издержки, возникающие из-за недопонимания между фирмами с разными мировоззрениями или ожиданиями, или издержки по уменьшению таких когнитивных различий путем переговоров и обмена информацией [19].

Для максимизации одного или обоих преимуществ рыночных отношений, при этом сохраняя трансакционные издержки на низком уровне, фирмы участвуют в создании институтов, они организуют рынок. Форму рыночной организации, при прочих равных условиях, они выбирают в зависимости от параметров индустрии, в которой они работают [5; 14].

Фирмы, которые работают на определенных рынках, особенно со стандартными товарами, предпочитают свободу спот-транзакций, выбирая для каждой закупки разных партнеров на основе конкурсных торгов. Однако во многих других случаях фирмы обнаруживают, что можно получить больше, если единичные события будут заменены полностью или частично обязательствами повторных транзакций. В конечном итоге фирмы, как правило, выбирают между двумя типичными стратегиями: когда их набор клиентов, поставщиков и продуктов достаточно стабилен, они участвуют в создании сети, но если это не так, они образуют кластеры. Таким образом, выбор зависит от степени ожидаемой стабильности, которая, в свою очередь, отражает колебания неопределенности в отрасли в отношении непредвиденных изменений технологий, спроса и предложения. Независимо от того, какая стратегия была выбрана, отход от взаимодействий на спот-рынке приводит к структурированию рынка на «они» и «мы». Фирмы становятся «инсайдерами», вкладывая средства в строительство или в присоединение к сетям в случаях относительно низкой неопределенности в отрасли, либо в создание кластеров в случаях относительно высокой неопределенности в отрасли [3].

Рассмотрим данный процесс образование сетей или кластеров, и связанные с ним преимущества.

2. Организация рынков посредством строительства сети

Если, и только если группа партнеров является достаточно стабильной, фирмы могут надеяться извлечь выгоду из сетевой стратегии. Инициирование «диадических» отношений со стабильным набором партнеров может снизить трансакционные издержки до такой степени, когда выгоды превышают затраты при попытке достичь создания знаний и/или ресурсоэффективности.

В случае успеха подобные диадические отношения усиливаются, поскольку обе стороны вносят вклад в укрепление двусторонних связей и расширяют сферу их охвата, чтобы использовать несколько уровней (или все уровни) этих двух организаций. Каждая новая созданная связь, каждый новый опыт работы с партнером и каждый новый введенный порядок и метод способствуют будущему обмену и облегчают взаимодействие. Благодаря непрерывному взаимодействию и обмену информацией постепенно устраняются прежние недопонимания и подозрения, и взаимодействие может охватывать еще более широкий диапазон планирования и совместного создания знаний. Шаг за шагом когнитивная дистанция уменьшается по мере того, как появляющиеся «кодексы» – общие языки и способы коммунитирования и понимания информации – повышают когнитивные способности фирм для координирования деятельности и планов или обмена знаниями, даже в неявном виде. Со временем повторяющиеся взаимодействия также могут привести к постепенному осознанию их достаточной важности для общей конкурентоспособности вовлеченных фирм [16].

Как только доля реляционных (связанных с отношениями) невозмещаемых издержек становится достаточно большой, происходит качественное изменение, поскольку возможности для беспринципного поведения становятся ничтожно малыми. Реляционные невозмещаемые издержки – это инвестиции, которые нельзя вернуть даже частично, если инвестиционная фирма решает разорвать отношения. Высокие издержки выхода ограничивают беспринципное поведение и выступают в качестве гарантий для обмена.

Как пронизательно заметил Грановеттер, оппортунистическое поведение предотвращается, потому что умные институциональные механизмы делают участие в них слишком затратным, и эти механизмы теперь рассматриваются как способ пре-

6 | пятствовать такому поведению. Однако они не создают доверия, а являются его функциональной заменой.

Таким образом, доверие будет характеризовать отношения между бизнес-фирмами, когда каждая из них уверена, что текущая ценность всех обозримых будущих обменов будет превышать возможные выгоды от нарушения отношений. Чем больше невозмещаемые издержки, тем выше уверенность и доверие. Доверие является невероятно эффективным элементом экономического обмена, снижающим трение взаимодействия, сотрудничества или обмена. Риски неэффективного использования ресурсов уменьшаются, когда поступает важная информация об изменении спроса и предложения. Разделение рисков особенно важно, когда фирмы сталкиваются с необходимостью совершать «большие скачки» в новых областях бизнеса, либо когда требуется поменять установившиеся методы ведения бизнеса. Совместное движение вперед путем разделения рисков также делает безопасным инвестирование в процедуры или технологии, ещё не признанные остальными. Можно разрабатывать новые рынки и находить новые решения, если компании обмениваются информацией не опасаясь, что они могут никогда не получить свою долю потенциальной прибыли [12].

Одним из важных последствий высоких уровней реляционных невозмещаемых издержек является тот факт, что поток знаний между двумя деловыми партнерами не должен быть строго обоюдным, или происходить точно в одно и то же время. Общий обмен знаниями усиливается и углубляется, когда деловые партнеры полагают, что некоторые знания, предлагаемые бесплатно сегодня, будут оплачены тем или иным образом в какой-то более поздний момент [1].

Сети могут вырастать из диад, чтобы охватить все большее число партнеров. Используя инвестиции в уже существующие отношения как каналы для новых партнеров (твой друг – это мой друг), при расширении своей бизнес-сети фирмы успешно минимизируют поисковые издержки, а также другие трансакционные издержки. Из-за риска в случае неправильных действий разорвать тщательно выстроенные связи со своими близкими деловыми партнерами, участники расширяющейся сети поставлены в ситуацию, когда любое нарушение доверия настолько строго наказывается, что, по сути, злоупотребление становится невозможным.

На глобальном независимом спотовом рынке стандартных товаров, где все клиенты и все поставщики могут быть легко заменены, неудовлетворенный клиент не имеет возможности оповестить всех потенциальных будущих покупателей, поэтому беспринципное поведение может продолжаться бесконечно. Но в бизнес-сети это не так, здесь любое такое неправильное поведение скоро будет известно всем. Коллективное понимание данного механизма позволяет снизить трансакционные издержки при одновременном повышении эффективности использования ресурсов и обмене знаниями в мере, которой не сможет достичь ни один посторонний игрок.

Многие из преимуществ сетей также могут использоваться и несетевыми фирмами, для этого можно применять другую форму организации рынка: кластер.

3. Организация рынков при помощи формирования кластера

Неопределенность в отрасли подразумевает, что не все отрасли характеризуются достаточно стабильными наборами поставщиков, клиентов и продуктов. При высоких уровнях неопределенности у фирм нет никакого смысла заниматься сетевым строительством с теми, кто завтра станет вчерашними партнерами. Вместо этого в таких обстоятельствах фирмы склонны выбирать стратегию участия в кластере [6]. Внутри кластера структурирование рынков обычно происходит с участием большего числа фирм-«инсайдеров» и на более широком уровне, чем если бы они были встроены в бизнес-сеть. Расширенный набор «инсайдеров» с их собственными возможностями и ресурсами позволяет экспериментировать, дает гибкость и возможность использовать меняющиеся комбинации партнеров, без полного бремени трансакционных издержек спотовых рынков.

Фирмы, выбирающие стратегии совместной локализации, участвуют в создании сообществ с общим доступом к институтам как в сетях, но кластерные институты часто ограничены по охвату (обычно применимы только к фирмам в одной или нескольких смежных отраслях) и всегда ограничены в пространстве (обычно расположены только на местном или региональном уровне).

Если в отрасли преобладает неопределенность, и фирмам необходимо регулярно переопределять жизненно важные аспекты своего продукта, проектные отношения становятся стандартной формой взаимодействия. Это, например, справедливо

для отраслей, где характерно прерывистое производство (например, строительство), весьма нестабильные потребительские вкусы (например, мода, кино, музыка) или кастомизация (реклама, консультации и т.д.), когда фирмы создают проекты для поиска решений в соответствии с конкретными требованиями клиента в заданный период времени [11].

В отраслях с меньшей неопределенностью рынка, в диапазоне от умеренной до высокой, фирмам часто приходится расширять или сокращать выпуск продукции или корректировать ассортимент своей продукции для обеспечения разнообразия. В таких отраслях стандартной формой взаимодействия являются гибкие отношения, в которых партнеры могут быть найдены или отвергнуты в соответствии с текущей рыночной ситуацией. Полученная в результате свобода выбора партнеров способствует повышению эффективности использования ресурсов в условиях неопределенности в отрасли и имеет решающее значение для конкурентоспособности и выживания особенно небольших фирм в условиях волатильного рынка и необходимости постоянных изменений. Вдоль вертикальной оси цепочки добавленной стоимости кластерные фирмы реагируют на изменения спроса на рынке, переключаясь между специализированными поставщиками и иногда используя нового специализированного поставщика для разовой поставки. Вдоль горизонтальной оси фирмы могут также компенсировать колебания объема спроса, передавая задачи в случае чрезмерного спроса и осуществляя поставки другим в периоды низкого спроса, именно потому, что они основаны на социальных чертах, а не на специфических инвестициях, ориентированных на конкретных партнеров, и на диадическом обмене информацией, что характерно для сетей.

Кластер также обеспечивает среду, которая ограничивает затраты и риски, связанные с созданием новых фирм посредством перемещения или выделения [2]. Начав деятельность, близкую к той, что уже осуществляется в кластере, новые фирмы могут пропустить обременительный и дорогостоящий процесс сбора большого количества косвенных знаний о бизнес-среде, которая была бы важна вне кластера: «Если это работает для моего соседа, почему бы этому не работать для меня?». Благоприятная бизнес-среда включает рынок труда с достаточным предложением наиболее подходящих специалистов

(нанимаемых при предоставлении конкурентоспособной заработной платы), компетентный рынок капитала в лице управляющих банков, знающих расположенный рядом бизнес, либо в лице особенно опытных венчурных капиталовкладчиков или «бизнес-ангелов», а также готовый доступ к поставщикам с возможностью привлечения клиентов (часто при поддержке кластерного брендинга или эффекта репутации) и поддерживающую инфраструктуру и институциональное обеспечение.

Поскольку участие в проектах и гибкие отношения исходят от разных фирм, которые лишь временно работают вместе, у них мало стимулов и мало времени для разработки механизмов координации, которые возникают в стабильных бизнес-сетях. Однако обширная кластеризация фирм и людей способствует созданию «слабых связей», которые снижают информационные затраты для «инсайдеров» кластера, распространяя информацию посредством встреч, сплетен и прямых наблюдений. Со временем кластеризация начинает обеспечивать когнитивное выравнивание, т.е. «социальные кодексы» совместной социальной культуры, включая коллективные убеждения, ценности, конвенции и язык, которые значительно помогают фирмам в получении и понимании информации. Кластеризация также может способствовать полезному коллективному институту социального доверия (общая готовность доверять другим «инсайдерам»), которое усиливается многочисленной информацией и необходимостью поддерживать высокую репутацию надежности, чтобы оставаться «инсайдером» [8].

4. Сравнительная характеристика сетевой и кластерной организации рынка

Значительный обмен и создание знаний в кластере будут следовать за рыночными отношениями вдоль вертикального измерения кластера либо через внешние «магистраль», но, возможно, большая часть приходится на горизонтальное измерение кластеров, состоящее из фирм с аналогичными возможностями, чье функционирование похоже на параллельную обработку задач. Фирмам, столкнувшимся с превосходящей производительностью удаленных конкурентов легко обвинять в недостатках местные или национальные рыночные факторы, но когда производитель премиум-класса находится на соседней улице, сделать это становится невозможно. С помощью наблюдений, обсуждений и сравнений разнородных решений,

8 кластерные фирмы вовлекаются в процесс непрерывных улучшений, от которых зависит их выживание. Перспективные направления, обнаруженные одной фирмой, становятся доступными для других, даже не попадая в сферу общественного достояния [18]. В табл. 1 представлена сравнительная характеристика кластерной и сетевой организации рынка.

Таблица 1

Сравнительная характеристика кластерной и сетевой организации рынка

Сетевая организация рынка	Кластерная организация рынка
Институциональное соглашение	Институциональное окружение
Фирмы как акционеры	Фирмы как игроки
Сильные связи	Слабые связи
Клубные институты	Социальные институты
Доверие, невозмещаемые издержки	Социальное доверие, репутация
Кодексы	Социальные кодексы

Таким образом, многие конкурирующие научные школы, изучающие промышленные кластеры, имеют по крайней мере одну общую черту: все они согласны с тем, что кластеры представляют собой явления реальной жизни, характеризующиеся совместной локализацией отдельных экономических субъектов, которые в некотором смысле связаны между собой, но не объединены какой-либо общей собственностью или управлением, поэтому они не являются иерархическими структурами.

Тем не менее, обычно считается само собой разумеющимся, что кластеры, почти независимо от того, как они определены, исключают «раздутую середину» различных гибридных «форм долгосрочных контрактов, взаимной торговли, регулирования, франчайзинга и тому подобного, находясь где-то между иерархиями и рынками. Возможно, это фундаментальное предположение было бы справедливо, если бы рынки можно было свести к обмену имущественными правами, между «большим количеством ценополучающих анонимных покупателей и продавцов, обладающих идеальной информацией», как их обычно представляют в обычной экономике. Изначально неоклассическая теория цен привлекала к себе внимание в том числе и тем, что она обещала способ анализа экономики в целом и рыночного обмена, в частности, независимо от конкретных институциональных установок.

Однако, введение понятия транзакционных издержек, которые являются не просто вознаграждением для посредников, неизбежно приводит к появлению сравнительного институционального анализа и к восприятию рынков как институтов со своими специфическими характеристиками. Некоторые наборы характеристик настолько распространены, что они представляют собой определенную организацию рынка или форму рынка. Кластер является одной из таких специфических рыночных организаций, структурированных по территориальным линиям, поскольку это позволяет создать набор институтов, приносящих пользу для определенных видов экономической деятельности.

Основные результаты исследования систематизированы в табл. 2.

Таблица 2

Сравнительные преимущества рыночной организации

Условия в отрасли Экономические выгоды	Высокая степень неопределенности	Низкая или средняя степень неопределенности
Создание знаний	Кластеры проектных отношений	Сети
Ресурсоэффективность	Кластеры гибких отношений	

Заключение

Кластеры – это рынки, на которых товары, услуги и знания торгуются особенно эффективным образом среди инсайдеров, не ограничивая их возможности строить магистрали и взаимодействовать с поставщиками и заказчиками, расположенными в других местах. Институты, характерные для данной формы рынка, помогают создать среди инсайдеров среду, которая уменьшает препятствия для приобретения и использования знаний, созданных или используемых локально.

В результате проведенного исследования кластера как формы организации рынка можно сделать следующие выводы:

1) рынки организуются фирмами, стремящимися сократить транзакционные издержки с целью увеличения выгоды их рыночных отношений, в частности это касается создания знаний и ресурсоэффективности;

2) фирмы склонны выбирать создание сети, если набор основных поставщиков и клиентов является достаточно стабильным, в ином случае фирмы выбирают стратегии совместно локализованных кластеров;

3) кластеризация снижает риски волатильности спроса, так как позволяет устанавливать более стабильные отношения с контрагентами;

4) существуют две основные причины создания кластеров: экономическая деятельность в рамках проектных экспериментов, где кластеры представляют собой организацию конкурентного рынка для создания знаний в условиях неопределенного спроса, и деятельность на крайне волатильных и непредсказуемых рынках,

где кластеризация может обеспечить форму конкурентного рынка для повышения ресурсоэффективности посредством гибкости и адаптивности.

5) кластерные институты могут повышать эффективность создания и передачи знаний между фирмами при взаимодействии с поставщиками и клиентами по вертикальной цепочке создания стоимости; а также в горизонтальном измерении, путем обучения среди соперников и конкурентов.

Список литературы:

- [1] Кассюра Е.В. Маркетинговые стратегии управления спросом на инновационную продукцию в цепочке создания потребительской ценности / Дисс. ... канд. экон. наук. – СПб., 2017. – 201 с.
- [2] Куценко Е.С. Кластеры в экономике // *Обозреватель–Observer*. – 2010, № 3. – С. 99–110.
- [3] Родионов Д.Г., Афанасов А.Ю., Горовой А.А. Зарубежный опыт формирования и реализации региональной кластерной политики // *Мир экономики и права*. – 2014, № 6. – С. 4–16.
- [4] Родионов Д.Г., Афанасов А.Ю., Горовой А.А. Региональная кластерная политика в контексте управления развитием региональной экономики // *Мир экономики и права*. – 2014, № 4–5. – С. 18–30.
- [5] Родионов Д.Г., Афанасов А.Ю., Горовой А.А. Роль региональной кластерной политики в обеспечении процессов инновационной модернизации российской социально-экономической системы // *Мир экономики и права*. – 2014, № 3. – С. 38–42.
- [6] Харламова Т.Л. Инновационно-сетевая форма развития кластеров мегаполиса // *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки*. – 2012, № 1 (139). – С. 80–86.
- [7] Bathelt H., Malmberg A., Maskell P. Clusters and knowledge: local buzz, global pipelines and the process of knowledge creation // *Progress in human geography*. V. 28. – 2004, № 1. – P. 31–56.
- [8] Bellandi M., De Propriis L., Santini E. Endogenous Rerouting and Longevity in Systemic Organisations of Production // *Agglomeration and Firm Performance*. – Springer, Cham, 2018. – P. 207–221.
- [9] Bowles S. Endogenous preferences: The cultural consequences of markets and other economic institutions // *Journal of economic literature*. V. 36. – 1998, № 1. – P. 75–111.
- [10] Coase R.H. The institutional structure of production // *The American Economic Review*. V. 82. – 1992, № 4. – P. 713–719.
- [11] Davies A., Brady T. Organisational capabilities and learning in complex product systems: towards repeatable solutions // *Research policy*. V. 29. – 2000, № 7–8. – P. 931–953.
- [12] Field J. *Social capital*. – Routledge, 2016.
- [13] Hennart J.F., Park Y.R. Greenfield vs. acquisition: The strategy of Japanese investors in the United States // *Management science*. V. 39. – 1993, № 9. – P. 1054–1070.
- [14] Kudryavtseva T., Rodionov D., Kravchenko V., Maryta V. Special economic zones as an instrument of industrial policy pharmaceutical clusters in Russia // *Proceedings of the 28th International Business Information Management Association Conference – Vision 2020: Innovation Management, Development Sustainability, and Competitive Economic Growth*. – 2016. – P. 1008–1018.
- [15] Loasby B.J. Organisational capabilities and interfirm relations // *Metroeconomica*. V. 45. – 1994, № 3. – P. 248–265.
- [16] Lundvall B., Gregerson B., Johnson B., Lorenz E. *Innovation System and Economic Development*. – Aalborg University, University of Nice. – 2011, June. – P. 2.
- [17] Maskell P. The theory of the firm in economic geography: or why all theories of the firm are not equally well suited for application within the conversation on space // *Economic Geography*. – 2001, № 77(4). – P. 329–344.
- [18] Pande P.C., Mansfield T.A. Responses of winter barley to SO₂ and NO₂ alone and in combination // *Environmental Pollution Series A, Ecological and Biological*. V. 39. – 1985, № 3. – P. 281–291.
- [19] Popov E.V., Simonova V.L., Kazakova D. M. Investigation of Institutional Clustering: Empirical Evidence 1 // *Montenegrin Journal of Economics*. V. 12. – 2016, № 1. – P. 65.
- [20] Rodionov D.G., Kudryavtseva T.J. Factors of the effective development of the St. Petersburg instrument engineering cluster // *International Journal of Economics and Financial Issues*. V. 6. – 2016, № 2S. – P. 298–306.
- [21] Timsit J.P. et al. The effect of market-pull vs. resource-push orientation on performance when entering new markets // *Journal of Business Research*. V. 68. – 2015, № 9. – P. 2005–2014.
- [22] Williamson O.E. *Contract, Governance and Transaction Cost Economics*. – New Jersey: World Scientific, 2017. – 207 p.

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 94(47).084

ББК 63.3(2)6–4

В.С. Брачев

ЖИЗНЬ И СУДЬБА ИСТОРИКА: КОНСТАНТИН ВИЛЬГЕЛЬМОВИЧ НОТМАН (1901–1937)

Представлена первая в исторической литературе научная биография доцента Ленинградского университета и Ленинградского историко-лингвистического института Константина Вильгельмовича Нотмана. Рассмотрены основные вехи жизненного пути и научно-педагогической деятельности историка. Особое внимание уделено сложным отношениям К.В. Нотмана с руководством и партийной организацией ЛИЛИ, аресту и показаниям, данным им в ходе следствия по его делу.

Ключевые слова:

Константин Евгеньевич Нотман, Ленинградский университет, Ленинградский институт истории, философии и лингвистики (ЛИФЛИ), политические репрессии, советская историография 1920–1930-х гг., троцкистско-зиновьевская оппозиция.

Брачев В.С. Жизнь и судьба историка: Константин Вильгельмович Нотман (1901–1937) // Общество. Среда. Развитие. – 2018. № 3. – С. 10–13.

© Брачев Виктор Степанович – доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург; e-mail: V.Brachev@yandex.ru

По частоте упоминаний в источниках и исторической литературе второй половины 1920-х – середины 1930-х г.г. фамилия доцента Ленинградского университета и Ленинградского государственного историко-лингвистического института (ЛГИЛИ), с 1934 года Ленинградский институт истории, философии и лингвистики – ЛИФЛИ) К.В.Нотмана как одного из наиболее активных представителей троцкистско-зиновьевской оппозиции среди историков-партийцев Ленинграда занимает одно из первых мест. Однако о самом К.В. Нотмане практически ничего не известно. Восполнить на сегодняшний день существующую историографическую лакуну и призвана данная статья.

Родился Константин Вильгельмович 1 сентября 1901 года в немецкой колонии Людвигсталь Александровского уезда Екатеринославской губернии (ныне село Гончарики Днепропетровского района на Украине) в семье владельца сельской аптеки. Отец – немец, мать – русская. До 17 лет, т.е. до 1918 года, как мы узнаем из его собственного жизнеописания, жил «при отце», в школе практически не учился, хотя и сдал в 1912 году экстерном экзамен

за четыре класса гимназии. Осенью 1918 года добровольцем вступил в ряды Красной Армии и сражался на фронтах гражданской войны сначала в качестве красноармейца, а затем – политработника.

В 1921 году К.В. Нотман был командирован в Петроград на учебу в Военно-политический институт (позже академия) им. Толмачева, который он успешно окончил уже в январе 1922 года. Еще будучи курсантом института в порядке повышения своего образовательного уровня поступил в ноябре 1921 года на общественно-педагогическое отделение факультета общественных наук Петроградского университета. Закончил его Нотман в 1924 году. Вначале этого же года он вступает в партию, с чем, видимо, во многом и было связано его оставление при кафедре истории ВКП(б) и ленинизма, а так же оформления в должности младшего ассистента исторического кабинета Ямфака [7, л. 1–1об.]. Однако в дальнейшем, казалось бы, не так уж и плохо складывавшаяся, карьера К.В. Нотмана не задалась.

Дело в том, что в октябре 1927 года в рамках внутривнутрипартийной дискуссии в предверии XV съезда ВКП(б) (2–19 дека-

бря 1927 г.) он имел неосторожность поддержать так называемое троцкистско-зиновьевское «Заявление 73-х». Этого вполне хватало для того, что бы уже в декабре исключить новоявленного оппозиционера из партии. По тем временам это должно было навсегда поставить жирный крест на его дальнейшей научной карьере. Понимая это, К.В. Нотман тут же (январь 1928 г.) подает в парторганизацию ЛГУ свое заявление о пересмотре дела. И действительно, дело его было пересмотрено, причем для исправления было решено постановлением Ленинградского губернского комитета ВКП(б) направить его по согласованию с Новгородским губкомом на преподавательскую работу в г. Чудово. Зарекомендовал себя там Нотман хорошо, в результате чего уже в июне 1928 года был восстановлен в партии и вернулся в Ленинградский университет [1, л. 36]. Встретили его здесь приветливо, оформив в качестве старшего ассистента кафедры истории народов СССР эпохи промышленного капитализма. Более того, в декабре 1928 года правление Ленинградского университета даже делегировало его вместе с профессором Я.М. Захером [2, с. 41–45] на Всесоюзную конференцию историков-марксистов с правом совещательного голоса [7, л. 13].

С 15 апреля 1930 г. К.В. Нотман – доцент выделившегося из ЛГУ Ленинградского историко-лингвистического института. Никаких научных трудов к этому времени у него не было, с чем видимо и связано оформление его с 1 октября того же года в качестве аспиранта института [7, л. 43]. Научным руководителем его согласилась стать профессор А.И. Малышев [3, с. 36–41]. Тема, которую он предложил Нотману для научной разработки, – «Петроградский Трубочный завод в 1917 году» – была не только в духе того времени – история фабрик и заводов, но и вполне, казалось бы перспективной. Дело в том, что за годы войны Трубочный завод Главного артиллерийского управления, располагавшийся на Васильевском острове, благодаря военным заказам превратился в одно из крупнейших оборонных предприятий Петрограда, на котором трудилось до 20 тысяч рабочих, и изучение характера и степени вовлеченности их в революционные события представляло в научном плане для историков-марксистов немалый интерес.

Результаты работы Нотмана над этой темой изложены им в статье, опубликованной в 1932 году в журнале «Красная летопись» [6]. В центре внимания автора борьба большевистской партии с засильем

эсеров и меньшевиков в органах заводского самоуправления рабочих: в совете и местном комитете завода. Борьба эта, как показывает К.В. Нотман, завершилась 13 октября 1917 года убедительной победой большевиков на выборах в заводской комитет. К этому времени, отмечает он, Трубочный завод «стал большевистским заводом», в распоряжении заводского комитета которого был отряд красногвардейцев, насчитывавший в своих рядах более 600 человек [6, с. 250].

В 1933 году К.В. Нотман принял участие в разработке истории Ижорского завода и подготовил статью «Ижорский завод в Февральской революции 1917 года» для 2-го тома истории этого предприятия, так и оставшуюся, к сожалению, в рукописи.

Как видим, особой продуктивностью в научном плане К.В. Нотман не отличался. И дело тут, по нашему мнению, не только в отсутствии большого интереса к науке у него самого, но еще и в сложившейся в ЛИЛИ вокруг него как бывшего оппозиционера атмосфере недоверия и недоброжелательства. Свидетельство тому – заявление директора института Я.К. Пальвадре [4], секретаря парторганизации Доненко и рядового, так сказать, партийца Ивана Егорова, поступившее в начале 1931 года в Василеостровский районный комитет партии, в котором они сигнализировали о наличии в институте группы лиц, связанных с только что осужденной ЦК антипартийной группой С.И. Сырцова (1893–1937) – В.В. Ломинадзе (1897–1935).

Дело в том, что среди названных авторами этого заявления членов т.н. антипартийной группы в институте наряду с литературоведом Георгием Горбачевым, историком Михаилом Цвибаком, Николаем Васильевым, Алексеем Ивановым значилась и фамилия Константина Нотмана [1, л. 43], что грозило ему большими неприятностями. Что касается сути заявления, то она заключалась в том, что по сведениям Я.К. Пальвадре и его коллег, профессор института Г.Е. Горбачев, якобы получил от С.И. Сырцова деньги на фракционную работу. Дело было серьезное. Однако при рассмотрении его в контрольной комиссии Василеостровского райкома партии выяснилось, что деньги в сумме 5 тысяч рублей были переданы не на фракционную работу, а на финансовую поддержку марксистского литературного журнала «На посту». Что касается других лиц, названных в заявлении, в том числе и К.В. Нотмана, то они никакого отношения к этому эпизоду, как выяснилось, не имели [1, л. 44].

Однако совсем выйти сухими из воды К.В. Нотману и другим фигурантам «заявления» не удалось, т.к. явно неудовлетворенный таким исходом дела Я.К. Пальвадр выступил с новым обвинением в их адрес, сообщив о неких антипартийных разговорах, которые они вели в связи с новыми назначениями в ЦК. В результате, по крайней мере, для Нотмана дело это в партийном порядке закончилось «поставлением на вид», или иначе говоря, простым предупреждением.

Однако партийная репутация его была явно подмочена, и желая поправить ее, К.В. Нотман решился на, прямо сказать, весьма рискованный шаг. Воспользовавшись письмом И.В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма», только что напечатанном в № 6 журнала «Пролетарская революция» за 1931 год с призывом вождя к коммунистам усилить борьбу с правым и левым оппортунизмом и «заострить внимание против троцкистских и всяких иных фальсификаторов истории нашей партии, систематически срывающей с них маски» [5, с. 12], он на собрании в Ленинградском отделении Коммунистической академии взял да и обвинил в оппортунизме и примиренчестве тогдашних руководителей «марксистского исторического фронта» в Ленинграде С.Г. Томсингов и А.И. Малышева. Последний, заметим, был научным руководителем К.В. Нотмана по аспирантуре ЛИЛИ.

На что рассчитывал Нотман, сказать сегодня трудно. Но, как и следовало того ожидать, поддержки у товарищей партийцев он не получил, а ему самому тут же было указано на недопустимость такого рода обвинений по отношению к руководящим товарищам. Само же его выступление было расценено как «левацкий заскок» [1, л. 41]. Более того, через несколько дней уже на собрании в самом институте «меня, – обижено отмечал в последствии К.В. Нотман, – обвинили в примиренческом отношении к Цвибаку за мой отказ выступить против него с обвинением в троцкистской контрабанде. Вопрос этот рассматривался в контрольной комиссии Василеостровского райкома, где мне был вынесен выговор. Через три месяца выговор по моему заявлению был заменен постановлением на вид. В связи с этим меня сняли с руководства кафедрой истории в Комвузе и объявили досрочно закончившим аспирантуру в институте» [1, л. 14].

Основным местом работы для К.В. Нотмана в результате всех этих передряг становится с 1932 года Военно-Политическая

академия им. Толмачева, для слушателей которой им были подготовлены два учебных пособия, напечатанные на ротационте на правах рукописи. Одно – по внешней и внутренней политике России середины и второй половины 18 века, другое – по внешней политике царизма конца XVIII – нач. XIX веков [7, л. 29]. Некоторое упрочение положения Нотмана в сообществе ленинградских историков-марксистов намечилось лишь к началу 1934 года, когда он был восстановлен в качестве доцента ЛИФЛИ. Здесь ему было поручено чтение лекций по истории России XIX–XX веков на I курсе истфака и ведение спецсеминара по Февральской революции 1917 года на 3 курсе [7, л. 50об.].

Проживал К.В. Нотман вместе с женой, детьми и престарелой матерью на Васильевском острове, 5 линия, дом 54, кв. 22. Жена – Войтоловская Ада Львовна, 23-х лет, аспирантка ЛИФЛИ. В семье было двое детей: сын Андрей, 4 года, и дочь Полина, 2 года. Брат Михаил служил в Красной Армии, а три сестры жили на Украине [1, л. 30].

Беда, как это часто бывает, пришла неожиданно. 1 декабря 1934 года был убит С.М. Киров, а уже 17 января 1935 года К.В. Нотман как предполагаемый участник контрреволюционной террористической троцкистско-зиновьевской организации в Ленинграде был арестован. Ничего компрометирующего Нотмана в этом плане, кроме поддержки им в 1927 году злополучного «заявления 73-х» и приятельских отношений с «троцкистом» М.М. Цвибаком, у следователей на него, впрочем, не было. Этим, скорее всего, и объясняется очевидная вялость следственных действий в отношении К.В. Нотмана: всего 3 допроса (27, 31 января и 6 февраля 1935 года). Проводил допросы начальник 1 отделения Секретно-политического отдела Коган.

«С кем из зиновьевцев Вы поддерживали связи до последнего времени», – поинтересовался он у К.В. Нотмана на первом допросе.

И получил ответ: «<...> После восстановления меня в партии я порвал с зиновьевской оппозицией. Сохранил личные отношения с некоторыми из бывших зиновьевцев: Яковлев Моисей (до осени 1929 г.), Горбачев Г.Е., Цвибак, а в 1930 или 1931 годах я познакомился с Гайдовой З.Н., которую до этого не знал. К 1932 году все связи свои с перечисленными лицами я прервал.

Вопрос. Сообщите о характере своих связей с перечисленными зиновьевцами.

Ответ. В 1928 году я вернулся к работе в университете. К этому времени там работали знакомые мне по фракционной работе Яковлев и Горбачев. <....>. Впоследствии из Ташкента вернулся М.М. Цвибак, который был направлен на работу в университет. К 1930 или 1931 году на должность заведующего учебной частью ЛИФЛИ была назначена Гайдерова З.И. <...> Кроме того, я был в личных товарищеских отношениях с Цвибаком. Несколько раз бывал на квартирах у Горбачева на Малой Зеленина, д. 54А, у Гайдеровой» [1, л. 36–37].

Допрос 31 января 1935 года характерен попыткой следствия использовать в своих целях так называемые партийные дела К.В. Нотмана 1931–1932 гг. «Следствие располагает, – заявил Нотману следователь, – что в 1931 году контрольная комиссия Василеостровского райкома партии рассматривала вопрос об антипартийной группировке в Ленинграде в Историко-лингвистическом институте. По этому делу привлекались и Вы. Сообщите следствию о характере этой группировки».

Никаких пояснений Когану на его провокационный вопрос К.В. Нотман делать не стал, ограничившись сухим изложением, уже известных нам сути и результатов рассмотрения этого дела Василеостровским райкомом ВКП(б) [1, л. 40–71].

Явно неудовлетворенный этим Коган на допросе 6 февраля 1935 года вновь попытался развить тему связи К.В. Нотмана с оппозиционерами. «Следствие располагает данными, – заявил он, – подтвержденными Вашими показаниями от 31.01 1935

года, что в университете существовала группировка через Горбачева связанная с группой Сырцова–Ломинадзе. Уточните Ваши показания в этой части».

«Как я показывал 31.01, – отвечал на это К.В. Нотман, – в 1931 году на заседании контрольной комиссии Василеостровского района ВКП(б) рассматривался вопрос об этой группировке. На этом заседании выяснилось, что ни я, ни другие привлекаемые по этому делу связи с группой Сырцова–Ламинадзе не имели» [1, л. 44].

8 февраля 1935 года дело К.В. Нотмана и бывшего директора Колпинского кирпичного завода Петра Николаевича Александрова было выделено в особое производство и направлено вместе с обвиняемыми в Москву в распоряжение начальника Секретно-политического отдела Главного управления государственной безопасности Народного комиссариата внутренних дел СССР Молчанова. Постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 10 февраля 1935 года за принадлежность к «контрреволюционной троцкистско-зиновьевской группе» К.В. Нотман был приговорен к заключению в концлагерь сроком на 5 лет со дня ареста и отправлен на Дальний Восток [1, л. 52]. Но оставлять в живых бывших оппозиционеров, как вскоре выяснилось, власть не собиралась. 11 октября 1937 года К.В. Нотман как «бывший троцкист» постановлением особой тройки управления НКВД Дальневосточного края был приговорен к высшей мере наказания – расстрелу. 26 октября 1937 года приговор был приведен в исполнение [1, л. 87].

Список литературы:

- [1] Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. – Д. П-14079 (По обвинению Александрова П.Н. и Нотмана К.В., 1935).
- [2] Брачев В.С. «Дело» Я.М. Захера // Общество. Среда. Развитие. – 2012, № 2. – С. 41–45.
- [3] Брачев В.С. Историк Александр Ильич Мальшев (1902–1936) // Общество. Среда. Развитие. – 2015, № 2. – С. 36–41.
- [4] Брачев В.С. Профессор – большевик Яков Карлович Пальвадр // Общество. Среда. Развитие. – 2014, № 3. – С. 37–42.
- [5] Сталин И. О некоторых вопросах истории большевизма. Письмо в редакцию ж. «Пролетарская революция. 14 год диктатуры пролетариата». – М. – 1931, № 6(111).
- [6] Трубочный завод на Октябрьских путях (Очерк) // Красная летопись. – Л., 1932, № 5–6 (50–51). – С. 241–255.
- [7] Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). – Ф. 328 (ЛИФЛИ). Оп. 2. Д. 1167.

АЛЕКСАНДРО-НЕВСКИЙ СОБОР – ГЛАВНЫЙ СОБОР КАВКАЗСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

Раскрывается краткая история Александро-Невского военного собора. Главный священник Кавказской Армии протоиерей С. Гумилевский в 1864 году в записке на имя Наместника Кавказа обосновал необходимость постройки собора. Наместник Кавказа Великий князь Михаил Николаевич с особенным вниманием отнесся к заявлению протоиерея Гумилевского, так как построение собора с самых первых дней наместничества Великого князя было его личным заветным желанием, причем им было указано и место построения храма – Гунибская площадь, и чтобы храм этот, предназначаясь для богослужений, в то же время был памятником славного окончания Кавказской войны. Приводятся архивные сведения о причте храма, которые впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова:

Александро-Невский военный собор, алтарь, Главный священник Кавказской Армии, диакон, икона, Кавказский военный округ, крепость, псаломщик, престольный праздник, армия, священник, Тифлис.

Котков В.М., Коткова Ю.В. Александро-Невский собор – главный собор Кавказского военного округа // Общество. Среда. Развитие. – 2018, № 3. – С. 14–23.

© Котков Вячеслав Михайлович – доктор педагогических наук, профессор, Военная академия связи имени Маршала Советского Союза С.М. Будённого, Санкт-Петербург; e-mail: k.julia@mail.ru

© Коткова Юлия Вячеславовна – кандидат педагогических наук, преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет, член Союза журналистов РФ, Санкт-Петербург; e-mail: k.julia@mail.ru

Прежде чем рассказывать о самом Александро-Невском военном соборе, следует отметить, что среди военных округов Российской империи Кавказский военный округ занимал особое место как по размерам (7 губерний – Тифлисская, Кутаисская, Эриванская, Елисаветпольская, Бакинская, Черноморская, Ставропольская, а также 4 области – Терская, Карсская, Батумская, Дагестанская), так и по стратегическому положению. Не случайно командование войсками поручалось Великим князьям, наместникам Кавказа. Также не случайно, что в этом крайнем округе, где местное население были мусульманами, большое внимание командованием округа, соединений и частей уделялось патриотическому, духовно-нравственному воспитанию военнослужащих, а также строительству военных храмов. Так, только в Тифлисе (Тбилиси) имелось восемь храмов: 1. Александро-Невский военный собор; 2. Николаевский военный собор; 3. Церковь Тифлисского военного госпиталя; 4. Церковь Тифлисского военного училища; 5. Церковь 15-го гренадерского Тифлисского полка; 6. Церковь 16-го гренадерского Мингрельского полка; 7. Церковь 17-го драгунского Нижегородского полка; 8. Церковь 5-го Кубанского пластунского батальона. Важнейший из них – собор святого благоверного князя Александра Невского (престольный праздник 12 сентября (30 августа)) [5, с. 39]. Построен собор

в 1897 году по проекту инженера Герасимова. Располагался в центре города, по Головинскому проспекту, на Гунибской площади. Освящен 3 июня 1897 года.

Главный священник Кавказской Армии протоиерей С. Гумилевский в 1864 году подал на имя наместника Кавказа записку, в которой, указывая на тесноту существовавшей временной церкви, просил о постройке более просторного храма в верхней части Александровского сада. Его Высочество наместник Кавказа Великий князь Михаил Николаевич с особенным вниманием отнесся к заявлению протоиерея Гумилевского, так как построение собора с самых первых дней наместничества Великого князя было его личным заветным желанием, причем им было указано и место построения храма – Гунибская площадь, и чтобы храм, предназначаясь для богослужений, в то же время был памятником славного окончания Кавказской войны [5, с. 39].

Военный собор в Тифлисе был окончен наружной постройкой, произошло освящение и водружение крестов. Оставалась лишь внутренняя отделка. На сооружение собора назначено было 380 тысяч рублей «по инженерной смете военного министерства» [1, с. 193].

Священник Константин Красовский в журнале «Разведчик» 1(13) июля 1897 года в статье «Новый собор войск Кавказского военного округа в г. Тифлисе» писал:

«Торжественное освящение храма состоялось 3 июня 1897 года. Соборный храм войск Кавказского военного округа во имя святого благоверного великого князя Александра Невского обязан своим существованием бывшему наместнику Кавказа и Главнокомандующему Кавказскою армиею Его Императорского Высочества Великому Князю Михаилу Николаевичу, и в позднейшее время, – почившему начальнику нашего края, С.А. Шереметеву.

Место для постройки храма было указано Его Императорским Высочеством на Гунибской площади. В силу особенного значения храма признавалось необходимым придать ему возможную грандиозность и великолепие. По утвержденной программе храм должен был вмещать до 2 тысяч молящихся и стоить от 300 до 500 тысяч рублей. К 14 мая 1866 года были представлены на конкурс 16 проектов. Первая премия в 2 тысячи рублей, досталась академику Шретеру и классному художнику Гунну. Вторую, в 800 руб., получили профессор Гримм и Гедикэ. Проект последних и был по приказанию Его Высочества принят к выполнению, как более пригодный по своей меньшей стоимости, хотя и много уступающий по величию и красоте великолепному проекту Шретера.

29 апреля 1871 года состоялась торжественная закладка собора и приступлено к устройству фундаментов. На эти работы был употреблен церковный капитал, возросший, вследствие открытия по Империи добровольной подписки, вместе с 15 000 рублей, пожертвованными Его Императорским Величеством Александром II, до 95 344 руб. 86 коп. Работы производились подрядным способом под наблюдением архитектора Зальцмана. Ассигнование из государственного казначейства сумм на сооружение храма вызвало продолжительную переписку, так что только с 1876 г. состоялось постановление Государственного Совета об отпуске на 1876 г. 85 000 руб., в 1877 г. еще 85 000 руб., а с 1878 г. в продолжение 13 лет по 61 000 руб. В 1876 г. образована была под председательством начальника инженеров особая Комиссия по постройке собора; член комиссии – Зальцман назначен строителем. Но и на этот раз не суждено было окончить дело, которое, по-видимому, близилось к осуществлению. Вскоре работы были приостановлены, и сооружение храма ограничилось заложением фундаментов.

Приготовление к войне с Турцией, а потом и сама война надолго отвлекли внимание администрации от дела постройки, а вызванное войною крайнее напряжение

государственных финансов воспрепятствовало привести к концу начатое Его Высочеством дело.

Только в 1889 г. оказалось возможным асигновать на постройку собора, по упрощенной и измененной смете, 380 000 руб. Осенью того же года произведена разведка грунта на Гунибской площади бурением. В 1890 г. утверждены сметы на работы и объявлены торги. Хотя последние не состоялись, но 28 октября начаты земляные работы.

26 апреля 1891 года окончилось устройство оснований и фундаментов на новом месте, так как прежние не подходили к измененному проекту. Тогда же Главным Священником Кавказской армии протоиереем Стефаном Гумилевским соборные с причтом Николаевского собора, в присутствии местных властей и генералитета, с Его Сиятельством графом Татищевым во главе, было освящено начало работ. Так как ни одни последующие торги не состоялись, то сооружение храма производилось все время комиссионным способом, под непосредственным заведыванием инженер-полковника Герасимова. Место постройки храма – Гунибская площадь, – ранее занятое зданиями арсенала, по перенесении последнего за Куру, представляло собою пустырь, на котором городскими рабочими нередко производилась разбивка камня в щебень, иногда строились балаганы. Название «Гунибской» площадь получила в память пленения Шамиля в ауле Гуниб. Она занимает пространство в 1 десятину (40×60 саж.). Существовавший до постройки значительный уклон вывозного 4 тыс. куб. саж. земли почти уничтожен. Хотя сокращение сметы и упрощение первоначального проекта храма не могли, конечно, не отразиться невыгодно на красоте и величественности сооружения, но в настоящем своем виде вновь воздвигнутый храм производит весьма выгодное впечатление: представляя собою величественный образец византийского зодчества, он является одним из лучших украшений города. Архитектурные линии храма очень просты. Центральная часть представляет правильный квадрат, получающий вид равноконечного креста посредством присоединения 4-х приделов. Эти приделы заканчиваются полукупольными покрытиями, прилегающими к центральной части храма, составляя его продолжение. Между собою приделы связываются 4-мя абсидами, составляющими углы здания. Выше полукупольных покрытий храм завершается 16-ти гранным снаружи куполом. Вышина храма, снаружи 18 сажень; внутри же до свода купола – 13 сажень и аршин. Дли-

на и ширина в основании цоколя по каждой стороне – 14 сажен 2 аршина. Ширина главного нефа внутри и диаметр главного купола – 19 аршин.

Камень для кладки употреблен преимущественно местных пород. Фундамент сложен из бетона и частью из сололакского камня; кирпичные стены облицованы кутаисским (розовым) и дзегамским (белым) камнем. Боковые помещения около колокольни и все подпорные стены кругом площади сложены из сололакского камня с облицовкою белым дзегамским и мозаикою из дзегамского камня. Колокольня построена из кирпича с такою же облицовкою, как и самый храм. Все рельефные орнаменты в виде крестов, бордюров около окон, а также резная арка кругом портала сделаны из кутаисского серого камня. Из того же камня сложена лестница, ведущая в храм. Купола изготовлены из железа и сооружены по системе Шведлера. Крыша крыта медью (20 ф. в листе). Кресты на куполах храма и колокольне бронзовые, золоченые через огонь, византийского стиля. Они водружены на таких же шапках. Четырехъярусная колокольня снабжена полным звоном колоколов, общий вес которых – около 600 пудов. Со стороны Головинского проспекта и Ермоловской и Гимназической улиц площадь храма окружена железной оградой; в ней трое ворот, снабженных электрическими фонарями. Против средних ворот на стене храма в амбразуре, вставлен образ св. благоверного великого князя Александра Невского, с неугасимою пред ним лампадою золоченой бронзы в форме царской короны. Надпись гласит, что она сооружена в память Царя-Освободителя. Над входом в храм находится образ благословляющего Спасителя. Вокруг храма о боевых подвигах победоносного русского воинства напоминают 6 арматур из орудий, отбитых у неприятеля. Врытые наполовину орудия поставлены около храма и по ограде, около ворот. Постановкою их отчасти исполнено желание Императора Николая I – обнести оградой из неприятельских орудий имеющий быть построенным военный собор. Площадь ограды утрамбована, а для ходьбы к храму и колокольне проложены широкие асфальтовые панели. Около храма со стороны Головинского проспекта разбит сквер.

Вход в храм один, если не считать входа в ризницу и алтарь, предназначенного для священнослужителей и входа в подвальный этаж храма. Предписываемое уставом православной церкви обращение алтаря на восток принудило единственный вход в храм устроить на стороне, противоположной

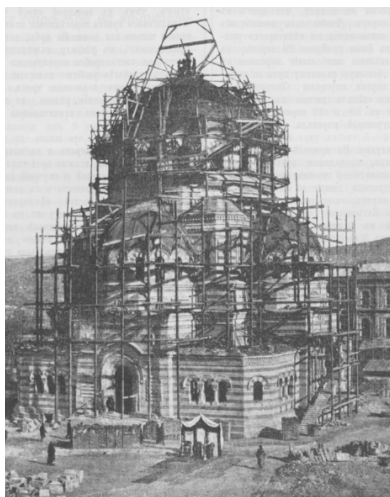
ложной входу в ограду храма, так что прежде чем достигнуть его, нужно обойти весь храм. Притвора в храме нет: его заменяет внутренний тамбур, имеющий три входные двери.

Через 81 окно внутри храма льются волны света. Резкость его смягчается матовыми стенами. Это обилие света, мягкость тонов живописи и орнаментовки, гармонирующий с ними колорит стен и мраморного пола производят приятное впечатление. Живописные работы исполнены художниками Колчиным и Лонго частью по собственным композициям, но преимущественно по художественным образцам Московского храма Христа Спасителя и Киевского Владимирского собора. Вся же орнаментовка, и притом весьма интересная, – произведена по оригинальным эскизам строителя собора инженер-полковника Герасимова. В пролете алтарной арки, во всю ширину главного нефа поставлен иконостас, одноярусный, мраморный, местами позолоченный, работы местной художественной мастерской Андреолетти. Он покрыт резным мраморным же орнаментом по матовому фону, с полированными поверхностями выдающихся частей. Царские врата ажурной работы оригинального византийского стиля изготовлены из массивной золоченой бронзы в Московской мастерской Постникова. В верхней части их помещены два образа, составляющие при створе изображение Благовещения; ниже в ряд идут 4 изображения евангелистов. Тою же фирмою доставлены и все иконы в иконостас как главного придела, так и двух боковых. Все они на цинковых досках, писаны по золотому фону. В большинстве они представляют подражание произведениям Васнецова, Бруни и др. художников.

Солея, возвышающаяся над полом на 3 ступени, заканчивается по бокам двумя клиросами. Как солея, так и балюстрады клиросов из белого мрамора. К балюстрадам прикреплены две изящной формы металлические хоругви, работы той же фирмы Постникова. Между иконостасом главного алтаря и боковых приделов приклонены к внутренней стороне подпружных арок 2 иконы престольных храмовых праздников: св. архистратига Михаила и Св. Николая чудотворца. Обе они в мраморных киотах. В боковых приделах иконостасы представляют подобие главного и совершенно тождественны между собою. Различие лишь в иконах.

В южном приделе металлические хоругви, а в северном шитые золотом по бархату.

Стены главного нефа, как и всего храма, покрыты живописными изображениями

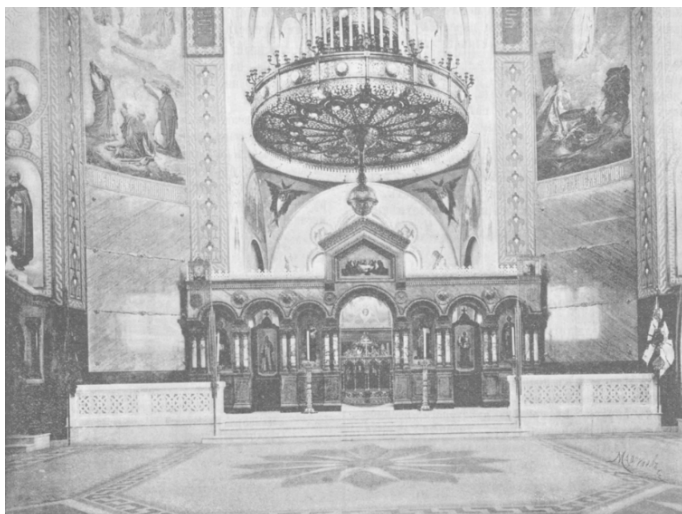

Строительство собора святого благоверного князя Александра Невского, Тифлис

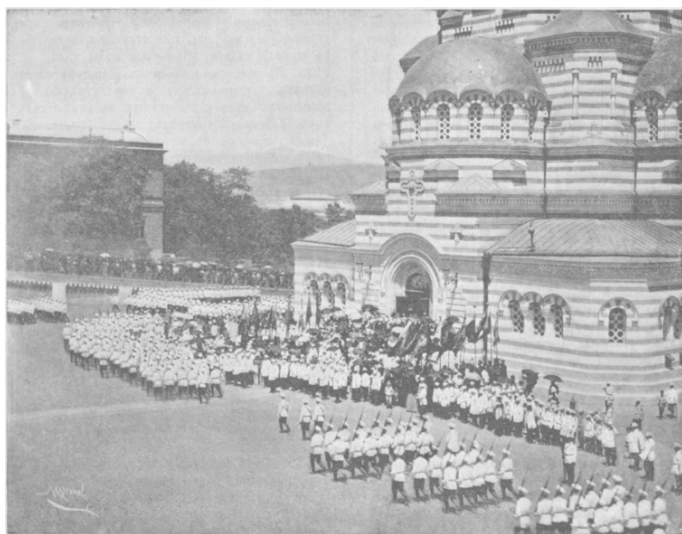

Собор святого благоверного князя Александра Невского

Внутренний вид собора святого благоверного князя Александра Невского

Парад после освящения собора святого благоверного князя Александра Невского, 3 июня 1897 года

ями и орнаментами. В куполе находится изображение Господа Саваофа (композиции художника Колчина). В 16 простенках между окнами купола написаны апостолы и св. ветхозаветные мужи. По внутренней стороне большого барабана идет вязаный орнамент с 8 медальонами, из которых в 4-х находятся изображения Христа в терновом венце, Божией Матери, Иосифа аримафейского и Марии Магдалины. Изображения Господа Саваофа, Христа, Богоматери – композиции художника Колчина; изображения апостолов – копии с Крамского, св. Иосифа – копия с Сорокина, Марии Магдалины – подражание Васнецову.

В 4-х больших парусах, составляющих переход от свода к пилонам, находятся изображения 4-х евангелистов – подражание художнику Сорокину в храме Христа Спасителя. Внешние щечковые плоскости подпружных арок покрыты надписями из слов Св. Писания. На предалтарной арке начертаны слова Спасителя, так идущие к этому храму, памятнику самоотверженной любви героя-воина к тем и тому, за что он полагал в былые дни жизнь свою: “Больше сея любви никто же имеет, да кто душу свою положит за други своя”.

Отопление храма, центральное воздушное низкого давления, производится посредством водогрейного котла, находящегося, как и вся система отопления, в подвальном этаже храма. С помощью особых приспособлений можно во всякую пору регулировать и температуру, и приток воздуха в храме. Водоснабжение устроено из городского водопровода. Из старого собора перенесено в новый несколько замечательных вещей. Таковы:

1) Икона явления Богоматери со св. апостолами преподобному Сергию Радонежскому чудотворцу, старинной живописной работы в бронзовом киоте с серебряными украшениями. Внизу киота подпись: “Сия икона пожертвована Его Императорским Величеством Государем Императором Всея России в победоносную Кавказскую армию, как знак непреложного Монаршего благословения на славное ополчение армии под главным командованием Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Николаевича, наместника Кавказского против врага, Турции, в 1877 году”.

2) Ковчег из яшмы прислан Государем Императором Александром II Его Императорскому Высочеству Великому Князю Михаилу Николаевичу, наместнику Кавказскому в дар новому собору Кавказской армии.

3) Сосуд сребро-позлащенный пожалован в собор Его Императорским Высочеством Цесаревичем Александром Нико-

лаевичем в память посещения им Закавказского края в 1850 году; к нему дискос, звезда, две тарелочки, копия, ложка и ковш – сребро-позлащенные.

4) Небольшой серебряный крест вложенный в деревянный вызолоченный. Внутри креста находится: часть древа креста Господня и части мощей; Иоанна Предтечи, Игнатия Богоносца, Никифора исповедника, царя Константина, великомученика Димитрия, великомученика Георгия, великомученика Никиты, великомученика Федора Тирона и царицы Елены.

5) Св. Евангелие в лист, в бархатном переплете с серебряными рельефными символическими изображениями евангелистов на передней доске и с серебряным крестом посредине ее. Пожертвовано Наследником Цесаревичем Александром Николаевичем в память посещения им Кавказского края в 1850 году.

Кроме этих предметов, перешло в новый собор много разных икон, из них некоторые в ценных ризах и древние, ценные хоругви, шитые золотом по бархату, такая же плащаница и много ценной утвари» [2, с. 600–602].

Каким было состояние собора накануне Первой мировой войны? Подробный ответ на этот вопрос дает нам «Ведомость о Соборе, состоящем в ведомстве Протопресвитера военного и морского духовенства Тифлисского Николаевского военного Собора за 1914 год»:

«Собор построен 3 июня 1897 года на средства из Государственного казначейства во имя Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского в память подвигов русского воинства на Кавказе и умиротворения Кавказа.

Зданием Собор каменный, пятикупольный, византийского стиля.

Колокольня каменная, четырехъярусная, одного стиля с храмом.

Соборная площадь занимает одну десятину (40 Ч 60 саж.) и с трех сторон обнесена каменной стеною с невысокою железною решеткою наверху, а с передней стороны обнесена высокою железною решеткою с 3-мя такими же воротами.

Престолов в Соборе три: Главный в честь Св. Благоверного Великого Князя Александра Невского; в приделах: с правой стороны в честь Св. Архистратига Божия Михаила, а с левой – в честь Святителя Христова Николая Чудотворца.

Утварью церковною и ризницею Собор снабжен достаточно.

По штату при нем положены: Настоятель, два священника, диакон и два псаломщика.

Жалования положено: Настоятелю – 1632 рубля, двум священникам по 1080 руб., диакону 876 руб. и псаломщикам по 540 руб. в год.

Кружечных доходов за 1914 год получено: 1350 рублей.

Другие источники содержания членов причта и количество поступающего от них дохода: Капиталы причта: 1) Свидетельство Тифлиского отделения Государственного банка за № 439, 3% на 527 рублей, 4 билета Государственной Комиссии погашения долгов за №№ 51043, 44050, 44576 и 08120; 3 билета 4% каждый по 100 рублей = 300 рублей и один 3% на 200 рублей. Билеты и свидетельства на вечное время.

При Соборе имеются два каменных двухэтажных дома, построенных, первый в 1848 году, а второй в 1911 г., оба на церковные деньги. Первый в количестве 12.000 рублей, а второй – 43.890 руб. 23 коп. Первый состоит в ведении Инженерного ведомства в строительном и ремонтном отношении; второй в ведении Собора. В первом помещаются: Настоятель Собора и псаломщик, во втором – остальные члены причта.

Состояние домов: вполне удовлетворительное.

Расстоянием Сей Собор от Духовного Правления в 3479 верстах.

Ближайший к сему Собору церкви: Николаевский Тифлиский военный Собор.

Приписанных к Собору церквей, часовен – нет.

Опись церковному имуществу заведена в 1900 году, хранится в целости, проверена в 1904 году.

Приходо-расходные книги о суммах свечной и церковной за шнуром и печатью Духовного Правления даны 7 ноября 1912 года, ведутся исправно, хранятся в целости.

Копии с метрических книг хранятся в целости с 1827 года, по 1898 год Николаевского военного Собора, а с 1898 года Александро-Невского военного Собора.

В обыскной книге, выданной 13 января 1911 года, за шнуром и печатью, 32 писанных листов, 29 не писанных.

Исповедные росписи находятся в целости с 1843 года по 1898 год Николаевского военного Собора, а с 1898 года Александро-Невского военного Собора.

Книги, до церковного круга подлежащие имеются в достаточном количестве.

В церковной библиотеке находится книг для чтения предназначенных 147 томов.

Церковные деньги в целости за ключом старосты Собора и печатью церковною. Неподвижной суммы состоит в кредитных учреждениях 7186 руб. 27 коп., а билет на-

ходится в целости в конторе Государственного Банка, а книжка Сберегательной кассы – в несгораемом шкапе при Соборе.

В приходе школ не имеется.

При церкви состоит старостою церковным коллежский советник Василий Толмачев, который должность свою проходит с 13 июня 1904 года.

Преосвященный совершал Богослужения в 1914 году в Соборе во все Высочайшие, праздничные и случайные дни.

Подписи: Настоятель Собора Протоиерей Тимофей Веселовский.

Протоиерей Гавриил Кремянский, Протоиерей Иоанн Попов, Диакон Николай Украинцев, Псаломщик Стефан Стрижаков.

Ведомость о приходе.

В приходе: мужчин – 946 человек; женщин – 662 человека.

В том числе: военных – мужчин – 713 человек; женщин – 266 человек.

Духовных: мужчин – 13 человек; женщин – 16 человек.

Дворян: мужчин – 43 человека; женщин – 93 человека.

Мещан: мужчин – 56 человек; женщин – 112 человек.

Крестьян: мужчин – 121 человек; женщин 175 человек.

Итого: 946 мужчин и 662 женщины.

Подписи: Настоятель Собора Протоиерей Тимофей Веселовский.

Протоиерей Гавриил Кремянский, Протоиерей Иоанн Попов, Диакон Николай Украинцев, Псаломщик Стефан Стрижаков» [3, л. 2–3об.].

Архивные документы дают также подробные сведения о священно- и церковнослужителях, служивших в Соборе:

«Послужные списки священно-церковно-служителей с их семействами и церковных старост и сведения о вдовах и сиротах, подведомственных церкви.

Настоятель Собора протоиерей Тимофей Алексеевич Веселовский

Настоятель Собора протоиерей Тимофей Алексеевич Веселовский, имеет от роду 62 года. Происходит из духовного звания. Недвижимого имущества не имеет.

Награжден: орденом Св. Владимира 4-й степени; Св. Анны 2-й и 3-й степени; палицу; наперсный крест; камилавку; скуфью; набедреник; Крест Св. Нины; серебряную медаль в память Царствования Императора Александра III; таковую же медаль общества Красного Креста в память русско-японской войны и Юбилейную медаль в память 300-летия Царствования Дома Романовых.

Получает от казенного жалования с добавочными 2400 руб. в год.

Где получил образование; когда поступил на службу, в каких должностях и где проходил оную: Окончил курс учения в духовной семинарии по первому разряду. 11 июля 1874 года.

Рукоположен во священника. 30 июня 1876 года.

Был законоучителем местной сельской школы с 14 сентября 1876 года по 1886 год.

Был депутатом на окружном и епархиальном съездах с 23 ноября 1883 года по 1886 год.

Переведен в 5-й Закаспийский стрелковый батальон. 10 апреля 1887 года.

Переведен для пользы службы в 130-й пехотный Таманский полк. 27 декабря 1889 года.

Переведен для пользы службы в 16-й гренадерский Мингрельский полк. 1 марта 1891 года.

Утвержден в должности законоучителя Тифлисского женского железнодорожного училища. 14 декабря 1892 года.

Переведен к церкви Тифлисского военного госпиталя. 1895 год.

Был законоучителем Тифлиской 4-й мужской гимназии. 18 сентября 1905 года.

Назначен благочинным над церквями: 257-го Горийского и 264-го Лорийского резервных пехотных полков, Тифлисского военного госпиталя, Гомбарской военноместной церкви и Тифлисского Александро-Невского военного Собора с 10 августа 1901 года по 15 марта 1907 года.

Перемещен для пользы службы в Измайловскую военную Богадельню Императора Николая I. 8 февраля 1907 года.

Назначен Настоятелем Карского военнокрепостного Собора. 1 июня 1908 года.

Назначен Настоятелем Тифлисского Александро-Невского военного Собора. 29 июля 1908 года.

Назначен благочинным Тифлиских военных церквей. 4 января 1908 года.

Назначен наблюдающим за Бакинской портовой церковью и причтом. 31 августа 1909 года [3, л. 4об.].

В походах не был.

Взысканиям по суду не подвергался.

Вдов. Имеет сына Тимофея, родившегося 2 декабря 1888 года. Состоит учителем.

Ни с кем из членов причта в родстве не состоит.

Протоиерей Гавриил Стефанович Кремянский

Протоиерей Гавриил Стефанович Кремянский, 56 лет от роду. Происходит из ду-

ховного звания. Недвижимого имущества не имеет.

Награжден: орденом Св. Анны 3-й степени; золотым наперсным крестом из Кабинета Его Величества; камилавкою; скуфьею; набедренником и юбилейной медалью в память 300-летия Царствования Дома Романовых.

Жалования получает в год с добавочными 1680 руб.

Где получил образование; когда поступил на службу, в каких должностях и где проходил оную: Окончил курс учения в Таврической духовной семинарии по первому разряду.

Назначен псаломщиком к Иоанно-Златоустовской церкви города Ялты. 1880 г.

Рукоположен в священника в село Лобково Смоленской губернии. 16 октября 1881 года.

Перемещен Священником к Иоанно-Златоустовской церкви города Ялты. 5 ноября 1891 года.

Состоял законоучителем Ялтинской женской гимназии с 14 сентября 1893 года по 16 апреля 1900 года.

Перемещен к Троицкой соборной гор. Керчи церкви. 27 сентября 1899 года.

Протопресвитером военного и морского духовенства назначен Священником в Тифлиский Александро-Невский военный Собор. 16 апреля 1900 года.

Состоит законоучителем 4 женской гимназии города Тифлиса. 14 сентября 1900 года.

Назначен благочинным над церквями военных госпиталей Кавказского военного округа. 10 декабря 1904 года [3, л. 5, 5 об.].

В походах не был.

Взысканиям по суду не подвергался.

Вдов. Дети: Александр, род. 2 мая 1887 года; Надежда, род. 23 апреля 1889 года; Мария, род. 14 апреля 1890 года.

Ни с кем из членов причта в родстве не состоит.

Сведения благочиннического надзора: поведения весьма хорошего [3, л. 6].

Священник Николай Адамович Семьяко

Священник Николай Адамович Семьяко, 34 лет от роду. Из крестьян Гродненской губернии. Недвижимого имущества не имеет.

Награжден: набедренником и юбилейной медалью в память 300-летия Царствования Дома Романовых.

Жалования получает в год с добавочными 1080 руб.

Где получил образование; когда поступил на службу, в каких должностях и где

проходил оную: Окончил курс учения в Литовской духовной семинарии по первому разряду. 14 июня 1904 года.

Назначен псаломщиком к Нанрышской церкви Слонимского уезда. 26 октября 1904 года.

Назначен старшим учителем Яловской второклассной школы Волковского уезда. 5 сентября 1905 года.

Рукоположен во священника к Роготенской церкви Слонимского уезда. 27 ноября 1905 года.

Перемещен Священником к Сизерковской церкви Сокольского уезда. 23 декабря 1905 года.

Назначен законоучителем Маковлянского народного училища Сокольского уезда 12 марта 1906 года.

Перемещен к церкви Красностоцкого женского монастыря. 25 сентября 1906 года.

Назначен законоучителем Красностоцкой второклассной и образцовой при ней школах 25 сентября 1906 года.

Исполнял обязанности заведывающего Алексеевской женской церковно-учительской школой. 25 сентября 1906 года.

Назначен законоучителем Дубровского приходского Красностоцкого народного училища. 8 октября 1907 года.

Назначен законоучителем Дубровского городского училища. 28 сентября 1910 года.

Исполнял обязанности заведывающего Алексеевской женской церковно-учительской школой с освобождением от должности Священника Красностоцкой церкви. 25 августа 1911 года.

Протопресвитером военного и морского духовенства назначен священником в Тифлисский Александро-Невский военный Собор. 30 сентября 1913 года [3, л. боб].

В походах не был.

Взысканиям по суду не подвергался.

Женат. Жена – Валентина Алексеевна, род. 21 сентября 1887 года. Дети: Татьяна, род. 3 ноября 1906 года; Виктор, род. 8 февраля 1908 года.

Ни с кем из членов причта в родстве не состоит.

Сведения благочиннического надзора: поведения весьма хорошего [3, л. 7].

Протоиерей Иоанн Петрович Попов

Протоиерей Иоанн Петрович Попов, 37 лет от роду. Из духовного звания. Недвижимого имущества не имеет.

Награжден: Благословение Святейшего Правительствующего Синода с грамотой 19 мая 1911 года и юбилейной медалью

в память 300-летия Царствования Дома Романовых.

Жалования от казны получает в год 876 руб.

Где получил образование; когда поступил на службу, в каких должностях и где проходил оную: В духовном училище.

Определен псаломщиком к церкви села Каракула Сарапульского уезда Вятской губернии. 31 марта 1893 года.

Перемещен псаломщиком к Тифлисскому Кафедральному Сионскому Собору с возведением в сан Диакона. 25 декабря 1902 года.

Протопресвитером военного и морского духовенства перемещен диаконом к Тифлисскому Александро-Невскому военному Собору. 7 ноября 1905 года.

Награжден саном Протодиакона. 19 мая 1909 года [3, л. 7об.].

В походах не был.

Взысканиям по суду не подвергался.

Женат. Жена – Анна Захаровна 29 лет от роду. Дети: Сергей, род. 9 февраля 1904 года; Нина, род. 25 июня 1905 года; Елизавета, род. 18 октября 1908 года.

Ни с кем из членов причта в родстве не состоит.

Сведения благочиннического надзора: поведения весьма хорошего.

Диакон Николай Афанасьевич Украинцев

Диакон Николай Афанасьевич Украинцев, 38 лет от роду. Сын отставного унтер-офицера лейб-гвардии Гусарского полка. Недвижимого имущества не имеет.

Награжден: Серебряными медалями: в память коронования Их Императорских Величеств и в память 25-летия церковно-приходских школ; болгарским орденом «За гражданские заслуги» 5 степени и сербским орденом Св. Саввы 5-й степени, юбилейной медалью в память 300-летия Царствования Дома Романовых.

Где получил образование, когда поступил на службу, в каких должностях и где проходил оную: Окончил полный курс наук в Санкт-Петербургском городском училище

Высокопреосвященным Митрополитом Феогностом определен диаконом к Киево-Юрковецкой Св. Макарьевской церкви. 14 июля 1902 года.

Утвержден помощником законоучителя Юрковецкой церковно-приходской школы. 23 марта 1904 года.

Перемещен к Киево-Подольской Введенской церкви. 11 февраля 1909 года.

Утвержден законоучителем в Киево-Гюдольском приюте для детей рабочего класса. 18 февраля 1910 года.

Назначен законоучителем в дневном приюте при доме трудолюбия. 24 августа 1911 года.

Определением Епархиального Совета поручено вести религиозно-нравственные чтения в детских приютах, ночлежных домах и чайных. 8 декабря 1912 года.

Распоряжением Протопресвитера военного и морского духовенства назначен на вакансию псаломщика к церкви Тифлисского военного училища. 9 февраля 1914 года.

Распоряжением директора народных училищ допущен к преподаванию Закона Божия в частном учебном заведении г. Черкезовой. 24 октября 1914 года [3, л. 8, 8 об.].

Приказом по ведомству Протопресвитера военного и морского духовенства от 12 ноября 1914 года перемещен на вакансию псаломщика к Тифлисскому Александро-Невскому военному Собору. 26 ноября 1914 года [3, л. 9об.].

В походах не был.

Взысканиям по суду не подвергался.

Вдов. Имеет сына Виктора, родившегося 11 марта 1906 года.

Ни с кем из членов причта в родстве не состоит.

Сведения благочиннического надзора: поведения весьма хорошего.

**Послужной список
не штатного дьякона Тифлисского
военного Александро-Невского собора
Николая Украинцева.**

Составлен 27 февраля 1915 года [4, л.1].

Чин, имя, отчество и фамилия: Дьякон Николай Афанасьевич Украинцев.

Должность по службе: Не штатный дьякон Тифлисского военного Александро-Невского собора.

Ордена и знаки отличия: Имеет серебряные медали: в память коронавания Их Императорских Величеств и в память 25-летия церковно-приходских школ; болгарский орден «За гражданские заслуги» 5-й степени и сербский орден св. Саввы 5-й степени.

Когда родился: 38 лет (по сведениям к 28 марта 1914 года).

Из какого звания и губернии происходит и какой губернии уроженец: Сын отставного унтер-офицера лейб-гвардии гусарского полка, уроженец Санкт-Петербургской губернии.

Какого вероисповедания: Православного.

Где воспитывался: Окончил полный курс наук в Санкт-Петербургском городском училище.

Получаемое на службе содержание: жалованья – 540 руб. в год; квартира натурой [4, л. 1об.].

Прохождение службы: Высокопреосвященным митрополитом Феогностом определен диаконом к Киево-Юрковецкой св. Макарьевской церкви. Июль 1902 года.

Утвержден помощником законоучителя Юрковецкой церковно-приходской школы. 23 марта 1904 г.

Перемещен к Киево-Подольской Введенской церкви. 11 февраля 1909 года.

Царем Болгарским Фердинандом пожалован орден «за гражданские заслуги» 5-й степени кавалерский крест с короной.

Пожалован серебряною медалью в память 25-летия церковно-приходских школ. 1909 год.

Утвержден законоучителем в Киево-Подольском приюте для детей рабочего класса. 18 февраля 1910 года.

Королем сербским пожалован орден св. Саввы 5-й степени. 10 октября 1910 года.

Назначен законоучителем в дневном приюте при доме Трудолюбия. 24 августа 1911 года.

Определением епархиального Совета поручено вести религиозно-нравственные чтения в детских приютах, ночлежных домах и чайных. 8 декабря 1912 года.

Назначен законоучителем Введенской церковно-приходской школы. 25 декабря 1912 года [4, л. 2].

По распоряжению о. Протопресвитера военного и морского духовенства назначен на вакансию псаломщика к церкви Тифлисского военного училища с отпуском, впредь до освобождения оклада нештатного дьякона содержания от казны по должности псаломщика. 9 февраля 1914 года.

Распоряжением директора народных училищ допущен к преподаванию Закона Божия в частном учебном заведении г. Черкезовой. 24 октября 1914 года.

Приказом по ведомству Протопресвитера военного и морского духовенства от 12 ноября 1914 года за № 677, перемещен на вакансию псаломщика Тифлисского Александро-Невского военного собора. 26 ноября 1914 года.

Отправлен к месту нового служения в Тифлиссский Александро-Невский военный собор и исключен из списков училища. 3 декабря 1914 года.

Бытность вне службы (отпуска): В отпусках с сохранением содержания не был [4, л. 2об.].

Холост или женат, когда и на ком; имеет ли детей; год, месяц и число рождения детей, какого они и жена вероисповедания: Вдов. Имеет сына Виктора, родившегося

12 марта 1906 года. Сын вероисповедания православного.

Есть ли за ним, за родителями его, или за женою, если женат, недвижимое имущество родовое или благоприобретенное: Нет.

Подвергался ли наказаниям или взысканиям: не подвергался.

Бытность в походах и делах против неприятеля; где именно, с какого и по какое время, оказанные отличия и полученные в сражениях раны или контузии; особые поручения сверх прямых обязанностей по Высочайшим повелениям или от начальства: В походах и делах не находился, особых поручений сверх прямых обязанностей по Высочайшим повелениям не имел [4, л. 3].

В службе сего диакона не было обстоятельств лишаящих права на получение знака отличия беспорочной службы или отдалющих срок выслуги к сему знаку.

Подписал: И.д. начальника штаба Кавказского военного округа генерал-майор (подпись неразборчива).

И.д. Старшего адъютанта, капитан Ткаченко [4, л. 3об.].

Псаломщик Стефан Павлович Стрижаков

Псаломщик Стефан Павлович Стрижаков, 39 лет. Из крестьян. Недвижимого имущества не имеет.

Жалования от казны получает в год 540 руб.

Где получил образование; когда поступил на службу, в каких должностях и где проходил оную: В народном училище.

Состоял учителем Латинской церковно-приходской школы Таганрогского округа. 1891 год.

Протопресвитером военного и морского духовенства назначен псаломщиком к Тифлисскому Александро-Невскому военному Собору. 13 апреля 1908 года [3, л. 9, 9об.].

В походах не был.

Список литературы:

[1] Разведчик. – 1895, 21 февраля. – № 228.

[2] Разведчик. – 1897, 1 июля. – № 350.

[3] РГИА. Ф. 806. Оп. 12. Д. 13.

[4] РГИА. Ф. 806. Оп. 17. Д. 526.

[5] Цитович Г.А. Храмы армии и флота (состоящие в ведомстве Протопресвитера военного и морского духовенства). Историко-статистическое описание. В 2-х частях. – Пятигорск: Типо-литография А.П. Нагорова, 1913.

Взысканиям по суду не подвергался.

Женат. Жена – Александра Ефимовна 31 года от роду. Дети: Иоанн, род. 20 сентября 1902 года; Николай, род. 17 сентября 1905 года; Владимир, род. 20 июня 1907 года; Павел, род. 17 октября 1911 года.

Ни с кем из членов причта в родстве не состоит.

Сведения благочиннического надзора: поведения весьма хорошего.

Ктитор Собора генерал-лейтенант Павел Платонович Чирков, Тифлиссский комендант.

Староста церковный, классный военный топограф, статский советник Василий Наумович Толмачев. Имеет благословение Святейшего Правительствующего Синода с грамотою и золотую медаль для лиц благородного звания установленную» [3, л. 10, 10об., 10б.].

Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что вопросами патриотического и духовно-нравственного воспитания военнослужащих занимались люди достойные, имеющие хорошее богословское образование, богатый жизненный и профессиональный опыт. Подтверждением служат их послужные списки. Документы Российского государственного исторического архива (РГИА, Санкт-Петербург), военная периодическая печать красноречиво повествуют о деятельности Тифлисского Александро-Невского военного собора – памятника славного окончания Кавказской войны, главного собора Кавказского военного округа. Его история, красота внутреннего убранства, облачений священников, диаконов, а также их величественные богослужения, великолепный церковный хор, библиотека были украшением, гордостью города Тифлиса (Тбилиси) вплоть до начала 1930-го года, когда собор был уничтожен по прямому указанию Л.П. Берии, как и многие другие православные храмы России. На его месте был построен Дом правительства Грузии.

СТРАТЕГИЯ ДИСКУРСА

УДК 165.7+304.2+008

ББК 87.5

А.Ю. Чукуров

ИДЕИ ПОСТГУМАНИЗМА В КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Статья посвящена анализу идеи постгуманизма в контексте социокультурной динамики конца XX – начала XXI века. Указывается на то, что постгуманизм – это не просто философская концепция, но объективная реальность современной действительности. Детально анализируются отличия основных постулатов постгуманизма от идей классического гуманизма. Также определяется связь постгуманизма и трансгуманизма и приходим к тому, что трансгуманизм – это просто аспект, составная часть концепции постгуманизма. Особое внимание уделено анализу трансформации механизмов самоидентичности в эпоху господства постгуманизма. Делается вывод, что в этом процессе резко возрастает роль Воображаемого, и самоидентификация происходит с чем-то, не существующим в том, что мы привычно называем «объективной реальностью», а самое главное, в культуре XXI в. этот процесс будет носить перманентный характер.

Ключевые слова:

гуманизм, искусство, киборг, постгуманизм, самоидентификация, трансгуманизм.

Чукуров А.Ю. Идеи постгуманизма в культурологической перспективе // Общество. Среда. Развитие. – 2018, № 3. – С. 24–30.

© Чукуров Андрей Юрьевич – кандидат культурологии, доцент, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: achukurov@yandex.ru

Существует много определений понятия «постгуманизм». Наиболее употребляемое – это философская концепция и мировоззрение, согласно которым эволюция Homo sapiens как вида не завершена. В результате дальнейшего развития науки и техники, человек перейдет (или уже переходит) на новую эволюционную ступень, а его возможности и, вероятно, его облик (физиология) изменятся. Речь, в частности, может идти о некоем постчеловеке. Из концепции постгуманизма со всеми ее составляющими (о морфологии мы поговорим чуть ниже) вытекает неотъемлемое право человека на самосовершенствование всеми доступными технико-технологическими средствами. Еще Мишель Фуко в своей работе «Слова и вещи» указывал на тот факт, что рано или поздно человек (в том виде, в котором мы его знаем) исчезнет. М. Фуко писал об определенном типе человека – личности, сконструированной гуманистами на заре Раннего Нового времени. Именно этот тип оказывается обречен на современном этапе развития культуры в силу кардинально изменившихся условий бытия.

Таким образом, философия постгуманизма фактически постулирует отказ от концепции традиционного западноевропейского гуманизма в эпоху расцвета колониализма, провозгласившего себя «мировым» и сформулировавшего идею «общечеловеческих ценностей».

Постгуманизм – это не просто предмет научных дискуссий, а объективная реальность, и мы можем констатировать наступление новой эпохи. Также очевидно, что эпоха постгуманизма базируется на мощном технико-технологическом фундаменте, частью которого является само информационное общество XXI века. Вполне естественно, что в информационную постгуманистическую эру, порождающую, в том числе, и феномен дигитальной телесности, совершенно иначе будут функционировать механизмы формирования самоидентичности. Именно на это и реагирует художественная культура: новый тип самоидентичности широко репрезентирован в разных видах художественного творчества – литературе, живописи, перформансе, кинематографе, компьютерных играх. Далее в нашей работе мы рассмотрим

рим концепцию постгуманизма не с точки зрения философии, а перейдем в культурологический дискурс и проанализируем постгуманизм именно в рамках культурологической перспективы, обращаясь, в том числе, и к художественной культуре.

Постгуманизм VS Гуманизм?

Прежде чем мы пойдем дальше, определимся с понятиями, видами и типами гуманизма. Основой классического гуманизма, как хорошо известно, был антропоцентризм. Переосмыслив античную концепцию, философы эпохи Возрождения поместили Человека в центр как художественного, так и философского дискурсов. Несмотря на все сложности XVII века, эпохи барокко, не только философия, но вся наука Нового времени в дальнейшем исходила из того, что человек способен раскрывать универсальные законы Природы, будучи автономным агентом или «мыслящим субъектом». XIX век нанес определенный удар по этой концепции, заставив благодаря дарвинизму и фрейдизму усомниться в возможностях этого «мыслящего субъекта», но вся эта позитивистско-гуманистическая пирамида устояла и далее определяла социокультурные стратегии первой половины XX века. Именно этот классический гуманизм возрожденческого типа подарил европейской культуре всесторонне образованного человека-творца и одновременно две мировые войны. И эту мысль наиболее полно выразил Пико дела Мирандола в своей знаменитой «Речи о достоинстве человека»: «Ты можешь переродиться в низшие, неразумные существа, но можешь переродиться по велению своей души и в высшие божественные. О, высшая щедрость Бога-отца! О высшее и восхитительное счастье человека, которому дано владеть тем, чем пожелает, и быть тем, чем хочет!» [3].

Удивительно, но гуманистическая концепция устояла в кризисных XVI–XVII столетиях, когда Блез Паскаль впервые усомнился в основах антропоцентризма, сказав, что «Человек – всего лишь тростник, слабейшее из творений природы, но он – тростник мыслящий. Чтобы его уничтожить, вовсе не нужно, чтобы на него ополчилась вся Вселенная: довольно дуновения ветра, капли воды. Но пусть бы даже его уничтожила Вселенная, – человек все равно возвышеннее своей погубительницы, ибо сознает, что растает с жизнью и что он слабее Вселенной, а она ничего не сознает» [4]. Возможно, причина кроется в том, что общество уцепилось за

следующую фразу: «Итак, все наше достоинство – в способности мыслить. Только мысль возносит нас, отнюдь не пространство и время, в которых мы – ничто. Постараемся же мыслить благопристойно, в этом – основа нравственности» [4]. После такого вся «дискуссия» ушла в сторону от сомнений, а оставшиеся сомневающиеся нашли утешение в своей «способности мыслить» и «нравственности». И вот уже Просвещение и Позитивизм вдохнули новую жизнь в классический гуманизм, породивший жесточайший индивидуализм и самомнение европейцев.

Этот уход не избавил классический гуманизм от жесткой критики, которая на него обрушилась с середины XX века. Это и А. Рено, порицавший гуманизм именно за тот самый индивидуализм в своей работе «Эра индивида. К истории субъективности» [5]. Это и М. Хайдеггер, указывавший, что классический гуманизм представляет человека, изначально выделяющегося своей субъективностью из бытия [9]. Это и французский мыслитель Э. Левинас, который искал причины кризиса гуманизма в том, что западноевропейская личность сконцентрирована в силу искаженного антропоцентризма на себе и своей тотальности [2].

Войны XX столетия лишь подтвердили мысль о несостоятельности классического гуманизма, который сформировал личность настолько увлеченную своим величием, что она попросту оказалась неспособна разглядеть интересы Другого. Фактически вся система колониализма выросла из классического гуманизма. Интересную мысль высказал по поводу природы и истории классического гуманизма С. Спивак: «Принято считать, что гуманистическое направление мысли возникло на исходе Средневековья. Но это не так. Гуманизм, а точнее гипертрофированный внутривидовой эгоизм, намного старше. Имя дано лишь его законченному воплощению. Гуманизм всегда был главным ориентиром человечества, по меньшей мере, на протяжении всей письменной истории. Но восхождение по лестнице самообожествления достигло своей высшей точки именно сейчас. Дальше возможно лишь падение» [6].

Осознание исторической ограниченности гуманизма заставляло многих мыслителей пересмотреть саму идею антропоцентризма, а следствием этого пересмотра и стало рождение концепции постгуманизма. Снова процитируем С. Спивака: «Постгуманизм – это мировоззрение, построенное на знании объективных законов

26 Природы. В центре его лежит идея, что человек есть лишь часть Природы, и как любая другая часть Природы, он не может являться высшей ценностью. Ценность человека, как и ценность любой другой части Природы относительна, а не абсолютна. При этом Постгуманизм не считает все части Природы одинаково ценными. Эволюция всегда подразумевает иерархию, поэтому есть части Природы менее значимые, чем человек, и есть части Природы более значимые, чем человек. Только отказавшись от геоцентризма, люди смогли построить научную картину мира. Только преодолев узкие рамки, как самодовольного антропоцентризма, так и сентиментального эоцентризма, оказалось возможным построить подлинно научную идеологию Новой Эры» [6]. Иными словами, человек более не является центром мироздания, и даже его мыслительные способности не делают его более значимым в силу ограниченности последних.

Поскольку постгуманистическая концепция находится на стадии становления, существуют различные прочтения идеи сращивания человека и техники. В самом начале мы привели наиболее распространённый тезис, постулирующий идею изменения человека (формирования постчеловека) в силу новых технико-технологических достижений. Именно этот тезис вносит некоторую путаницу в соотношение постгуманизма и трансгуманизма. Кто-то указывает, что трансгуманизм – это некая историческая ступень развития постгуманизма, иные утверждают, что трансгуманизм – это вообще особый тип гуманизма. С нашей точки зрения – это не то и не другое. Трансгуманизм – это просто аспект, составная часть концепции постгуманизма.

Вера в то, что соединение человека и техники выведет наш вид на более высокий уровень – это лишь продолжение наивной веры в технико-технологический прогресс, что мы видели на заре модерна XIX века, выстроенного строго в рамках классического гуманизма. Однако на самом деле это вовсе не шаг вперед, а шаг в сторону, не более того. Но на каком основании мы решили, что человечество будет двигаться вперед, через кризисы и падения, но вперед? Органично вплетаясь в информационное пространство глобальной паутины, передавая те или иные функции технологическим новинкам, человек создает собственную реальность и себя самого, но не овладевает миром, не оказывается в центре мироздания, как то

представляет классический гуманизм. Мы просто отказываемся от части своих естественных, природных функций, передавая их технологии.

Именно в силу выделения данного аспекта – роли технологии в становлении постчеловека – имеет место методологическая путница понятий и выделение трансгуманизма в самостоятельный тип или этап развития постгуманизма. История трансгуманизма уходит в XIX век, когда родилась вера в возможность преодоления ограничений человеческого тела благодаря научному прогрессу. В 1927 году в свет выходит книга Джулиана Хаксли «Религия без откровения». Но происходит угасание интереса, поскольку наука в середине XX века так и не смогла предложить механизмы радикального преодоления биологического детерминизма природы человека. Вторая волна интереса формируется в 1960-х гг. Трансгуманизм выступает за расширение свободы личности, прежде всего за счет внедрения и использования продуктов научно-технического развития. Трансгуманизм выступает против попыток государства помешать передовым научным исследованиям, против всех форм фундаментализма и традиционализма. Использование новых технологий гарантирует реализацию личных свобод граждан [10].

С точки зрения трансгуманизма, человек не должен страдать, и в этом истинно гуманистический пафос всей концепции, а ликвидировать или, по крайней мере, минимизировать страдания как раз и способны новые технологии, что, например, мы видим в сфере современной медицины. Но страдания могут быть, как известно, не только физическими, но и морально-психологическими. И здесь, по возможности, на помощь также приходит наука, которая позволяет человеку трансформировать себя ровно до такого состояния, пока он не ощутит внутреннюю гармонию, т.е. не обретет себя. Идеологи трансгуманизма указывают на потенциальную возможность обретения бессмертия, потому именно технико-технологический прогресс является основным базисом и вектором дальнейшего развития человечества.

И вот здесь следует в очередной раз указать на то, что это лишь один из аспектов постгуманизма. Расширение возможностей за счет технологии или гармонизация личности за счет медицинского вмешательства вовсе не превращает человека в высшее существо. Более того, обретение бессмертия вообще не предполагает со-

хранение человека в том виде, в котором мы его знаем: виртуальная реальность, сетевое пространство сегодня уже дают это бессмертие – физическое тело может быть мертво, а alter ego социальных сетей продолжает жить.

Таким образом, принципиальным моментом постгуманизма является постулируемая им неиерархичность. Постгуманизм не говорит о смерти человека, о его исчезновении, поскольку если есть смерть, то значит должна быть и жизнь, и тогда мы попадаем в дуальную систему жизни/смерти, а постгуманизм отказывается от любой дуальности. Человек не исчезает, как и не возносится на вершину иерархической лестницы в результате технологических трансформаций себя – он переходит в иную плоскость бытия. Это концепция постоянного перехода, которой, по нашему убеждению, в наибольшей степени подходит состояние «текучей идентичности». И когда мы говорим, например, о квир-теории, то анализ квир-текучей идентичности должен осуществляться именно через призму постгуманизма. В результате, мы можем определить постгуманизм как постэволюционную теорию.

Проблема самоидентичности в эпоху постгуманизма

Как представляется, одна из центральных проблем, на которой должно быть сфокусировано внимание исследователя-культуролога, – это проблема самоидентичности в эпоху постгуманизма. Ни в одну другую эпоху у человека не возникало трудностей с соотношением себя с той или иной общностью. Самоидентификация – это, прежде всего, принятие норм и ценностей другого человека или сообщества как своих собственных. Идентичность – это чувство тождественности. Подчас соотношение себя с той или иной группой может вообще быть лишено всякой рефлексии: в Древнем мире или в эпоху Средних веков человек приписывался к той или иной профессиональной или религиозной группе по факту рождения. На протяжении всей истории проблема этого выбора носила чисто теоретический характер: окружение и обстоятельства этого выбора не предоставляли, поскольку самоидентичность напрямую была связана с профессиональными обязанностями и социальным положением, занимаемым индивидом в обществе. Его самоидентификация обуславливалась во многом необходимостью соответствовать чему-то или кому-то, неким внешним обстоятельствам, поскольку от этого напря-

мую зависело его выживание. «Формирование или коррекция идентичности – это процесс преобразования всех прежних идентичностей в свете ожидаемого будущего. Таким образом, идентичность личности операциональна, связана с инструментальным характером человеческого Я и является производной от функции, выполняемой человеком в окружающей его действительности» [1, с. 118].

Сегодня процесс самоидентификации более не связан с выживанием напрямую. Кроме того, в силу возросшей мобильности населения, разрушения профессиональных и корпоративных структур эпохи модернизма, уничтожения жестких структур и связей, атомизацией общества в силу разных причин (в том числе и профессиональных – работа с удаленным доступом и ликвидация долгосрочных контрактов), бесконечной вариативности гендерных комбинаций и такой же вариативной множественности семейных отношений, процесс соотношения себя с кем-либо или чем-либо сообразно прежним каналам не просто затруднен, а невозможен. Идентичность сегодня – это, прежде всего, проект, а любой проект предполагает планирование и обдумывание, оценку степени агрессивности окружающей среды, где, предположительно, этот проект будет реализован.

Именно это состояние и является доказательством прихода новой эпохи – эпохи постгуманизма с его отсутствием иерархичности и перманентным состоянием перехода. Этой эпохе и соответствует в наибольшей степени квир-теория, утверждающая, что идентичность – это не состояние и не некая сущность, а процесс, протекание которого определяется тем или иным дискурсом.

Однако каким бы сложным ни был процесс самоидентификации, он в любом случае неизбежен и проходит на протяжении всей жизни человека. Но тогда чем он будет определяться? Ведь сам механизм остается прежним – человек вынужден себя с чем-то или кем-то соотносить, даже в случае с «текучей» идентичностью или состоянием. Так, Ю.В. Шичанина справедливо отмечает, что знаково-символический характер человеческой деятельности уравнивает реальное и нереальное. Больше не существует привычных идентификаторов, таких как гендер или раса. Формирование идентичности, или, точнее, переформирование, становится перманентным [12].

В процессе самоидентификации сегодня человек создает «потребный образ себя», который дает ощущение безопасности, ук-

репляет, по его убеждению, защитные механизмы, позволяет сконструировать более успешную смыслоложившую стратегию. Здесь и происходит обращение к технологической составляющей постгуманизма и, конкретно, к трансгуманизму. Это вовсе не означает, что человек стремится занять чье-то место и снова вступить в войну с природой – подобные проявления агрессии и самолюбования являются как раз наследием эпохи гуманизма – он просто осознает свое несовершенство и пытается обрести собственное место, не занимая чужого. Отсюда и вариативность трансформаций физического тела. Центральная идея постгуманизма – это идея гармонизации внутреннего и внешнего при сохранении и выделении особенностей как личности, так и самых разнообразных общностей, обретения целостности через эклектичную фрагментацию.

Именно поэтому манифест киборга Донны Хароуэй не утрачивает актуальности, а наоборот, получает новые прочтения. «Киборг – создание постгендерного мира, он ничего общего не имеет с бисексуальностью, доэдиповым симбиозом, неотчужденным трудом или прочими соблазнами органической целостности, достигаемой окончательным усвоением всех сил всех частей в некое высшее единство. В каком-то смысле у киборга нет истории происхождения в западном понимании; “последняя” ирония, поскольку киборг – это также чудовищный апокалиптический телос разогнанных западных овладений абстрактной индивидуации, конечная самость, оторванная, наконец, от всякой зависимости, человек в космическом пространстве» [13]. Автор утверждает, что мы – киборги, это наша онтологическая сущность, ибо киборг – это соединение материальной реальности и воображения.

Самоидентичность и художественный текст в постгуманистической перспективе

Как ни парадоксально, но в эпоху господства постгуманизма именно художественная культура становится подчас тем руслом, которое определяет течение процесса самоидентификации. Во многом это связано с ролью воображения и знаково-символической составляющей деятельности человека информационного мира.

О постоянном имплицитно присущем современной личности переходе, перманентном состоянии трансгрессии говорили многие художники в своих работах. Это и перформансы Орлан и М. Абрамович, и скульптура К. Леммерца и т.д. Так, одной

из самых известных скульптур Кристиана Леммерца является андрогинный Гермес, гармонично сочетающий мужское и женское начала. Причем это не в буквальном смысле «Гермес» Леммерца, это прямая цитата Гермеса Олимпийского или Гермеса с младенцем Дионисом, которую часто приписывают Праксителю. Выбор в качестве объекта трансформации классического греческого памятника не случаен: К. Леммерц будто говорит о новой классике, где нет мужского и женского.

Есть и движение в другую сторону – к обретению мужской сущности женщиной, что мы видим, например, в серии фотографий Линды Бенглис. Иными словами, интеллектуальное искусство уже с 1970-х гг. «играло» с возможностями «перехода», трансгрессии и разрушения иерархических структур.

Несовершенство человека и, вместе с тем, его стремление обрести новые качества и возможности, «усовершенствовать» себя доступными средствами широко представлено в популярном кинематографе. Вспомнить хотя бы бестселлер 1988 года Томаса Харриса «Молчание ягнят». Этот роман был экранизирован в 1991 г. Джонатаном Демми. Как роман, так и фильм передают основную идею одержимости маньяка – создание новой идентичности за счет использования фрагментов плоти других людей.

В популярной культуре складывается целое направление – боди-хоррор, – призванное вызвать «страх перед утратой контроля над собственным телом в результате насильственных или добровольных трансформаций, которым подвергает себя герой и или которым подвергают героя... Страх здесь зиждется на том, что в отличие от ситуации преследования маньяком или чудовищем, ты не можешь никуда убежать – ужас внутри тебя, он с тобой. Ужас – это твоё тело. В кинематографе традиционно одним из самых ярких представителей этого специфического жанра называют режиссера Дэвида Кроненберга. Не случайно его прозвали «певец мутаций». Еще в 1975 году в фильме «Судороги» режиссер вывел в качестве главного героя ученого, создающего паразита, вызывающего рост агрессии и сексуального желания» [11, с. 37]. А фильм «Автокатастрофа» того же режиссера фактически выступает как текст, эстетизирующий протезирование и момент перед-возможной-смертью, где страх соединяется с садо-мазохистским восторгом. Это обратная сторона трансгрессии, ведь ни один процесс не проходит без потерь.

Человек, как существо слабое и несовершенное (а вовсе не высшее существо или центр мироздания) обретая что-то, всегда что-то теряет, а потому никогда и не достигнет совершенства. А значит и процесс трансформации завершения не имеет. Может, именно поэтому человек, выбравший путь пластических операций, не может остановиться на одной или иди двух, продолжая ложиться под нож хирурга снова и снова? Нужно ли с этим бороться? Нет, ибо он априори слаб и несовершенен, ему нужно просто принять свою слабость, интуитивно нащупывая пути максимальной гармонизации себя.

Главная же фигура, которая оказывается в роли маяка самоидентификации постгуманизма, – это, конечно же, фигура киборга. «Аватар» (фильм, 2009), «Бегущий по лезвию 2049», «Ванильное небо», «Видоизменённый углерод», «Газонокосильщик», «Джонни-мнемоник», «Искусственный разум», «Крикуны», «Люси», «Матрица», «Мир Дикого запада (телесериал)», «Области тьмы», «Превосходство», «Призрак в доспехах» (аниме, 1995), «Призрак в доспехах» (фильм, 2017), «Робокоп», «Робот по имени Чаппи», «Сан-Джуниперо», «Суррогаты», «Терминатор: Генезис», «Титан», «Человек-амфибия» (фильм, 1961), «Элизиум – рай не на Земле», «Киборг 2: Стеклопанная тень», «Киборг-ниндзя», «Киборг-охотник», «Ксеногенезис», «Призрак в доспехах» (фильм, 2017), «Призрак в доспехах: Синдром одиночки» (аниме), «Призрак в доспехах: Синдром одиночки 2nd GIG» (аниме) – это лишь минимальный перечень фильмов, сериалов и в аниме (литературу сознательно оставляем за скобками в силу чрезвычайного множества примеров), где центральной темой оказывается расширение возможностей человека за счет биологических и технический новаций. Подобные новации пугают и притягивают, а главное – становятся ориентирами для науки и медицины, а многие, из того, что представлено в этих фильмах, сегодня уже стало частью реальности.

Заключение

Таким образом, основная идея постгуманизма заключается в ликвидации любой иерархичности при одновременном стремлении к гармонизации личности – с самим собой, социумом, природой – путем как духовного, так и технико-технологического самосовершенствования. Эволюция человека не завершена, но под этой эволюцией не всегда следует понимать движение вперед, также как под усложне-

нием – обязательный прогресс. Движение от простого к сложному, от примитивно-синкретичного к сложноорганизованному и многокомпонентному – вовсе не обязательно движение вперед. Вполне возможно, это просто движение в сторону от примитивной линейной траектории.

«Пора спросить себя, является ли двуголовое дышащее тело с бинокулярным зрением и объемом мозга 1400 кубических сантиметров адекватной биологической формой. Оно не способно справиться с объемами, сложностью и качеством информации, которую оно накапливает... Главное давление на планете – это больше не гравитация, а информационный напор. Гравитация дала эволюционирующему телу форму и остов и удержала его на Земле. Информация побуждает тело выйти за пределы себя самого и биосферы в целом. Информация кроит форму и функции постэволюционного тела». [7]. Обратите внимание, что автор этого высказывания – австралийский профессор кипрского происхождения и известный художник-акционист Стеларк (Стелиос Аркадиу) – исходит именно из идеи вызова, агрессии среды, употребляя словосочетание «информационный напор» и указывая на то, что это именно «давление».

С 2006 года с разной степенью успешности он пытается вырастить ухо у себя на руке. Это не просто «декоративный элемент» или третье ухо для самого Стеларка. Посредством этого дополнения к собственному телу любой желающий может воспринимать звуки по Wi-Fi, которые слышит сам создатель: «Ухо – оно не для меня, у меня уже есть два. Это ухо – прибор удаленного слуха для людей в других местах. Они смогут следить за разговором или слушать концерт, где бы я и они не находились. Через GPS они смогут отслеживать, где ухо находится в данный момент» [8].

Основная идея Стеларка – своими многочисленными перформансами показать, что человеческое тело устарело и может быть усовершенствовано в соответствии с вызовами информационного общества. Перед нами – один из наиболее ярких примеров постэволюционной стратегии.

В ситуации постгуманизма принципиально меняется механизм самоидентификации: поскольку он более не происходит автоматически, человек нередко оказывается не в состоянии (или не испытывает желания) соотносить себя или принимать ценности некоей социальной (этнической, профессиональной и пр.) группы, к кото-

30 | рой принадлежит по факту рождения или полученного образования. В этих условиях роль Воображаемого оказывается ведущей, и самоидентификация происходит с чем-то, что не существует в том, что мы привычно называем «объективной реальностью».

Человек стремится вырваться за границы собственного существа в силу осознания собственного несовершенства и желая защититься (избавиться от болезней, обрести бессмертие, защитить себя от давления информационного общества и т.д.), и на этом пути действительно стать

Творцом, только Творцом самого себя и своего собственного мира среди множества равноправных миров Других. Интересно то, что сам этот процесс «творения себя», а значит и процесс самоидентификации, будет носить перманентный характер в силу того, что каждая последующая технология (в медицине, биологии, геномной инженерии и пр.) будет сообщать человеку ощущение собственной неполноценности. А это, в свою очередь, априори исключает сам принцип антропоцентризма, на котором строилась культура со времен Возрождения.

Список литературы:

- [1] Атланов Д.Ю., Булгакова О.С. Философия личности. – СПб.: НПЦПСиН, 2012. – 230 с.
- [2] Левинас Э. Трудная свобода. Очерки по иудаизму // Левинас Э. Избранное: Трудная свобода. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – С. 319–589.
- [3] Мирандола, дела Дж. П. Речь о достоинстве человека / Пер. Л. Брагиной // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли в 5-и тт. Т. 1. – С. 506–514. – Интернет-ресурс. Режим доступа: http://psylib.org.ua/books/_pikodel.htm (10.08.2018)
- [4] Паскаль Б. Мысли // Мыслящий тростник: наше достоинство – не в овладении пространством, а в умении здраво мыслить. Электронная библиотека ИФ РАН – Интернет-ресурс. Режим доступа: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/antology/document/HASH0129eccae3ffd40001c5415e> (15.08.2018)
- [5] Рено А. Эра индивида. К истории субъективности. – СПб.: «Владимир Даль», 2002. – 473 с.
- [6] Спивак С. Доктрина постгуманизма // Самиздат. – Интернет-ресурс. Режим доступа: http://samlib.ru/s/spiwak_s_i/doktrina.shtml (05.08.2018)
- [7] Стеларк: человек или киборг? // The Kaliningrad room. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://kaliningrad-room.ru/stelark-chelovek-ili-kiborg/> (10.08.2018)
- [8] Третье ухо на руке вырастил себе профессор из Австралии // Звезда. – Интернет-ресурс. Режим доступа: https://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201508122057-hzgx.htm (11.08.2018)
- [9] Хайдеггер М. Бытие и время. – СПб.: Наука, 2002. – 451 с.
- [10] Чукуров А.Ю. Трансформации физического и социального тела в контексте формирования самоидентичности (к постановке вопроса) // Ярославский педагогический вестник. – 2017, № 3. – С. 268–273.
- [11] Чукуров А.Ю. Бодимодификации и некоторые особенности их репрезентации в популярной культуре // Вестник психофизиологии. – 2017, № 3. – С. 33–39.
- [12] Шичанина Ю.В. Самоидентификация: Интернет-форматы // Философские науки. – 2009, № 10. – С. 45–59.
- [13] Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х. / Пер. с англ. А. Гарадж. – М.: Маргинем Пресс, 2017. – 128 с.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ПОЛЕМИКА ЦИВИЛИЗАЦИЙ

УДК 323.27

ББК 66

D. Lane

THE OCTOBER REVOLUTION AND ITS CONSEQUENCES

Обрисовываются в общих чертах четыре аспекта социалистических революций, изученных в контексте Октябрьской революции: динамика политического восстания; политика повстанцев и учреждений и интересов, которые обусловили их политику; успехи и провалы революционных событий; контрреволюция, которая демонтировала социалистическую систему. Ввиду отсутствия революций в индустриально развитых странах Европы перед большевиками встала задача строительства социализма при неблагоприятных условиях. Значительный прогресс был достигнут в экономическом планировании, которое было базой индустриализации, урбанизации и формирования социалистического государства всеобщего благосостояния. Важные достижения были сделаны в сокращении неравенства; при этом в разных формах продолжались репрессии, дискриминация и тому подобное, что оформилось в систему. Эти события привели к значительному международному эффекту. Продолжаются споры, разрушилась ли социалистическая система или была сознательно демонтирована? Усиление внутренних классовых противоречий, поддержанное внешними дестабилизирующими силами, создало условия для демонтажа социалистической системы.

Ключевые слова:

демонтаж СССР, динамика революции, классовый конфликт, Октябрьская революция, репрессии в СССР, советское благосостояние, советское планирование.

Lane D. The October Revolution and its Consequences // Общество. Среда. Развитие. – 2018, № 3. – С. 31–41.

© Lane David is a Fellow of the (British) Academy of Social Sciences; Emeritus Fellow, Emmanuel College, Cambridge University, United Kingdom; e-mail: dsl10@cam.ac.uk

The right wing historian, Niall Ferguson, positively quotes Stefan Zweig's, *Decisive Moments in History* (1927) to rank Lenin's return to Russia in October 1917 as one of the three most decisive 'moments' in recent world history; the others were the fall of Constantinople in 1453 and Napoleon's defeat at Waterloo in 1815 [8]. It was decisive only because of what followed: the Revolution of October 1917 and later the formation of the USSR. The question which I will address in this paper is whether the October Revolution was an event which has benefitted human history or presents a serious miscalculation to the detriment of human well-being – not only in Russia, but in the world. Finally, I consider what lessons can be drawn, not only from the dismantling of the European socialist societies but also for the future.

I outline the October Revolution in the context of the revolutionary process which has four related components. First, the dynamics of the process of political and social insurrection. Second, the underlying social, political, ideological and organisational forces which conditioned the

policies that the insurgents sought to initiate. Third, the aftermath and impact (both domestically and internationally) of the new order which was introduced. For the October Revolution, we may add yet a fourth dimension: the process by which the new social order was dismantled.

The October Revolution and the Immediate Aftermath

A major dilemma facing socialists is the extent to which the October revolution was a moment in the creation of a socialist society. The early twentieth century social-democrats believed that the Tsarist political order and the peasant-based agricultural economy lacked the social basis of capitalism from which socialism would arise. Lenin had a different vision. Russia he saw as a weak link in the imperialist capitalist system. Imperialism is 'that stage of development in which domination of monopoly and finance capital has taken shape; in which the export of capital has acquired pronounced importance; in which the division of the world by international trusts has begun; and in which the

partition of all territory of the earth by the greatest capitalist countries has been completed' [20, chapter 7]. The uneven development of capitalism had created a weak bourgeoisie in Russia concurrent with an exploited class of industrial workers and landless agricultural workers.

The Tsarist state's weaknesses were amplified by war. For Lenin, the 1914 World War not only destabilised capitalism economically and politically but was also transforming the political consciousness of the Western European working class. While power could be seized in Russia by a social-democratic party, Lenin was insistent that it would be a spark for the '... the rising world-wide socialist revolution of the proletariat ... We are for the war being ended, as it will be, by a revolution in a number of countries, i.e., by the conquest of state power by a new class, not the capitalists, not the small proprietors... but by the proletarians and semi-proletarians' [21]. The Russian revolution was to be the prelude to the socialist revolution on a European scale. That this did not happen had momentous consequences both for the future USSR and world politics.

The successful seizure of power in October was in no small measure due to Lenin's vision of a 'party of a new type' – the Communist Party [23]. He emphasised the role of organisation in forging and leading a revolutionary movement. Following 1917, the paradox of Russian development was that a social-democratic party (as it was called then) came to power in a country with a low level of productive forces and a relatively small working class. Here again the specific character of Tsarist Russia shaped socialist politics. Until February 1917, rights of association and parliamentary representation of civil society in the Duma had been absent. Organised competing political parties were illegal and its members were subject to arrest and exile. Under such conditions, Lenin contended that the working class had to be led by a revolutionary social-democratic party (the 'Bolsheviks' since 1903). In October, Lenin's strategy successfully mobilized the uprooted peasant army disenchanting with the war, the discontented urban masses – including significant sections of the proletariat- and the disgruntled intelligentsia, into a revolutionary force.

It was not, however, the classic Marxist revolution envisaging the introduction of socialism led by the working class, Lenin's objective was to 'bring social production under the control of the Soviet of Workers' deputies' [22].

The Bolshevik faction was an effective instrument to seize power under autocratic conditions. The new leadership was not without support but from the very beginning communists were a minority – albeit a powerful one. The Bolsheviks received nine million votes – some

25 per cent of the votes – in elections to the Constituent Assembly in November 1917 which gave the new regime a critical mass of support. We now know that at the time Lenin's view of imperialism included an over optimistic analysis of the potential for world revolution. Imperialism was not a 'moribund' form of capitalism. It held immense possibilities for further development of the world's productive forces.

The Russian Legacy and Bolshevik Policy

This absence of the crucial consequential contingency of a workers' revolution in Europe has bedevilled the socialist movement ever since. After 1917, Soviet Russia stood alone. The post-October regime inherited systemic dislocations caused by a society in transition from feudalism to capitalism, and by economic collapse consequent on the 1914 war. Soviet Russia also faced foreign intervention, internal revolts and civil war.

The cultural heritage of Russia, already apparent politically in Lenin's theory of the Party, had a major impact on Bolshevik policies. There were critical limits on the ability of the leaders to effect their policies. These stemmed from the immense land mass, the inhospitable climate and the low level of economic resources. The country was at an early state of capitalist development, very much below that of capitalist states. In 1913, for instance, Russian industrial large-scale output was only 6.9 per cent of American gross industrial output. There were other relatively autonomous social forces which challenged the political leadership. The mores of the peasant family continued and the new incumbents of power found difficulties for many years to penetrate the traditional family structure. Under the Tsars, there was no division between state and society: religion had no autonomous sphere of operation and the Orthodox Church, sanctioned by the Tsars, asserted a monopoly over religious organisation.

Until 1917, there was no right to combination – political parties were illegal, as were independent trade unions, and workers associations operated under government auspices. The weakness of civil society inherited from Tsarist Russia also perpetuated a parochial political culture which was not conducive to the introduction of a socialist democratic order. The social base on which the Soviet regime developed included a numerically small intelligentsia and urban working class and was largely composed of poorly educated people. The low level of literacy created problems of communication compounded by poor infrastructure such as roads and telephone links. Russia, economically, politically and culturally, was unready for a socialist revolution.

Moreover, many factors impelled by the revolution itself created disruption. Revolutions

occur in polities that are unable or unwilling to change gradually under conditions of instability. The post-revolutionary years were ones like those following the French Revolution – and marred by internal war and oppression. Two major political forces opposed the Bolsheviks and have proved to be persistent opponents of the socialist political order. First, nationalist groups provided armed resistance in Ukraine, Georgia and Central Asia where sovereign states had been declared. Nationalism later became a political vehicle for anti-communism.

Second, armed intervention by American, British Empire, Czech and Japanese troops illustrated the ways in which the Western powers sought to reverse the changes brought in by October. Statesmen in the West envisaged a Soviet threat and mobilised troops and public opinion against the Bolshevik order. The Paris Peace Conference convened in 1919 by the victorious powers (Lenin's Russia was not represented) considered ways in which the Western European states could intervene against the new Republic.

Winston Churchill is representative of many virulent critics. In January 1919, he is reported to have thrown 'the whole of his dynamic energy and genius into organising an armed intervention against Russia'*. Later, in April 1919, he made clear his political opposition: 'of all the tyrannies in history, the Bolshevik tyranny is the worst, the most destructive, and the most degrading. It is sheer humbug to pretend that it is not far worse than German militarism'**.

As Engels earlier had pointed out 'The spectre of communism was haunting Europe'. But the spectre only materialised into state power in some parts of the former Russian Empire. While significant revolutionary uprisings took place in Europe, they were all successfully suppressed. Churchill's views are symbolic of the opposition which has existed against Soviet Russia since October: autocratic states are not democratic but can be reformed, totalitarian communist states are unreformable.

Consequently, the Bolshevik leadership was confronted with numerous dilemmas: the Tsarist legacy of empire against socialist internationalism; the reconciliation of socialism with nationalism; the maintenance of Bolshevik power against foreign armed opposition; the expectation that a socialist political order could be built under conditions of a society emerging from feudalism. In all these antinomies, the leadership adopted a politically realist position by adapting socialist presuppositions to political reality.

* Foreign Office document, cited by [6, p. 310]. It is fair to say that later, when confronted with Germany in the Second World War, Churchill took a more favourable view of both Stalin and Soviet Russia.

** Cited by [16].

The Bolshevik leadership must be credited with extraordinary courage and political skill in maintaining political power. Not only had they to deal with internal revolt, civil war, famine, foreign armed intervention, and a lack of international recognition but also with all the accumulated problems of Tsarist backwardness and the effects of the First World War.

The character and significance of what followed the consolidation of the Bolsheviks in the Soviet Union and later the socialist states are matters of considerable disagreement, not only in the West but also in the countries of the former USSR.

Three Interpretations of October

The October revolution is perceived from three different and conflicting positions which are not mutually exclusive. First, there are those who emphasise the economic, social and cultural advances. Some here insist that the USSR created an early stage of socialism or more modestly an industrial society with socialist characteristics.

Second are critics who reject the Bolshevik order on the grounds of its dictatorial and repressive rule. This group emphasises the absence of representative democracy and the uncontrollable power of the state. Its frame of reference is repression starting from the suppression of Kronstadt uprising, the murder of Tsar Nicholas II, the crushing of the peasants during the collectivisation campaigns, and the terror instituted under Stalin. These early seeds of anti-communism germinated later into an American led ideology of totalitarianism.

The third approach is shaped by international affairs and the role of hostile foreign powers. The perception here is that of capitalist encirclement and military aggression, of which military intervention in the Civil War was the first manifestation. There is also, in the West, the ideological condemnation of international communism which led eventually to the dismantling of the USSR. The fear of communism was fuelled by the views articulated by Lenin in *The Proletarian Revolution* and the Renegade Kautsky that the Bolshevik revolution of October would be the model for other countries and would hasten the victory of the proletariat in the capitalist countries.

Such critical views were not only held by the dominant classes in the West who condemned and labelled the socialist states as totalitarian, but also by some socialists who considered communist leadership to have introduced not socialism but state capitalism. There has always been a strong criticism of the October Revolution from social-democratic leaders.

I would however make a plea to consider the consequences of the Revolution in Russia

34 | in terms of the conditions both domestically and geo-politically in which the revolution took place. One must acknowledge the mistakes and condemn the crimes which have seriously defaced the socialist project; but also consider the positive aspects in the context of world politics at the time.

How then can we judge the consequences of the October Revolution? Its socialist character and intention should be the criteria on which the Revolution should be judged.

Evaluating the October Revolution

The crux of the dilemma for socialists was whether the Socialist Republics and later the Soviet Union could succeed in moving to an economic and political stage qualitatively higher than capitalism, or at least to supersede it in significant respects. I would define six major objectives on which the October revolution might be evaluated.

– First, the claim that hierarchical political economic coordination was an effective alternative to individualist market competition; that planning was superior to the market.

– Second, the assumption that social class is the major actor in politics.

– Third, the promotion of political altruism: that all citizens would participate in the affairs of society as ‘comrades’ and leaders would act in the interest of society; that society could be organised on rational forms of collectivism and cooperation without the need for private property and profit.

– Fourth, that a just society could be better ordered on the basis of actual equality rather than equality of opportunity.

– Fifth, it endorsed a secular society. People would be able to shape their own wills based on human reason independently of gods and religion.

– Finally, October provided a focal point for socialism as a world movement for all working people (*trudyashchiesya*). It provided an alternative socialist model of political control, economic planning and social welfare superior to capitalism.

In this paper I can only consider one or two of these propositions.

Building the Soviet Union

In the years that followed 1917, Soviet policy evolved from the footprint of Tsarist Russia. I have defined the ensuing political formation as a state socialist society. The economy was organised on the basis of a plan, central control and direction rather than through a market. Led by the Communist Party, the objective was to create a communist society*. Similar to Russian Orthodoxy and the peasant

commune, Soviet Russia shared a collectivist and public form of personal integration rather than an individualist one manifested in an autonomous civil society. The Bolshevik regime extended state ownership and control which was similar in some ways to the pre-Soviet economic and political formation.

Faced with the backwardness inherited from the Tsars and the continuing confrontation with the Western powers, the Communist leadership embarked on a policy of industrialisation and modernisation. Marxism which had arisen as a critique of bourgeois society became transformed into Marxism-Leninism – an ideology of development which provided an intellectual rationale for the economic and political action later undertaken under Stalin. State socialism, as it evolved between the two world wars, became a coherent alternative to the capitalist-market and private-ownership form of industrialisation. Whether one likes it or not, Bolshevism was an alternative to market capitalism – something which its Marxists critics have never achieved.

Comprehensive central planning was adopted. Distribution and production were controlled by the bodies of central planning. The market and its institutions, such as independent banks, and monetary indicators (the rate of interest) were abolished. The market system was replaced by a centrally organised and government controlled economy – a ‘command economy’. The government channelled resources towards rapid industrialisation – rather analogous to Western governments under a war economy. The rate of capital investment was high: it flowed to heavy industry rather than to consumer goods. The social infrastructure of education, health and culture was also developed.

Moreover, the institutions of Soviet society in which industrialisation was carried out were quite different from those of Western capitalism and the previous Tsarist order. It was not a form of state capitalism because there was no production of exchange value. There was complete public ownership of the means of production; the state directed economic surplus for developmental investment; the outflow of profits was prohibited. Such measures demanded administrative direction and control in the place of the market mechanism.

Policy in the Countryside

Agriculture had been the mainstay of the Russian population. The October Revolution resulted in land reform (nationalisation of land by the government which abolished the large estates) and an equalisation of holdings (as land had been seized and divided for use by the peasants). This gave rise to a large number

* Details see: [18, pp. 6–7].

of peasant farmers with less capital per unit than before the Revolution. State farms (large scale agricultural units under state management) favoured by Lenin, were few in number. On the contrary, in the place of the pre-revolutionary large estates, there was a reversion to small scale peasant agriculture.

Collectivisation of agriculture took place in 1929. The political leadership considered that such a course of action in agriculture was necessary for two principal reasons. It enabled resources to be channelled to the towns to feed the newly mobilised working class – surplus derived from agriculture rose from 20 per cent in 1913–4 to 36 per cent in 1939. And, at considerable political cost, collectivisation crushed the traditional peasantry – who were considered to be a potential counter-revolutionary group. It secured urban economic and political power over the village.

By 1937, 235,000 collective farms had replaced the 26 million peasant productive household units existing in 1929. The costs were high and millions of peasants were displaced; moreover, in retaliation many slaughtered animals and burnt crops. Cooperative production of agriculture was organised: peasants were put under the management of collective farm chairpersons who, as agents of the central planners, controlled the product mix and, most important of all, the surplus produce. The system had parallels with the Tsarist system of estates, as collective farmers were 'tied' to the collective farm and could not leave for the towns without the collective's permission.

The economic effects of Soviet developmental policy were positive and narrowed the gap with capitalist type economies. Estimates by Gerschenkron show that output of Soviet large-scale industry increased at an annual rate of between 15 and 17 per cent between 1928 and 1938; Soviet industrial output as a ratio of American output rose as follows: 6.9 per cent in 1913, 27.3 per cent 1932, 45.1 per cent 1938 [10, Supplement, p. 166].

Consequently, the defence capacity of the Soviet Union was greatly enhanced and the armed forces had an economic base on which to fight the Second World War. By 1943, the USSR already exceeded Germany's production of armaments. This was an enormous achievement.

The USSR copied advanced technological processes and organisational techniques from the core capitalist countries. By the end of the 1950s, the USSR had been transformed from an agricultural to an industrial country producing aircraft, advanced military equipment and later computers, space satellites and electronic systems. And a good system of comprehensive public health and education had been introduced as the basis of a welfare state.

Social Progress

While the USSR (and after the Second World War other socialist countries) had levels of gross domestic product per capita ranging from 30 per cent to 50 per cent of that of Western European countries, their human development index was comparable and nearly all the European socialist societies were in the high development bracket*. Life expectancy in the USSR in 1990 for example was 70.6 years; for the UK 75.5 and for the USA 75.9**. The statist socialist system was able to direct resources into education and human infrastructure raising human development to levels higher than suggested by the figures for GDP.

Political mobilisation was achieved through exposure to the mass media which was utilised to further economic development and political solidarity. The media sought to organise loyalties around an image of a supra-national socialist USSR. After the Revolution, the old system of titles and honorific awards were abolished. They were replaced with orders and medals bestowing social and political recognition on servants of the Soviet state. Women were given legal equality with men. Divorce was made easy. 'Socialist' ceremonies of marriage and of initiation into the working class were instituted. Public holidays celebrated things socialist and Soviet (the October Revolution and May Day) replacing religious ones. The objective was to create a climate of expectancy and change in which people could be assimilated into a newly constructed Soviet society. To a considerable extent old beliefs were destroyed by the new symbolic forms state socialism.

An enduring feature was that the centre of revolutionary socialism shifted from the West to the East; from Germany to Russia. The formation of the Third International (the Comintern) in 1919 defined a communist alternative to reformist social-democracy headed by Russia's state power. Whereas the success of October had the effect of splitting social-democracy in Western Europe, it had a positive impact on revolutionary movements in colonial countries, which also had large agricultural populations. Soviet Russia had cut free from the world capitalist system but had to make its own way as a post-revolutionary power. The Russian Revolution became a beacon for countries experiencing development under conditions of imperialism.

* Data based on: life expectancy at birth, adult literacy, school enrolment (later mean years of schooling, expected years of schooling) and gross national income per capita (PPP\$). For detailed figures on the standards in different countries see: [13, pp. 128–129; 14, pp. 119–121].

** Data from [15, p. 127].

There was a hidden and negative side to October. The absence of a market led to the growth of a state administrative system. This included not only the economic and welfare ministries but also 'power' institutions which sought to protect the state from internal sabotage and external attack. A huge state structure (with no division of powers) as under the Tsars came to characterize state socialism – though significant federative administrative divisions (Soviet Socialist Republics within the USSR) coinciding with national and ethnic divisions, were set up.

The need for political surveillance to guard against real and supposed adversaries led to the creation of a comprehensive web of police and security services. These in turn matured into important political and economic formations: security became detached from Party control and accrued considerable economic powers from the forced labour camps which came under their jurisdiction. Political purges, including the murder of leading Bolsheviks, were important features of Stalinist rule*. Repression became a feature of Soviet society under Stalin. While the exact numbers of victims are unknown, during the 'Great Terror' of 1937–38, it has been estimated that 1.5 million people were arrested of whom some 700,000 were executed**.

This oppressive system was due to a combination of factors. Social revolutions are always accompanied by internal civil war: in Cuba and China it preceded the seizure of power; in Soviet Russia and France it followed it. The political culture of Russia traditionally had not developed controls and checks over administrative rule. There was an absence of a democratic culture. As critics of Bolshevik power point out: 'Centuries of serfdom and autocratic rule had prevented the ordinary people from acquiring the consciousness of citizens... The popular notion of power in [Soviet] Russia continued to be articulated in terms of coercive domination and quasi-religious authority derived from the traditions of serfdom and autocracy rather than in terms of a modern law-based state distributing rights and duties between citizens' [9, p. 809]. The centralisation of the Party and its claim to political hegemony provided a legitimisation of central control (though not violence).

The country was always under external threat – by invasion of foreign forces during the civil war, by the menace of Hitler's Germany and in the post-World War II period by

US and NATO encirclement. One effect of the success of Soviet power was that it had galvanised adversarial right-wing forces in Europe and the USA. 'Anti-communism' became a counter ideology and led to the rise of fascist powers in Italy, Austria, Germany and Spain which in turn provided a base for the ruthless and savage invasion of the USSR in 1941. Even in 1923 when the imprisoned Adolf Hitler wrote *Mein Kampf*, he considered the 'Russian Bolsheviks' as 'blood-stained criminals' and Germany was 'the next battlefield for Russian Bolshevism' [12, pp. 538, 539].

The country's management was in the hands of the harsh and uncompromising personality of Stalin and the people promoted by him. The absence of adequate legal procedures led to many injustices and criminal deaths.

All these factors in combination contributed to the creation of a regime which, under threat, relied on repression to forestall potential opposition. Explaining the context of repression, however, does not entail the legitimisation of criminal actions which have to be condemned. The image of socialism, both domestically and abroad, suffered greatly as a consequence of these crimes.

The Socialist Welfare State

While forms of oppression figure prominently in critical accounts of the Soviet model of socialism, the administrative system secured many advances which moved significantly away not only from the Tsarist system but also from the ways that capitalist market systems performed. In the years following 1917, many more ostensibly socialist measures were taken by the government. Three major developments may be mentioned here: first a great equalisation in income and wealth; second, the abolition of structural unemployment; and third, the introduction of a comprehensive welfare state.

In addition to the seizure of the landed property of the aristocracy and the economic assets of the bourgeoisie, the personal possessions of the rich were expropriated. An attempt was made to enhance the status of manual labour. A remarkable long term equalisation of income was achieved. As shown in Figure 1, the top 1 per cent of the population possessed 18 per cent of the national income in 1905; from 1927 onwards it fell to between 4 and 6 per cent. During this time the comparable share in the USA was around 22 per cent between 1916 and 1935.

There was an unprecedented levelling up of the income of the manual working class. Figure 2 shows the trend from 1932 to 1986: the average pay for manual workers is shown at 100 with ratios for office workers and non-manual technical employees. While these data

* See particularly, [17; 27; 28].

** Estimate based on **Andrei Zhurkov's study of NKVD archives**, cited by [29]. **For an overview see [25].**

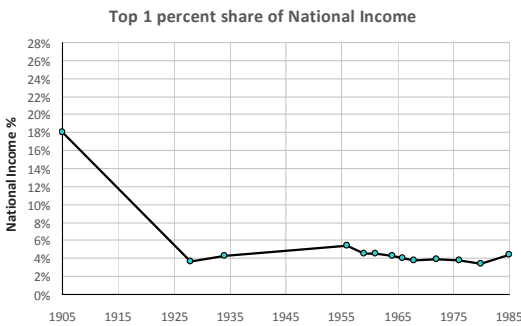

Figure 1. Russia: Share of Top 1 per cent of families of national income 1905–1985. Source: [26, Figure 8A, Data for Russia, pre-tax income].

are for employees in industry they truly reflect general changes in Soviet society. Moreover, in all the European state socialist societies, pre-war differentials between salaries and wages, male and female, skilled and unskilled, industrial and agricultural earnings all fell considerably*.

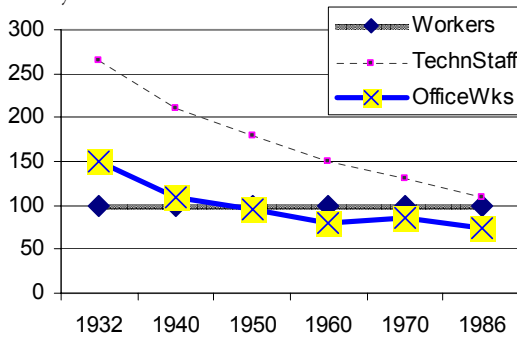

Figure 2. Income Differentials in Industry: USSR 1932–86. Data based on [2, p. 431; 4].

Money wages, of course, were not the only determinant of income. Many of the elite, not only politicians, but famous authors, musicians and film stars, were able to receive better accommodation**, access to quality food, medicine (and their children, better schools). Such administrative perks were important. Workers had access to supplies which could be pilfered. However, money wages were the most important component of income for the population as a whole and wage-ratios are still the best guide we have to relativities. The lower relative pay of the professional and technical classes indicates the desire on the part of the political leadership to enhance the position of

* Data cited in [5, pp. 26, 27]. See particularly note 2 ([5, p. 26]) for comparisons between 1937–39 and 1948 in Czechoslovakia.

** Relative to the West, such advantages were relatively modest. They also had access to state provided chauffeured cars, good hospitals and holiday homes (though they did not own them).

manual workers at the expense of non-manuals. This policy caused resentment on the part of professionals who rightly believed that under capitalism their differential and real income would be much higher. At the other end of the scale, poverty continued, especially for people who had an incomplete labour record and who received lower than average pensions; this included people with disabilities and single parent families who were likely to be poor. This was a reflection of their employment record which generally determined pension payments.

The second achievement was that structural unemployment was averted; social policy had as one of its goals the maintenance of a fully employed labour force with security of tenure. This had the consequence of reducing considerably the amount of poverty compared to capitalist societies. The advocates of state socialism pointed to the absence of a reserve army of labour which gave the working class security of living standards. Women increasingly became an important part of the labour force with exceedingly high rates of paid employment. By 1986, women constituted 51 per cent of the employed labour force [2, p. 416]. This gave women greater independence and there were usually two income earners in the family. Child care for working mothers was provided on a comprehensive scale in the USSR well before the welfare states of the West. On the other hand, it often left women with dual responsibilities – in the home as well as the place of employment. In many sectors (particularly in politics) a glass ceiling operated resulting in male domination in positions of power.

Cultural Revolution

Thirdly, the Soviet Union pursued a policy of cultural revolution and social development. The objective was to introduce comprehensive mass social services and to capture the minds of the people. Welfare (education, health) and state benefits (pensions) and subsidies (for housing and food) became significant components of the standard of living. In place of the stratified system of education inherited from Tsarist Russia, comprehensive and poly-technical education was introduced with a common syllabus for all pupils. Mass literacy campaigns were instigated. In 1926, the Soviet authorities claimed that 51.1 per cent of the population aged over nine years was literate and by 1939, the figure reached 81.2 per cent [1]. Yet by 1959, the census showed that by far the largest group of the population had received only an incomplete secondary education. However, a massive change had taken place in the social structure which was to have profound demands on the political system. In

38 | 1939 in the Soviet Union only 1.2 million people had completed higher education; by 1982 the number had reached 76 million, just under half of whom were women [3, p. 42].

Compared to other countries at similar levels of development, spectacular advances were made in the field of public provision. The number of physicians per thousand of the population rose from 0.17 in 1913 to 0.74 in 1940 and 1.97 in 1961; in India in 1956 the ratio was 0.17, in Japan in 1959–60, 1.09 and in the USA in 1961, 1.28*. Public goods were highly subsidised. Books, theatres, cinema, art and newspapers were considerably cheaper than in market societies. The market was substantially weakened as a distributive mechanism and replaced by administrative redistribution.

However, Soviet society disappointed many egalitarian socialists and idealists. Distribution was according to work performance, not to need. There was an unequal distribution of commodities and services and status differentiation between social groups continued. But income differentials were relatively narrow and there was no private ownership of wealth. Even if one takes account of benefits in kind which were enjoyed disproportionately by the administrative classes, the gap between the richest and poorest was relatively low and at a qualitatively different level to differentials in the advanced capitalist states.

Research has shown that, with some notable exceptions, the ranking of the desirability of jobs followed a similar scale as that in the capitalist West, though the income relativities did not. The exceptions were the position of groups of manual workers (such as miners) who were ranked higher, and farmers (in practice peasants in collective farms) who had less status**. Even though the money incomes of professional workers, such as physicians, lawyers and artists were severely depressed and were not much more than the wage of the average skilled industrial manual worker, their status ratings remained relatively untouched***. This kind of 'status incongruence' led to domestic discontent and was a major stimulus for reform.

Soviet State-Socialism

While the system of state socialism had many imperfections and inadequacies, Soviet Marxists, some confidently and others reservedly, claimed that the October Revolution had succeeded in transcending capitalism and had

completed the building of the first stage of socialism. Their main argument was that the means of production were collectively owned thus ensuring the absence of a capitalist class, and that economic coordination was achieved through planning rather than the market. Most would agree that, even though this system was not socialist in an ideal sense, state socialism acted as a powerful tool to integrate the socially and geographically mobile population into a stable society. At least, one might conclude that the Soviet Union had constructed an industrial society with socialist characteristics.

Its effects, as an economic and political model for countries, were uneven and varied over time. During the period up to the 1950s economic planning was well received and stimulated policies of West European social-democratic parties after World War II. Nationalisation of assets and government controls of capitalist economies were widely adopted.

But the Soviet system was strongly opposed by Western liberals and critical Marxists who contended that exploitation and conflict of one form or another continued in Soviet-type societies and that the Revolution had failed to surpass capitalism. It was also strongly denied by the opponents of socialism in the West, who considered that Soviet power was a form of administrative domination. A ruling class, it was contended, had arisen based on the control of the means of production. Even in the Soviet Union, a counter ideology of market reforms and electoral democracy was promoted by the movement for radical reform under Gorbachev.

Consequences of October

How then can we evaluate the consequences of the October Revolution? The crux of the dilemma is whether the Socialist Republics and the Soviet Union succeeded in moving to an economic and political stage qualitatively higher than capitalism, or at least to supersede it in significant respects. Here I turn to examine the extent to which the six major aims of Soviet power (defined above) had been achieved by the mid 1980s and what deficiencies spurred the reforms undertaken by Gorbachev.

First, there is the claim that hierarchical political economic coordination is an effective alternative to individualistic market competition. This objective was vindicated by the experience of the Soviet bloc. Modern societies can be organised effectively on the basis of rational forms of planning and without the need for private property and profit. A caveat here is that the planning system became less efficient as the economy became more complex and developed. Nevertheless, the Soviet Un-

* Data based on Soviet and Western sources, cited in [30, p. 166].

** There were regional variations: the position of priests in Poland reveals only a slight decline though in Czechoslovakia, it was considerable.

*** See details in [19, Chapter 3] and [7].

ion had narrowed the gap with the Western states. One important drawback, moreover, is that consumer satisfaction was considerably higher in the Western market economies than in the socialist ones.

Second, there is a contention that abolition of classes is a necessary condition for a planned socialist economy. Soviet type societies were indeed classless and, in a Marxist sense, economic exploitation had been abolished. However, such classlessness was not a sufficient condition to abolish inequalities in the exercise of economic and political power. Patriarchy, derived from the Tsarist family heritage, and bureaucratic control continued. Factors other than property ownership have to be taken into account in the analysis of political power.

Third, October claimed to enhance democracy. Here significant strides were made to increase participation in society, and the political leadership secured advances in promoting equality of income and social conditions. However, politically, bureaucratic control exerted a form of administrative domination commanded, not by economic classes, but by elites whose power derived from control of economic and political resources. The political system had not realised the political potential of a more highly participant political culture.

Fourth, October promoted social equality. In this respect all the state socialist societies sponsored real equality of outcomes rather than, as under Western social-democracy, the pursuit of equality of opportunity. Differences in levels of real income were significantly diminished compared with both pre-October Russia and Western capitalist countries. While inequalities continued with respect to access to scarce goods and services, social equality was a significant achievement of the socialist regimes. One consequence was that in comparisons with the more highly paid executives, owners, managers and professionals in the West, many like statuses in the socialist states felt undervalued. The political leadership was unable to contain public aspirations for a consumer society.

Fifth, the revolution rejected religion. Secularism strengthened the linkage between promise and reality; rewards would not be forthcoming in another world. Consequently, a secular society was achieved without any serious lack of moral or social sensibility. Socialist rituals and ceremonies, commemorating May Day and the October Revolution, effectively replaced religious ones. However, as the socialist states developed economically, a socialist ethic, the aspiration for a 'world of comrades' was overpowered by an ideology of consumerism.

Finally, October sought to establish a focal point for socialism as a world movement. In this respect, the revolution succeeded in providing an alternative socialist model of political control and economic planning. The USSR stimulated the introduction of state planning and welfare state provision after the Second World War in many Western European countries. Of greater importance, October was an immense stimulus for socialism as a world movement for all working people (*trud'yashchisya*), and particularly in countries (such as India and China) opposing colonialism. But the Soviet forms of coordination both in politics and economics were increasingly open to criticisms of over-centralisation and an absence of real democratic participation. Consequently, the economic and political model introduced in Soviet Russia and the USSR had greatest appeal to the developing world.

Internal Critique and Dismantling of the Soviet System

The reform movement led initially by Mikhail Gorbachev sought to address some of these deficiencies. In 1986, he launched his programme of *perestroika*. This policy led to the dismantling of state socialism and a reversal of many of the economic and political objectives of the October Revolution. It was nothing less than a counter-revolution from within the state socialist formation rather than, as expected, from the global forces of capitalism. In December 1991, the world's first communist state, the USSR, was dismembered into 15 sovereign states. The critical mass of the world communist system was dissolved. Despite the catching up achieved in the socialist industrialisation periods, the socialist societies had not reached a similar economic level to the advanced capitalist states. The level of technology fell below that of the West and the 'technology gap' was not closing*. It is true that the socialist bloc experienced falling rates of growth from 1970 onwards. In this context, the reform leadership of Gorbachev sought to join the world market in order to improve their technological capacity.

Gorbachev precipitated change not only in alliance with domestic strata seeking a shift to a market system but also he had to cultivate dominant exogenous support. As a consequence of opposition to its policy, the Soviet leadership was pushed into dependence on outsiders to sustain the move to a market economy. As a former adviser to Gorbachev has cogently put it: '...[T]he task of [Gorbachev's foreign policy] was not to protect the USSR from the outside threat and to assure the internal stability but almost the opposite: to use rela-

* See [24].

40 tions with the outside world as an additional instrument of internal change. He wished to transform the West into his ally in the political struggle against the conservative opposition he was facing at home because his real political front was there' [11, p. 3].

The politics of the radical reform leadership, first under Gorbachev and then under Eltsin, sought a pact with foreign world actors. This process again illustrates the incursion of external actors in Russia. The latter insisted on a policy of competitive markets in the polity (parties and competitive elections) as well as in the economy (privatised production for exchange, and money which would be negotiable in international markets). This would be assured by establishing the rule of law to guarantee rights to property and its proceeds. These policies had clear implications for 'transition' in the USSR and later in the Russian Federation. A marketised form of exchange paved the way for the induction of Western products, capital (to purchase domestic assets) and the exploitation of the indigenous labour force.

The state-owned and centrally planned system introduced by the October Revolution was reversed and the political leadership of the post-communist states turned to introduce markets, private property and competitive party democracy as ways to transform the communist societies.

In doing so they reversed many of the achievements of the October Revolution. Not only did the reformers repudiate the claim that the USSR had any political pretensions of extending its power internationally but the USSR joined the world market system on terms laid down by the West. This moved October to the unexpected and unanticipated fourth stage of revolution: counter-revolution.

The Soviet Union can claim a fourth 'decisive moment' to update Stefan Zweig's list: the deletion of the 'leading role' of the Communist Party of the Soviet Union from the Constitution of the USSR in March 1990. This action decisively ended the epoch promised by October and heralded a return to capitalism.

Conclusion

The capture of power by the Bolsheviks in October 1917 was dependent on two major precipitants: the dislocation caused by the war with Germany which significantly weakened the incumbent power of the Tsarist order and its foreign allies, and Lenin's political strategy which provided an organisational, ideological and social basis for the Bolshevik insurgents. The conditioning factors which later constrained the revolutionary leadership were domestically, a backward peasant based

economy and, internationally, a hostile political environment. Lenin's assumption that a successful uprising in Russia would be followed by a socialist revolution in Europe did not materialise.

Consequently, the Russian communists came to power in one of the most politically, economically and socially underdeveloped countries in Europe. These conditions were exacerbated by the chaos created by the consequences of the First World War and civil war. Economic backwardness and traditional social mores required the socialist political leadership to effect economic development similar in character to the form industrialisation took in other countries, and to devise a cultural revolution to overcome traditional ways of thinking about family, work and authority. The constant fear of foreign intervention gave rise to a fortress state.

A great and lasting achievement of the October Revolution was to demonstrate that an industrial society could be constructed without a capitalist class and a market economy. The resulting society built in the post-1917 era had many hallmarks of a socialist order in terms of social equality and welfare, though some of the traditional forms of authority and personal relations continued. Industrial relations devised under capitalism were also copied as part of the rapid industrialisation drive. The USSR provided a model of a state-led planned economy which was initially imitated extensively in many countries, including China and Cuba which, in turn, influenced other political movements in Asia and Latin America. The introduction of planning and welfare state provisions had a considerable influence in shaping public policy in European states, particularly in France, the United Kingdom and initially in the European Union.

The Soviet period of economic development greatly enhanced the USSR's economic power. All the state socialist societies experienced significant advances in living standards, life expectancy and particularly the provision of social goods and services. However, the countries of the Soviet bloc could not match the consumer society of the West. Moreover, the political antagonism of Western governments, defending a capitalist form of economic order, continued. The political and economic conditions inherited in 1917 left a mark. The political isolation of the USSR making it a fortress state was a major factor forging a threatened and defensive political leadership and the political order began to take on some of the repressive characteristics of a Tsarist autocracy which became amplified under the Stalin regime – though these were renounced by later Soviet leaders.

The consequences of state led industrialisation ensured far-reaching changes in the class structure which gave rise to contradictions between occupational and administrative groupings. These provided the basis for a class of radical reformers who, allied to external interests, undermined the socialist system in the USSR and the states of Eastern Europe. Attempts by successive Soviet leaders to match, and even surpass, Western life-styles (particularly mass consumerism) as well as efforts to break the political deadlock with, and military threat from, the leading capitalist states, led to the dismantling of the socialist planned economy and to the ending of Communist Party hegemony. Consequently, the political chal-

lenge to capitalism was replaced by efforts to join the capitalist world system.

The socialist block did not spontaneously 'collapse'. The socialist project heralded by October was ended as a consequence of policies of the Soviet Union's political leadership to return to the world capitalist economy. But we have to remember that the radical reform movement, which undermined state socialism, was not just orchestrated from the top, but received at the time considerable public approval. State socialism failed to mobilise sufficiently solidarity networks in society. In this respect the political leadership in the socialist states failed to keep pace with the demands of its modern educated population.

Bibliography:

- [1] Народное образование в СССР / Под ред. И.А. Каирова [и др.]. – Москва: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1957. – 783 с.
- [2] Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный статистический ежегодник. – М.: Финансы и статистика, 1987. – 766 с.
- [3] Народное хозяйство СССР 1922–1982. Юбилейный статистический ежегодник. – М.: Финансы и статистика, 1982. – 623 с.
- [4] Труд в СССР. Статистический сборник. – М.: Статистика, 1968. – 342 с.
- [5] Asselain J.-Ch. The Distribution of Incomes in East-Central Europe // Equality and Inequality in Eastern Europe / Kende P., Strmiska Z. (eds.). – Leamington; New York: Berg, 1987. – P. 21–62.
- [6] Edmonds R. Churchill and Stalin // Blake R., Louis W.R. Churchill. – Oxford: Oxford University Press, 1993. – P. 309–327.
- [7] Equality and Inequality in Eastern Europe / Kende P., Strmiska Z. (eds.). – Leamington; New York: Berg, 1987.
- [8] Ferguson N. // Sunday Times. –13 August 2017. – P. 4.
- [9] Figs O. A People's Tragedy. The Russian Revolution 1891–1924. – London: Jonathan Cape, 1996.
- [10] Gerschenkron A. The Rate of Growth in Russia // The Journal of Economic History. – 1947, vol. 7.
- [11] Grachev A. Russia in the World / Paper delivered at BNAAS Annual Conference. – Cambridge, 1995.
- [12] Hitler A. Mein Kampf / Unexpurgated edition. – London: Hurst and Blackett, 1939.
- [13] Human Development Report 1990 // United Nations Development Programme. – Интернет ресурс. Режим доступа: http://hdr.undp.org/en/media/hdr_1990_en_indicators1.pdf
- [14] Human Development Report 1991 // United Nations Development Programme. – New York, 1991.
- [15] Human Development Report 1992 // United Nations Development Programme.
- [16] Jode. Winston Churchill and the Rise of Bolshevism 1917–1927. – Интернет ресурс. Режим доступа: <https://jodeblogs.wordpress.com/2015/05/29/winston-churchill-and-the-rise-of-bolshevism-1917-1927/>
- [17] Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilisation. – Oakland: University of California Press, 1996.
- [18] Lane D. The Capitalist Transformation of State Socialism. – London: Routledge, 2014.
- [19] Lane D. The End of Social Inequality? Class, Status and Power Under State Socialism. – London; Boston; Sydney: George Allen & Unwin, 1982. – 176 p.
- [20] Lenin V.I. Imperialism: the Highest Stage of Capitalism // Collected Works. Vol. 22. – Moscow: Progress publishers, 1964.
- [21] Lenin V.I. The Significance of Fraternisation, Pravda № 43, May 11 (April 28), 1917 // Collected Works. Vol. 24. – Moscow: Progress publishers, 1964. – P. 318–320.
- [22] Lenin V.I. The Tasks of the Proletariat // Collected Works. Vol. 24. – Moscow: Progress Publishers, 1964. – P. 29–35.
- [23] Lenin V.I. What is to be Done? (December 1902) // Collected Works. Vol. 4. – Moscow: Progress Publishers. – P. 347–530.
- [24] Luke T.W. Technology and Soviet Foreign Trade: On the Political Economy of an Underdeveloped Superpower // International Studies Quarterly. Vol. 29. – 1985, № 3 (Sep.). – P. 327–353.
- [25] McCauley M. Stalin and Stalinism. – London: Longman Pearson, 2008.
- [26] Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia 1905–2016 // NBER Working Papers. – 2017, № 23712.
- [27] Shearer D.R. Policing Stalin's Socialism: Repression and Social Order in the Soviet Union, 1924–1953. – Yale University Press, 2009.
- [28] Swianiewicz S. Forced Labor and Economic Development. – London: Oxford University Press, 1965.
- [29] Walker S. // The Guardian (London). – 6 February 2017.
- [30] Wilber C.K. The Soviet Moel and Under-Developed Countries. – Chapal Hill: University of North Carolina Press, 1969.

ФОРМИРОВАНИЕ БУРЯТСКОГО ЭТНОСА В СТРУКТУРЕ ТЕРРИТОРИИ И СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

В научной литературе взгляды на проблему образования бурятской народности разделяются на две группы. В первой ученые утверждают, что ко времени появления русских на Байкале народность уже существовала. Во второй группе утверждается, что народность возникла после прихода русских в Предбайкалье и Забайкалье. В данной работе рассматривается проблема бурятского этногенеза через территориализацию.

Ключевые слова:

буряты, территориализация, этногенез, этнос.

Тезич М.Дж. Формирование бурятского этноса в структуре территории и социального пространства // Общество. Среда. Развитие. – 2018, № 3. – С. 42–46.

© Тезич Мустафа Джан – кандидат социологических наук, преподаватель, Университет Анкары, Анкара; e-mail: cantezic@yahoo.com

Проблема образования бурятской народности делит специалистов на две группы. В первой ученые, такие как Н.Н. Козмин [12], Н.П. Егунов [8], С.А. Токарев [19], Г.Н. Румянцев [17] утверждают, что ко времени появления русских у Байкала народность уже существовала. С другой стороны, вторая группа ученых, к которой относятся Б.Б. Барадин [3], А.П. Окладников [15], Б.О. Долгих [6], Л.Р. Павлинская [16], Е.М. Залкинд [10], Д.Д. Нимаев [14], утверждает что народность возникла после прихода русских в Предбайкалье и Забайкалье [11, с. 121–129].

Мы согласны с учением, которое утверждает, что народность возникла после прихода русских в Предбайкалье и Забайкалье. Мы согласны, потому что считаем, что территориальное разграничение как «социальное действие» [18, с.112] придает разным родоплеменным группам представление единства.

По нашему мнению, в процессе этногенеза важную роль играют разные факторы. Территориальное формирование – тоже фактор, который помогает формированию этнического представления. В случае Бурятии этническое объединение начало кристаллизоваться в процессе перехода от кочевого образа жизни к оседлому при русском урвлении, в течение которого различные племенные принадлежности объединялись под этнической принадлежностью в современном смысле.

В данной статье мы рассуждаем об отношении между территориализацией и процессом формирования этнической принадлежности. В рамках этого рассуждения, сравнивая территориальную принадлежность с принадлежностью человеческих представлений, мы исследуем, как

появлялась этническая принадлежность под этнонимом буряты.

Для того что бы проанализировать эту тему, теоретическими предметами выбраны теория этноса и humanistic geography.

Теория этноса

По Ю.В. Бромлею, определение этноса делится на два основных понятия, в узком и широком смыслах. В узком смысле этнос получил название «этникос» и определяется как исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями языка, культуры и психики, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознанием), зафиксированных в самоназвании (этнониме) [4, с. 57–58].

В широком смысле концепт принял название «этносоциальный организм» (ЭСО). Термин означает: этнос, существующий в пределах социально-политической жизнедеятельности. По словам Ю.В. Бромлея, ЭСО в истории человечества существует в разных формах групповой принадлежности, таких как племя, народ и нация [4].

С другой стороны, Д.А. Доржев утверждает, что абсолютная интеграция этноса не происходит [7, с. 3–4]. Границы примордиальной принадлежности являются смутными и переплетёнными.

Согласно мнению Ю.В. Бромлея, с усилением этнического сознания примордиальные принадлежности превращаются в рамках иерархической структуры в субэтнос, этнос и метаэтнос.

В этой сложной системе не только метаэтносы могут иметь разные этнические группы, но и разные этносоциальные ор-

ганизмы могут находиться в одном этнокосе или в этнографическом пространстве [4, с. 82–87]. Таким образом, один и тот же человек может одновременно принадлежать к нескольким примордиальным объединениям разного уровня. Этносоциальная структура кочевого периода тоже структурирована в иерархии: улус, табун, поколение и род. Различные роды могут иметь чувство близости в языковой или этнографической области.

В итоге, в иерархии социальной ячейки – примордиальная принадлежность – «мы» является динамичным и переплетённым явлением. Сущность примордиальной принадлежности может изменяться в зависимости от различных факторов. Территориализация – один из факторов, влияющих на сущность примордиальной принадлежности.

Место и пространство

По мнению географов, *place* (место) – понятие, которое выражало противоречивые отношения между субъективностью и ландшафтом в рамках человеческого опыта.

Туан (Yi-Fu Tuan) провел исследование, сравнивая *space* (пространство) с местом. По мнению Туана, пространство описано как открытая область, которая дает возможность действия и движения. С другой стороны, место имеет ограничительную структуру, которая ограничивает действие. Другими словами, место связано с субъективной оценкой и заключается в смысле *территориальная зона*. То есть, пространство имеет объемы, и у каждого объема в этом пространстве есть геометрическая плоскость, которая создана субъективным суждением (см. [22, с. 8]).

Релф (E. Relph) определяет процесс интернализации географической среды в человеческом сознании через несколько этапов, таких как время, идентификация и воспоминания. Можно утверждать, что место приобретает смысл в результате человеческого опыта. Это субъективное суждение порождает идентификацию и принадлежность. Со временем укрепленная идентификация возбуждает воспоминание. Таким образом, реализуется ощущение принадлежности к территориальной зоне.

Так, Туан чтобы обозначить эмоциональную связь между людьми и местом, развил специальный термин '*topophilia*' (топофилия). Туан трактует место как вещь, содержащую смысл, который обеспечивает нам способность абстрактного мышления [22, с. 8].

По мнению Р. Сак (R. Sack), структура места динамична. И социальные отношения являются одним из факторов, определяющих место. Сак утверждает что, каждому типу места присущи своеобразные социальные отношения, которые содержат уникальные социальные нормы. Единство места организовывается и поддерживается через эти социальные нормы. Какие-либо изменения в этих социальных отношениях побуждают изменение смысла и роли места [22, с. 66–74; 23, с. 74–79].

Таким образом, можно утверждать, что место несет функцию развития групповой принадлежности на своей территории. Но какие-либо изменения в социальных отношениях в данном месте влияют на принадлежность к группе.

Кочевой образ жизни и пространственное восприятие

При исследовании кочевых обществ была замечена динамическая устойчивость соответствия между природой и потребностями населения. В кочевых обществах метод производства связан с природой, в таких обществах человеческое поведение и культура ограничены природой и естественными природными ресурсами этой области. Так, соответствующие социальные нормы и социальные отношения развиваются и регулируются в связи с использованием природных ресурсов.

Почва, растительность, природные ресурсы, влияют на культурное мировоззрение, стиль жизни, которые определяют социальные отношения и значение места. Поэтому можно сказать, что природа как среда обитания не только влияет на менталитет человека но также – на основание групповой формы принадлежности.

В этом кочевом пространстве род был основной социально-политической единицей «этносоциальный организм» (ЭСО). И у каждого рода/ЭСО была своя территория, которая обеспечивала его существование.

Но в процессе перехода от кочевого образа жизни к оседлому в российской администрации менялось пространственное восприятие протобурятцев. Изменение социальных отношений на новой территории влияет на групповую принадлежность. Это привело к формированию этнической принадлежности бурят.

В связи с этим теоретическим построением мы спрашиваем: возможно ли, что место как восприятие и идентификация определенных ценностей географического пространства влияет на самоидентификацию человека? Во-вторых, любое измене-

ние в дополнительных компонентах места приводит не только к изменению формы места, но и к изменению самоидентификации человека, который живет в этом месте? Чтобы ответить на эти вопросы, мы можем рассмотреть формирование идентичности бурят в рамках дианамической структуры места.

Социальная структура протобурятского населения до присоединения Байкала к России

С конца XIV в. Монгольской империи начался период феодальной раздробленности. В результате этого процесса в XVI в. и начале XVII века империя была разделена на три части: Южная Монголия, Халху, и Ойратия. Они в свою очередь разделялись на маленькие владения – ЭСО. Во время разделения и внутренних коллизий зона Байкала ослабила свои политические связи и направила усилия на свою внутреннюю жизнь. В это время (XIV–XVII) озеро Байкал представляло собой отдельное жизненное пространство, которое поделилось на два основных: Предбайкалье и Забайкалье [21, с. 216–218].

При исследовании истории этого региона было замечено, что Байкальский регион находился под контролем многих культурных и политических влияний с древних веков до присоединения к Российской Империи.

Термин *бурат/бурет* или *бурат* появился в Предбайкалье, с ареалом распространения к западу от Байкала. Б.Р. Зориктуев утверждает, что в раннее монгольское время группа Предбайкальских племен называлась одним общим именем *бураад*. Это слово означает *люди леса* или *лесные племена*. У хакасов есть этноним *тырат*. По Доржиеву, этноним *тырат* трансформировался в форму *бураад*, которая стала единым обозначением всего населения к западу и востоку от озера Байкал [7, с. 109–110]. Но, на наш взгляд, этноним бурят не соответствовал ЭСО. Напротив, всё это население, которое было сгруппировано под названием буряты, состояло из разных этносоциальных организмов. И все эти ЭСО имеют свои этнонимы. Поэтому, на наш взгляд, этноним бурят означает метаэтническую общность.

С другой стороны, с появлением русских в Восточной Сибири в документах буряты обозначались как братья (или брацкие люди). Этот термин бурят относится не к одной конкретной общности, а к целой группе территориально и этнически близких друг другу родоплеменных об-

разований. Русские никакого отдельного племени или рода под таким названием не зафиксировали на территории Прибайкалья. У предков бурят есть монгольские, тюркские, тунгусские, самодийские и другие этнические связи. Ранние связи у предков бурят наблюдаются с тунгусскими племенами именно в лесной зоне, и, особенно на западе, можно наблюдать тунгусское влияние на будущее бурятское языка и культуры. Вместе с тем, влияние тюркских племен на бурятскую культуру и язык начиналось с древнетюркского времени. С другой стороны, монголоязычные племена оставались основной частью в этногенезе бурят [13, с. 72–75; 135–136].

В разных протобурятских этносоциальных организациях был свой отличительный образ жизни. В Забайкалье большинство населения протобурят занималось скотоводством. С другой стороны, в Прибайкалье большинство населения протобурят занималось оленеводством. Таким образом, можно утверждать, что в Байкальском регионе есть два разных этнографических места которые повлияли на образ жизни людей. Этот образ жизни создал свои потребности и социальные нормы. Образ жизни протобурят можно охарактеризовать как полукочевой. Они сменяли места жительства всвязи с сезонами. То есть, у каждого рода был свой определенный район для перекочевывания, и по этим местностям роды кочевали в цикле (летние и зимние места, весенние и осенние места). Группы должны были использовать определенный маршрут. Маршруты распределялись между родами. Таким образом, как и политические отношения, этносоциальные группы тоже были сформированы в связи с кочевым образом жизни [1, с. 62–93]. Как утверждает Е.М. Залкинд, еще в XVII в. бурятской народности не было [10]. И так же, по мнению Л.Р. Павлинской, протобурятское население состояло из родов, таких как булагаты, эхириты, хонгодоры, и хоринцы [16]. Кроме четырех племен в Прибайкалье есть еще несколько родовых групп. Среди них шошолки, тэртэ и хойхо. Этнический состав этих групп был весьма неоднородным, состоял из тюркских и монгольских элементов [7, с. 107].

С другой стороны, Забайкалье находилось в составе Сецен-хановского княжества, его западная часть входила в состав Дзасахту-ханского ведомства. Но население Предбайкалья находилось в полузависимом состоянии от монгольских феодалов. Положение Предбайкалья определялось

природным барьером, отделявшим его от Монголии – озером Байкал [7, с. 107].

При рассмотрении родовой (общественной) структуры было замечено, что Бурятское общество образовало иерархическую структуру. *Улус* или *Хотон*; это форма родового союза, которая объединяет население одного поселения, патримониальный союз на данной территории людей, совместно совершавших перекочевки. *Холбон* или *Табин*; представляет собой объединение нескольких улусов. *Род*, в состав которого входило несколько табинов. *Поколение* – это составляющий род элемент. Объединение нескольких поколений составляет род [5, с. 34–45].

Относительно духовной культуры можно отметить, что религия протобуряттов – это шаманизм и буддизм. Шаманы не только соединяли людей с духовным миром, но и имели большой авторитет в своем обществе. Природные объекты, горы, озера, реки, леса имеют духовных покровителей. Кроме этого, также и у каждого племени, рода, и улуса есть свой покровитель. То есть, территориальное/родовое разделение между разными группами приобретало ясность через духовный менталитет [21, с. 223]. С другой стороны, буддизм распространялся именно в области за Байкалом. В то время, как Забайкалье находилось под влиянием буддизма, прибайкалье было под влиянием Шаманизма. Таким образом, можно сказать, что протобурятские племена не объединялись религиозными институтами.

Со временем протобурятские группы распространились в Байкальском регионе, где каждая группа имела своё отдельное территориальное и родовое место. Границы местности, в которой они жили, ограничивалось территорией жизнедеятельности. На этой территории протобурятские группы могли обеспечивать свою жизнедеятельность в рамках существующего этносоциального организма.

Возвращаясь к вопросу, возможно ли, что место как восприятие и идентификация определенных ценностей географического пространства влияет на самоидентификацию человека, мы можем утверждать, что место влияет на самоидентификацию человека и чтобы ответить на этот вопрос, мы должны наблюдать процесс присоединения Сибири к России с точки зрения территориализации.

Присоединение Сибири к России

В XVII веке Россия расширяла свою территорию на восток. В рамках этого

действия царский контроль достиг региона (Прибайкалье) в период с 1625 по 1627. В этот период значение Прибайкалья для Российского царства – это новые земли для переселения. В этих условиях служилые люди, старообрядцы и крестьяне из Европейской России и западной Сибири были отправлены в Прибайкалье. Но в конце XVII в. и в начале XVIII царизм уже не пытался оказывать никакого вмешательства во внутренние дела коренных народов [9, с. 14–22].

В начале XVIII века Российское государство в рамках административных урегулирований разделило Байкальский регион на административные подразделения. В 1796 Сибирь была разделена на две губернии: Тобольскую и Иркутскую. В дальнейшем эти губернии разделялись на области, а области разделялись на уезды. В 1819 году М.М Сперанский подготовил проект в области управления. В 1822 г. правительство ратифицировало *Учреждение для управления Сибирских Губерний и Устав об управлении инородцев*. В рамках органа степного управления каждое стойбище или улус имел свое отдельное родовое управление, и это руководство состояло из старост и одного или двух помощников. Над родовым управлением находилось инородная управа. Сверху роды соединились под началом *Степной Думы*. То есть, *Степная Дума* была высшим административным учреждением. В это административное управление, которое применялось на практике с 1822 до 1837 года, были включены все буряты [9, с.14–22].

В рамках самоуправления буряты, как и другие инородцы, приняли свой собственный юридический статус. То есть, местные административные органы подразделились на главные, губернские, окружные, сельские, и инородческие. Администрация народов Сибири разделялась на три части. Оседлые (оседлый тип жизни) приравнивались к русским. Кочевые – это люди, которые находятся в определенном месте но перемещаются в связи со сменой времен года. Бродячие – люди, которые переходят с одного места по реками и урочищам [9, с. 14–22].

Устав Сперанского сыграл большую роль в установлении взаимоотношений между коренными народами и государством. Благодаря этой системе, которая основана на родоплеменной администрации, Прибайкальский регион стал частью государства.

В период реформ царское правительство стремилось приспособить свою уста-

46 | ревшую систему к новой административной системе. С этой целью с 1886 по 1900 годы сначала в Иркутске, а потом и в Забайкалье Степная дума и учережденный Устав об управлении инородцев были ликвидированы. Это действие породило упразднение родоначальников. В восточной Сибири крупные волости были раздроблены на сельские общества, согласно закону об общественном управлении крестьян Восточной Сибири. В связи с этим буряты не только потеряли административный вес, но также были вынуждены заняться сельским хозяйством и вести оседлый тип жизни [9, с. 14–22].

В начале XIX в. по причине увеличения населения в центральной России Сибирь стала сельскохозяйственным угодьем для крестьянского переселения. В результате земельно-административной реформы и переселенческой политики, первая бурятская политическая активность под руководством родовой аристократии и

буддийского духовенства была направлена против царских политиков [2, с. 48–72; 9, с. 23–44].

В итоге, после присоединения Сибири к России, Байкал является частью Российской империи. В то же время это означает, что Байкал стал единым местом в пространстве Российской империи. В этих рамках царское руководство упорядочило свою роль согласно своим задачам. В результате этой трансформации в Прибайкалье создавались новые административные и юридические порядки. Согласно новым порядкам на местности были переформированы и социальные отношения. В результате этого консолидационные процессы уже начались по обе стороны Байкала, и разные племенные группы начали свое слияние. Начиная с этого времени в Байкальском регионе был культурный симбиоз. Параллельно этому развитию можно было наблюдать переход от родоплеменной к этнической принадлежности.

Список литературы:

- [1] Абаева Л.А., Жуковская, Н.Л. Буряты. – М.: Наука., 2004. – 633 с.
- [2] Базаров Б.В., Жабаева Л.Б. Бурятские национальные демократы и общественно-политическая мысль монгольских народов в первой трети XX века. – Улан-Уде: Изд-во Бурятского науч. центра СО РАН, 2008. – 376 с.
- [3] Барадин Б.Б. Бурят-монголы. Краткий исторический очерк оформления бурят-монгольской народности // Бурятиследение. – 1927, № 3–4. – С. 39–52
- [4] Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса / Послесл. Н.Я. Бромлей. Изд. 2-е, дол. – М.: Изд-во АКИ., 2008. – 436 с.
- [5] Вяткина Л.В. Очерки культуры и быта бурят. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние., 1969. – 218 с.
- [6] Долгих Б.О. Некоторые данные к истории образования бурятского народа // Советская этнография. – 1953, № 1. – С. 38–63.
- [7] Доржиев Б.Ш. История происхождения и становления бурятского народа. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 2010. – 204 с.
- [8] Егунов Н.П. Прибайкалье в древности и проблема происхождения бурятского народа. Ч. 1. – Улан-Удэ., 1984. – 284 с.
- [9] Елаев А.А. Бурятия: путь к автономии и государственности. – М.: Антал, 1994. – 176 с.
- [10] Залкинд Е.М. К вопросу об образовании бурят-монгольской народности // Записки Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры. – 1956, вып.. XXII. – С. 23–45.
- [11] Зориктуев Б.Р. Актуальные проблемы этнической истории монголов и бурят. – М.: Вост. лит., 2011. – 278 с.
- [12] Козьмин Н.Н. К вопросу о турецко-монгольском феодализме. – М.–Иркутск, 1934. – 150 с.
- [13] Нимаев Д.Д. Проблемы этногенеза бурят. – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1988. – 169 с.
- [14] Нимаев Д.Д. Буряты: этногенез и этническая история. – Улан-Уде: ВСГАКИ, 2000. – 190 с.
- [15] Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). – Л.: Соцэкгиз, 1937. – 431 с.
- [16] Павлинская Л.Р. Буряты. Очерки этнической истории (XVII–XIX вв.). – СПб.: Европейский Дом, 2008. – 256 с.
- [17] Румянцев Г.Н. К вопросу о происхождении бурят-монгольского народа // Зап. Бурят-монгольского научно-исследовательского института культуры. – 1953, вып. XVII. – С. 30–61.
- [18] Теуц М.Дж. Рассмотрение русской (советской) теории этноса через конструктивистскую перспективу «примордиальный конструктивизм» // Общество. Среда. Развитие. – 2013, № 4. – С. 109–113.
- [19] Токарев С.А. О происхождении бурятского народа // Советская этнография. – 1953, № 2. – С. 37–52.
- [20] Трегубова Д.Д. Субэтнос в литературе // Вестник Бурятского госуниверситета. – 2011, № 8. – С. 227–232.
- [21] Цыбиктаров А.Д. Бурятия в древности. История (с древнейших времен до XVII в.). – Улан-Уде: Издательство Бурятского университета, 2005. – 268 с.
- [22] Cresswell T. Place: A Short Introduction. – Oxford: Blackwell Publishing, 2004. – 153 p.
- [23] Sack R. D. Homo Geographicus a framework for action, awareness and moral concern. – Baltimore: The John Hopkins University Press, 1997.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ОТНОШЕНИЯ К ЗДОРОВЬЮ*

Основная цель представленного исследования заключается в выявлении экономических установок, оказывающих влияние на отношение к здоровью у трех поколений современной России. В качестве респондентов выступили молодые россияне в возрасте от 18–25 лет (574 чел.); 293 чел. – представителей поколений X (1963–1984 гг. рождения) и 184 респондента 1943–1963 гг. рождения. Молодежь России более позитивно настроена на повышение материального благополучия и в меньшей степени испытывает финансовый стресс, у представителей более старшего возраста можно отметить выраженную финансовую депривированность. Установки молодежи относительно здоровья более позитивные, чем у представителей других поколений россиян. В ходе регрессионного анализа, было обнаружено, что финансовая депривированность у представителей поколения Y снижает проявление социального компонента отношения к ЗОЖ, а у респондентов в возрасте 55–74 лет, наоборот, повышает. Финансовый стресс у респондентов поколения X и Y снижает проявление социального компонента отношения к ЗОЖ. При этом у представителей самого старшего поколения финансовый стресс положительно влияет на стремление менять социальное окружение в соответствии со своим отношением к проблемам здоровья.

Ключевые слова:

компоненты отношения к ЗОЖ, отношение к здоровью, субъективные экономические установки, экономическое благополучие, финансовая депривированность.

Федотова В.А. Экономические детерминанты отношения к здоровью // Общество. Среда. Развитие. – 2018, № 3. – С. 47–54.

© Федотова Вера Александровна – магистр психологии, старший преподаватель, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Пермь; e-mail: vera_goldyreva@mail.ru

Несмотря на обилие определений, до настоящего времени нет единства в подходах к дефиниции и оценки здоровья. Здоровье – это комплексное и вместе с тем целостное, многомерное динамическое состояние, развивающееся в процессе реализации генетического потенциала в условиях конкретной социальной и экологической среды и позволяющее человеку в различной степени осуществлять его биологические и социальные функции [4].

Фомичевой Т.В. и Салистой Г.С. были выделены основные характеристики, значимые для продолжительности жизни россиян: пол, регион проживания и образ жизни [10]. При этом необходимо отметить, что именно образ жизни россиян мало исследован в российской практике, тем более в межпоколенном аспекте. Авто-

ры считают, что женский организм более устойчив, женщины менее подвержены стрессам, вредным привычкам, инфекциям. Отмечается приоритет городского региона с точки зрения качества оказания медицинской помощи и более широких возможностей трудоустройства.

Изучение социального аспекта здоровья у молодежи является крайне важной темой для изучения в условиях современной глобализации. По мнению некоторых авторов, социальное здоровье российской молодежи в настоящее время занимает существенное место в социологическом дискурсе, что обусловлено сложностью процесса адаптации молодых россиян в непредсказуемой трансформирующейся реальности. Формирование и сохранение физического, психического и социального

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-00865 «Влияние социо-культурных факторов и экономического благополучия на установки по отношению к здоровью».

48 | здоровья российской молодежи ведет к ускорению социально-экономического развития общества и обеспечению социально-психологической безопасности [3].

Изучая экономические установки, следует помнить об экономической социализации, благодаря которой общество приобретает навыки особого экономического поведения, непосредственно связанного с социальными и нравственными ценностями [4]. Социализированные в плане экономической деятельности люди могут объективно оценивать собственное финансовое положение, используя усвоенные экономические знания, проводить его анализ с помощью экономического мышления, приобретенного как раз путем экономической социализации. Говоря о жителях Российской Федерации, нужно упомянуть, что на сегодняшний день они оценивают экономику страны более снисходительно, нежели 15–20 лет назад, но в то же время в сознание русского человека основательно внедрились боязнь будущего и переживания, чувство необъяснимой тревоги.

В российской экономической психологии в качестве результата экономической социализации, некой ее оценки, выступает, по мнению разных ученых, уровень адаптированности личности к восприятию экономической ситуации [1], а также субъективное экономическое благополучие [12].

Субъективное экономическое благосостояние является интегральным психологическим показателем, определяющим отношение личности к своему материальному положению как в текущий момент времени, так и к предполагаемому в будущем. Оценка экономических установок общества происходит при проведении измерения субъективного экономического благополучия личности, то есть его позиции относительно материальных аспектов жизни, финансовых стремлений и обыденного потребления. Данный показатель состоит из пяти частей: экономический оптимизм, текущее благосостояние, выражающееся в семейном потреблении, финансовая ограниченность, адекватность доходов и экономическая тревожность [11; 12].

Таким образом, социальными детерминантами здоровья являются условия среды, в которых люди рождаются, живут и работают, и которые оказывают влияние на состояние индивидуального и общественного здоровья. Социальные детерминанты определяют уровень физических, социальных и личных ресурсов, которые необходимы для удовлетворения своих

потребностей, социально-экономического роста. Экономические детерминанты, в свою очередь, определяют удовлетворенность материальным положением, отсутствие финансового стресса и финансовую депривированность, которые необходимы личности для сопротивления негативному влиянию среды.

Материалы и методы

Сбор данных представленного исследования осуществлялся в период с ноября 2017 по июнь 2018. Всего было опрошено 574 молодых респондента в возрасте от 18–25 лет – представителей поколения Y (дата рождения 1984–2000); 293 чел. – представителей поколений X (1963–1984) и 184 респондента 1943–1963 годов рождения, так называемых «беби-бумеров». В качестве методического инструментария была использована методика измерения экономических установок В.А. Хащенко [12] и методика «Индекс отношения к здоровью и здоровому образу жизни» [5]. Социально-демографические характеристики респондентов представлены в табл. 1.

Для выявления экономических установок в качестве методического инструментария была использована методика «Субъективное экономическое благополучие» [12]. Она представляет собой опросник, состоящий из 26 утверждений, к каждому из которых предлагается пять вариантов ответов, где 1 соответствует ответу «не согласен с утверждением», а 5 – «полностью согласен». Далее в соответствии с ключом подсчитываются показатели по вышеперечисленным факторам. Проведенный первичный анализ ответов респондентов позволил выявить минимальное, максимальное и среднее значения, а также стандартное отклонение по каждой переменной (см. табл. 2).

Таблица 1

Характеристики выборки исследования

Респонденты	Представители поколения Y	Представители поколения X	Представители поколения «беби-бумеров»
Количество	574	293	184
Мужчины (чел.)	247	124	71
Женщины (чел.)	327	169	113
Возраст	Макс. – 34 Мин. – 18 Средний возраст – 27	Макс. – 55 Мин. – 34 Средний возраст – 45	Макс. – 75 Мин. – 55 Средний возраст – 63

Межпоколенные различия в экономических установках: критерий Краскела–Уоллиса

Шкала	Представители поколения Y (18–34)			Представители поколения X (34–55)			Респонденты, рожденные 55–74		
	Мин-Макс	Ср. знач.	Ст. откл.	Мин-Макс	Ср. знач.	Ст. откл.	Мин-Макс	Ср. знач.	Ст. откл.
Экономический оптимизм/пессимизм	3,4–4,8	4,1**	0,48	2,5–3,8	3,15**	0,57	2,2–2,9	2,55**	0,53
Текущее благосостояние семьи	2,8–3,9	3,35	0,46	1,4–2,8	2,1	0,61	1,3–2,7	2,0	0,59
Финансовая депривированность	1,3–3,2	2,25*	0,74	1,7–3,4	2,55*	0,63	3,1–3,7	3,4*	0,69
Субъективная адекватность дохода	2,1–2,8	2,45	0,58	1,7–3,8	2,75	0,82	1,9–2,8	2,35	0,53
Экономическая тревожность (финансовый стресс)	3,2–2,9	3,05**	0,49	3,6–4,8	4,2**	0,39	2,8–4,5	3,65**	0,65

* – различия достоверны на уровне $p < 0,05$.

** – различия достоверны на уровне $p < 0,01$.

*** – различия достоверны на уровне $p < 0,001$.

Таким образом, наблюдаются значимые различия по следующим экономическим установкам: экономический оптимизм, финансовая депривированность и экономическая тревожность. Шкала «экономический оптимизм», отражающая оптимистическую или пессимистическую оценку внешних и внутренних условий роста материального благополучия, выше у представителей самого молодого поколения современной России, при этом они более позитивно оценивают финансовое положение семьи в данный период времени, меньше испытывают чувство безнадежности из-за невозможности улучшить свое финансовое положение. Полученные данные в некоторой степени подтверждают результаты исследования других авторов. Представители поколения Y более оптимистично оценивают свое положение в данный момент и возможность увеличение материальных благ в будущем [13].

Финансовый стресс в большей степени наблюдается у россиян в возрасте 34–55 и 55–74 лет. Это выражается в том, что россияне данной возрастной категории испытывают беспокойство за свое материальное положение в связи с экономическим состоянием страны, испытывают потребность в повышении доходов, а деньги для них более значимы.

Россияне, которых можно отнести к поколению X и Y, испытывают большую финансовую депривированность. Респонденты менее позитивно оценивают финансовое положение семьи, чаще обсуждают финансовые проблемы с друзьями и коллегами по работе и испытывают чувство

безысходности из-за невозможности улучшить свое финансовое положение.

Молодежь России более позитивно настроена на повышение материального благополучия и в меньшей степени испытывает финансовый стресс, у представителей более старшего возраста можно отметить выраженную финансовую депривированность. При этом у респондентов поколения X более высокие показатели по шкале экономической тревожности (финансового стресса), что свидетельствует о том, что респонденты испытывают острую потребность в повышении материальных доходов. Многие россияне данной возрастной категории уже приближаются к пенсионному возрасту, а нестабильная ситуация в стране и актуальный вопрос границ «пенсионного возраста» и размера пенсии, так или иначе, заставляет беспокоиться о материальном положении в будущем.

Установки по отношению к здоровью

В исследовании здоровья была использована методика «Индекс отношения к здоровью и здоровому образу жизни» [5], состоящая из психосемантического опросника, содержащего 24 противоположных по смыслу пары утверждений. Авторы методики исходят из понимания отношения к здоровью как к сложному психологическому феномену, проявляющемуся в определенном типе эмоционального реагирования, познавательных интересов, ориентации на практическую деятельность, а также направленности личности на социально значимые поступки в сфере жизнедеятельности, связанной со здоро-

**Межпоколенные различия ценностей индивидуального уровня
(по t-критерию Краскела–Уоллиса)**

Шкала	Представители поколения Y (18–34)			Представители поколения X (34–55)			Представители поколения «беби-бумеров» (55–74)		
	Мин-Макс	Ср. знач.	Ст. откл.	Мин-Макс	Ср. знач.	Ст. откл.	Мин-Макс	Ср. знач.	Станд. откл.
Эмоциональная шкала	12–17	14,86*	1,41	8–15	12,3*	0,9	7–13	9*	1,14
Познавательная шкала	4–11	7,4**	1,67	4–9	6,2**	1,21	3–10	8,8**	1,36
Шкала поступков	4–9	6,36**	1,4	2–11	5,86**	2,2	5–10	7,4**	1,2

вьем. В соответствии с этой концепцией в тесте выделены четыре шкалы: эмоциональная, познавательная, практическая и шкала поступков. Проведенный первичный анализ ответов респондентов позволил выявить минимальное, максимальное и среднее значения, а также стандартное отклонение по каждой переменной (см. табл. 3).

Таким образом, наблюдаются различия в шкалах отношения к здоровью. У представителей поколения Y наиболее выражена эмоциональная шкала. Высокие баллы по эмоциональной шкале указывают на то, что респонденты способны наслаждаться своим здоровьем, получать эстетическое удовольствие от здорового организма, реагировать на поступающие от него сигналы и быть свободными от отрицательных стереотипов, существующих в обществе по отношению к здоровому образу жизни. Забота о здоровье рассматривается как необходимость, отмечается невнимательность к жизненным проявлениям своего организма. При этом минимальный балл у людей более старшего возраста, что позволяет сделать обратный вывод: респонденты двух других поколений более внимательны к проявлениям своего организма, при этом менее способны получать эстетического наслаждение от своего тела.

Далее, баллы по познавательной шкале выше у респондентов в возрасте от 55 до 74 лет. Это свидетельствует о том, что представители поколения «беби-бумеров» больше интересуются сферой жизнедеятельности, связанной со здоровьем. Первая шкала вопросов диагностирует готовность воспринимать информацию о здоровом образе жизни, предложенную другими людьми; а вторая – желание повышать свою осведомленность в области ЗОЖ. Низкие баллы по познавательной шкале наблюдаются у представителей поколения X, у них в меньшей степени затронута поз-

навательная сфера. Россияне в возрасте от 34 до 55 лет в меньшей степени проявляют интерес к проблемам здоровья, менее активны в поиске соответствующей информации и поиске специализированной литературы. Анализируя экономические установки, мы сделали вывод, что представители поколения X больше всех обеспокоены своим материальным положением, а основной ценностью для них является ценность денег. Возможно, именно по этой причине, познавательная сфера в области здоровьесберегающих практик отходит на второй план.

Шкала поступков, измеряющая готовность изменить социальное окружение в соответствии с отношением к проблемам здоровья, выше опять же у представителей «беби-бумеров». Данная шкала диагностирует стремление респондентов влиять на членов своей семьи, чтобы они вели здоровый образ жизни; влиять на своих знакомых и на общество в целом. Высокие баллы по социальной шкале говорят о том, что респонденты готовы создавать вокруг себя здоровую жизненную среду, пропагандировать различные профилактические средства оздоровления организма. Высокие баллы по шкале поступков соотносятся с высокими баллами по ценностям благожелательности и универсализма. Вероятно, забота о других у взрослых россиян может выражаться в стремлении влиять на родных, близких и знакомых в вопросах ЗОЖ. Наблюдется довольно интересный феномен: меньше всего баллов по шкале поступков, как ни странно, у людей в возрасте от 34 до 55 лет, а молодые россияне имеют более позитивные установки по отношению к здоровью.

Для выявления взаимосвязи ценностей и отношения к здоровью для каждой возрастной группы, нами был использован корреляционный анализ по методу Спирмена (табл. 4–6).

Таблица 4

Взаимосвязь экономических установок и отношения к здоровью: представители поколения Y

	Экономический оптимизм/пессимизм	Финансовая депривированность	Экономическая тревожность (финансовый стресс)
Эмоциональная шкала	–	–	-0,624*
Познавательная шкала	0,722*	–	–
Шкала поступков	–	-0,914**	-0,582*

У молодых респондентов эмоциональный компонент здоровья связан с экономической тревожностью. Негативное эмоциональное состояние в связи с финансовыми и материальными проблемами мешает прислушиваться к жизненным проявлениям своего организма и снижает эмоциональную сферу отношения к ЗОЖ. Оптимистическая оценка внешних и внутренних условий роста материального благополучия положительно коррелирует с готовностью воспринимать информацию о здоровом образе жизни и стремлением повышать свою осведомленность в области ЗОЖ. С социальным компонентом здоровья отрицательно связаны финансовая депривированность и экономическая тревожность. Недостаток финансовых средств и негативные состояния в связи с материальными проблемами снижают стремление влиять на членов своей семьи вести здоровый образ жизни.

Таблица 5

Взаимосвязь экономических установок и отношения к здоровью: представители поколения X

	Экономический оптимизм/пессимизм	Финансовая депривированность	Экономическая тревожность (финансовый стресс)
Эмоциональная шкала		-0,402*	
Познавательная шкала		0,733**	-0,301*
Шкала поступков	-0,514*		-0,674*

У респондентов в возрасте 34–55 лет финансовая депривированность негативно связана с эмоциональной сферой здоровья. Возможно, недостаток финансовых средств связан, прежде всего, с повышением интереса к другим областям жизнедеятельности больше, чем со сферой здоровья. При этом, высокая финансовая депривированность связана с познавательной сферой отношения к ЗОЖ, которая измеряет степень глубины интересов в сфере жизнедеятельности, связанной со здоровьем. А экономическая тревожность, напротив, снижает стремление повышать осведомленность в области ЗОЖ. Со шкалой поступков негативно коррелируют экономический оптимизм и финансовый стресс. Недостаток финансовых средств и негативные эмоциональные состояния в связи материальными проблемами снижают социальный компонент здоровья. Респонденты с такими экономическими установками в меньшей степени стремятся оказывать влияние на членов семьи и окружение вести здоровый образ жизни.

Таблица 6

Взаимосвязь экономических установок и отношения к здоровью: представители поколения «беби-бумеров»

	Экономический оптимизм/пессимизм	Финансовая депривированность	Экономическая тревожность (финансовый стресс)
Эмоциональная шкала	-0,831**		
Познавательная шкала		0,724*	-0,418*
Шкала поступков		0,613*	0,396*

У респондентов в возрасте от 55 до 74 лет экономический пессимизм мешает наслаждаться здоровым организмом и лежит в основе формирования отрицательных стереотипов эмоционального отношения к здоровому образу жизни. Финансовая депривированность положительно связана с познавательной сферой в области здоровья и социальным компонентом отношения к ЗОЖ. Недостаток финансовых средств повышает стремление респондентов больше узнавать о здоровом образе жизни и влиять на окружение вести здоровый образ жизни, возможно, веря в то, что здоровьесберегающее поведение может привести к

росту материального благополучия ввиду наличия внутренних ресурсов для достижения целей. Экономическая тревожность повышает стремление респондентов менять социальное окружение в соответствии с отношением к проблемам здоровья. В то же время экономическая тревожность позитивно отражается на социальном компоненте здоровья, а на познавательном аспекте здоровья – отрицательно. Негативные эмоциональные состояния в связи с финансовыми и материальными проблемами могут повышать стремление респондентов к изменению социального окружения в соответствии с отношением к проблемам здоровья, но негативно отражаются на стремлении повышать осведомленность в области ЗОЖ.

Ранние исследования показывают, что к влиянию социально-экономических детерминантов на состояние здоровья наиболее чувствительны дети, молодежь, лица, получившие недостаточное образование, низкоквалифицированные работники, женщины, лица пенсионного возраста и беженцы. Другими словами, социально-экономические детерминанты здоровья являются неким социальным феноменом, который имеет свою сложную структуру и не до конца изученные механизмы влияния [9].

Таким образом, во взаимосвязи экономических установок и отношением к здоровью, можно выделить следующие особенности:

1. У молодого поколения россиян (18–34) финансовая депривированность отрицательно связана со шкалой поступков, а у самого взрослого поколения нашей выборки – положительно. Недостаток финансовых средств у молодого поколения снижает стремление повышать свою осведомленность в области ЗОЖ и готовность воспринимать информацию о здоровом образе жизни, а у взрослого поколения, напротив, повышает глубину интересов в сфере жизнедеятельности, связанной со здоровьем.

2. У представителей поколения X и Y финансовый стресс, вызванный материальными проблемами, снижает социальный компонент отношения к ЗОЖ, а у самого старшего поколения, наоборот, повышает стремление влиять на близкое окружение вести здоровый образ жизни.

3. У двух взрослых поколений нехватка денежных средств повышает познавательный компонент отношения к ЗОЖ.

4. У представителей поколения X и Y экономическая тревожность снижает поз-

навательный компонент отношения в здор-
овью.

5. При выявлении связи между экономическими установками и отношением к здоровью не были выявлены универсальные (общие) черты обусловленности компонентов отношения к ЗОЖ экономическими факторами.

Исследования, проведенные ранее, позволяют сделать вывод о важности создания для населения социальных и экономических условий, способствующих сохранению хорошего здоровья. Например, в одном из них, ведущая роль в создании таких условий принадлежит государству. Предполагаемый набор возможных действий государства должен включать политику, направленную на реализацию потенциала человека и обеспечение индивидуальных возможностей. К основным индивидуальным возможностям относятся: получение образования, гарантированный доход, самореализация в профессии, занятия спортом [7]. Как свидетельствуют предыдущие исследования, хорошее образование, социально-экономическая стабильность, хорошая работа, карьера, высокий уровень культурной и общественной жизни обеспечивают равнодушное общество, которое минимизирует многие потенциальные риски для здоровья [7; 14]

Дополнительно было выявлено влияние экономических представлений на установки по отношению к здоровью, используя множественный регрессионный анализ (табл. 7–9).

Таблица 7

Результаты множественного регрессионного анализа: представители поколения Y

Независимые переменные	Экономический оптимизм/пессимизм	Финансовая депривированность	Экономическая тревожность/финансовый стресс
Эмоциональная шкала β	0,21	0,08	-0,41**
Познавательная шкала β	0,37	0,33	0,24
Шкала поступков β	0,17	-0,39*	-0,76**
R ²	0,8	0,17	0,12
F	10***	6*	8,5**

* $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$.

Таблица 8

Результаты множественного регрессионного анализа: представители поколения X

Независимые переменные	Экономический оптимизм/Пессимизм	Финансовая депривированность	Экономическая тревожность/финансовый стресс
Эмоциональная шкала β	0,24	0,57	0,50
Познавательная шкала β	0,37	0,38*	0,27
Шкала поступков β	-0,65**	-0,13	-0,54*
R ²	0,3	0,22	0,16
F	8,7***	8*	6,5**

* $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$.

Таблица 9

Результаты множественного регрессионного анализа: представители поколения «беби-бумеров»

Независимые переменные	Экономический оптимизм/пессимизм	Финансовая депривированность	Экономическая тревожность/финансовый стресс
Эмоциональная шкала β	0,68	0,27	0,29
Познавательная шкала β	0,25	0,33	-0,58**
Шкала поступков β	0,15	0,64**	0,34*
R ²	0,5	0,11	0,13
F	7,1***	6,4*	5,9**

* $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$.

В ходе регрессионного анализа, было выявлено, что финансовая депривированность у представителей поколения Y снижает проявление социального компонента отношения к ЗОЖ, а у респондентов в возрасте 55–74 лет, наоборот, повышает. Недостаток финансовых средств у молодежи снижает стремление повышать осведомленность в области ЗОЖ и готовность воспринимать информацию о здоровом образе жизни. У взрослых респондентов недостаток финансовых средств повышает интерес в сфере жизнедеятельности, связанной со здоровьем. Стоит помнить о том, что молодые респонденты – ярко выраженные индивидуалисты,

среди приоритетных ценностей которых находятся ценности достижения, власти, конформизма, стимуляции и самостоятельности. Как мы выяснили ранее, у молодых респондентов в большей степени выражены нехватка денежных средств и негативные эмоциональные состояния в связи с материальными проблемами. Можно сделать вывод, что ввиду высокого уровня притязаний и невозможности самореализовать себя в полной мере, вопросы здоровьесберегающего поведения отходят на второй план.

Финансовый стресс у респондентов поколения X и Y снижает проявление социального компонента отношения к ЗОЖ. При этом у представителей самого старшего поколения финансовый стресс положительно влияет на стремление менять социальное окружение в соответствии со своим отношением к проблемам здоровья.

В большинстве работ отечественных исследователей встречаются такие группы факторов, как социально-экономические, зависящие от финансового и социального положения, факторы индивидуального стиля жизни, социально-демографические и медико-биологические факторы, социально-психологические, экологические, генетические и уровень развития здравоохранения [2; 8; 14].

Заключение

Здоровье человека отражает одну из наиболее значимых сторон жизни общества и тесно переплетается с фундаментальным правом на физическое, духовное, социальное благополучие при максимальной продолжительности его активной жизни. Одним из центральных понятий социологии здоровья является понятие «отношение к здоровью», которое включает в себя систему ценностно-мотивационных установок. Тема отношения к здоровью является крайне актуальной на сегодняшний день, так как наукой было изучено влияние пола и территориальной принадлежности в формировании установок по отношению к здоровью, в то время как личностный фактор отходил на второй план. Отношение к здоровью не всегда определяется полом, населенным пунктом, социальными условиями, экономической ситуацией в стране, а зачастую внутренними факторами, например, субъективной оценкой материального благополучия. В ходе представленного исследования, было выявлено отсутствие универсальных экономических детерминант, обуславливающих то или иное отношение к ЗОЖ. В ходе регрес-

54 сионного анализа было обнаружено, что финансовая депривированность у представителей поколения Y снижает проявление социального компонента отношения к ЗОЖ, а у респондентов в возрасте 55–74 лет, наоборот, повышает. Финансовый стресс у респондентов поколения X и Y снижает проявление социального компонента отношения к ЗОЖ. При этом у представителей самого старшего поколения финансовый стресс положительно влияет на стремление менять социальное окружение в соответствии со своим отношением к проблемам здоровья.

Список литературы:

- [1] Бадмаева С.В. Экономическая социализация людей разного возраста в современных условиях // Экономическая психология в современном мире. Сборник научных статей. – М.: Экон-Информ, 2012. – С. 9–29.
- [2] Гареева И.А. Институциональные и социальные трансформации системы здравоохранения // Власть и управление на Востоке России. – 2013, № 3 (64). – С. 122–127.
- [3] Гафиатулина Н.Х., Загутин Д.С., Самыгин С.И. Социальное здоровье в контексте обеспечения социального-психологической безопасности российской молодежи // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2017, № 2. – С. 159–163.
- [4] Дробышева Т.В. Экономическая социализация личности: ценностный подход. – М.: Институт психологии РАН, 2013. – 215 с.
- [5] Захаренков В.В., Виблая И.В., Олещенко А.М. Научный обзор результатов исследований ФГБУ «НИИ КПГПЗ» СО РАМН по влиянию внешнесредовых и генетических факторов на развитие профессиональных заболеваний // Бюллетень ВСНЦ СО РАМН. – 2012, № 5. – С. 141–145.
- [6] Казначеев В.П. Адаптация и конституция человека // Кураев Г.А., Войнов В.Б. Валеология. Словарь терминов: уч. пособие. – Ростов-на-Дону: ООО ЦВВР, 2000. – 176 с.
- [7] Канаева М.А. Социально-экономические, поведенческие и психологические детерминанты самооценки здоровья россиян // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2016, № 6. – С. 158–171.
- [8] Киселева Л.С. Факторы, формирующие здоровье населения: сущность и типология // Международный журнал экспериментального образования. – 2015, № 8. – С. 17–20.
- [9] Лебедева-Несевря Н.А., Цинкер М.Ю. Методические подходы и практика оценки риска, связанного с воздействием социально-экономических факторов на популяционное здоровье в регионах России // Анализ риска здоровью. – 2015, № 3 (11). – С. 19–26.
- [10] Фомичева Т.В., Салистая Г.С. Здоровье как ценность в сознании россиян: навстречу будущему нации // Социальная политика и социология. – 2016, № 3 (116). – С. 157–165.
- [11] Хашенко В.А. Социально-психологические детерминанты экономической идентичности личности // Проблемы экономической психологии. Т. 2. – М.: Институт психологии РАН, 2005. – С. 513–556.
- [12] Хашенко В.А. Субъективное экономическое благополучие и его измерение: построение опросника и его валидизация // Экспериментальная психология. – 2011, № 1 (4). – С. 107–112.
- [13] Хомякова Е.И. «Поколение у» в контексте социального взаимодействия в современном обществе // Известия ТПУ. – 2011, № 6. – С. 83–89.
- [14] Шабунова А. А. Здоровье населения в России: состояние и динамика: монография. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. – 203 с.

HISTORY OF MATHERAN HILL STATION IN INDIA

Рассматривается история селения Матеран, расположенного в окрестностях одноименной горы недалеко от Мумбая. Деревня и окружающий ландшафт выступают своеобразным топомоном, в котором отражаются трансформация социокультурной ситуации и отношения к проблемам экологии в Индии на протяжении XIX–XX вв. Со времени освоения крошечной горной местности давление на экологию в горных окрестностях сильно возросло как за счет местных жителей, так и за счет туристов. Автор – свидетель социально-экономических подвижек поселения и изменений в окружающей среде.

Первые сведения о Матеране встречаются в отчете полковника Делэмэйна, искавшего место для военного санатория и относятся к 1829 г. Предложение разместить лечебницу именно здесь было отклонено британскими военными властями по причине недостаточного количества источников питьевой воды. В 1850 г. Хью Пойнц Мэлет, управляющий Тхань, предпринял очередную попытку исследовать окружающие горы, в том числе Матеран. Главным условием освоения горного Матерана и создания здесь поселения было обнаружение источников воды. В результате дополнительных экспедиций были найдены источники Малета, Харрисона, Понсонби, пруды Симпсона и Ходока и др. Со временем население Матерана и количество приезжающих туристов увеличивались, поэтому потребность в воде росла, и на озере Шарлотты было построено много плотин, превративших его в один из основных источников водоснабжения. Однако полностью решить проблему водоснабжения так и не удалось, за многие десятилетия она даже усугубилась – исчезло значительное количество источников в районе рынка и в некоторых других местах. Сегодня в Матеране воды не хватает, ее подают по расписанию, либо доставляют на заказ.

Флора и фауна гор Матерана также нуждаются в защите в связи с растущей в окрестностях урбанизацией. Быстрый рост городского населения и коммерциализация этой горной местности – это вызов природной среде. В горах хороший воздух, много прекрасных видов, которые ранее были скрыты густыми лесами. Изменение климата приводит к уменьшению количества ливней, росту интенсивности зимы и увеличению летних температур воздуха. Максимальная температура летом может достигать 30–35°C, зимой – 16–18°C. Заметьте, что джунгли уменьшаются и деградируют, а это ведет к повышению температуры по сравнению с тем, что было пятьдесят лет тому назад, когда автор рос в этих местах.

В 2003 г. правительство объявило Матеран и окружающую горную местность экологически чувствительной зоной, в связи с чем начались проверки законности строительства домов. Однако это привело к конфликтам с местным населением, поскольку рост количества семей требует освоения новых площадок для возведения жилья. Кроме того, сокращение лесных угодий приводит к утрате источника средств к существованию.

Автор констатирует, что в горных районах Индии санаторно-курортная отрасль долгие годы находилась в застое. Среди наиболее острых проблем Матерана, нуждающихся в срочном решении можно отметить следующие. Во-первых, строительство хороших дорог (те, что есть, не выдерживают проливных дождей в период муссона). Во-вторых, разграничение стеной в ключевых горных местах природных зон и зон под застройку. Это подкрепит меры по обеспечению безопасности туристов и населения от потоков дождевой воды, стекающих к морю с Матерана и соседних отрогов. С этим тесно связан следующий, третий пункт. Необходимо организовать сбор и хранение воды, что позволит решить проблему питьевой воды в течение лета для деревень вблизи Матерана. В-четвертых, чтобы защитить красоту горной местности исключительно важно развить экологическое сознание у местных жителей и туристов, посещающих Матеран. В-пятых, необходимо подумать об экологичном транспорте и рикшах с электроаккумуляторами, для развития туризма и создания дополнительных рабочих мест.

Горный Матеран находится в переходном периоде, здесь не было вентиляторов и кондиционеров, но теперь эти средства нужны для повышения комфорта как живущих здесь людей, так и гостей региона – им должны быть доступны все современные удобства.

Матерану нужна стабильная модель развития, чтобы он продолжил свое существование, чтобы увеличивался лесной покров, чтобы к горной цепи Матерана было легко добраться. Матеран нуждается в серьезном внимании к развитию образования, здравоохранения и занятости местного населения.

Ключевые слова:

горы Матерана, джунгли, лесной покров, муссон, население, незаконное строительство, непрерывное водоснабжение, племенной, туризм, экология.

Matheran is located at 18.58° north latitude and 73–18°, east longitude. Matheran hill station is near to Mumbai one of the largest mega city of the world and consists of three different hill ranges. The Western Range, which is the smallest of the three, extends North to South from Porcupine to Louisa Point measuring more than a mile in length. The Middle Range is the biggest, extending from Hart Point in the North to Chowk Point in the South. It is about four miles long and a mile wide. It is on this range that most of the bungalows were built during the British period. The third Eastern Range runs from Panorama Point in the North-West to Garbut Point in the South-East, this covers two and a half to three miles in length, the total area is near about eight square miles. Measuring from Chowk point to Panorama Point the distance is about six miles. The surface is uneven and not suitable for agriculture [2].

Matheran has layer of latrine, which is permeable and absorbent in a high degree, the rain water drains quickly down the valley joining the springs and rivers. The plateau of red rock is about 2700 feet above the sea-level. In some parts it is bare, and less forested, whereas in some parts the natural terraces are covered with different trees, shrubs and twigs of different species. There are big boulders; masses of rock are of great size. The process of weathering continues as one move in the jungles one can see rounded stones after several decomposition. Heulandite is plentiful, Crystals of quartz are sparkling during the night are common in certain areas on the hill [4].

Brief History

In the east from Mumbai harbour at extreme distance is seen Matheran Mountain, which is partially hidden behind Prabal hill. Matheran is the smallest hill station in India. However with increasing pollution in Mumbai and around the visibility of the hill from the Mumbai harbour has become difficult.

According to the story by the Dhangars, the local community whose ancestors were wealthy chiefs and owned great flocks of sheep in the Deccan region, but because of the cold climate of the regions had damaged their assets, they replaced their flocks with herds of cattle which would survive in this environment; the barren tracts of land in the Deccan was unfit for pasturage, therefore wandered in the fertile plains of the Konkan region. The aboriginal tribes were pushed further inland and retreated towards the hills during the Aryan invasion. Some of the tribal's were forced to climb the hill of Matheran, and after find-

ing better place they settled on the hill. But Matheran resented this intrusion and soon after claimed the lives of the parents. In the jungle is the secret of their resting place, and this is still in the memory of their descendants, which the Dhangars called as "The Mother's Wood". The old song of the Dhangars explains their story.

"Mathe pite gamavila, *Matheran nav pavala*".
("When the parents died, It was called Matheran").

(*Mathe*) in Marathi which the local men pronounced with the 'th' hard as mata, means 'Mother'. 'Mathe pite' literally means, 'mother, father,' i.e. 'parents'. 'Ran' is 'wood' or 'forest'. But when the 'th' is pronounced with soft sound, 'mathe', means 'a head or crest,' and Matheran is translated as 'a wooded head' or 'forest crest.'

Prior to 1850 the hill was grazing ground for the cattle and later held from Government at a rent of Rs 50 per year. In 1860 i.e. ten years later it was established as a sanatorium. The Survey Department decided to detach these uplands and merged them to form the village of Matheran. Then boundary lines of Matheran were extended to the demarcated lines of the villages of Bikra, Neral, Boregaon, Wurrosag, and Sondewadi in the Karjat taluka and Maldoonga in the Panvel taluka.

Matheran had remained *unexplored* to Europeans, and was used for the rare visit of a refugee from the British justice after the cession of the Konkan. The Dhangars used the hill for grazing the cattle, Matheran till then was unoccupied. On all sides of the hills, close to Matheran foot hills i.e. from Peb to Vishalgad, each mountain had become the monopoly of the leaders of the thief's, especially during the tumultuous times of the Moghul and Maratha wars. The summit of Matheran was easy for access and therefore was rejected for fortifications by both Moghals and Marathas. But Matheran did not see any serious conflict on the hill. Although there was trouble around the hill. Later Mumbai emerged physically and politically strong because of the Maratha power. Sir John Malcolm was determined to bring about the conciliation and peace in the region. He sent detachments of British soldiers to search the districts and make the region free from any conflict.

In Matheran the group of dark-skinned men and women with their tangled locks and chains of beaded ornaments were seen near the main market place or in the Bazaar area on Sundays and other festive occasions, presently this has undergone change and lot of modern impact can be seen on tribal's of the region. Many of them are following urban styles. Today one can still observe the tribes struggling

up the steep hill side, with either load of grass, wood, berries, flowers, vegetables, jungle fruits etc. for day to day survival. These people have claimed that their ancestors were the first possessors of this land they live now.

I quote from Oliver, James Douglas in his book, "Glimpses of Old Bombay," say: "Matheran was not yet dragged from her obscurity, but a ray of light flashes on its darkness in 1822". Colonel Delamain writes: "Very rich scenery. In every direction noble mountains. To the north Mathç Ran, bearing at first view a stupendous square fort on the top, but it is natural".

It was in 1829, seven years later Colonel Delamain's Report that Malet had joined the civil service and was appointed collector of Khandesh (District in Bombay presidency till 1906), In the summer of 1830 he was on visit to Mahableshwar (well known hill station of British India) and in one of the meeting over the breakfast with Sir John Malcom who was the Governor of Bombay was exploring the idea about the hill for the purpose. During the meal the official correspondence was handed over to Governor. In one of the correspondence there was a communication from commission of officers who had been sent by him to get a detailed report on the two hills Prabal and Matheran, the intention was to establishing a military sanatorium for local troops. The officers declined both the hills unfit for said purpose because of lack of water supply. Later, the idea was dropped by the Governor of Bombay, it was after twenty years i.e. in 1850 when Malet became the collector of Thana, that he was able to recall the discussion of Governor in Mahableshwar on exploring the hill [3].

Early Local History of Matheran

In May, 1850, Hugh Pointz Malet from the Bombay Civil Service became the collector of Thana. In one of his halt at the Chowk village Bungalow while on his way to Pune. During this work in the region, Malet pointed his gun towards the hill and asked the local tribal people what is on the top ? and after getting positive response from tribal person decided to explore the hill. Next day he was guided by the Patil of Soondee-warra; now pronounced as Sondewadi and decided to climb the hill. Malet walked by the small footpath which passed through the Amraee, or Mango Groves on the westward side of Chowk Point. This path is still used by local tribes in the region to come to hill, the path joins the hills near the column of huge black rock, where single jambul tree survives by the name as "One Tree Hill". The hill was surveyed by Malet and his guide and made their way to the small run-

ning stream. He walked through the valley and collected two bottles of spring water and soil from the old bazaar area and gathered laterite stone for scientific investigation. This was to decide whether the top of the hill is fit for human habitation or not. Malet then walked down from the hill by the path that goes along the opposite side of the Chowk. He carried with him water, soil, and stones. Under Sphinx Point – the Mango groves (Amraee) of earlier days, the local people called it as the Ram Bagh (Garden). From here Malet and the guide went different way, Malet after returning from hill expressed his satisfaction with what he observed on the hill.

In September 1850, Malet decided to send up to the Patel supplies of sheep, fowls, rabbits, etc., and sent message about his coming on the hill again and to wait for him. Madhoo Rao, the son of the village chief, along with the hill-people started building a hut on site no.2, and within the duration of six weeks a hut was put up for the collector of Thana. Malet occupied the hut on the 1st of November, 1850, and built office-tents around it. He stayed for a month and cleared the footpaths to the several points.

In February 1851, Malet visited the hill the third time and was accompanied by Captain Harry Barr who was unknown to Madhoo Rao. Barr also climbed the hill several times to get acquainted with the hill. Captain Barr selected site no.13 and built a house after the monsoon in 1851. In 1851, Malet constructed three more bungalows, two were temporary on site nos.1 and 9, and one was made of stone known as "The Byke." It is now converted into hotel known as Byke Hotel. Mr. Fawcett identified a flat surface near Echo Point to build a house. This was made of iron framework and walls constructed of bamboo. Earlier the constructions were temporary, but later were made of stone and lime. In 1852, Malet was able to obtain a grant of Rs.500 from the Government of Bombay for developing the path going to Chowk. In 1852 Captain Day was deputed by Government to survey the hill, explore road to Neral, the survey was also taken up later by Captain Ponsonby who marked sites for church and other public buildings, hospital and jail etc. He completed the survey of Neral road. In 1853 Major Peacock further continued survey of the hill and contributed to clearing jungles, opening out several views on the hill, making new paths, sites for private houses. The roads were later expanded by Dashwood Graham. In 1864 again there was surveying by Colonel Francis who gave final sanction to what was already done and lithographed map of the hill was printed by Government. Again

58 | in 1900 new survey was made of the hill. The foundation of the church was laid in 1858, and the building was completed within three years. Later many new additions came with the fine window given by Michael Scott, and it was consecrated by Bishop Harding in 1865.

Mrs. Malet was the first English lady to reach Matheran; she was carried up in a common chair belted with ropes to poles of bamboo. Between 1853–1854 four buildings were constructed. In 1854 summer Lord Elphinstone who was the Governor of Bombay, for the first time came to Matheran with his office staff. He was satisfied with the surroundings on the top of the hill and returned after the monsoons. He made commitment for making wide roads, the storing of water, and other development work on the hill. He had the accuracy in making the roads possible along the natural paths because this would require less maintenance. He constructed a house at the top of the hill and selected the site for Elphinstone Lodge and built a hut on the place. He laid the foundation of the bungalow which covered the area over thirty seven acres. He made effort to construct a bund by him in the valley that separated the Panorama ridge from the body of the hill. But it washed away in first rains, for the construction of bund a large number of prison labourers and elephants were used to speed up the work. According to J.Y. Smith, it would have been a fine ornamental sheet of water formation in this area and its banks would have been transformed into gardens. Further Captain Fuller had suggested constructing a high bund, a little down in the valley but it was not attended seriously. After that smaller reservoirs were constructed but it was not successful because of the topographical reasons because the springs ceased to run in the season. The reason was uneven surface, the ground, space, porous soil, and fissures in the rocks were unsuitable for storage [4].

The old route to Matheran prior to 1854

Before the railway line was laid between Bombay and Pune, Matheran hill was not linked with railways. People from Bombay came to Appollo Bunder or Mazgaon Bunder harbour and used the steamer, yacht, or boat upto Ulva Bunder. From Ulva to Panvel by tonga (horse cart) and then to Chowk village (near Karjat) by cart. In 1781 "Chowk witnessed a stiff battle between British troops under Captain Mackay and a large force of Marathas under Parashram Bhau." Douglas also mentions the fact that Wellington dated very lengthy dispatches from his "camp at Chowk". The journey by sea was four hours, which is twelve miles south-east of Panvel on the way to

Pune. In order to avoid the number of creeks and twisting streams, one had to bridge over. This made a considerable long way round, sweeping round to the north-east of Kalyan.

From Chowk had to climb up the Shivaji ladder or via Rambag route to the top of the hill. These routes were first opened by Mr. Malet, and prior to Malet the tribals were aware of this surrounding region. It was a journey of 22 miles but after 1854 Matheran became easily accessible to people [3].

Present Route

From Mumbai's Victoria Terminus of the Central Railway, which is presently known CST (Chatrapati Shivaji Maharaj Terminus), one can reach Neral Station by Karjat local train, the journey is two hours; and from Pune, almost 3 hours. The entry to Matheran is from Neral (small town at the foothills of Matheran, and 133 feet above the sea-level). Neral is junction, small railway station built during the construction of the Great Indian Peninsular (GIP) Railway line covering a distance of 65 miles from Bombay and 66 miles from Pune. Today local people from Neral commute from Neral to Mumbai daily for work and education, the population is growing and it was the centre of business in rice, timber and coal during British period.

The Neral–Matheran Light Railway which is also known as toy train is attractive tourist coming from all over the world, This train is similar to toy train of Shimla, Darjelling, and Ooty. The Matheran railway was built by Sir Adamjee Peerbhoy and Abdul Hussein Peerbhoy, in 1907. One can also walk from Neral to Matheran. During my childhood days I would climb up and down the hill, especially in Monsoons, when train comes to halt in the first or second week of June because of heavy rains, there was no alternative transport for local population of Matheran rather than walking the hill up and down for different work purpose. Some would take horse, but it is really difficult journey because of improper roads, most of the construction and household goods, cooking gas cylinder is either carried on horse / or donkey's back, and this results in goods getting costlier. During 70's when most of family members came from father's native village Bavada in taluka Khandala District Satara, we would take rest for awhile to start journey to hill, sometimes when it is late and use to get dark by evening by the time we reached Neral. Walking late in the dark was not advisable, my father would advise us all children that we can sleep at Neral railway station. He would get something to eat from the small Udipi hotel, i.e. mainly wada pav (local burger / or Missal

pav, very common for labourers / poor families). Eating in the hotel was very costly, At times I have experienced sleeping at the Neral railway platform on benches or below the benches kept for passengers. In the monsoon this was to escape the cold and keep us warm enough beneath the bench. Lodging was just out of reach, we could not afford to stay in lodge, I just one day made request for the same and insisted my father that I want to experience to stay in lodge, and he replied that my demand is increasing. After that I did not ask him about lodging any more, he told me once you become big man, you can prefer staying in hotel, today for me the memories of going to Matheran has changed. We had to request the railway police to allow us to spend some time on platform to rest, and tell him that it has become dark and cannot travel to Matheran at odd hours, it was only on this condition that policeman would say yes. But the joy for my family to reach the hill was at peak. Early in the morning the railway police would come and wake us up, and shout, wake up, you have to go to Matheran. We would start the journey to hill early morning before the sun is on the head and try to reach by noon on the hill. This would take four to five hours to climb the hill.

Exit from the Neral station and take left. At distance is a mosque where the road is divided. The right road goes through the village. Take the left and walk up to Maruti temple, then the right, but not the right side for us. Then the straight road after walking for large distance to reach the Jumma-Patti Station (a small stop between Neral and Matheran) at a height of about 830 feet above the sea-level. Next stop is Water Pipe Station is at the end of the fourth mile at a height of about 1658 feet. Reaching this place one can experience the change in weather, which is cool compared to plains, and cool breeze blowing. The Jumma-Patti and the Water Pipe are small stops, there are no passengers alighting or boarding, but small halts for the train engine which in early days needed fuel supply of coal and water. Passengers can get tea, coffee and soft drinks, batata wadas, wada pav, potato wafers, (local snacks) but now everything is available in packed and branded form all this has transformed the tiny Hill station till the train goes up and down the hill.

The distance between Neral and Matheran Post Office is seven miles. The roads are wide and steep because of which driving car is difficult. There are no vehicles allowed inside the town and is strictly prohibited by the Government from colonial times. Only horses/ and Rickshaws (hand pulled) are allowed. Permission to ply ambulance in heart of town is given

on emergency medical grounds. The late E. K. Khan, then Municipal Councillor, had applied for a license for running pony carriages on the road from Neral to Matheran. He had given demonstration for the same but the executive engineer of Thane made a report to the effect that unrestricted use of the horse-drawn vehicles is not recommended except under certain conditions. Thus there is absence of vehicles in Matheran. In 1980s private taxi service was started, but this was not completely recognised by the Road Transport Office, Unless the Government builds proper roads, keeping in mind the topography of the ghat and clearance from concerned authority and departments. presently there is registered union of taxi drivers at Neral matheran taxi stand. Today there are more than 300 taxis plying on the Neral-Matheran Hill. Presently the road is in getting built but not in good condition, and the Maharashtra Government Public Works Department, Forest Department, and RTO have to come together to provide better services to the hill people and tourists. This will benefit the overall development of Matheran hill station, this has already taken time of more than hundred years. Recently mini bus service from State Transport from Neral to Matheran is available.

Presently, the Neral village has a long irregular row of houses/shops on both sides of the road. Recently the road widening is done for about half a mile from the the Neral station, it was difficult to walk in the morning and evening from the market road, many tribals from the nearby villages and padas (settlement of tribals) bring their local produce to sell in the local market. One can observe the taxiwallas waiting outside the station asking passerby "Saheb/Madam Matheran Jana hai". (sir/madam want to go Matheran) The taxiwallas are local Muslims and Hindus. There are many taxies plying between Neral and Matheran and taxi fare is 80 Rs per seat for both locals and tourists.

The commerce of Neral was husking rice, coal, wood and supplying to the local residents on the hill and other places. It was the market for the timber trade of the surrounding region. This teak was used for building purposes and was obtained on the slopes of the hills, and ravines of Matheran, and Prabul. Presently access to timber is difficult because Matheran and surrounding region is declared as Eco-sensitive zone as a result does not permit to cut any trees without the prior permission from the forest department. But equally raises important issue of those tribal's who are directly dependent on forest produce for their survival.

At the entrance of the Matheran town there is small halt to the old forest road. During the British days few police and clerk under the instructions of the Plague Department would present a record book, where the person had to enter his name, address, and the number of servants with them. After ten days latter one had to remain present at the Superintendent's Office for medical inspection. This is old small toll bar, today known as Dasturi Naka. Matheran Municipal council collects tourist entrance tax to the hill station, this adds to revenue of the hill station of Matheran

Just below the entrance of Dasturi point, at turning of the ghat is small temple of lord Shiva, where every passerby would bow before the god for completing and starting of the journey on the hill few devotees would perform rituals and break coconuts, lit Agarbatti and offer flowers, and garland the stone god for safe journey. This was the practice of the Dhangars and latter other natives also started worshipping. A panoramic view of the valley and surrounding regions can be seen. Beyond the toll station, the road goes to Bazaar and other end of the hill. At intervals there are openings in the jungle through which one can see views of the Gharbut valley, enclosed on either side by the broad headlands of Chowk and Garbut.

Mrs. Oliver, while reading a book entitled "For what we have received", by Francis Toye, then eminent London music critic and then Director of the British Institute in Florence, had mentioned of the Toye's short stay "at Matheran, a modest hill station but a few hours distant", (i.e. from Bombay) 1920. Like almost all Europeans, the Toyes loved Matheran. "Living there", Mrs. Toye said, "was like living on Lewis Carroll's tray in the sky"... "After the oppressive heat of Bombay the temperature seemed deliciously cool; there were pleasant walks in pleasant woods full of monkeys. Above all Matheran is associated with the fact that there I wrote the best of my songs, the only one in fact that has achieved any measure of international fame. I had picked up a periodical containing Belloc's 'Tarantella'; the main musical idea came to me in Delhi or Calcutta but at Matheran, thanks to a room and a piano in a bungalow placed at my disposal by a kindly Bombay merchant. I was able to fix and complete it. How happy we were during that fortnight!" [3].

Matheral Hill

In 1870 the proposal for beautification of Matheran was sent to hill station committee. The earlier Bombay Gazetteer mentioned that Matheran hill top had "an estimated area of 5,000 acres, nearly eight square miles." But

another Government survey conducted long back mentioned it to be 1,816 acres and 30 gunthas, i.e. about three square miles. This assessment includes few of the slopes, but this made a big difference.

"Matheran top is uneven tableland with rocky headlands. These headlands are known as Points." The six prime ones are Panorama, Hart, and Porcupine in the north and the Gharbut, Chowk and Louisa in the south end. There are also small openings on the roadside along these points. These are known as Monkey, Maldoonga, Monnie, Mary, Peb, and Our Point that are between Hart and Porcupine; Coronation Point in the west; Landscape, Echo, Danger, Celia, and One Tree Hill, between Louisa & Chowk. Alexandra, Myra and Beatrice Cliff between Chowk and Gharbut. The flat landscape came to known as Artist Point. On the elevated ground is Governor's Hill, with Barry Mount on the Panorama side. Besides the main road leading from Neral, there are several miles of bridle paths running in different directions to the Points and crossing each other over the entire hill surface. These paths are broad enough for two ponies to go side by side. It starts near the Hermitage, and passes Landscape Point taking the lower road. The point is named after Mrs. Fawcett. After walking few feets the road ends in a narrow neck of windswept rock. Below were disconnected masses of rock. It was called as Supurichi Sond, or pillar head by the natives. In the south is the view of the Varosha Valley. Along with the huge flat wall of Prabul on the right, and thereafter the stretch of Matheran on the left, on other side the outfall of the Charlotte Lake, with Danger Point rising above it. The Belvedere Path was named by Dr. J.P. Barry, skirting the cliff edge nearly as far as One Tree Hill. In the centre there is bare cleft rock of Ishalgad rising. The village of Chowk with the Chowk bridge on both sides of its river, nestles among the trees in the plains at its base" [3].

In the northward is the Malanggad range, which is lonesome hills. In the west, over the lower altitude of Vanga and Morpa, there is dusty plain, excluded and broken by numerous creeks and water-ways, stretching out to reach the sea; beyond the coast line of the island-dotted harbour, at far distance is Mumbai. From Panorama Point one gets a fine view, both Louisa and Porcupine can be reached easily. As mentioned by Oliver, Louisa point is a rare place in India where the Brocken Spectre event occurs [3].

The **Porcupine Point**. From the left side from here, there are steep and narrow small path descending to a small cluster of Thakar

huts on the plateau, this was named after its first settler, Hussa. A short distance beyond this opening the road is again dividing. On the left there is an old jambul tree, then on the cliff edge, is called “**Coronation Point**”. It was designed by Major J.B. Smith and opened on the 1st of January 1903, the day of the Coronation ceremony of King Edward the Seventh. The view extends from the base of Chanderi on the right, and extends round to the southern slopes of Prabal. The low hills in front are Vanga and Morpa. From here one can see scattered huts of tribals on the plateau below.

The name of **Porcupine** was probably because of the finding of some of these little animals in the region here. ‘**Palki**’ **Point** it was mispronunciation by earlier coolies and tonjon-wallas of English name. The Malanggad range becomes fore-shortened, and glimpses of the plains beyond can be seen through the gaps of its rocky, broken masses. The long headland of **Panorama** on the east and on its lower steep is the Maldunga forest. I have visited this forest areas several times and there are few tribal huts. The **Cathedral Rock** is at extreme range in isolation and is inaccessible and barren. In February mostly a village fair is held on its top, and hundreds of pilgrims go up the hill. On the full moon day, a large number of Muslims and Hindus come together to worship the Bawa’s Shrine. Some natives of Matheran also participate, which was chiefly among the Dawads (stone cutters). Who had migrated to Matheran as labourers while building the hill station. There are others who have no time, and the inclination to make the long journey to Malanggad, and they come to Porcupine Point, to offer prayers, there is celebration of Urs local village fest and religious service is carried out, facing towards the distant hill where the tomb of Saint is located. I was regular to this village fest and offer prayers.

At this point, there is also a path leading down to the opening made, which was named as “Malet Point” by Colonel Hay in 1898 which is also known as “Our Point”. This is a rocky extension, cut away on the side of a deep gorge, and is bounded on either side by the long scarps of Porcupine and Monkey Point. On some way down the hill side is the source of Malet Spring also called by the natives “Tipachi Pani”. Below is the Maldunga forest, the platform under the edge of the cliff on

the left Thakars in the summer prepare a ladder made from the long tendrils of the Umbli creeper. This was to collect honey and the fire was lit to honey comb by burning little grass. This drives away the bees which is dangerous because the bees may attack the person who is extracting honey. The honey is removed out of the wax, and filled into bottles and sold in the local market now there are few who come with this honey bottles to market.

Our Point, is on the opposite side of the ravine which is called Peb Point. These two points are situated east and west, Peb has the shade in the morning, while the towering hillside casts its long shadows over Our Point from an early hour in the afternoon. **Monkey Point**. **Hart Point**, behind which stands out in dark relief the back ground of Panorama ridge, with the high shoulder of Governor’s Hill midway.

Kaleraika Peda (Black Forest Plateau) is the indigenous name for **Hart Point** and Mr. W. Hart of the Bombay Civil Service was the Secretary to Government in 1858, who named the Governor’s Hill which gives view of the country surroundings. This place was associated with Lord Elphinstone. In all probability the name was given in honour of Sir Richard Temple who made Matheran his headquarters instead of Mahabaleshwar, because his presence was required in case of any emergency in Bombay especially during the severe famine which occurred during his Governorship. The Mount Barry after Dr. Andrew Barry, earlier Superintendent of Matheran is part of the same ridge, which is located above the Dasturi, overlooking the plains, with Gharbat Point on the right.

Some spots on the roadside have been given the name of Points and have been honoured with the names of the wives of the Superintendents who made them. These are called as Myra, near Harrison’s Spring; Celia, above the Lake; Monnie, near Ponsonby Spring; Mary, near Simpson’s Tank; and Beatrice Cliff; near Gharbat Circus. The Birdwood Walk is a path leading off from the Race Course. This was made under the supervision of Mr. Birdwood who frequented the hill and lived in his own house, named as Underwood. **Alexander point**. The point was named after Captain Alexander, of the Roth Huzzars, a brother-officer of Captain Given’s. This dates back to the early ‘Malet’ days [3].

References:

- [1] Bastavala S.D. “Hill of Beauty”, Matheran Centenary 1850–1950 // A Guide Book and History. – Bombay: New Book Company Ltd. – P. 188–190.
- [2] Dabke V.B. Hand Book To Matheran. – P.B. Kale, Pratibha Press, Shaniwar Peth, 1938.
- [3] Oliver A.K. The Hill Station Of Matheran. – Bombay: The Times Press, The Times of India Office, 1905.
- [4] Smith J.Y. Matheran Hill Its People Plants and Animals. – 1881.

ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПАМЯТЬ В УРБАНОНИМАХ МАГАСА*

Анализируется символическая структура урбанонимов Магаса, столицы Ингушетии, в контексте их взаимосвязи с идентичностью и памятью. Отмечается, что специфика ингушской модели конструирования городской топонимики в столичном центре существенно отличается от других северокавказских столиц и от собственных урбанопространств (Назрани, Малгобека, Карабулака, Сунжи). Магас практически свободен от символов досоветского и советского периодов общегосударственного масштаба, непосредственно не связанных с ингушской историей. Автор исходит из того, что Магас как центр концентрации политической и административной элиты одновременно является и демонстративной площадкой репрезентации символического капитала ингушей. Урбанонимы Магаса закрепляют ингушские тексты памяти, обеспечивая символическое присвоение пространства мест в регионе, в котором продолжающаяся символическая борьба по переутверждению права на территорию и историю является составной частью идеологии и политики идентичности местных элит.

Ключевые слова:

идентичность, память, урбанонимы, Магас, символический капитал ингушей, пространство мест памяти Ингушетии, аланская идентичность Магаса, репрезентация пространства мест, символическое присвоение.

Тхакахов В.Х. Идентичность и память в урбанонимах Магаса // Общество. Среда. Развитие. – 2018, № 3. – С. 62–67.

© Тхакахов Валерий Хазраилович – доктор социологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург; e-mail: atalik7@yandex.ru

Урбанонимы – часть символического пространства любого города. Изучая структуру урбанонимов, механизмы их трансформации, можно анализировать процессы конструирования и деконструкции идентичности и памяти применительно к тому или иному региону или городу. Теоретические основания и разнообразие подходов к научному изучению трансформации современных урбанонимов ранее представлены автором в [12]. В настоящем исследовании автор придерживается данных перспектив-социального конструктивизма (Б. Андерсон, П. Бурдье, Р. Брубейкер), концепции мест памяти П. Нора. Этого нельзя сделать по отношению к пространствам, в которых доминирует традиция наименований и переименований городских объектов вне идеологических рамок: там, где исходным является нумерологический или иной подход, не предполагающий антропологическую персонализацию урбанонимов.

Если иметь в виду города, то в большинстве из них сложилась традиция идеологизировать и очеловечивать (гуманизировать) урбанонимы. Российское городское цивилизационное пространство не является исключением. История городской топонимики – тому подтверждение. Наиболее активный практический интерес к урбанонимам проявился после Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года и уже в наше время – после распада советской политической системы.

Предварительно проясним ключевые понятия и задачи исследования. Идентичность – одно из базовых понятий в социальных и гуманитарных науках. Используется и как категория практики и как категория анализа. Отсутствует консенсус и единое понимание по поводу его трактовки. Отсюда плюрализм подходов: эссенциалистские, инструменталистские, конструктивистские; объективистские и субъективистские [2,

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект 18-011-00832 «Трансформация урбанопространства в столицах Северного Кавказа: топонимический передел идентичности и памяти»).

с. 74–89]. С момента поворота в западной науке от проблем распределительной (экономической) справедливости к вопросам символической (культурной) несправедливости в центр внимания переместились не интересы и нормы, а идентичности и солидарность [4, с. 85–86]. В настоящем исследовании нас интересуют особенности конструирования официальных урбанонимов, их структура и смыслы, которые они выражают в контексте процессов ингушской мемориализации в Магасе. Основной агент топонимических трансформаций – властные структуры Ингушетии (политическая и культурная элиты), которые создают современную модель ингушской идентичности. Последняя предлагается и трактуется в духе некоего коллективного феномена, который выражает сопринадлежность к сообществу – ингушскому народу. Идентичность здесь отражает общие ценности и социальные практики, создающие некое единство и тождество членов сообщества. «Такое тождество предсказуемо проявляется в солидарности, в одинаковых расположенностях и сознании, в коллективном действии [2, с. 76].

Идеология советской идентичности предполагала формирование и распространение во всех городах страны единой матрицы урбанонимов, которые структурно состояли из общенациональных, региональных и местных символов. При этом первая часть морфологической городской топонимики, централизованно навязанная городам, представляла собой некий каркас, который их держал и типизировал. Отсюда их полное урбанистическое сходство, независимо от того, где они располагались и каков был их собственный исторический и культурный капитал. Проспекты и улицы Ленина, например, можно было встретить везде – и в прибалтийских городах, и на Украине, в Белоруссии, в РСФСР, в Закавказье и в Средней Азии. В советский индустриальный период доминировало типовое домостроение, а годонимы и агоронимы также получали типовые, идеологически идентичные названия. Старая часть исторических городов подверглась переименованиям и иным трансформациям, связанным с утверждением новой советской идентичности и памяти с одновременной ориентацией на забвение предыдущих символов.

Остальные две части матрицы советских урбанонимов были в той или иной степени своеобразной калькой общенациональных городских топонимов, но уже на локальной основе. Общий принцип присвоения имен и переименований был аналогичен общесоюзному. В любом крупном или столичном центре можно было найти реальных или

мифологизированных героев революции, установления Советской власти; героев социалистического труда; героев войны, в честь которых городские пространства символически персонализировались. В результате переименований городских топонимов все социально и идеологически чуждые символы подверглись деконструкции и исключению из публичных и частных пространств поселений. Иначе говоря, память для одних, забвение для других.

Новый топонимический передел (а городскую историю можно рассматривать как некую череду переделов) обозначился в постсоветский период, когда общий идеологический каркас урбанонимов перестали контролировать централизованно и конструирование городской символики отдали на откуп регионам и городам.

Одним из ключевых институциональных поворотов в данной сфере явилось принятие в 1997 году Федерального закона «О наименованиях географических объектов». В дальнейшем в документ были внесены поправки и дополнения – в 2008, 2012, 2015 гг. Закон устанавливал разграничение полномочий по порядку присвоения, переименования географических объектов в РФ между федеральным центром и субъектами страны. Внутреннюю топонимику в городах Ф/З не определял и не регулировал (ст.3. п.2) [14]. «Действие настоящего Федерального закона не распространяется на деятельность в области установления, нормализации, употребления, регистрации, учета, сохранения наименования... объектов, расположенных в городах и других поселениях» (п.2) [14].

В редакции 2008 года (№ 191-ФЗ) в статью 3 пункт 2 был снят. Теперь с федеральным центром следует согласовывать названия городов, а внутренние урбанонимы – прерогатива муниципалитетов. В реальности, однако, существует определенное взаимодействие и ветвей и уровней власти в топонимической сфере по поводу принятия и утверждения урбанонимов в обоих случаях.

После распада Советского Союза Чечено-Ингушская АССР прекратила существование, и элиты двух народов выбрали раздельные модели и пути дальнейшего развития. Образование двух самостоятельных субъектов федерации – результат и политических трансформаций и несомпадающей постсоветской истории чеченцев и ингушей. Сходство было в одном: родственные в этническом и религиозном отношении регионы вступили на путь формирования государственной и общественной жизни, обустройства территорий в городах и поселениях, изобретая новую символику пространства, которая стала отражением их

идентичности и памяти. Ингушская модель конструирования идентичности и памяти в рамках городского пространства отличается от аналогичного процесса в Грозном. Во-первых, если говорить об истоках, то в Чечне вынуждены были возродить столицу республики, пострадавшую в результате известных военных событий практически с нуля, но в рамках памяти об историческом Грозном. И делать это с сохранением названия города, хотя были неоднократные попытки дать ему другие имена. Однако это была не просто реставрация, как это было во многих послевоенных обществах, а восстановление городского пространства на новой основе с одновременным и поэтапным топонимическим переделом.

Ингушетия – единственный субъект федерации, который получил возможность создать в постсоветский период собственный столичный центр. В республике есть и другие города – Назрань, Малгобек, Карабулак, Сунжа, которые появились значительно раньше Магаса. Их урбанонимы отражают в основном идентичность и память советского периода и состоят из двух символических частей: а) советского общегосударственного наследия (1917–1991); б) местного ингушского наследия. Например, в Назрани до сих пор можно встретить улицы Блюхера, Большевицкую, Дзержинского, Д. Бедного, Заслонова, Калинина, Красную, Красноармейскую, Краснознаменную, Коммунистическую, Куйбышева, Ленина, Лазо, 19 Партсъезда, Матросова, Пролетарскую, Революционную, Чапаева, Энгельса и т.д. [9]. В Малгобеке также немало урбанонимов советской эпохи: улицы, названные в честь XX и XVII партсъездов; 50 лет комсомола и 50 лет Октября; 65 лет Победы; Ворошилова, Гикало; Заветы Ильича, Лазо и др. [10]. Сходная ситуация и в Сунже и Карабулаке.

Магас же свободен от символов советского периода. Увековечена лишь память о представителях советской элиты – политической и культурной, которые внесли непосредственный вклад в ингушскую историю (Н.С. Хрущев и А. Приставкин). Первый инициировал процесс десталинизации, возврат ингушей из ссылки на историческую родину и последующую реабилитацию. Второй, в художественной форме («Ночевала тучка золотая») описал трагедию вайнахов периода депортации.

Идеология ингушской идентичности и памяти применительно к городскому пространству Магаса ориентируется на проект, соединяющий три периода этнической истории народа: имперский, советский и постсоветский. В каждом из них символический капитал ингушей – это наиболее ценные и

признаваемые достижения и культурно-историческое наследие в военной, гражданской и религиозной областях жизни. География их становления и локализации, за исключением третьего периода, к столице не имеет прямого отношения, т.к. капитализация ингушской идентичности происходила и за пределами Северного Кавказа и внутри региона (во Владикавказе, в Грозном). Однако как только был основан столичный центр ингушского народа, централизация символического капитала, воплощенная в урбанонимах, сконструировала новую карту города как карту памяти и идентичности. Язык потребления капитала – культурная иерархия средств передачи памяти: русский, английский, ингушский. Именно в таком порядке репрезентируются общественные пространства Магаса – городские вывески, названия улиц, площадей, скверов.

Историческая память в Ингушетии воплощается не только в годонимах и агоронимах, но и в новых останках общественного транспорта, которые имеют собственные названия, отражающие значимые символы ингушского самосознания: «Алания», «Нарт», «Дзурдзуки» [18]. В большинстве городов России останки общественного транспорта – это «пустые» места, не обустроенные и не идентифицированные символами памяти. Магас – столичный центр, демонстрационная площадка, на которой апробируются и закрепляются ингушские тексты памяти даже в такой непривычной для традиционного урбанизма форме.

В результате материализации проекта единой истории ингушей появился Мемориал памяти и славы (1996–2012 гг.). Мемориал включает восемь значимых «мест памяти»:

1. Мемориал «Девять башен» (соответствующее числу депортированных народов в период сталинизма);
2. Колоннады 36 × 36 – пантеон с именами ингушей, прославившихся в имперский, советский и современный периоды ингушской истории;
3. Экспонат поэда времен депортации ингушей в 1944 году;
4. Памятник ингушскому конному полку «Дикой дивизии»;
5. Памятник последнему защитнику Брестской крепости (У.А. Барнахоеву);
6. Барельеф «Вхождение Ингушетии в состав России»;
7. Барельеф «Ингушетия»;
8. Мемориальную плиту Героев (в честь уроженцев Ингушетии, получивших звание Героев Советского Союза, Героев Социалистического труда, Героев России) [5].

Данный символический объект, ставший уже культурным фактом ингушской

идентичности, является примером репрезентации пространства. Конструкт памяти, задуманный элитой и воплощенный архитекторами, дизайнерами, историками.

Корпус ингушских урбанонимов, как и во многих российских городах, представляет собой идеологическую эклектику, существование взаимоисключающих символов, отражающих этническую историю народа – реальную и воображаемую. Магас здесь стоит особняком. У него нет собственной досоветской и советской истории. Нет и идеологических обязательств и традиций рутинизации пространства. У ингушской элиты, которая собственно и задумала и опекает идеологию и политику идентичности применительно к столичному центру, есть институциональная и символическая власть конструировать структуру урбанонимов, включать их в коммеморативные практики, которые закрепляют и воспроизводят солидарную связь поколений. Причем с течением времени данная деятельность, несмотря на то, что наступает конец «эпохи очевидцев» [1, с. 9], не угасает, а расширяется, приобретая все новые формы.

Отметим, что Магас находится в символическом поле конструирования и закрепления в городском пространстве не только ингушской, но и аланской идентичности. Последняя отражает активизировавшуюся в постсоветский период борьбу за удревнение истории, поиск значимых корней и сопринадлежности. Многие элиты Северного Кавказа с различной степенью интенсивности занимаются историческим мифотворчеством, изобретением традиций, «коренизацией» прошлого [16]. Вся эта деятельность с функциональной точки зрения используется для современных целей и задач. Одна из них – это достижение власти и права на занимаемое пространство и на пространство – мечту.

Пространство – мечта – это память о былом территориальном величии и протяженности, расположенности; это нарративы, воспоминания, архивы, подтвержденные и неподтвержденные утверждения о том, кто где жил когда-то, кого здесь не было; это утопические проекты ретровосстановления исконной территории в былых границах. На Кавказе данный феномен имеет достаточно широкое распространение в рамках представлений интеллектуалов, участвующих в мифотворчестве, а также в искаженном сознании человека с улицы [17, с. 224] (понятие, которое использует А. Шютц в качестве одного из идеальных типов наряду с понятиями «эксперт» и «хорошо информированный гражданин», демонстрирующих механизм социального распределения знаний).

В условиях Северного Кавказа, когда пространство периодически трансформируется и происходит это на глазах нескольких поколений, когда его различные части переходят от одного народа к другому, от группы к группе, от индивида к государству, элиты вынуждены участвовать в символической борьбе по переутверждению права на территорию в целом и определенные места, в частности. Политика идентичности и памяти – один из ответов на процесс передела или его угрозы. Символическое присвоение пространства мест, особенно в условиях их дефицита – практическая стратегия идеологии идентичности региональных элит. Архивы, карты, научные публикации, демонстрация силы – все вовлечено в борьбу за пространство. Рост интереса к проблемам идентичности – это двухсторонний процесс, «сверху» и «снизу».

В постсоветский период все разновидности идентичности – семейная, родственно-клановая, сословная, классовая этническая, региональная, религиозная – стали или возрождаться или изобретаться заново. Интерес к семейным и родовым генеалогиям и их составлению проявился даже у тех социальных групп, у которых их никогда не было. Люди стали вспоминать своих предков, составлять «списки» официальной и практической родни [3, с. 325–326]. «Нет семьи, в которой какой-нибудь из ее членов не был с недавних пор увлечен стремлением как можно полнее реконструировать скрытые обстоятельства происхождения его семьи» [6, с. 33]. Констатация факта роста генеалогических изысканий во Франции, о котором писал П. Нора, можно без натяжек экстраполировать и на постсоветский Северный Кавказ, где данная деятельность получила достаточно широкое распространение.

Социальная и культурная травмы ингушей, которые закреплены в идентичности и памяти, вызваны, конечно, трагическими событиями и последствиями, связанными с репрессиями, выселениями сталинского периода и относительно недавними конфликтами начала девяностых.

Символическое насилие сталинского периода превращало общесоюзные праздничные даты (23 февраля и 8 марта) в определенных пространствах в даты смерти и скорби. Так произошло на территориях всех депортированных народов, которые вынуждены были находиться в двусмысленном положении и до начала времени реабилитации, и весь послевоенный советский период. До сих пор эти две даты разделяют социальное время памяти в стране: для одних это радостные события, для других – трагические. Наряду с мемориалами памяти о депорта-

ции в ингушских городах появились улицы 23 февраля 1944 года в Назрани и 8 Марта в Сунже. Власти Ингушетии активно вовлекают общественность в обсуждение проектов по мемориализации трагических событий в истории народа. Регулярно в годовщину депортации на территории Мемориала памяти и славы в Назрани и других населенных пунктах проводятся скорбные митинги.

На Северном Кавказе есть несколько народов современная идентичность которых опирается и воспроизводится вокруг памяти о трагедиях прошлого. Это те части их истории, которые не подлежат забвению. Они различными способами и мерой встроены в пространство и время памяти. В советский период уже после десталинизации и реабилитации память о депортации и репрессиях по-прежнему локализовалась в частном пространстве репрессированных народов (в семье, среди друзей, сверстников, диссидентов), среди тех, кто обладал капиталом доверия. В публичном же пространстве, по крайней мере, до начала перестройки и десоветизации господствовала политика забвения, табу на легитимацию травмы и мемориализацию соответствующих урбанонимов. В дальнейшем «периферийная» память вытеснила забвение из публичного пространства и произошел процесс обобществления травмы, включение ее как части в новую идентичность на региональном уровне. На федеральном уровне дело обстоит сложнее, особенно в культурном измерении проблемы.

Показательна содержательная структура городских топонимов столичного центра Ингушетии. Из 24 именных урбанонимов Магаса 14 названы в честь известных ученых и представителей творческих профессий региона, России и Северного Кавказа. Государственные и общественные деятели республики, страны и ближнего зарубежья мемориализованы в пяти урбанонимах. Аналогичная ситуация с милитарными топонимами. В последнем случае четыре наименования улиц (Б. Гагиева, И. Мальсагова, З. Борова, Э. Нальгиева) посвящены памяти ингушским военным дореволюционного периода, а одно – современного (А. Хакиева). Не до конца понятен и прозрачен критерий отбора пантеона именно данных военных деятелей периода Российской империи. В ингушской истории можно насчитать не один десяток и не менее выдающихся, чем уже выбранные. Хотя общий критерий отбора для наименований и переименований в Ингушетии, по крайней мере, с официально-институциональной точки зрения властями определен: по вкладу персон в историко-культурное развитие Ингушской республики.

Это, в частности, закреплено в различных Положениях о порядке присвоения наименований улиц, площадей и иных топонимических названий, принятых властями [7; 8]. На сегодняшний день урбанонимы Магаса, отражающие идеологию идентичности и памяти Ингушетии включают персоны и даты, которые имеют значимость:

- а) международную (евразийскую) – 1;
- б) федеральную – 4;
- в) региональную (северокавказскую) – 3;
- г) локальную (республиканскую) – 17.

Ингушская политика идентичности в городах, за исключением Магаса, по-прежнему придерживается традиции внутрикавказской символической солидарности и обмена урбанонимами. В Назрани, Малгобеке, Карабулаке, Сунже можно встретить улицы с кавказскими этнонимическими названиями: Адыгейская, Азербайджанская, Балкарская, Вайнахская, Грузинская, Дагестанская, Кабардинская, Кавказская, Карачаевская, Черкесская, Чеченская. Таким образом, структурно урбанонимы состоят из общенациональных (в т.ч. бывших советских), региональных (кавказских) и локальных (ингушских) символов. Аналогичная ситуация как ранее уже указывалось [12], правда в различной пропорции и в других северокавказских городах. Магас оказался вне данной практики символических обменов, вероятно, и в силу своей молодости и в силу малых размеров и соответственно – недостаточного количества городских объектов, которых можно было бы присвоить «солидаристские» урбанонимы. Возможно, по мере роста и расширения столицы данный вакуум будет восполнен.

Одна из опасностей мемориализации городского пространства – превращение его в музей памяти, который гармонично не встроен в повседневную жизнь горожан и в различные процессы социализации (школа, вуз, армия, социальные движения, социальные сети и т.п.). Осознание данной опасности заставляет элиты и правящий класс управлять и контролировать коммеморативные практики. Традиционная стратегия – возглавлять и участвовать в них. Иные стратегии – индифферентное отношение и создание препятствий. Первой стратегии придерживаются власти Чечни, Ингушетии, Северной Осетии – Алании (особенно в период А. Галазова), второй – правящий класс Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии и Дагестана.

На современном Северном Кавказе общество, которое разделено по различным основаниям, ответственный правящий класс и, особенно, его лидеры пытаются проводить политику единой истории и па-

мяти народа для интеграции и мобилизации индивидов и социальных групп.

В данной статье представлена часть исследований по проблеме. Однако ряд выводов уже можно сформулировать:

1. Магас – единственный столичный центр в СКФО, который практически свободен от урбанонимов досоветского и советского периодов общегосударственного масштаба, непосредственно не связанных с ингушской историей. Вклад в историко-культурное развитие Ингушетии – главный официальный критерий отбора урбанонимов.

2. Магас – демонстративная площадка репрезентации символического капитала ингушей, воплощенных в том числе и в топонимах. Последние закрепляют ингушские тексты памяти, обеспечивая символическое присвоение пространства мест в регионе.

3. Ингушская идентичность, закрепленная в урбанонимах Магаса включает милитарные, политические и культурные светские топонимы. Последние доминируют и в структуре и в общем количестве урбанонимов.

4. Магас – первый столичный центр на Северном Кавказе, который прервал традицию обмена этническими и региональными урбанонимами между аналогичными центрами. Другие города Ингушетии (Назрань, Малгобек, Карабулак) до сих пор поддерживают практику символических обменов городскими топонимами. В Магасе доминируют локальные (ингушские) символы памяти, выступающие, на наш взгляд, важными «кирпичиками» формирования и воспроизводства единой ингушской нации, этнической идентичности и солидарности.

Список литературы:

- [1] Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. – М.: НЛО, 2016. – 232 с.
- [2] Брубейкер Р. Этничность без групп / Пер. с англ. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с.
- [3] Бурдые П. Практический смысл / Пер. с фр. – СПб.: Алетейя, 2001. – 562 с.
- [4] Малинова О.Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России. – М.: ИНИОН РАН; 2013. – 421 с.
- [5] Мемориал памяти и славы (Назрань). – Интернет-ресурс. Режим доступа: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Мемориал_памяти_и_славы_\(Назрань\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Мемориал_памяти_и_славы_(Назрань))
- [6] Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / Пер. с фр. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – С. 17–50.
- [7] Об утверждении Положения о порядке переименования и присвоения новых наименований улицам и площадям, присвоение адресов, нумерации домов, подъездов и размещении домовых знаков в муниципальном образовании «Городской округ город Карабулак». Горсовет Муниципального образования «Городской округ город Карабулак» Республики Ингушетия, решение от 30 июня 2010 года № 1714–1 (Изменение: Решение Горсовета г. Карабулак от 15.04.2011 г. №5/1–1 НГР: RU 060001092 01100019). – Интернет-ресурс. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/459806267>
- [8] Об утверждении Положения «О порядке присвоения наименований улиц, площадей и иных топонимических названий на территории муниципального образования «Городской округ город Назрань». Городской совет муниципального образования «Городской округ город Назрань» республики Ингушетия, Решение от 24 февраля 2010 года № 7/43–1 (Изменение: Решение городского совета г. Назрань от 11.10.2012 г. № 12/45–2 НГР: RU 06000409201200016). – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.docs.cntd.ru>
- [9] Список всех улиц Карабулака. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <https://mapdata.ru/ingyshetiya/Karabulak/ulisy/stranica->
- [10] Список улиц города Малгобек. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <https://city-address.ru/region-6-malgobek/all-streets>
- [11] Список всех улиц Назрани. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <https://mapdata.ru/ingushetiya/nazran/ulicy/>
- [12] Тхакахов В.Х. Карта города: символическая трансформация пространства на Северном Кавказе // Социологические исследования. – 2017, № 5. – С. 17–25.
- [13] Улицы Магаса. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.bankgorodov.ru/place/magas/streets>
- [14] Федеральный закон «О наименованиях географических объектов». Принят Государственной Думой 17 октября 1997 года. Одобрен Советом Федерации 3 декабря 1997 года № 152-ФЗ (в редакции Федеральных законов от 23.07.2008 г. № 160-ФЗ; от 27.10.2008 г., № 191-ФЗ; от 10.07.2012 г. № 99-ФЗ; от 30.12.2015 г. № 431-ФЗ). – Интернет-ресурс. Режим доступа: <https://www.pravo.gor.ru/proxy/ips/?docbody=End=102050595QrdkzQbacklink=1>
- [15] Что мы знаем о видных деятелях, имена которых носят улицы, аллеи и скверы Магаса? – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.magas.boezformata.ru/listnews/deyatelyah-imena-kotorih-nosyat/55147160/> (24.06.2018)
- [16] Шнирельман В.А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. – М.: НЛО, 2006. – 696 с.
- [17] Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Пер. с англ. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. – 336 с.
- [18] 10 любопытных фактов о Магасе, 15 апреля 2016 г. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <https://etokavkaz.ru/gorod/10-lyubopytnykh-faktov-o-magase>.

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРЕЗЕНТАЦИИ КОЛЛЕКЦИЙ ДИЗАЙНЕРОВ КОСТЮМА

Исследуются исторические аспекты развития театрального творчества, кино и моды; устанавливается их неразрывная связь; выявляются основные компоненты структуры сценического образа. Описывается художественное своеобразие современных фэшн-показов и методом сравнительного анализа современных арт-практик обосновывается, что подиумные дефиле становятся не только трансляцией модных трендов, но и феноменом культуры, сложными театрализованными находками дизайнеров, формирующими новую реальность, модели будущего. Используется семиотический метод определения модного образа как базовой категории сценической конструкции визуального искусства, обосновывается возможность применения классического каркаса сценической композиции в качестве инструментария создания художественного образа модном подиумном дефиле. Сценография и постановка модной коллекции авторского костюма сравнивается с «оскароносными» голливудскими шедеврами. Общие истоки формирования структуры образов на экранах, сцене и подиуме позволяет им становиться символами эпохи и частью новой медиакультуры и среды.

Ключевые слова:

дизайн костюма, кино, мода, модный показ коллекции, образ, сюжет, театр.

Кулешова А.А., Хачатурова Е.А., Митрохина Т.А. Актуальные тенденции презентации коллекций дизайнеров костюма // Общество. Среда. Развитие. – 2018, № 3. – С. 68–74.

© Кулешова Анна Александровна – кандидат педагогических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Шахты; e-mail: ars64@mail.ru

© Хачатурова Елена Александровна – магистрант, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ДГТУ в г. Шахты Ростовской области, г. Шахты; e-mail: г. Шахты; e-mail: ars64@mail.ru

© Митрохина Татьяна Александровна – магистр, доцент, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиала) ДГТУ в г. Шахты Ростовской области, г. Шахты; e-mail: ars64@mail.ru

Дважды в год внимание зрителей всей планеты четыре недели зимой и столько же осенью приковано к фееричным и завораживающим действиям на четырех главных подиумах мира в Нью-Йорке, Лондоне, Милане и Париже. Благодаря интернет-технологиям XXI века практически любой человек может видеть, обсуждать отдельные модели и фрагменты авторских коллекций, оценить показы целиком, зарядиться их эмоциональной энергетикой и вдохновением. Коллекции, коллаборации, сценография подиумных дефиле и рекламные технологии слились в единый «поток экранных изображений». Синтез искусства и моды открывает новое поле ярких символов, образов и знаков. Понимание художественного языка и правдивная оценка культурной значимости модных показов является на данном этапе проблемой, потому что существует множество противоположных бытовых взглядов, в большинстве случаев не имеющих научного обоснования и не учитывающих новых условий медиареальности. С другой стороны, остроту проблеме придает то, что культурное наследие театра, балета, кинематографии, задали высокую планку

художественной ценности сценических произведений.

Всеобщее доминирование визуального образа сегодня проявляется не только в традиционных видах изобразительного искусства, театре, кинематографе, моде и т.п. Визуальное восприятие активно проявляется в новых арт-практиках дизайна, теле-, видео-, медиа- формах. Достижения и инструментарий визуальных искусств становятся востребованы в сфере коммуникаций, в рекламе, в дизайне. Интерес к зрелищам остается по-прежнему одной из главных потребностей человека. В этой связи актуальным является научный подход к исследованию презентации fashion-коллекций как продукта моды.

Цель данного исследования – выявить основные компоненты сценического действия в контексте истории развития театра, кино и моды и определить инструментарий создания художественного образа в моде как форме визуального искусства.

Актуальность темы связана с формированием новых феноменов культуры, популяризацией и массовым распространением визуального искусства, растущим интересом к различным новым синтетическим

его проявлениям. Одной из реалий современного мира является переплетение таких многообразных явлений, как исполнительское, театральное искусство, кинематограф и мода. Дизайн в этих условиях занимает промежуточную позицию между высоким искусством и бытовым сознанием масс, техникой и эстетикой. В современном дизайне на основе изобразительного искусства родился особый визуальный язык. Одной из особенностей современного этапа развития культуры является интеграция и ассимиляция моды с такими видами искусства как архитектура, живопись, музыка, театр, кинематограф в виде новых способов демонстрации продуктов авторского творчества – инсталляции, поп-арта, инвайронмента, перформанса и др. [8, с. 96].

Одной из главных задач данной работы является сравнительно- исторический анализ становления сценического образа в структуре композиции постановок театра, кино и моды. Также используются метод иконологии, структурный и семиотический методы исследования для выявления аналогий между условностями театрального действия и художественной практики создания сценического образа в кино и моде.

Семиотика искусства – это теория знаковых систем. Основоположник отечественной теории семиотики Ю.М. Лотман считал недостаточным изучать по отдельности художественную словесность, театр, изобразительные искусства, кино, музыку в их изолированном развитии. Он изучал проблему влияния в искусстве: язык живописи влияет на театр, кинематограф – на роман, поэзия – на кинематограф [7, с. 258], он называл сцену «энциклопедией семиотики» [7, с. 284]. Известный теоретик семиотики проводил детальное изучение аналогий между театром, живописью, кинематографом, скульптурой, балетом и оперой, считал возможным объединить различные области человеческих знаний в глобальное знание о Человеке. В научных работах искусствовед Б.А. Успенский анализирует систему специальных семантических закономерностей в живописном произведении и также делает вывод о возможности уподобить различным аналогичным условностям театра произведение искусства.

Наряду с аналогиями в основах искусства живописи и театра выдающийся французский критик и культуролог Ролан Барт в своей книге «Система Моды» видит аналогии между модной фотографией, театром и кино, выделяет там тщательно разрабо-

танные приемы изображения (фотогению, монтаж, мизансцены). Мода, по определению Барта, предстает как неординарный и богатый семиотический объект, как мистифицированная система отношений между одеждой и жизнью, между образом, знаком и делом [1, с. 13]. Он посвящает свои труды семиотике моды, описанию моды в масс-медиа, переводу зрительных образов на язык словесных знаков и социальных ценностей. В его работах знаковые и смысловые основы понимания одежды, рекламы, фотографии, кино объединены понятием «образ», которым Барт чаще всего называл такие социализированные коммуникативные объекты, как визуальное изображение, функционирующее в процессе общения [1, с. 12]. «Внешний мир обычно фотографируется как декорация, фон или сцена – одним словом, как некоторый театр. Театр Моды всегда тематичен: в нем варьируется некоторая идея (точнее, слово), проходя через ряд примеров или аналогий. Пятьдесят лет назад Барт первым заметил массовые масштабы распространения моды в современной французской культуре средствами СМИ и абсолютно верно определил роль модных журналов как «машины по производству моды» [1, с. 50]. Сегодня таким же важным средством, аккумулирующим идеи дизайнеров с донесением их публики, можно считать модные показы фэшен-коллекций.

В концепции Ж. Бодрийяра мода рассматривается как феерия кодов, как универсальная форма, в которой взаимобмениваются различные знаки [2, с. 177]. Важность определения и пропаганды образов, функционально востребованных социумом и нацеленных на заведомо положительный результат отмечает в научных исследованиях М.В. Яковлева, которая считает «результативность» образа готовым инструментом для достижения цели и приобретения его популярности [9, с. 134, 135]. обращения:

К факту существования подиумного и промышленного бизнеса, связанных с проектированием, производством и рекламой модного костюма, обращается исследователь В.М. Липская, которая рассматривает специфику знаковой природы костюма и указывает, что, в социальном плане превращает его в достояние массовой культуры. Костюм в настоящем исследовании понимается как образная (знаково-символическая) система, которая демонстрирует внешнему миру не только социальный статус, но и внутренний мир человека [6, с. 49].

Разработанная сегодня часть сложной проблемы семиотики театра в научной среде не рассматривает семиотику модного подиумного показа как современного сценического действия. В данной работе ставится задача поиска аналогий между средствами создания художественных образов фэшен-показов и инструментарием традиционных видов сценического искусства.

Для искусствоведческого сопоставления исследуемых в работе объектов кратко рассмотрены основные этапы развития театра, моды и кинематографа.

Театр известен как один из самых ранних видов искусства, в котором главным художественным средством является действие актера на сцене перед зрителем. В процессе развития сформировались драматический театр (трагедии, драмы и комедии); оперный – с вокальными произведениями искусства, кукольный; балет и театр пантомимы, а также «легкие» жанры оперетты и мюзикла. Еще великий Аристотель выявил основную конструкцию сценического зрелища в последовательной цепочке сцен: завязка, перипетии и развязка. Позже композиционная структура действия была дополнена экспозицией. Этой структурой по-прежнему пользуются современные сценаристы, режиссеры и дизайнеры. Уже в античные времена развитие театров происходило на основе формирующихся традиций наряду с новаторскими идеями, использованием техники для сцены, доступной в конкретную эпоху. Особые структуры зрелищ образуются в государствах Древнего Востока, в Индии, Китае, Японии, в средневековой Европе. Театральное творчество распространялось такими бродячими актерами, как французские трубадуры и труверы, германские миннезингеры, менестрели в Англии и скоморохи в России. Театральный костюм – это один из эффектов, который необходим публике для погружения в мир праздника, для отвлечения от проблем. А сценическое искусство начинается непосредственно с создания художественного образа персонажа. В 1803 г. Гёте создает «Правила для актеров». Театральность влияет на живопись и быт, которые в свою очередь, формируют принцип натуральности в поиске способов отражения реальности в художественных образах театральных персонажей. Художественный образ по Гегелю, – результат «очищения» явления от всего случайного, затемняющего сущность, результат его «идеализации» [3, с. 165], характеризует особый спо-

соб в искусстве отображать и преобразовывать действительность. Как категория дизайнерского творчества образ является способом выражения индивидуальности, восприятия отдельных явлений окружающей действительности в процессе создания новой функционирующей формы сквозь призму индивидуальности автора. В сфере моды такой формой является костюм и его образная сценическая подача на подиуме.

Исторически мода как явление в обществе возникает гораздо позже, чем театр. Первая одежда, костюм и художественный образ формируются в целом. Художественный образ на сцене обозначает особенный идеал внешности, уникальности и красоты, которую представляет актер, а также модные нравы общества определённого исторического периода. До XIX века модный образ диктовали короли и высшая аристократия, в начале XIX века это была творческая интеллигенция и представители высшего света, с XX века модный образ копируется у звезд эстрады, кинематографа, подиумных моделей, медийных лиц телеиндустрии.

Нужно сказать, что в научной литературе существуют варианты трактовки понятий мода, модный образ, художественный образ, костюм, одежда. В философии эти понятия несут универсальный, более глубокий мировоззренческий смысл, который определяет сущностные характеристики и рассматривает их в контексте эволюции современного общества.

Коротко о моде можно сказать, что это «искусство на службе повседневности» [4, с. 58]. С точки зрения философии мода – визуализированный язык, язык образов, имиджей и символов. С точки зрения культурологии, мода – бессмысленная, бездуховная система знаков и кодов, господство нравов, вкусов и предпочтений. В искусствоведении моду определяют неоднозначно, то присваивая ей статус высокого ремесла – искусства, а то считают вульгарным дешевым продуктом массового спроса. Соответственно, непостоянством отличается и определение модного образа с точки зрения искусства. Образ, мираж, эйфория мимолетное представление многих, иллюзия знака, который недолго считается символом успеха, красоты и достижения цели.

Художественный образ, в отличие от модного, несет эмоциональное переживание, вызывает высокие чувства и влияет на духовное развитие человека. В философском и искусствоведческом смысле художественный образ рождает искусно постро-

енные сообщения – послы информации, которые отражают авторскую реакцию на объективно-существующий окружающий мир, глубину его личного понимания автором законов мироздания, проецируемую в новые смыслы и символы.

Первыми распространителями информации о моде стали Пандоры: деревянные куклы одевались в новинки нарядных платьев от Парижских портных, которые доставлялись в европейские дворы, где по образцам отшивались новые наряды для знатных особ. С XVIII века мода становится более массовой. В городах начинают развиваться модные журналы, печатаются модные картинки и гравюры с изображениями модной одежды. В конце XIX века появляется модная фотография, а затем и первые «парады мод». Знаменитый король высокой моды англичанин Чарльз Фредерик Уорт в 1860 году ввел традицию живой демонстрации модных нарядов перед зрителями-клиентами. Он организовывал фэшен-показ во время скачек на ипподроме Лоншан. Первоначально показы для «высшего общества» были закрытыми мероприятиями, не отличались ни публичностью, ни сценичностью. Модели просто демонстрировали роскошь, дефилировали на мероприятии в светской обстановке. Яркую театральность привнес в модный показ Поль Пуаре, который превращал демонстрацию в роскошное театрализованное представление, карнавал, триумфальное празднество обворожительных образов. Всего за 150 лет фэшен-показ в мире моды превратился в массовое зрелище и эволюционировал до демократизации трендов. Благодаря медиатехнологиям информация о новых показах и трендах доступна практически каждому.

Первым разместил авторскую коллекцию в сети австрийский дизайнер Хельмут Ланг в 1998 году. А после проведенного впервые в 2010 году британцем Александром Маккуином показа коллекции в прямом эфире, сегодня любой показ можно посмотреть через канал в инстаграме. Мода перешла из самой недоступной сферы культуры в открытое зрелище для каждого. Яркие образы моделей, несущих в руках муляжи собственных голов на показе коллекции Гуччи «Киборг» 2018 года, стали в некотором смысле сенсацией сезона. Активные обсуждения этого события имели массовый характер. В инстаграме начался флешмоб GucciChallenge. Головы для показа делали суперспециалисты из Голливуда. Фразу «потерять голову»

креативный директор Gucci Алессандро Микеле воплотил в шокирующий образ подиумного показа бренда. Жутковатые образы новой коллекции были показаны в атмосфере ужаса сценического пространства с операционным столом в буафорских больничных интерьерах. Основой перформанса стал подиум в зеленых стенах и силиконовая «расчлененка».

История кино по сравнению с тысячелетней историей театра достаточно коротка. В 1892 году Томас Эдисон сконструировал кинетоскоп. А 28 декабря 1896 года состоялся первый публичный сеанс в Нью-Йорке в мюзик-холле Байэла и Костера. Через 9 лет в США начала XX века появились дешёвые кинотеатры «никелодеоны». Возможности к удовлетворению художественных потребностей человечества кинематограф накапливал постепенно. Он поднимался по ступеням эволюции к самым сложным художественным структурам. Мир кинодействия – это множество кадров замкнутого пространства сцены с условными костюмами и жестами актеров в окружении предметов в интерьере, разыгранные роли перед зрителем. В кино одежда может быть и символом, и метафорой, и полноправным действующим лицом. Это, в частности, определяется возможностью снять ее крупным планом, задержать на ней внимание, увеличить число отведенных к показу кадров, и пр. [7, с. 276].

Примером удачного создания художественного образа с помощью костюма является образ знаменитого актера немого кино Чарли Чаплин в 1914 году. Выразительный образ сегодня знает каждый. Чарли Чаплин сам хотел создать не шаблонный, а яркий образ, выражающий его концепцию среднего человека. На рис. 1 представлен знаменитый образ – мешковатые штаны и плотно сидящий пиджак, маленькая шляпа и огромные ботинки. Котелок символизирует стремление к достоинству. Усы – суету. Трость – это жест в сторону галантности. Созданный персонаж постоянно дурачится.

Отношения моды с кинематографом с момента его появления складывались весьма успешно. Для модельеров экран стал желанным подиумом для демонстрации своих идей и новых образов моделей. Люсиль, Эльза Скьяпарелли, Шанель, Живанши, Ральф Лорен, Джорджо Армани, Жан-Поль Готье – это известные в кино дизайнеры.

Сценография и постановка модной коллекции авторского костюма дизайнеров с

мировой известностью – Гуччи, А. Маккуина, Х.Чалаяна и других гениев современного дизайна костюма – порой интригуют не менее, чем «оскароносные» голливудские шедевры. Образы с экранов и сцены становятся символом эпохи компьютерных и цифровых технологий. Всепоглощающее воздействие на зрителя является основным средством выразительности. Модные показы передают перспективные тенденции моды, и в сложных театрализованных формах рождают новые феномены культуры. Компьютерные технологии вносят значительные изменения в сознание и потребности людей, открывают огромные возможности массового воздействия на восприятие. В современных модных шоу известных домов моды происходит поиск новых идей, форм, смыслов, образов, технологий и средств на срезе искусства, инженерии и науки. Фэшн-показы опираются на исторический опыт создания яркого модного образа в искусстве театра и кино. Секрет завораживающего интереса к современному модным зрелищам заключен в овладении дизайнером «магии» искусства при создании сценического образа, умением построить цепочку сценографии и донести особый смысл и эмоции до современного зрителя.

Поиск новых путей развития дизайнерского мышления, формирования, гибкости и способности к решению нестандартных задач формирует креативность личности дизайнера и выражается в особенностях восприятия эстетических, идеологических и культурологических ценностей, потребительских запросов, модных ориентиров, интеллектуальных продуктов и характера [5, с. 129]. Для визуального общения публике дизайнер занимается поиском инструментария, который в совокупности знаков, символов доносит главную его идею, авторский замысел, создает художественный образ модели. Своим весенне-летним показом 1999 года Александр Маккуин доказал, что мода может быть и является не только лишь показом модной одежды, но и искусством. На круглом подиуме, кроме моделей, появились две машины-робота, в финале шоу машины распыляли краску на стерильно-белое платье Шалом Харлоу – см. рис. 2.

Анализ современных примеров авторских фэшн-показов позволяет считать его произведением подиумного искусства по следующим признакам:

– сценичность – имеет свою семиотику (символический язык знаков и систему образов костюма), которая активно выража-

ют авторскую концепцию развития идеи и воздействует на зрителя;

– театральность, заложенная в истоках формирования фэшн-дефиле на основе традиционных принципов и правил сценического действия театрального и кинематографического пространства;

– структура сценария показа как исторически сложившаяся конструкция в последовательной цепочке сцен – завязка, перипетии и развязка.

Основным компонентом сценария является художественный образ. Одежда и украшения могут многое рассказать о человеке как со сцены, так и в повседневной жизни. У Р. Барта понятие одежды наделяется образностью. Он подробно выявляет её структуру, дает классификацию множеству ее типов, деталей. Однако в сфере модного дизайна именно костюм наделен информативной – знаковой функцией, является художественной системой, а одежда имеет защитную функцию и составляет часть художественной системы костюма. Термин «одежда» акцентирует внимание на материальных и функциональных смыслах и значениях. Многозначный смысл, метафоричность и эмоциональность составляют целостную систему художественного образа костюма, как акта общения, коммуникации.

Эстетическая ценность содержания образа формирует его культурологическую сущность. Жиль Липовецки широко трактует понятие моды, ставя на центральное место элемент общего социального механизма, а не одежды как таковой. Он описывает этот процесс как смену столетней «дирижистской» единообразной моды на «открытую» моду с опциональной, игровой логикой, «когда выбирают не только между разными моделями одежды, но и между самыми несовместимыми способами предъявления себя миру» [10, с. 150].

В авторской коллекции, представленной на рис. 3, проектируемый художественный образ костюма отражает мировоззрение и личные эмоциональные отношения к темам космоса. Основой инструментария по созданию новых художественных форм стали образы кошачьего глаза как макрокосма в сочетании со сценической постановкой показа при соответствующем эмоциональном музыкальном сопровождении, концептуальном макияже и аксессуарами автора.

Зрелищно-развлекательным характером обладают продукты массового искусства. Музейную ценность приобретает произведение классического искусства.

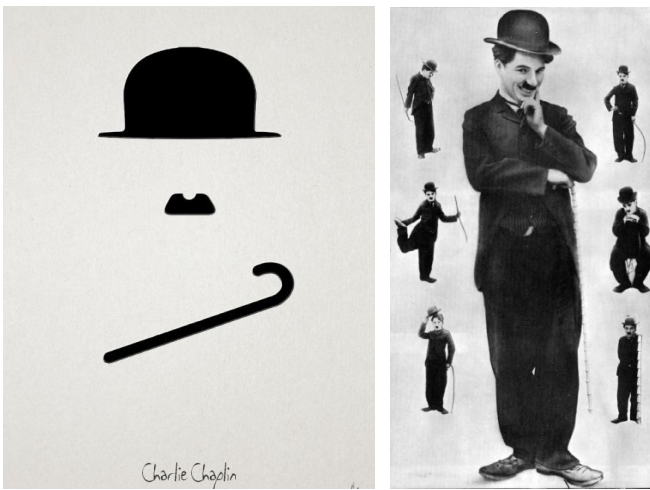

Рис. 1. Художественный образ Чарли Чаплина [4].

Рис. 2. Весенне-летний показ 1999 года, Александр Маккуин [2].

Рис. 3. Авторская коллекция одежды Е. Хачатуровой под руководством Т.А. Митрохиной.

74 Тем не менее, художественный образ – это всегда неотъемлемая, необходимая составляющая во всех проявлениях и видах исполнительского искусства.

В результате данного искусствоведческого исследования сравнительно-исторический анализ театра, кино и модного показа одежды выявил множество общих признаков и аналогий в структуре сценического действия. Метод семиотики позволил определить особый язык и символичность в любом театральном действе на сцене, в кино и подиуме. Структурный подход к изучению художественных практик сценического искусства выделяет основную конструкцию в построении действия и главный ее компонент – художественный образ. Присутствие смысловой значимости, тонко закодированной информации, глубина идеи и символичность определяют художественную ценность подиумного показа как произведения сценического искусства. Художественный образ воздействует через восприятие на публику, формирует массовое отношение и на-

строение, выстраивает коммуникативные связи с потребителем, является единым средством выразительности в структуре театральной постановки, киносценария, подиумного дефиле и др. сценическом действе.

Таким образом, актуальные тренды современных фэшн-шоу – это не только трансляция модных брендов, но и сложные театрализованные находки дизайнеров, формирующие новую реальность, модели будущего, феномены культуры. Подиумное дефиле как выставочное шоу костюма можно причислить к сценическому действию, так как именно в сценическом пространстве на подиумах мира разворачивается магия костюмного искусства, закладываются новые смыслы, соотносятся с возможностями нового времени и условий медиа-среды обитания человека. Фэшен-показ, исполняя функцию произведения искусства, является частью новой культуры, а значит, позволяет решать различные проблемы и помогает в духовных поисках современного человека.

Список литературы:

- [1] Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры / Пер. с франц., вступ. ст. и сост. С.Н. Зенкина. – М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. – 512 с.
- [2] Бодрийяр Ж. Система вещей. – М.: Рудомино, 1999.
- [3] Гегель Г.В.Ф. Эстетика. В 4 т. Т. 1. – М., 1968.
- [4] Демшина А.Ю. Мода: реабилитация эстетики или продвижение образов // Мода в контексте культуры. Сборник статей Второй научно-практической конференции. Вып. 2. – СПб., 2007.
- [5] Кулешова А.А., Демидова Ю.Д. Креативность в процессе обучения дизайнера костюма // Современные наукоемкие технологии. – 2017, № 6. – С. 128–133. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.top-technologies.ru/ru/article/view?id=36712>
- [6] Липская В.М. Циклический характер изменений в дизайне костюма // Вестник СПбГУ. Сер. 6. Философия, культурология, политология, право. – 2012, вып. 2. – С. 49–54.
- [7] Лотман Ю.В. Статьи по семиотике культуры и искусства. – СПб.: Академический проект, 2002. – С. 388–400. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://fb2.traumlibrary.net>
- [8] Нагорских Т.Н. Эволюция феномена моды в контексте культуры постмодерна // Труды СПбГИК. – 2008. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-fenomena-mody-v-kontekste-kultury-postmoderna> (27.08.2018)
- [9] Яковлева М.В. Развитие моды в условиях кризиса // Труды СПбГИК. – 2010. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitiye-mody-v-usloviyah-krizisa>
- [10] Lipovetsky G. L'empire de l'ephemere. – Paris, 1987.

МОДУСЫ БЫТИЯ В ЖИВОПИСИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ НЕОПРИМИТИВИСТОВ НАЧАЛА XX ВЕКА: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Целью данной статьи является выявление и культурологическая аналитика особенностей репрезентации художественной картины мира в живописи русского неопримитивизма. Предметом исследования определяются взгляды отечественных неопримитивистов начала XX века, сочетающиеся с попытками реконструкции народного художественного мышления и представления о жизни. Рассматриваются характерные особенности эволюции художественного мира представителей неопримитивизма в понимании и поиске новых форм творчества. Методологической основой исследования является философско-культурологический подход, позволяющий наиболее полно и целостно рассмотреть ключевые вопросы, связанные с творческими взглядами представителей русского авангарда начала XX столетия. Автор приходит к выводу, что художественную картину мира, воплощенную в живописи русского неопримитивизма, характеризуют примат трансцендентного сознания, вера в развитие человеческих возможностей и способностей к иному восприятию мира и вселенной, интериоризация как основа познавательной деятельности человека, всеединство и единство всех видов художественной деятельности, инновативность творчества, ориентация ее на будущее, самосовершенствование и совершенствование мира.

Ключевые слова:

народная эстетика, неопримитивизм, русская иконография, русский авангард, художественная картина мира.

Климова О.М. «Модусы бытия в живописи отечественных неопримитивистов начала XX века: культурологический анализ // Общество. Среда. Развитие. – 2018, № 3. – С. 75–78.

© Климова Ольга Михайловна – аспирант, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина; e-mail: olga.2411@mail.ru

Не единожды утверждалось, что термин «неопримитивизм» и семантические поля его диссеминации не являются полностью корректными в отношении феномена «творческого подъема» первой трети XX столетия. Эта тенденция имела отражение в художественных полотнах мастеров данного периода. Стоит отметить, что неопримитивизм сыграл важную роль в формировании творческих взглядов представителей русского авангарда.

Практически сразу после основания объединения «Бубновый валет» его покинула группа Ларионова. Было основано новое объединение «Ослиный хвост», начавшее разрабатывать собственную линию, названную несколько позже неопримитивизмом.

В марте 1912 года состоялась первая выставка неопримитивистов под названием «Ослиный хвост». В ней приняли участие

В.С. Барт, С.П. Бобров, Н.С. Гончарова, К.М. Зданевич, М.Ф. Ларионов, М.В. Ледантю, К.С. Малевич, В.И. Матвей, А.А. Моргунов, Н.Е. Роговин, Е.Я. Сагайдачный, И.А. Скуйе, В.Е. Татлин, А.В. Фонвин, М.З. Шагал, А.В. Шевченко, А.С. Ястржембский.

А.В. Шевченко, будучи членом этого объединения, издал буклет «Неопримитивизм. Его теория. Его возможности. Его достижения». Таким образом, термин закрепился в отечественной науке. Яркими представителями неопримитивизма являются Н.С. Гончарова, М.Ф. Ларионов, А.В. Шевченко, К.С. Малевич, П.Н. Филонов, М.З. Шагал. Последним удалось создать свои самостоятельные системы в живописи авангарда.

В неопримитивизме стремление к чистоте взгляда на неисторичный цивилиза-

ций мир сочетается с попытками реконструкции народного художественного мышления и представления о жизни. Кроме того, неопримитивизм стремится абстрагироваться и от европейского взгляда на мир. «Мы, русские, – как точно выражает в одном из писем П.А. Мансуров, – должны понять простые вещи, – мы никому не нужны, так как мы, не неся своей культуры, своего гения в общую семью народов, тем самым являемся паразитами на культуре наших зарубежных братьев» [7, с. 181]. В данной связи самоопределение живописи происходит параллельно с самоопределением эпохи. Обращение к этническим корням и традициям обнаруживается в таком стремлении повсеместно.

В основе неопримитивизма лежит отсутствие экзальтированности, субъективной утонченности, идеалистической туманности и самоцельной декоративности. Он стремится к простоте, конкретике, существенности. Освоение жизненной реальности идет параллельно с самопознанием автора, познанием места человека в мире, в сложившейся социокультурной ситуации, в истории человечества. Интерес к прошлому проявляется не сам по себе, но в контексте осмысления тех условий жизнедеятельности, которые складываются под влиянием переустройства общественной и культурной среды. Это не тоска по прошлому, но попытка его актуализации, способ обновления художественного развития, реверсивное движение к первоисточкам как к точке отсчета, способствующей началу нового цикла. Общая идейная программа неопримитивистов включала:

- 1) ориентацию на русское лубочное творчество;
- 2) диалектику «чуждости» и «родственности» и преобразование «чужого в свое»;
- 3) единение исходного коллективного начала примитива с персонализированным художественным пафосом;
- 4) обращение к Востоку как истоку самобытности русской культуры и русского искусства;
- 5) тенденцию к обезличиванию средствами живописной маски;
- 6) творческую экспрессию.

Очищение художественного взгляда, взвешивание на мир и на сущность живописи, рождает в неопримитивизме пластическую простоту форм, чистоту и лаконичность колористики. Композиция картины становится свободной, живописная техника напрямую зависит от художественного замысла и не сводится к единому установленному образцу, перспектива может быть и прямой, и обратной, допускается их сов-

мещение в одном произведении. Несмотря на то, что произведение может иметь (и, как правило, имело) прототипный образ, оно не должно тяготеть к прямому копированию или стилизации, а должно быть обращено к самой сути, к выражению самых существенных сторон бытия природы, человека, общества, культуры.

К тому же неопримитивизм в своем, пусть и кратковременном, развитии претерпевает значительные изменения: «сначала это было шутовское упрощение формы до карикатуры, потом появились подтексты в понимании “объекта”, потом стали осмыслять возможности формализации красоты в виде орнамента или вывески, или символов из истории. Затем стали прибегать к “цитированию”» [1].

Художники стремились быть ближе к народному мироощущению и миропониманию, народной эстетике, народному вероисповеданию. Это, по их мнению, способствовало обеспечению максимальной интерактивности и информативности как самого творческого акта, так и его последующей рецепции. Вместе с тем говорить об упрощении форм и смыслов можно лишь условно, поскольку «общение» с произведением неопримитивистов требует значительных эмоциональных и интеллектуальных усилий. «Благодаря Неопримитивизму искусство из сферы наслаждения перешло в сферу рассуждений и поисков, требующих цивилизованности, а это заставляет и зрителя расти (а не заниматься высмеиванием того, что еще нельзя и разобрать)» [1]. Согласно замыслу, живопись должна была стать «интеллектуальной потребностью» как для самого художника, так и для его зрителя.

Неопримитивизм не порывает с жанровыми особенностями живописи, но активно использует их потенциал для воплощения всех модусов бытия, будь то реальное или идеальное видение природы и ее объектов, авторское понимание их сути и сущности, законов и противоречий; феномен человека в телесном и духовном планах его бытия, в целеполагании его устремлений, закрепленных в процессах жизнедеятельности; природная, социально-культурная и этнокультурная специфика конкретной среды в ее локальном или взаимообусловленном бытии; эволюция мировоззренческих, религиозных, этических, эстетических и иных доминант в процессе движения культуры и общества в пространстве и времени; явления, события и факты повседневной или праздничной частной или общественной жизнедеятельности.

Модусы бытия осваиваются в неопримитивизме как чрезвычайно живое и эмо-

циональное переживание мира, вчувствование в мир. Трансформация реальности обусловлена стремлением к намеренному подавлению средств точной изобразительности – образы-подобия схематизируются, обнажая «внутренний смысл» и «внутреннее звучание» фигур и красок.

«Менялись роли формы и цвета, – пишет А.Г. Батова и Г.А. Елецкий, – и произошло отделение их друг от друга, превращение цвета или формы в самостоятельные изобразительные начала, взаимодействующие и служащие основой композиции [1]. Искусство стремилось отойти от реальности, чтобы встать над современной жизнью, чтобы создать идеальные решения, уникальные в своем роде, которым со временем выпадала участь стать «компасом» созидания новой жизни.

Сюжетная тематика в живописи неопрimitивизма становится весьма разнообразной, но концентрируется большей частью на общественной жизнедеятельности человека. Здесь и сельская повседневность (например, картины Н.С. Гончаровой «Крестьянка», «Мытье холста», «Сенокос», «Хоровод» (1910 г.), «Жнецы», «Крестьянские танцы», «Купание лошадей», «Ледяные фрезы», «Тульская крестьянка» (1911 г.) и другие; М.З. Шагала «Похороны в деревне» (1908 г.), «Русская свадьба» (1909 г.), «Рождение» (1910 г.), «Зима», «Еврейская свадьба» (1912 г.)), и сцены городской жизни (например, картины Н.С. Гончаровой «Московская улица», «Прачки» (1911 г.); М.Ф. Ларионова «Провинциальная франтиха», «Провинциальный фронт» (1907 г.), «Закат после дождя» (1908 г.), «Кельнерша», «Ссора в кабачке» (1911 г.); М.З. Шагала «Поставщица хлеба» (1910 г.), «Аптека в Витебске» (1914 г.); К.С. Малевич «Дети», «Отдых. Общество в цилиндрах» (1908 г.)), и военная служба (например, картины М.Ф. Ларионова «Утро в казармах. Мотив из солдатской жизни» (1910 г.), «Отдыхающий солдат» (1912 г.); М.З. Шагала «Солдат» (1911 г.), «Солдаты» (1912 г.); А.В. Шевченко «Солдаты у рукомоynика», «Утро в лагере» (1911 г.)), и религиозные праздники (например, картины Н.С. Гончаровой «Шабат» (1910 г.); П.Н. Филонов «Пасха» (1913 г.); М.З. Шагала «Суббота» (1910 г.), «Праздник Кушей или Суккот» (1916 г.)).

Художники не просто фиксируют образы родной среды и ее жителей, но размышляют над тем, что составляет самую их суть, иногда в иронической форме указывая на их недостатки (например, картины М.Ф. Ларионова «Провинциальная франтиха», «Провинциальный фронт» (1907 г.), «Ссора в кабачке» (1911 г.); М.З. Шагала

«Солдат» (1911 г.)). В некоторых картинах изображение фигур в пластическом отношении уподобляется народной глиняной игрушке (например, картины М.Ф. Ларионова «Офицерский парикмахер» (1909 г.), «Солдат на коне» (1911 г.)). Обращает на себя внимание и общая ориентация в формировании целостного художественного образа.

Особое значение для реализации неопрimitивизма имеет обращение художников к русской иконографии и библейским мотивам, которые выступают одновременно попыткой осмысления традиций, и способом художественной рефлексии мистического начала.

Условность изображения в иконе способствуют не только формированию особой языковой специфики живописи неопрimitивизма, но и выступают как попытка самобытной интерпретации и творческой репрезентации ее художественной системы (например, работы Н.С. Гончаровой «Архистратиг Михаил», «Рождество», «Старец с семью звездами. Апокалипсис» (1910 г.), «Четыре евангелиста» (1911 г.), «Иконописные мотивы» (1912 г.)).

Вместе с тем говорить о единстве творческого метода не приходится и здесь. Свидетельство Г.Г. Поспелова таково: «В целом же Гончарову интересовали более архаические истоки примитива. Художницу можно было бы назвать примитивисткой в том особом значении слова, которое отличает серьезный, даже сумрачный примитив от примитива фольклорного и, как уже говорилось, в своей первооснове – праздничного. В примитивизме Гончаровой никогда не было ничего насмешливого, ни малейшей искры “дерзкого добродушия” – всего того, что буквально переполняло полотна Ларионова, да и бубнововалетцев – Кончаловского, Машкова, Лентулова. На смену этому приходили интонации патетической суровости, настоящие «дикость» или даже «истовость» примитивного мироощущения» [6].

Несмотря на то, что женщины-художницы русского авангарда не создали ни одного нового авторского изобразительного дискурса, они очень творчески и мастерски расширяли уже имеющиеся. При этом говорить о вторичности их опыта и вклада также можно лишь условно. Н.С. Гончарова, Е.Г. Гуро, Л.С. Попова, В.Ф. Степанова, О.В. Розанова, Н.А. Удальцова, А.А. Экстер были не просто «боевыми подругами», но значимой частью русского авангарда, «амазонками», которые, не придавая значения возрасту и полу, без усталости трудились на благо искусства, во

имя тех идеалов, к которым стремились, о которых Б.К. Лифшиц с восторгом писал: эти «замечательные женщины все время были передовой заставой русской живописи и вносили в окружающую их среду тот воинственный пыл, без которого оказались бы немислимы наши дальнейшие успехи» [4].

Вариативность тематики «Ослиного хвоста» опиралась на стремление выразить все многообразие окружающей человека действительности средствами неопримитивизма, что во многом не позволило в дальнейшем реализовать общей художественной парадигмы. Само общество окончательно распалось в 1913 году, поскольку многие его представители продолжали искать новые источники и способы творчества.

Неопримитивизм явился значимым феноменом в истории живописи, открывшим новые возможности презентации и репрезентации, новые средства воплощения ценностей, идеалов, идей и устремлений личности в пространстве художественного произведения. Отрицание или игнорирование репрезентативных возможностей живописи способствует концентрации художника на процессе формотворчества, повышает уровень образной конвенциональности.

Этот бесценный опыт стал возможным благодаря беспрецедентной установке художественной среды того времени на тотальное культуротворчество, трансформацию средствами искусства личной и общественной жизни, где «общественный строй небезучастен к культурным процессам и не пассивный субстракт-восприимчик культурных тенденций» [8, с. 16]. Живопись преобразилась, а соразмерно ей преобразился и мир, поскольку живопись – это со-

прикосновение разных реальностей, призванных соиздать неведомые миры в результате постоянной борьбы между собой во имя рождения шедевров. Подобно космосу через катастрофы появляются новые творения, создающие одновременно и хаос, и гармонию [5, с. 164].

В целом художественную картину мира, воплощенную в живописи русского неопримитивизма, характеризуют примат трансцендентного сознания, вера в развитие человеческих возможностей и способностей к иному восприятию мира и вселенной, интериоризация как основа познавательной деятельности человека, всеединство и единство всех видов художественной деятельности, инновативность творчества, ориентация ее на будущее, самосовершенствование и совершенствование мира. Взаимообусловленность художественной картины мира и национальной специфики на современном этапе развития культурологии невозможно без обращения к широкому контексту произведений русской живописи [2, с. 88]. «Форма, цвет, линии, ... невербальные знаки раскрывают глубинный смысл опредмеченных результатов человеческой мысли, эмоций и переживаний, создают некий гипертекст, который и предстоит декодировать... Современное искусство подчиняется тем же законам. Главное уметь не только смотреть, но и видеть, не только слушать, но и слышать» [3, с. 83].

Таким образом, следует подчеркнуть, что художники-неопримитивисты шли своим собственным путем наперекор общественному мнению, презирая сложившиеся традиции, самоотверженно защищая собственную точку зрения, опираясь на национальную почву, создавая неповторимые шедевры.

Список литературы:

- [1] Батова А.Г., Елецкий Г.А. Александр Шевченко. Вместо эпилога // Московский архитектурный институт. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.marhi.ru/AMIT/2013/4kvart13/eleckij/eleckij.pdf> (04.05.2018)
- [2] Ледовских Н.П. Менталитет: источники исследования // Человек в мире культуры: проблемы исследования. Материалы Второго международного философско-культурологического симпозиума. – Ставрополь: ЗАО «Пресса», 2006. – С. 87–93.
- [3] Ледовских Н.П. Экзистенциальный анализ как метод культурологического исследования художественного творчества // Человек в мире культуры: прагматика и метафизика современности. Материалы IX Международного философско-культурологического симпозиума. – Рязань: РГУ имени С.А. Есенина, 2014. – С. 80–84.
- [4] Лившиц Б.К. Полтораглазый стрелец. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://hlebnikov.lit-info.ru/hlebnikov/vospominaniya/livshic/strelec-4.htm> (04.05.2018)
- [5] Мусат Р.П. Художественная картина мира: принципы взаимосвязи формы и содержания // Теория и практика общественного развития. – 2015, № 17. – С. 163–166.
- [6] Поспелов Г.Г. Возникновение интереса к городскому фольклору и примитиву: Гончарова и Ларионов // «Бубновый валет»: Примитив и городской фольклор в московской живописи 1910-х годов. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.kandinsky-art.ru/library/bubnoviy-valet2.html> (04.05.2018)
- [7] Сарабянов Д.В. История русского искусства конца XIX – начала XX века. – М.: Изд-во МГУ, 1993. – 304 с.
- [8] Kandiyoti D. Fragments of Culture: The Everyday of Modern Turkey. – Rutgers University Press, 2002. – 360 p.

УДК 7.072(575.2)»1917-2017»
ББК 85(2Кир)6

Л.М. Мосолова, М.Б. Омуралиев

ИСКУССТВОЗНАНИЕ В ДИНАМИКЕ КУЛЬТУРЫ КИРГИЗИИ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКОВ

Рассматривается искусствоведческое знание и его структурные особенности. Впервые анализируется эволюция киргизского искусствоведения за 100 лет (1917–2017 гг.). Развитие искусствоведческой мысли дается в контексте динамики культуры Киргизии: описывается своеобразие искусствоведческих работ в 20–30-е годы, в военное и послевоенное время, в период от хрущевской «оттепели» до «перестройки», а также в рамках строительства культуры современной Киргизии. Акцентируется внимание на снижении уровня развития искусствоведения в последние десятилетия и причинах этого. Предлагаются способы выхода из кризиса киргизского искусствоведения.

Ключевые слова:

глобализация, динамика культуры, институты художественной культуры, искусствоведение, модернизация, научная традиция, национальная культура, структура искусствоведения.

Мосолова Л.М., Омуралиев М.Б. Искусствознание в динамике культуры Киргизии XX – нач. XXI веков // Общество. Среда. Развитие. – 2018, № 3. – С. 79–83.

© Мосолова Любовь Михайловна – доктор искусствоведения, профессор, Российский государственный университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: mosolova@yandex.ru

© Омуралиев Майрамбек Барыктыбасович – кандидат искусствоведения, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин, Академия искусств Киргизской республики, Бишкек (Киргизия); e-mail: mosolova@yandex.ru

Современное искусствознание активно вписывается в развивающееся знание о человеке и его социокультурном творчестве. Искусство является традиционно интересным предметом для философии, эстетики, психологии, истории, социологии, педагогики. Активно включают его в свою содержательную область развивающиеся дисциплины: культурология, семиотика, теория творчества, теория информации и другие. Эти науки, обращаясь к художественной сфере, выявляют в ней интересующие их предметно-характеристики: законы познания, психической деятельности, коммуникации, информации, управления. Получаемое здесь знание небезразлично и в толковании искусства, однако – на уровне понимания, игнорирующего качество художественности.

Собственно искусствоведческое знание тоже далеко не всегда раскрывает тайну художественности, но оно единственное направлено к этой цели: открыть, выявить в своем предмете искусство. Искусствоведческий принцип описания и анализа в отношении искусства функционирует в

общем корпусе научного знания не одно столетие. Следует отметить, что иногда разделяют такие области знания как «искусствоведение» и «искусствознание», относя первое понятие к изобразительному искусству, а второе – к любым явлениям художественного творчества, хотя это разделение условно [2, с. 105–129; 4, с. 12–27].

Искусствоведение как единый комплекс дисциплин, исследующих и оценивающих искусство, включает в себя три предметные области: теорию искусства, историю искусства и художественную критику. Теория искусства познает наиболее общие закономерности искусства в целом, акцентируя три блока крупных проблем: искусство в его специфическом отношении к миру; художественное произведение, условия его возникновения и бытия; процесс исторического развития искусства в его основных закономерностях. В центре внимания истории искусства находится «сложная диалектика общих тенденций, подчиняющих себе индивидуальность конкретного художника, и творческая энергия реального творческого акта, детерминирующая общий художест-

венный процесс, – одна из важнейших закономерностей истории искусства» [4, с. 21].

Что касается художественной критики, то она ведаёт аналитикой и оценкой текущего состояния искусства. Уникальность художественной критики состоит в том, что она является органическим элементом самой художественной культуры. Критик не только оценивает явления искусства конкретной культуры, но является участником художественного процесса, влияющим, порой очень заметно, на художников, публику, на общую духовную картину времени. Одна их сущностных характеристик критики, отличающая ее от науки, – это ее связь именно с современным искусством, определением ценности и значения тех или иных явлений, их художественного статуса. Художественная критика связывает творцов искусства с публикой, помогая понимать содержание произведения, ощущать их истинную ценность. С другой стороны, критика связывает художественную культуру с другими сторонами духовной жизни общества – политической, нравственной, религиозной. Она либо применяет к искусству предъявленные ему обществом идеологические требования, либо, напротив, стремится отгородить от них искусство.

В данной статье понятие «искусствоведение» рассматривается в его первом значении – как относящееся только к изобразительному искусству, но в единстве всех его предметных областей – теории искусства, истории искусства и художественной критики. Вместе с тем с позиций культурологии искусствоведение рассматривается как форма самосознания национальной художественной культуры и как один из способов ее самоорганизации.

Специальный анализ научной литературы российских и киргизских авторов по всему дореволюционному изобразительному искусству и архитектуре от первобытности до XX века предпринимался в работе Л.М. Мосоловой «История искусства Кыргызстана: (с древнейших времен до XX века)». Киргизское искусствоведение советского периода там рассматривалось лишь отчасти, а постсоветское не рассматривалось [3, с. 8–38]. Вследствие этого изучение развития киргизского искусствоведения указанных периодов представляется актуальным.

Необходимость изучать произведения изобразительного искусства народов Киргизии и подвергать их научному анализу осознавалась на разных этапах истории республики неравномерно.

В первые послереволюционные десятилетия в бывшей кочевнической среде шли

бурные процессы: складывались новые формы индустриальной культуры, глубокие трансформации затронули духовную и художественную культуру, сформировался иной характер межнационального взаимодействия, создавались новые институциональные структуры, прежде всего управленческие и творческие, и только затем – научные. Поэтому вплоть до конца 50-х годов многие статьи об изобразительном искусстве в самой республике были написаны журналистами и имели преимущественно публицистический характер. Изучение пластического фольклора, творчества первых киргизских художников осуществлялось в 40–50-е годы московскими и ленинградскими искусствоведами (Б.В. Веймарн, Б.П. Деннике). В частности, в «Очерках истории изобразительного искусства Киргизии» А. Ромма (1941 г.) были кратко охарактеризованы произведения киргизских художников, созданные в 30-е годы.

Во время Великой Отечественной войны было проведено более 20 выставок, содержание которых отражалось в искусствоведческих публикациях, в основном в газете «Советская Киргизия» [5]. Большим событием военного времени было создание памятника герою-земляку генерал-майору И.В. Панфилову (авторы А.А. Мануилов, О.М. Мануилова). Это был единственный памятник, созданный в стране в период войны, о нем писали журналисты как в местной, так и в столичных газетах.

В послевоенное десятилетие многие актуальные проблемы искусствоведения оставались неизученными. В какой-то степени эти лакуны восполнялись статьями московских авторов, предпосланным первым альбомом, посвященным художникам Киргизии (Н. Черкасова «Художники советской Киргизии») и приуроченным к юбилею 40-летия Советской власти (С.Б. Волосович «Изобразительное искусство Киргизской ССР», 1957 г.).

Активизация исследовательского интереса к проблемам художественного искусства республики прослеживается с периода хрущевской «оттепели» и далее в 70-е и 80-е годы. К этому времени здесь сформировался небольшой кадровый корпус искусствоведов, осуществлявший профессиональную деятельность в рамках Союза художников, Министерства культуры Киргизии, республиканских издательств и сектора эстетики Академии Наук Киргизской ССР. В общем массиве искусствоведческих изданий 60–80-х годов преобладал жанр творческих портретов художников. Усилиями в основном местных искусствоведов и при участии столичных авторов были подготовлены и изда-

ны монографии и брошюры, в сущности, обо всех сколько-нибудь значительных, а тем более крупных художниках республики.

К их числу относятся книги А.А. Богданова о Семене Чуйкове, А.И. Борова о Лидии Ильиной, Дж. Уметалиевой об Алтымыше Усубалиеве, С. Асанбекова о Гопаре Айтиеве, Е. Ногаевской об Ольге Мануйловой, А. Молдохматовой о Евгении Кузовкине, Б. Будайчиева о Тургунбае Садыкове, О. Поповой об Аркадии Остаеве, Л. Мосоловой о Теодоре Герцене, Л. Прытковой о Сабырбеке Акылбекове, Андрее Михалева, Джумабае Уметове и ряде других художников. Лучшей аналитической работой о творчестве художников Киргизии стало исследование Д. Сарабьянова о Семене Чуйкове, ставшее образцом профессионализма и примером глубокого понимания художественной индивидуальности. Иногда творческий портрет крупного мастера создавался усилиями местных и московских искусствоведов. В этом отношении показательна книга «Певец киргизского народа», посвященная С.А. Чуйкову.

Более сложные жанры теоретического и исторического искусствоведения стали складываться в республике в основном с середины 70-х годов, и до сих пор они менее разработаны, нежели жанр творческих портретов. Показательно, что этому предшествовало систематическое издание кратких предисловий к альбомам, посвященным демонстрации замечательных образцов искусства Киргизии; появлялись также публикации о творчестве разных поколений художников 60–90-х годов. Их авторы – О. Попова, Л. Прыткова, М. Халаминская, Л. Каркавцева, Е. Шнырева и другие – более многоаспектно продолжали сложившиеся искусствоведческие традиции. Затем были начаты исследования, раскрывающие пути развития различных видов и жанров изобразительного искусства: жанровая живопись (Дж. Уметалиева), пейзажная живопись (О.П. Попова), скульптура и монументальное искусство (Л.М. Мосолова), театрально-декорационное искусство (В. Березкин). Среди этих изданий следует выделить монографию О. Поповой, внесшей крупный вклад в разработку теоретико-исторических проблем киргизского искусствознания (проблема природы и человека, проблема национального видения, специфика эволюции пейзажных форм живописи и др.).

Подчеркнем, что именно в 60–80-е годы была создана существенная фактологическая база для последующих исторических и теоретических изысканий. Это, прежде всего, значительное число произведений большого количества художников республики и

соответственно пополнившиеся собрания Киргизского музея изобразительного искусства. Во-вторых, это систематическое издание каталогов ретроспективных и текущих персональных, групповых и общих художественных выставок. В-третьих, это выпуск альбомов, репродукций с более глубокими аналитическими статьями. К примеру, «Искусство Киргизской ССР» (М., 1972, автор-составитель О. Попова); «Молодые художники Киргизии» (М., 1979, автор-составитель Л.А. Прыткова); Т. Садыков «Памятник борцам революции» (М., 1980, автор-составитель М. Халаминская) и др. В-четвертых, выделяются публикации документально-энциклопедического характера, среди которых особенно значимой представляется антология Л.А. Прытковой «Художники Советской Киргизии» (1982 г.), включавшая в себя информацию о 116 художниках республики.

В развитии киргизского искусствоведения принимали участие и сами художники, обладавшие литературными способностями и заинтересованные в исследовании искусства. Весьма ценными для понимания ряда узловых проблем искусства (становление профессиональной художественной школы, творческие задачи художников, национальные традиции и новаторство и т.д.) стали публикации С. Чуйкова «Записки художника» и «Итальянский дневник», книги Т. Садыкова «Крылья» и «Воплощение образа», А.Н. Михалева «Воспоминания. Размышления. Письма. Страницы дневника. Статьи об искусстве» и другие работы.

Опыт развития изобразительного искусства Киргизии осмыслился не только в искусствоведческой литературе, но и в философско-эстетических работах, посвященных в основном этно-художественной проблематике в целом и вопросам диалектики национального и интернационального искусства. Таковыми являлись книги А.А. Салиева «Человеческая психология и искусство», Ч. Айтматова «В соавторстве с землей и водой...», Т. Аскарлова «Устремленная в будущее» и ряд других. Закономерным следствием исследовательской работы 70–80-х годов по изучению изобразительного искусства республики являлось издание коллективного труда «Изобразительное искусство Кыргызстана» под руководством А.А. Салиева и Т.Е. Садыкова (1987 г.), в котором относительно полно удалось изложить историю развития изобразительного искусства на территории республики от первобытности до современности. Обширный раздел о советском периоде, построенный по видовому принципу, был написан группой киргизских искусствоведов, специализирующихся в изучении кон-

кретных видов искусства или определенных периодов его развития (Дж. Уметалиева, О. Попова, Л. Прыткова, Е. Шнырева, Л. Каркавцева, Б. Будайчиева, Н. Уварова, С. Асанбеков). Эта самая фундаментальная работа по истории искусства Киргизии, написанная в поздний советский период, не потеряла актуальности до сего времени.

Таким образом, можно заключить, что развитие искусствоведения в республике советского периода было довольно плодотворным. В исследовании искусства Киргизии огромную помощь оказали ученые Москвы и Ленинграда. В своем становлении киргизское искусствоведение последовательно прошло несколько фаз: во-первых, фазу накопления фактического материала; во-вторых, реконструктивную фазу, в пределах которой были сведены воедино исторические сведения и факты творческого развития отдельных мастеров, определился некой целостности характер развития разных видов и жанров пространственных искусств; в-третьих, очень емкую аналитическую фазу работы, в результате которой был выявлен и оценен основной массив художественных ценностей, их иерархия, ключевые фигуры, их наиболее значимые произведения, а также некоторые существенные тенденции развития искусствоведения в динамике культуры Киргизии XX века. В этом плане показательна докторская диссертация Л.А. Прытковой «Художественная культура Киргизии XX века: развитие творческой индивидуальности», написанная к концу 90-х годов. Она вобрала в себя результаты длительного и богатого опыта работы искусствоведов и художников разных поколений. В ней были раскрыты закономерности становления в республике новой индивидуальности национального художника личностно-креативного типа. Автор диссертации показала особенности художественных индивидуальностей трех поколений киргизских мастеров и охарактеризовала типологические черты евразийских художников XX века.

Можно сделать вывод, что в условиях советского времени высокий профессиональный уровень развития искусствоведческой мысли как самосознания национальной художественной культуры являлся одним из очень важных показателей ее зрелости.

Вместе с тем, в реальности исследовательского процесса были противоречия, ошибки, недостатки, ряд ложных оценок и множество «белых пятен». Начиная с 90-х годов, в оценке развития науки об искусстве в советское время, «общим местом» стало утверждение о «тотальной идеологизации» как художественного, так и исследователь-

ского процесса. В отношении к киргизскому искусству это сильно преувеличено. Идеологические установки были в программных документах партии и правительства, они отмечались в предисловиях к юбилейным изданиям, в докладах, однако художники работали довольно свободно и искусствоведы ничем не ограничивались в своей работе над исследованием художественных процессов. Следует заметить, что искусствоведение республики не погружалось в «плен самообольщения», которое обычно оборачивается псевдомонументализацией явлений и имен, нарушением функции художественной критики как самокоррекции национального культурного развития. Критерии оценки творческих работ художниками с самого начала были высокими. Однако это не свидетельствует о полном благополучии в искусствознании того времени.

Сравнительный анализ различных компонентов структуры искусствоведения (теории, истории искусства и художественной критики) показывает, что на протяжении многих лет запаздывала художественная критика, ведающая непрестанно перемещающимся передним краем художественной жизни, живыми текущими делами творческой практики. По-настоящему критических статей в киргизском искусствоведении было мало. Довольно часто газетной и журнальной публицистикой занимались сами художники и их статьи носили в основном информационный характер. Мало кто брал на себя ответственность смело оценивать по достоинству разные произведения и способствовать подлинному творчеству. Вследствие этого преобладала «культурность» художественного общения.

В довольно успешно развивающейся области исторического искусствоведения заметным недостатком была переоценка общего (социалистического) и недооценка глубинных пластов этнической культуры, их воздействия на современные духовные процессы. Что касается развития теоретического искусствоведения, то республика в этом отношении не представила никаких крупных исследований. По-видимому, на эту ситуацию повлияли три негативных фактора: недостаточная институционализация науки об искусстве в академическом плане, отсутствие серьезного звенового искусствоведения; невнимание со стороны руководителей культурного строительства к проблеме подготовки кадров искусствоведов, их систематическая переподготовка и омоложение, а также отсутствие в этой сфере науки сильного лидера, каким были, например, в творческой практике живописцев в свое время С.А. Чуйков, Г.А. Айтиев, в

литературе – Чингиз Айтматов, а в области скульптуры – Тургунбай Садыков.

Последующие развитие искусствоведения в Киргизии осуществлялось в контексте радикально изменившихся условий существования. После провозглашения в 1991 году государственной независимости Киргизии перед ним открылись новые перспективы самостоятельного развития. Республика встала на путь создания демократического общества, рыночных отношений, широкого общения с другими народами и культурами, вступила в глобализационный процесс. Характер социокультурных преобразований был сложным, трудным, драматичным и трагическим. Кыргызстан пережил две «цветные революции».

Как отмечал известный культуролог У. Джапаров, мы находились «в состоянии перманентного хаотического брожения, когда все смешалось в некоем сюрреалистическом коллаже: разные времена, ценности, понятия. Наружу вылезали дремавшие прежде атавистические инстинкты и демонические силы, которые, в прочем, пытаются найти для себя приемлемые «цивилизационные формы». И нас как в водовороте засасывает непонятная стихия обывательств и чужих глобальных интересов...». Трудность «переправы» – продолжал У. Джапаров, – «заключается в том, что за спокойным ходом событий скрывается огромное внутреннее напряжение, подспудно происходят какие-то неведомые мутации. Мы постоянно находимся в каком-то подвешенном состоянии «ожидания»: то ли очередного светлого будущего, то ли мощного социального катаклизма» [1, с. 4].

В условиях сложного социально-политического и социально-психологического состояния, при отсутствии ясных перспектив культурного развития киргизское искусствоведение все же развивалось. В этом процессе активно участвовала старшее и среднее поколение искусствоведов, а ряды молодых специалистов редела. Наиболее популярной в это время стала разножанровая журнальная статья – юбилейная, проблемная, аналитическая, информационная др. Показательны публикации в центрально-азиатском альманахе «Искусство и общество». Речь идет о превосходных статьях не только опытных мастеров искусствоведческого слова (О. Пововой, Л. Прытковой,

Н. Уваровой, Г. Токтосуновой, А. Молдохматовой), но и работах молодых искусствоведов – Анны Ворониной, Гамала Боконбаева, М. Акынбековой, Любови Гузеевой и др.

Среди немногих крупных работ последнего десятилетия выделяются публикации коллектива кафедры гуманитарных наук Академии художеств Киргизской республики, посвященные в основном скульптуре и монументальному искусству. К их числу относятся: «Монументальное искусство Бишкека» (2002 г.); «Тургунбай Садыков. Жизнь и творчество» (2005 г.); «Развитие пластических искусств в Кыргызстане» (2009 г.); «Художник и время. Тургунбай Садыков» (2015 г.).

Количество добротных творческих портретов киргизских художников в это время резко уменьшилось. Поскольку в последние двадцать лет в республике появилось несколько сотен молодых художников, выставочная деятельность (преимущественно на основе частного финансирования) стала активно развиваться. К этим выставкам, как правило, издавались каталоги. Знакомство с массой этой продукции показало, что высокая прежде академическая культура в подготовке изданий каталогов теперь значительно снизилась. В них часто отсутствуют сколько-нибудь серьезные вступительные статьи о творчестве художников, необходимые каталожные сведения (нет либо имени автора, либо названия произведения, либо материала, в котором оно выполнено, либо его размера и даты создания, либо перечня работ и т.п.).

Профессиональные исследования по истории бурного развития изобразительного искусства последнего десятилетия в республике отсутствуют, теория искусства не разрабатывается, а толковой художественной критики очень мало. В связи с этим настоятельной необходимостью представляется усиленная подготовка целой плеяды молодых искусствоведов и забота о том, чтобы соответствующие рабочие места были заняты современными профессионалами.

В настоящее время Киргизия вступила в Евразийский Союз. Она постепенно преодолевает трудности в социокультурном развитии на новом этапе истории, и есть надежда, что искусствоведение займет достойное место в науках о художественной культуре республики в недалеком будущем.

Список литературы:

- [1] Dzhaparov U. Difficult crossing // Kurak. Central Asian almanac: Art and society. 2007, № 2 (18).
- [2] Каган М.С. Искусствознание и художественная критика. Избранные статьи. – СПб.: Наука, 2001. – 528 с.
- [3] Мосолова Л.М. История искусства Кыргызстана: (с древнейших времен до XX века): Учеб. пос. – Б.: Бийиктик, 2010. – 476 с.
- [4] Праздников Г.А. Культура в пространстве жизни. – СПб.: изд-во СПбГАТИ, 2014. – 480 с.
- [5] Советская Киргизия. – 1942, 26 апреля.

КОПИЛКА КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН. ПУТЬ ЭВОЛЮЦИИ*

Низкая степень изученности объекта исследования не может не удивлять, так как этим объектом является один из древнейших и географически широко распространенных предметов материальной культуры. Лишь несколько десятилетий назад копилка попала в круг интересов зарубежных историков, социологов, культурологов, этнографов и педагогов. В России этот круг ограничивается лишь редкими коллекционерами при полном отсутствии библиографии на русском языке. В статье предпринимается попытка дать краткий обзор эволюции форм и типов копилки в связи с общими тенденциями общественно-экономического развития, педагогическими теориями и художественными вкусами.

Ключевые слова:

банк, деньги, дети, игрушка, копить, кубышка, ремесло, педагогика, ремесленник, сувенир, художник.

Марченко М.А. Копилка как культурный феномен. Путь эволюции // Общество. Среда. Развитие. – 2018, № 3. – С. 84–87.

© Марченко Мария Александровна – кандидат искусствоведения, Санкт-Петербург, e-mail: homomm@mail.ru

В древности для хранения денег приспособивали различные сосуды с узким горлышком. В России их называли кубышками. Близки им по форме и первые специально изготовленные для этой цели емкости из глины с щелью для монет. Родина копилки точно не установлена, но самые ранние из сохранившихся найдены на территории античной Греции и датируются IV в. до н.э. Некоторые из них уже тогда имели скульптурно-архитектурное оформление, например, в виде *thesauros* – сокровищницы, куда древние греки приносили на хранение свои сбережения. Позже их образный ряд пополнился гражданскими строениями, а затем и зданиями банков. Символическое значение дома как сооружения для защиты от враждебной окружающей среды и его компактность вполне соответствуют идее копилки [9; 10, с. 24, 177].

Большинство древнеримских копилки имеют формы груши или женской груди, связанные с древними культами плодородия. До сих пор в некоторых южных странах такие копилки дарят роженицам для сбора средств на новорожденного. Их легко изготовить на самом примитивном гончарном круге. Будучи дешевым массовым товаром, они просто разбивались при извлечении денег, вследствие чего почти все древние экземпляры дошли до нас в разрушенном виде [10, с. 178].

Как ни странно, средневековых копилки сохранилось гораздо меньше. Неспособное время требовало особой осторож-

ности. Деньги и ценности предпочитали закапывать, а не держать дома. Однако именно средневековье дало миру ту форму копилки, которая по сей день считается классической, – форму свиньи, символа плодovitости и счастья в культуре многих народов.

Самая ранняя из сохранившихся свиной-копилки найдена в Германии и датируется XIII в. В это время подобные ей, также керамические, уже использовались в Китае и Индонезии. Несмотря на исчезновение этого образа из индонезийской культуры с приходом ислама после 1520 г., копилка до сих пор называется там *célangan* от *célang* – свинья.

К XVIII в. название «свинья-копилка» стало практически синонимично слову «копилка» в большинстве европейских стран. Этот феномен обычно объясняют этимологией этого словосочетания в английском языке, а именно созвучием слова *rig* (англ. «свинья») и *rygg* (англ. «рыжая глина»). Как и везде, в Англии для хранения денег широко использовались горшки. Сырьем для их производства служил один из наиболее дешевых и доступных на тот момент материалов – рыжая глина. Они носили название *rygg jags* («глиняные горшки»). Со временем рыжую глину перестали использовать для изготовления посуды, а сам термин *rygg* фактически вышел из употребления, благодаря созвучию двух слов оставшись жить только в названии *piggy bank* – копилка. Кроме того, образ свиньи как символ благосостояния,

* Иллюстрации к статье – см. 4-ю стр. обложки.

непритязательности и плодovitости вполне соответствует самой идее разумного накопления [3, с. 16; 4; 6] (рис. 1).

В XVII в. появились копилки и других зооморфных форм. Считалось, что сова помогает правильно распорядиться накоплениями, белка – быстро собрать средства, собака – сохранить сбережения. Однако ни одна из них не может сравниться по популярности с копилкой-свиньей – поистине «культовой фигурой финансового мира».

Копилки XIX в. поражают разнообразием. Наряду с традиционными глиной и деревом используется фарфор, чугун, жель и ценные металлы. Рядом с архитектурными, сосудобразными и зооморфными формами появляются фрукты, шкапулки, фигурки людей, даже скульптурные жанровые сценки. Особенно популярными во второй половине столетия стали так называемые pillag box в форме цилиндрического почтового ящика, появившегося на улицах городов викторианской Англии в 1855 г. – своеобразный символ надежности английской почты. В действительности же надежность копилки повышали с помощью различных «секретов» – двойного дна, потайных замочков, скрытых механизмов. Так, известная санкт-петербургская фирма «Сан-Галли» оборудовала свои копилки невидимой кнопкой, нажатие которой отодвигало пластину, прикрывающую замочную скважину [6; 8; 12, с. 11].

Однако вскоре надежность перестала казаться обязательной в домашней копилке, которую развивающаяся банковская система постепенно вытесняла из финансовой сферы. Метаморфозы копилки шли не только в направлении усложнения и разнообразия форм, но и в направлении их своеобразной «игроизации». Когда-то примитивная емкость для хранения денег, единственной целью которой было их сохранение, все чаще приобретала дополнительную функцию – удивлять и забавлять.

В последней трети XIX в. в США, а позже и в Англии, стали производиться механические копилки из чугуна. Первый образец был запатентован J. Holl of Watertown в 1869 г., через 4 года после конца американской гражданской войны [12, с. 18]. Поэтому патриотические темы были особенно популярны. В это время металлообрабатывающая индустрия США располагала свободными мощностями, чугун был недорогим и производился в большом количестве. Наряду с хозяйственными товарами его стали использовать для производства игрушек и копилки, что продолжалось вплоть до 1920-х гг. (рис. 2).

Благодаря разнообразным механизмам движения и звуковым устройствам вкупе с фигуративной скульптурной формой или яркой окраской копилки попадают в детский мир. Их все чаще можно было увидеть в руках играющего ребенка. Иногда в копилки превращались полые деревянные игрушки, в которых достаточно было просто прорезать щель. Кроме того, уже в середине века в некоторых странах стало традицией дарить детям в день крещения или Рождество копилку, опустив в нее несколько «стартовых» монеток. Обычно ее украшали соответствующими событию изображениями или инициалами. Открывали (или разбивали) такую копилку на следующий после Рождества день (в англоязычных странах Boxing Day) [12, с. 3, 7].

К концу века промышленность уже выпускала специальные копилки для детей. Появление литографированной жести в игрушечной индустрии позволило сделать их выпуск массовым, а сами копилки – нарядными, разнообразными и дешевыми. Основная масса жестяных копилки выпускалась немецкими фирмами Rock & Graner, Gebüder Bing, Mdrklin, Felix Lasse, Georg Kühnrich, Saalheimer & Strauss, Michael Seidel, Geobra, G. Zimmermann. Нередко они оформлялись яркими картинками на темы популярных сказок и стихов. С этого времени копилка-игрушка заняла немаловажное место в детском игровом мире (рис. 3).

Бывшие раньше редкостью детские карманные деньги стали нормой в начале XX в. Формы и игровые функции детских копилки этого времени поражают разнообразием и изобретательностью. Наиболее любимой среди них стал шоколадный автомат фабрики Stollwerck – миниатюрная копия шоколадного автомата, появившегося на вокзалах Кёльна в конце XIX в. Яркая жестяная банка в виде домика со стеклянным окошком, через которое можно было увидеть шоколадку. Получить ее можно было, только опустив монетку в дымовую трубу на крыше. Спустя столетие эти исчезнувшие из круга дамских и детских развлечений копилки превратились в популярный и достаточно дорогой предмет коллекционирования [8].

Однако уже в XIX в. детские копилки служили не только забавой, но и средством религиозного воспитания, взяв на себя роль церковных урн для пожертвований в пользу нуждающихся. Их популярность резко возросла в 1870-е гг., после того как англичанин доктор Бернардо стал помещать среди украшающих копилки литог-

рафированных наклеек фотографии детей, которым была оказана помощь [12, с. 13]. Таким образом, воспитание становилось особенно эффективным – в русле самоограничения и сострадания.

Большое значение воспитанию в детях бережливости в Европе придавали уже со Средневековья. Возведенная в принцип жизни бережливость занимала одно из важнейших мест в бюргерской системе ценностей. В отдельные периоды, например, в конце XVIII – первой половине XIX в. она воспринимаясь не только как этическая характеристика, но как составляющая эстетического идеала времени. Не случайно этимология немецких слов *Schönes* (прекрасное) и *Aufhebens* (хранящее) восходит к латинскому (*s-*)*parcere*. Именно поэтому копилка станет позже одним из символов «бюргерской философии», будучи на самом деле значительно старше ее самой [10, с. 10].

С 1925 г. в последний рабочий день октября в большинстве европейских стран отмечают Международный день бережливости. В этот день дети приносят в банк свои копилки с накоплениями за год. Банк принимает их, выдавая ребенку сберегательную книжку, которая потом может пополняться. Дети также получают маленькие подарки: игрушки, открытки, листы для вырезания, книги [2, с. 112; 11].

Такие номерные копилки, выдаваемые банком сначала под залог, а потом свободно, получили название «домашняя копилка». Считают, что впервые они появились в Банке Америки в 1890-е гг. А их распространение в Европе связывают с именем датского авиаинженера и пилота Якоба Кристиана Эллекхаммера (1871–1946), который спроектировал такую копилку для Банка Дании в 1900 г. Литая из меди, она изображала портал этого банка и весила около килограмма. Часто копируемая модель стала популярна во многих европейских странах (рис. 4).

В первые годы домашние копилки не были ориентированы на детей и выдавались банками своим клиентам с вполне прагматичной целью сохранить сбережения до момента внесения их на банковский счет. Все копилки имели литой металлический корпус и прочный замок, ключ от которого находился в банке. Вплоть до 1930-х гг. существовала практика их вскрытия банковским служащим прямо на дому.

Апологеты теории «биологической потребности человека в накоплении» обозначили как фундирующие составляющие

человеческой деятельности стремление копить, хранить и собирать. Еще в 1928 г. на это сделала ставку Сберегательная касса Берлина в своей рекламной кампании, обращенной к молодежи.

В это время развернулось мощное движение за воспитание детей в духе разумной бережливости. Банки включили детей в круг своих потенциальных клиентов. С этого момента домашние копилки все больше превращались в атрибут детства и воспитательное средство. Изменились их форма и материалы. Тяжелые архитектурные и скульптурные копилки уступили место легким жестяным или литым с логотипом банка. Улей стал одной из ранних эмблем сберегательных банков, например, Сберегательной кассы Франкфурта-на-Майне. Муравей и пчела как воплощенные усердия и разумного собирательства встречаются уже в античных изображениях. Позже копилка в форме улья стала своеобразной «классикой жанра» банковского мира [10, с. 180].

Цилиндрическая копилка из литографированной жести, меняясь во времени от натуралистической до предельно условной, остается актуальной по сей день. Еще в 1970-е гг. ее можно было нередко увидеть в качестве подставки для карандашей на детском письменном столе. Пришедшие ей на смену ярко оформленные пластмассовые копилки занимают сегодня заметное место в ряду рекламных подарков банков своим взрослым и маленьким клиентам.

С 1956 г. рядом с традиционной копилкой на рекламных плакатах Австрийской Сберегательной кассы, адресованных в первую очередь детям, появилась новая знаковая фигура *Sparefroh* (дословный перевод – «радость бережливости»). Этот смешной персонаж открыток, журналов и анимационных фильмов, придуманный в Штутгарте, стал символом целого поколения, не менее популярным в германоязычных странах, в первую очередь, в Австрии, чем герои Диснея [2; 7; 9] (рис. 5).

В 1955 г. график Леопольд Юрига превратил нарисованного человечка с телом в форме шиллинга в забавную куклолку с гнущимися конечностями. Приобретая с течением времени легкие изменения в своей внешности, он оставался главным героем австрийских банковских рекламных кампаний вплоть до 1980-х гг. Его имя знали все, даже те дети, кто не помнил имена президента страны или директора собственной школы. Такова статистика! И тот факт, что одновременно с человечком-шиллингом появилась другая не менее

значимая фигура детского мира – также немка по происхождению кукла Лили-Барби, кажется совсем не случайным. О времени судят по его кумирам!

В советском быту времени первых пятилеток копилка нередко воспринималась как символ мещанства, попав в один ряд со слониками на комод, канарейкой, геранью на подоконнике и другими маркерами обывательской психологии. В капиталистическом мире отношение к ней либеральнее. Сыграли свою роль серьезная работа банков по привлечению новых клиентов среди юношества, их сотрудничество со школами и даже с детскими садами, а также мощная ориентированная на подрастающее поколение агитационная политика, в которой были задействованы не только средства печати и телевидения, но и рекламные подарки, в первую очередь, игрушки. Время от времени усиливались голоса противников такого внедрения банков в образовательный и воспитательный процесс. Особенно громкими они были в конце 1960-х гг. на волне революционных выступлений молодежи против морали и образа жизни старшего поколения.

В наши дни копилка как способ хранения сбережений почти исчезла из обихода, вытесненная сберегательными книжками, пластиковыми карточками и интернет-банкингом. Это подтверждают и результаты анкетирования 2012 г., проведенного Санкт-Петербургским музеем игрушки в Германии и России. В России большая часть опрошенных, среди которых были представители самых разных возрастных

и социальных групп, рассматривает копилку как сувенир или декоративный предмет (45,7%), лишь 36% видит в ней средство для накопления денег и 18,3% относится к ней как к игрушке. В Германии копилка в своей первоначальной функции накопления оказалась на первом месте (66,7%), всего 18% видят в ней предмет интерьера или сувенир, 15,3% – игрушку [1; 4].

Псевдофункциональная жизнь копилки до предела расширила диапазон ее форм. Создается впечатление, что любой миниатюрный предмет, будь то баночка для чая, упаковка для конфет, детская игрушка или бизнес-подарок, приобретает особую привлекательность, если в нем обнаруживается прорезь для монет.

Очевидна и другая сторона метаморфозы предмета: когда-то уважаемый атрибут «финансового мира» копилка маркирует наиболее кичевую зону современного дизайна. Не удивительно, что образный ряд выпускаемых сегодня «сберегательных банок» – это своеобразный парад прошлости, где можно найти все – от бессмертных фарфоровых поросят и золотых слитков до еще недавно высмеиваемых пуделей и кошек с бантами.

Нелегко в сегодняшних реалиях согласиться с историком Хорстом Ульбрихом, утверждавшим, что «едва ли какой-либо другой предмет пользовался таким уважением во всех слоях общества, как копилка» [10, с. 8]. Быть может, копилка вообще близка к концу своей собственной истории и в недалеком будущем будет восприниматься лишь как забавный артефакт в истории культуры.

Список литературы:

- [1] Философия копилки. Буклет выставки. – СПб.: Санкт-Петербургский музей игрушки, 2012. – 4 с.
- [2] Beitzl M., Rapp C., Rapp-Wimberger N. Wer hat, der hat. Eine illustrierte Geschichte des Sparens. – Wien: Österreichisches Museum für Volkskunde, MetroVerlag, 2009. – 320 p.
- [3] Brüggemann A. Das Milliardenjüngling: Zur Geschichte des Postsparens. – Frankfurt am Main: Deutsches Postmuseum, Konkordia Druck GmbH Bühl, 1992. – 135 p.
- [4] Friis P., Thomsen S. Sparebøsser. – Danmark, 1969. – 64 p.
- [5] Geldgeschichtliches Museum in der Kreissparkasse Köln. – Kreissparkasse Köln, 1988. – 32 p.
- [6] Geldgeschichtliches Museum Kreissparkasse. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <https://www.geldgeschichte.de/default.aspx>
- [7] Die Geschichte des Sparefroh. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <https://www.sparkasse.at/sparefroh/ueber-den-sparefroh>
- [8] Groß Gerhard. European Money Bank Collectors. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.embc.de/de/spardosen/>
- [9] Sparefroh. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <https://de.wikipedia.org/wiki/Sparefroh>
- [10] Thurn H.P., Baumgärtner S. Spardosen aus zweitausend Jahren. Die Kulturgeschichte des Sparens. – Stuttgart: W. Kohlhammer, 1982. – 184 p.
- [11] Weltpartag. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <https://de.wikipedia.org/wiki/Weltpartag>
- [12] Wilcox T. Pennywise: 500 Years of the Moneybox. Exh. cat. England. – Hove Museum and Art Gallery, 1990. – 19 p.

СРЕДА ОБИТАНИЯ

ОСМЫСЛЕНИЕ НООСФЕРЫ

УДК 621.9
ББК 31.63

Ю.Н. Гладкий, И.П. Махова, И.Ю. Гладкий

ГЕОФИЗИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ РАЗВИТИЯ ВЕТРОЭНЕРГЕТИКИ В РОССИИ: ПРОТИВОРЕЧИВАЯ СВЯЗЬ

Нефтегазовое изобилие страны выделяется в качестве одной из главных причин отставания российской ветроэнергетики. Разработка конкретных проектов в данной сфере связывается с приближением себестоимости энергии ветра к себестоимости ископаемой энергии. Оценивается противоречивая связь между экономическими и геофизическими условиями развития ветроэнергетики. С одной стороны, Россия обладает колоссальным потенциалом ветровой энергии. С другой – обширная территория, совпадающая с зоной наиболее «щедрых» потенциальных ветроресурсов, характеризуется отсутствием развитой рыночной среды. Подчеркивается, что в ряде отдаленных регионов Крайнего Севера и Дальнего Востока ветровая энергетика не является источником получения прибыли, а призвана выполнять общественно важные функции – социальные и экологические. Высказывается мысль, что емким потенциальным рынком для систем ветровой энергетике могут стать как миллионы индивидуальных фермерских и овощеводческих хозяйств, так и дачи российских граждан – недостаточно глубоко исследованный элемент национальной экономики.

Ключевые слова:

ветровая энергетика, ветровые парки, геофизические детерминанты, локализации ветроэнергетических парков, рыночная среда, скорость ветра, холодный климат.

Гладкий Ю.Н., Махова И.П., Гладкий И.Ю. Геофизические и экономические детерминанты развития ветроэнергетики в России: противоречивая связь // Общество. Среда. Развитие. – 2018, № 3. – С. 88–95.

- © Гладкий Юрий Никифорович – доктор географических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: Gladkiy43@rambler.ru
- © Махова Ирина Петровна – кандидат педагогических наук, доцент, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: Mahova@herzen.spb.ru
- © Гладкий Игорь Юрьевич – доктор географических наук, доцент, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: Gladkiy68@rambler.ru

Как парадокс воспринимается тот факт, что в энергобалансе государства, претендующего на роль одной из ведущих энергетических стран мира, энергия ветра сегодня играет ничтожную роль, а само понятие «российский ветроэнергетический рынок» фактически отсутствует в энергетическом лексиконе. По данным системного оператора Единой энергетической системы России, суммарная установленная электрическая мощность ветряных электростанций России на 01.01.2017 г. без учета Крымской энергосистемы составляла всего лишь 10,9 МВт, а на 01.01.2018 г. с учетом Крымской энергосистемы – 134,36 МВт, или 0,03%

от всей установленной мощности электростанций [7].

Отставание ветроэнергетической отрасли представляется парадоксальным еще и по той причине, что Россия располагает богатой историей развития ветроэнергетики. Именно здесь в 30-е годы прошлого столетия был создан первый в мире научно-исследовательский центр энергии ветра, а русским ученым во главе с Н.Е. Жуковским принадлежит авторство теорий ветродвигателей и поведения лопасти в воздушном потоке (считается, что последняя легла в основу современной аэродинамики). Еще в 1931 г. в СССР была построена не имевшая аналогов в мире

опытная ветроэнергетическая установка с диаметром лопастей 30 м и асинхронным генератором мощностью 400 кВт.

Среди экономических, технических и регуляторных барьеров, обусловивших отставание ветроэнергетической отрасли, в литературе обычно упоминаются [1]:

- общая нехватка инвестиций и инвесторов, что связывается с макроэкономической ситуацией в стране и санкционной политикой Запада;
- огромные расстояния, неосвоенность территории и слабо развитая транспортная инфраструктура;
- несовершенство нормативно-правовой базы;
- сложности перевода земель сельскохозяйственного назначения в земли промышленности и энергетики, пригодные для строительства ветропарков и др.

Гораздо реже упоминается такая очевидная (но не совсем «приятная» для российских экспертов-государственников) причина слабого развития национальной ветроэнергетики, как *нефтегазовое изобилие* – более дешевое энергетическое сырье. Подобно тому, как наличие колоссальных неосвоенных территорий объективно выступало в роли консерванта общественных отношений («тирания физического пространства!»), так наличие богатых запасов углеводородов позволяло России в течение многих десятилетий воспроизводить малоэкологичные и даже экстенсивные способы производства электроэнергии.

Лишь в последние годы планы России по развитию ветроэнергетики на ближайшую и долгосрочную перспективу стали меняться в лучшую сторону. Отчасти они связаны с тем, что, по оценкам авторитетных экспертов, уже к 2024 г. себестоимость энергии ветра в России должна сравняться с себестоимостью ископаемой энергии [9]. Высказывается мнение о необходимости формирования единого скоординированного подхода к созданию «Дорожной карты развития ветроэнергетической отрасли в России» с разработкой региональных программ и конкретных проектов в данной сфере. Продолжаются поиски рентабельных проектов (в том числе – в изолированных регионах Сибири и Дальнего Востока) за счет использования различных моделей финансирования, государственных субсидий, государственно-частного партнерства и т.д. Даная проблема получила освещение в целом ряде исследований, как российских авторов, так и экспертов международных организаций [1; 2; 5; 6; 9; 10 и др.].

Используемый авторами подход предусматривает установление противоречивой связи между экономическими и геофизическими условиями развития ветроэнергетики в России при имеющихся технических и социально-экономических возможностях общества и условия сохранения естественной среды. Актуальность такого подхода обусловлена не только растущим интересом человечества к использованию альтернативной энергии, но и тем, что Россия, благодаря огромной территории, расположенной в различных климатических зонах, обладает колоссальным потенциалом ветровой энергии – более 50 ТВт ч/год. При этом обширная территория, находящаяся в зоне децентрализованного энергоснабжения, не только совпадает с зоной наиболее «щедрых» потенциальных ветроресурсов, но и характеризуется отсутствием надежных рыночных механизмов.

Объект исследования – экономические и геофизические факторы развития ветроэнергетической отрасли в России; предмет связан с оценкой противоречивого взаимовлияния геофизических и экономических процессов на развитие ветроэнергетики в России, прежде всего, с их корреляцией. Геофизические детерминанты ассоциируются нами с климатообразующими факторами, хотя следует помнить о том, что в их проявлении принимает участие целый ряд свойств самой планеты, начиная от орографических особенностей территории до угловой скорости вращения Земли, оказывающей решающее воздействие на циркуляцию атмосферы и океана. Целью статьи служит критическая оценка эффективности стратегии и политики, направленных на развитие ветроэнергетики в России с учетом экономических и геофизических факторов.

Авторы учли богатый опыт авторитетных авторов в области изучения ветровой энергии, в том числе фундаментальное исследование западных [13], а также теоретические наработки отечественных авторов [1; 2; 4–6; 9; 10 и др.].

Геофизические детерминанты

Проблема конкурентоспособности ветровой энергетики в западной литературе традиционно рассматривается с позиции эволюции и развития рыночной среды. Однако с момента либерализации российской экономики и отменой ценового регулирования конкурентный режим в стране не установился автоматически, и многие субъекты российской экономики (прежде

всего, на Крайнем Севере и Северо-Востоке) по-прежнему не выдерживают испытания рынком. В этой связи нет оснований полагать, что именно ветроэнергетический рынок станет в ближайшие годы катализатором развития данного вида возобновляемой энергии.

В таких условиях стоимость 1 кВтч ветровой электрической энергии и эффективность ветроэнергетики корректнее рассматривать в рамках скорее социальных и экологических, чем экономических, категорий с учетом удовлетворения жизненно важных потребностей населения. Важно иметь в виду и тот факт, что строительство ветропарков в России относится, как правило, к проектам с ярко выраженной отсроченной выгодой. Будучи сопряженными с инновациями, они характеризуются высокой неопределенностью для компаний, а, следовательно, высокими рисками. Поэтому трудно обойтись без государственных гарантий, которые могли бы компенсировать компаниям безвозвратные потери среднесрочного характера.

Анализ характера локализации реализуемых и запланированных проектов показывает, что абсолютное их большинство ориентировано на использование богатого ветрового энергopotенциала без четкого расчета экономической эффективности и конкурентных преимуществ. Невольное противопоставление *геофизического и экономического подходов* при планировании развития альтернативной энергетики, так или иначе, проявляется даже в программных документах стратегического характера и мнениях отдельных экспертов. В свое время РАО ЕЭС выделило 17 районов, где сетевые ветровые станции могли бы быть особенно выгодны: Мурманск, Архангельск, Астрахань, Санкт-Петербург, Волгоград, Калининград, Магадан, Краснодар, Ставрополь, Хабаровск, Приморье, Дагестан, Калмыкия, Карелия, Коми, Сахалин и Камчатка [14]. В то же время отдельными авторами подчеркивается необходимость крупномасштабного использования ветровой энергии в регионах, обладающих наиболее мощным ее потенциалом ветровой энергии, особенно в малолюдных изолированных регионах Крайнего Севера (в частности, в окрестностях поселков Певек и Билибино), где экономическая эффективность не является очевидной [10]. Если в качестве критерия эффективности

Места наиболее предпочтительной локализации ветроэнергетических парков при выборе критерием эффективности скорость ветра [8]

Географический пункт	Средняя скорость ветра, м/с		Повторяемость различных градаций скорости ветра за год, %		
	за три наиболее холодных месяца	за отопительный период	< 1	2-5	> 8
Анадырь	7,5	6,8	14	34	35
Варандей	6,6	6,2	10	40	34
Махачкала	6,3	6,4	16	39	32
Лопатка, мыс	11,3	10,1	6	20	61
Новороссийск	5,6	5,7	25	42	22
Темрюк	5,9	5,9	11	46	26
Челюскин, мыс	7	6,7	10	32	40
Наварин, мыс	12	8,6	9	29	48
Нагаева, бухта	6,9	6,1	11	52	22
Находка, бухта	6,9	6,1	15	43	26
Ростов-на-Дону	5,5	6,6	20	46	20

брать скорость ветра, то места наиболее предпочтительной локализации ветроэнергетических парков могли бы совпасть с указанными в таблице 1.

Как известно, формирование климатов земного шара определяется общими радиационными, циркуляционными и географическими условиями. Распределение солнечного тепла на Земле, зависимое от географической широты, образует зональность (или поясность) климатов. Эта зональность заметно нарушается не только над материками и океанами. В условиях обширной по территории России зональность «искривляется» меняющимися характером подстилающей поверхности, рельефа, растительности и других геофизических факторов, создающих огромное разнообразие климатов. Соответственно меняется и *ветровой режим* по регионам.

Согласно многочисленным справочникам, средняя годовая скорость ветра над территорией России колеблется от 2 м в секунду во внутриконтинентальных регионах Сибири до 9 м над акваторией Охотского моря (рис. 1). В этой связи отметим несколько принципиальных особенностей, характеризующих годовую скорость ветра и имеющих стратегическое значение при составлении «дорожной карты» развития ветроэнергетической отрасли в стране:

– общая циркуляция атмосферы на огромной территории России по-разному влияет на скоростные параметры ветра.

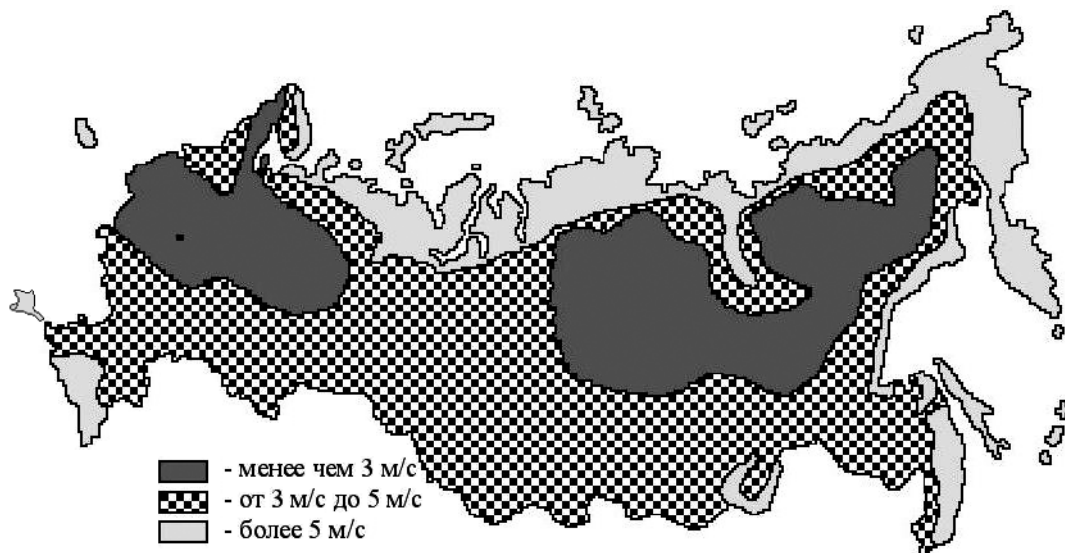

Рис. 1. Среднегодовая скорость ветра в России.

Возникающая зимой над Азиатской частью область высокого давления (до 1032 мб) образует огромный малоподвижный Сибирский антициклон. Поэтому для регионов, расположенных вблизи его центра характерен летний, а не зимний максимум скорости ветра. В Европейской же части скорость ветра увеличивается в зимнее время, поскольку циклоническая деятельность усиливается здесь в зимнее время;

– среднегодовые скорости ветра в Азиатской России (вопреки распространенному мнению среди непрофессиональных экспертов), заметно слабее, чем в Европейской части страны;

– горизонтальные градиенты средней скорости ветра резко возрастают вблизи побережий дальневосточных и особенно дальневосточных морей, где скорость возрастает до 9 м/с над акваториями;

– максимальная скорость ветра практически во всех регионах, обладающих богатым потенциалом ветровой энергии, приходится на осенне-зимний период, когда возникает наибольшая потребность в электроэнергии и тепле.

С учетом среднегодовых скоростных параметров ветра, наиболее перспективными регионами для реализации ветроэнергетических проектов являются морские побережья Северного Ледовитого и Тихого океанов. Отдельные ветровые зоны локализуются на побережье Балтийского, Каспийского, Черного и Азовского морей, в регионах Нижней и Средней Волги, в Карелии, Туве, на Алтае и Байкале. Разуме-

ется, критерии оптимального размещения ветроэнергетических установок не могут ограничиваться особенностями атмосферной циркуляции над регионами, равно как и другими геофизическими (в частности, орографическими) особенностями территории. Кроме силы ветра, повторяемости ветров различных направлений (румбов) и, так называемой «розы ветров», огромное значение имеют сугубо экономические факторы, демографические, орографические, экологические, геополитические и др. При этом многочисленные препятствия внеэкономического характера включают множество препятствий: административные барьеры (долгий период ожидания при получении разрешений, несогласованность действий различных органов власти и т.д.), отсутствие доступа к электросетям и другим элементам инфраструктурным элементам и т.д.

Холодный климат и ветроэнергетика

Постановка такой проблемы актуальна не только для России, но и для Канады, США, стран Северной Европы, Аргентины и др. Но для России, «классического» приполярного государства, выходящего широким амфитеатром к побережью Северного Ледовитого океана, эта проблема приобретает особый смысл. Точнее, речь идет об арктическом и субарктических климатических поясах.

Заметим: арктический пояс, отличающийся господством арктического воздуха в течение всего года, практически не за-

хватывает Западную Европу, так как местная тундра входит в субарктический пояс, где в течение года господствует преимущественно воздух умеренных широт. В России арктический климатический пояс включает следующие обширные области, представляющие реальный интерес для агентов ветроэнергетического рынка:

– *Атлантическую арктическую область*, представленную Баренцевым и Карским морями, северной частью полуострова Ямал, Гыданским полуостровом, большей частью Таймырского полуострова, Северным островом Новой Земли, островами Северная Земля. Господствующие здесь сильные ветры вызваны развитием циклонической деятельности на арктическом фронте (зимой скорость ветра достигает 9 м/с, а у входа в пролив Маточкин Шар – 15 м/с);

– *Восточносибирскую арктическую область*, простирающуюся от границы с атлантической областью на п-ове Таймыр на восток над морями Лаптевых и Восточно-Сибирским до Чаунской губы, а также включающей Новосибирские острова и полосу суши, занятой тундрой и лесотундрой;

– попадающую в зону влияния Тихого океана *Тихоокеанскую арктическую область*, расположенную над Чукотским морем и над полоской суши от Чаунской губы до мыса Дежнева.

Что касается субарктического климатического пояса, лежащего к югу от арктического, то он подразделяется на три сильно различающиеся области:

– *Атлантическую субарктическую область*, расположенную к югу от одноименной арктической области, простирающейся на востоке до нижнего течения р. Таз и находящейся под влиянием ветровых процессов, происходящих на арктическом фронте;

– обширную *Сибирскую субарктическую область*, находящуюся между южной границей лесотундры на севере и границей редколесья на юге и простирающуюся с запада на восток от Тазовской губы до Колымского хребта;

– *Тихоокеанскую субарктическую область* – от Колымского хребта до Берингова моря.

С одной стороны, все отмеченные климатические области обладают целым рядом выгодных природных и экономических моментов и, прежде всего, – наиболее крупной концентрацией ветровой энергии в России. Эксперты указывают на более высокую плотность холодного воздуха, чем теплого, благодаря чему повышает-

ся выработка энергии (при одинаковой скорости ветра) [2]. Внедрению ветряной энергетики может способствовать и тот факт, что в пределах северных территорий цены на электроэнергию и тепло, получаемые на электростанциях и в котельных на базе угля, дизельного топлива или мазута заметно более высокие, чем в регионах средней полосы России и т.д.

Согласно наработкам экспертов Международной, энергетической ассоциации IEA («Ветроэнергетика в холодном климате» [2]), суровые природные условия Российского Заполярья предоставляют возможность применять особые адаптационные мероприятия, которые не только сокращают сроки возможного строительства ветроустановок, но и позволяют рационализировать их функционирование, вести профилактические работы. Так, наличие дневного света и солнечного сияния круглые сутки предоставляет возможность трудиться в несколько смен с тем, чтобы резко сократить сроки строительства ветряного парка – до 3 летних месяцев. Этому благоприятствует и наименее ветреная погода в Заполярье в ночные часы, в то время как зимой не только резко укорачивается световой день, но и усиливается сила ветра.

С другой стороны, имеется немало специфических проблем с ярко выраженным знаком «минус», препятствующих развитию ветроэнергетики в регионах с арктическим и субарктическим климатом и позволяющих использовать лишь небольшую часть их энергетического потенциала. Едва ли не ключевая проблема – это слабая заселенность территории (средняя плотность населения менее 0,1 человека на 1 км²) и, соответственно, низкое потребление энергии в абсолютных показателях. В свою очередь, последнее обстоятельство связано с отсутствием потребляющих производственных мощностей и необходимой инфраструктуры – дорог с твердым покрытием, высоковольтных линий электропередач и т.д. Возникают затруднения не только с использованием вертолетной техники, но даже передвижных автомобильных кранов большой мощности, транспортной техники и т.д.

Таким образом, приоритетность мест локализации отдельных ветроагрегатов и парков ветроэнергетики – вопрос особой важности. В самых первых докладах руководителя Программы по внедрению возобновляемой энергетики IFK (Международная финансовая корпорация, входящая в группу Всемирного Банка) на территории России П. Виллемеа речь шла

практически лишь об освоенных и сравнительно плотно заселенных регионах [3]. Сегодня риторика докладов поменялась, и лидерство уже признается за изолированными энергетическими территориями (прежде всего, Дальнего Востока).

Экономические детерминанты

Существует немало подходов к оценке эффективности ветровой энергетики, прежде всего, технических, например, связанных с КПД ветрогенераторов. Этот аспект выходит за рамки нашего исследования, хотя технические факторы непосредственно связаны с экономическими детерминантами. Так, часть специалистов вообще убеждена в некорректности применения в теоретических исследованиях термина КПД, так как он отражает конструктивные особенности агрегата, а не его эксплуатационные качества. Считается, что для ветроустройств следует использовать специфический аналог КПД – коэффициент использования энергии ветра (КИЭВ). Он отражает процент воздушного потока, задействованного в рабочем сечении ветроагрегата. Для отдаленных, изолированных регионов России, где монтаж крупногабаритных станций не всегда возможен, нужны сравнительно небольшие устройства, но с повышенной производительностью, с большим процентом задействованного в рабочем сечении агрегата воздушного потока

Об относительности некоторых оценок производительности ветровой энергетики свидетельствуют хотя бы показатели зависимости мощности ветряной энергетической системы от диаметра рабочего винта и количества лопастей (табл. 2). Важная деталь состоит в том, что эти расчеты теряют смысл при параметрах скорости ветра выше 4 м/сек.

Экономические показатели работы ветровой энергетики наиболее тесно ассоциируются с многозначным понятием «экономическая эффективность», расчет которой не прост. Конечно, решающим критерием служит стоимость электрической энергии, которую замещает конкретная ветроэнергоустановка, но и в этом случае важно учитывать, кем осуществляется строительство – энергетической компанией или независимым от нее юридическим лицом – (предприятием или частным лицом), а также какому юридическому лицу принадлежит.

Когда строительство осуществляется энергокомпанией, ветровая энергоустановка работает параллельно с традици-

онными источниками, и общая электрическая энергия (стоимость которой определяется главным образом стоимостью сжигаемого топлива на тепловых электростанциях) в обезличенной форме поступает к потребителям. Поскольку для крупной энергосистемы ветроэнергоустановки часто выполняют *энергосберегающие функции*, то их экономическая эффективность во многом будет определяться экономией топлива на электростанциях традиционного типа.

Таблица 2

Зависимость мощности ветряной энергетической системы от диаметра рабочего винта и количества лопастей [14]

Мощность, Вт	Диаметр ветроколеса при числе лопастей, м					
	2	3	4	6	8	16
10	2	1,64	1,42	1,16	1	0,72
20	2,82	2,32	2	1,64	1,42	1
30	3,44	2,82	1,44	2	1,72	1,22
40	4	3,28	2,84	2,32	2	1,42
50	4,48	3,68	3,18	2,6	1,24	1,58
60	4,9	4	3,48	2,84	2,44	1,74
70	5,3	4,34	3,76	3,08	2,64	1,88
80	5,66	4,64	4	3,28	2,82	2
90	6	4,92	4,26	3,48	3	2,12
100	6,34	5,2	4,5	3,68	3,16	2,24
300	10,94	8,98	7,76	6,34	5,46	3,88
500	14	11,48	9,94	8,16	7	5

При принадлежности ветроэнергоустановки независимому от энергосистемы предприятию оно оплачивает электроэнергию по ее себестоимости, а избыточную реализует на рыночных условиях, самостоятельно решая проблему ценообразования. Все это заметно усложняет расчет экономической эффективности. Следует учесть, что речь идет об экономической эффективности использования энергии ветра в пределах сложившихся энергосистем, где требуется серьезно анализировать режим их работы для выявления почасовой экономии топлива. Данная задача усложняется нестабильностью ветровых условий, которые влияют на объем фактического энергопотенциала ветроэнергоустановки.

Одним из недооцененных экономических механизмов развития ветровой энергетики в России являются *меры налогового стимулирования инвестиций* в альтернативную энергетику. Такой рычаг давно апробирован в странах Западной Европы, Южной Кореи, США и доказал свою высокую

эффективность, в то время как в России механизмы налогового стимулирования пока отсутствуют, за исключением предпринятий-резидентов кластера Сколково [6]. В странах, их использующих, меры стимулирования имеют свою специфику, но все они направлены на достижение одинаковой цели – сделать более выгодными инвестиции в альтернативную энергетику, объектами которой относятся к числу долго окупаемых и явно рискованных.

Среди этих мер, прежде всего, назовем *налоговые кредиты* для производителей энергии из альтернативных источников производственный налоговый кредит (РТС) и инвестиционный налоговый кредит (ИТС). Первый из них отражает платежные льготы по федеральному налогу на основе объема полученной электроэнергии, а второй – на основе объема инвестиций в развитие альтернативной энергетики. Для развития капиталоемких технологий в области ветроэнергетики полезным может оказаться опыт отдельных европейских стран (Италии, Норвегии, Чехии), использующих механизм снижения налога на собственность – имущество, землю и основные средства для производства возобновляемой энергии. Часть стран, использующие в основном не корпоративный налог на прибыль, а налог на добавленную стоимость, практикуют политику его снижения, особенно если налог начисляется на выработанную энергию, а не на капитальные затраты (Великобритания, Германия, Италия) [6] и т.д.

Существует мнение, что разработку российского механизма налогового стимулирования в области альтернативной энергетики более целесообразно начинать с реализации комплекса мер, направленных на стимулирование спроса на новые технологии получения энергии в секторе массового потребления – обогреве жилья, пеллетных отопительных системах и т.д. В условиях российского Севера эта креативная мысль нам кажется не полной, поскольку разработку такого механизма можно связать, скорее, с началом работ по открытию Северного морского пути (налоговые льготы при удовлетворении потребностей

транспортной и социальной инфраструктуры) и даже с нуждами военно-промышленного комплекса.

Ответственные лица в правительстве России за развитие ветроэнергетики обязаны помнить такой поучительный факт: до начала 2000-х годов ни в одной стране

мира, где уровень компенсации* был ниже 0,07 долларов США за кВт.час (по обменному курсу валют на рынке в 2005 г.), не происходило роста эффективности ветроэнергетических технологий. Конечно, объемы компенсаций – это еще не «панацея», так как могут возникать другие препятствия внеэкономического характера. При этом в условиях России необходимо сочетание федеральных налоговых льгот с финансовой поддержкой на уровне субъектов Федерации.

Заключение

Экономическая эффективность конкретных предприятий отражает результат их деятельности, ассоциирующийся со стоимостью средств (затрат, издержек) достижения этого результата, включая прибыль. Но существуют предприятия, для которых целью является не получение прибыли, а выполнение общественно необходимых функций, в том числе социальных, экологических и др. С известной долей условности к таким объектам иногда относят и альтернативную энергетику.

Подобный подход отчасти обуславливается невероятной спецификой системы показателей эффективности ветровой энергетики. Например, оценка экономической эффективности сооружения отдельной ветроустановки (или ветропарка) представляет собой сложнейшую технико-экономическую задачу, требующую корректного учета многих экономических, внеэкономических, геофизических факторов. Среди них удельная стоимость ветроэнергоагрегатов; трансформаторной подстанции; линий электропередачи; стоимость топлива, используемого на кольцевых тепловых электростанциях; тарифы на электрическую энергию, которую замещает установка; реальных ветровых условий и т.д. Но главное состоит в том, что данная задача сильно усложняется *неопределенностью ветровых условий*, определяющих фактический энергопотенциал ветровых агрегатов.

В условиях затянувшегося транзитивного периода в развитии российского рынка и дисперсного расселения жителей приполярного государства низкая конкурентоспособность ветровой энергетики остается реальной государственной проблемой. Напомним: в нынешних условиях данная отрасль экономики рассматривается эк-

* Расчет уровней компенсации производится путем суммирования цены на электричество и любых надбавок и/или льгот, полученных производителями альтернативной энергии.

спертным сообществом в рамках скорее социальных и экологических категорий, чем экономических. Для многочисленных изолированных малых населенных пунктов Севера и Дальнего Востока (в том числе тех, где локализованы специфические объекты – маяки и другие элементы навигации, пограничные заставы, метеорологические станции и др.), на первый план ставится удовлетворение жизненно важных потребностей населения. Установка мелкомасштабных ветроэнергетических установок и гибридных систем (иногда с дизельными генераторами и аккумуляторными батареями) становится социальным императивом.

Конечно, специфические природные условия многих регионов России существенно удорожают строительство ветровых энергоустановок, повышая себестоимость производимой электроэнергии. Но это не означает, что развитие ветроэнергетики в энергоизолированных регионах Крайнего Севера и Дальнего Востока вообще не имеет перспектив из-за трудности достичь конкурентоспособности на мировом рын-

ке. Необходимо искать (создавать) условия, в которых государственные дотации и рынок не будут определяющим фактором при строительстве ветровых энергоустановок. В конечном счете, возможны государственные субсидии, если речь идет о важных проектах со слишком медленным оборотом капитала, или об интересах государственной безопасности.

Наконец, емким потенциальным рынком для систем ветровой энергетики могут стать так называемые *дачи* российских граждан – недостаточно глубоко исследованный элемент национальной экономики. По официальным данным, около 16 миллионов семей и 10 миллионов физических лиц владеют небольшими участками земли за пределами своего проживания, а 22 миллиона семей обладают собственным загородным домом с участком земли, на котором выращиваются овощи и фрукты для личного пользования или продажи [15]. Не менее важно и то, что целых 5 миллионов индивидуальных фермерских и овощеводческих хозяйств вообще не подключены к электрической сети [12].

Список литературы:

- [1] Гзенгер Ш., Денисов Р. Перспективы ветроэнергетического рынка России. – 29 с. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.world-wind-energy.info/wp-content/uploads/2017/06/>
- [2] Ветроэнергетика и ветроэнергетические установки в условиях Заполярья. Часть 2 / Ред. О. Шейдина. – 2012, Июль 03.– Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://zeleneet.com/vetroenergetika-i-vetroenergeticheskie-ustanovki-v-usloviyax-zapolyaryya-chast-2/2034/>
- [3] Виллемс П. Ветровые станции на Камчатке и солнечные в Якутии – символ новой энергетики России. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://zeleneet.com/vetrovye-stancii-na-kamchatke-i-solnechnye-v-yakutii-simvol-novoj-energetiki-rossii/25858/>
- [4] Как произвести расчет ветрогенератора? – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://sovet-ingenera.com/eo-energy/generators/kak-proizvesti-raschet-vetrogeneratora.html>
- [5] Налоговое стимулирование инновационных процессов. – М.: ИМЭМО РАН, 2009. – 160 с.
- [6] Рагнер С.В., Дира Д.В. Налоговое стимулирование альтернативной энергетики в Европе // Финансы и кредит. – 2012, № 8 (488). – С. 21–27.
- [7] Системный оператор Единой энергетической системы России. – Интернет-ресурс. Режим доступа: www.so-ups.run
- [8] Скорости ветра в регионах России. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.vetrogenerator.ru/windtable.html> (30.06.2018)
- [9] Чубайс А.Б. Российская возобновляемая энергия как многосекторный start-up: история и будущее / Международный Конгресс «Возобновляемая энергетика XXI век: энергетическая и экономическая эффективность» «Reecon-2016». – М., 2016.
- [10] Dmitriev G., Olesen G. Biomass and Wind Power Opportunities in Russia. – Moscow: Eco-Accord Center, August 2001. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.accord.cis.lead.org/cooperetion/energy-eng1/8.htm>
- [11] International Tax Incentives for Renewable Energy: Lessons for Public Policy. – San Francisco, California: Center for Resource Solutions, 2005. – P. 27. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://resource-solutions.org/document-international-tax-incentives-for-renewable-energy-Lessons-for-Public-Policy>
- [12] Karabanov S. The Prospects for Photovoltaic Development in Russia. Renewable Energy Report. 2001. – World Renewable Energy Network, 2001. – 116 p.
- [13] Manwell J., Roger A., McGovan J. Wind Energy Explained. Theory, Design and Application. – John & Sons Ltd., 2009. – 688 p.
- [14] Martinot E. Renewable Energy in Russia: Markets, Development and Technology Transfer, Renewable and Sustainable Energy Review 3:49–75. – 1999. – Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.martinot.info/re_publications.htm
- [15] Strebkov, D. Trends in Russian Rural Agriculture and Energy. – Интернет-ресурс. Режим доступа: http://cigr-ejournal.tamu.edu/Submissions/Invited_Russia.PDF

ГЛОБАЛЬНЫЙ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

УДК 504.4.054
ББК 20.18

А.Э. Овсепян

О КОНЦЕНТРАЦИЯХ РТУТИ В РЫБЕ УСТЬЕВОЙ ОБЛАСТИ РЕКИ СЕВЕРНАЯ ДВИНА

Специфической особенностью Севера европейской территории России и устьевой области р. Северная Двина в частности является заболоченность водосборной территории и, как следствие, повышенное содержание гуминовых веществ и водородных ионов, способствующих образованию биодоступных форм ртути. В таких условиях даже фоновые концентрации ртути в водоемах могут представлять серьезную опасность для гидробионтов. Целью исследования явилось выявление особенностей накопления и распределения ртути в различных видах и тканях рыб устья Северной Двины как в одном из компонентов цикла ртути рассматриваемой природной системы. Представлены результаты исследований содержания ртути в гидробионтах устьевой области реки Северная Двина. Проанализирована роль гидробионтов в качестве компонента биогеохимического цикла ртути в условиях вод севера европейской территории России. Выполнена оценка накопления ртути разными видами рыб. Выявлены особенности распределения различных уровней содержания металла в тканях исследуемых образцов. Проведен сравнительный анализ содержания и распределения ртути по видам и тканям гидробионтов других регионов циркумполярных областей Земли. Исследованы особенности накопления ртути рыбами в зависимости от сезона и уровня режима.

Ключевые слова:

гидробионты, миграция, накопление в тканях, ртуть, северные реки, трансформация, устьевая область реки Северная Двина.

Овсепян А.Э. О концентрациях ртути в рыбе устьевой области реки Северная Двина // Общество. Среда. Развитие. – 2018, № 3. – С. 96–102.

© Овсепян Ася Эмильевна – кандидат географических наук, доцент, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону; e-mail: ovsepleat@yandex.ru

С каждым годом внимание к проблеме ртутного загрязнения окружающей среды возрастает. Это выражается как в разработке, обсуждении и принятии на самом высоком международном уровне документов, регламентирующих выбросы ртути, ограничении её применения в различных отраслях хозяйства [14], так и в увеличении числа научных исследований природных сред относительно особенностей распределения, миграции, трансформации и накопления в них ртути. Приумножение знаний по данной проблематике является высоко актуальным направлением, поскольку хозяйственная деятельность человека, повлекшая высвобождение больших объемов данного металла и его соединений и включение их в глобальный круговорот веществ, привела к увеличению концентраций ртути и метилр-

тути даже в отдаленных от промышленных центров районах планеты [31; 38]. Одним из важных этапов, направленных на урегулирование вопросов применения ртути, явилась разработка и подписание Минаматской конвенции о ртути, в которой отдельно упоминается особая уязвимость окружающей среды арктического региона [32].

Известно, что ртуть и её соединения – это высокотоксичные вещества, степень воздействия на живые организмы изменяется в зависимости от путей поступления, форм нахождения металла, а также объема поступившего элемента и уязвимости самого объекта воздействия. В странах с населением, основой питания которого является рыбный рацион, на протяжении нескольких десятков лет уделяется пристальное внимание исследованию рыб и регламентированию пот-

ребления их в связи с высокой опасностью отравления жителей накопленной в рыбе ртутью [24], в особенности актуальность данного вопроса высока для жителей субарктики. Во многих странах циркумполярного региона регулярно проводится мониторинг накопления ртути в гидробионтах [24; 39; 40], на его основании разрабатываются и обновляются нормативы и рекомендации по дозированию количества рыбы разных видов в рационе питания местного населения. Для Российской территории также характерно увеличение интереса к накоплению ртути в рыбах, в том числе субарктического региона. Однако подобные исследования, за исключением работ нескольких научных школ [5–7; 9], можно назвать скорее сопутствующими и единичными, чем целенаправленными и комплексными.

Материал и методы исследования

Известно, что исследуемый район долгое время подвергался воздействию сточных вод, характерным загрязняющим веществом которых была ртуть и её соединения. Вследствие этого в экосистеме обнаруживались повышенные относительно фоновых концентрации ртути в воде и донных отложениях [21–23]. Известны также случаи экстремально высоких концентраций ртути в воде и донных отложениях, отмечавшиеся различными авторами в разные сезоны и годы [1; 8; 10; 12].

Комплексные исследования поведения ртути в водной экосистеме устья Северной Двины проводятся сотрудниками Южного федерального университета с 2004, а с октября 2009 г. началось изучение концентраций ртути в гидробионтах как части биогеохимического цикла этого элемента – в рамках работ по реализации проектов, поддержанных грантами Президента РФ [11]. Отбор образцов гидробионтов проводился путем прямого их вылова из реки Северная Двина, её протоков и рукавов в районе г. Архангельск, в Двинском заливе Белого моря, в верховьях устьевой области, а также в Белом море (район г. Северодвинск). Всего в разные сезоны года и фазы водного режима собрано более 50 образцов рыбы. Исследуемыми видами рыб явились: сиг (*Coregonus lavaretus*), лещ (*Abramis brama*), камбала (*Platichthys flesus bogdanovi*), сибирская плотва (или *corora*) (*Rutilus rutilus lacustris* (Pallas)), корюшка (*Osmerus eperlanus*) и окунь (*Perca fluviatilis* L.). После вылова производился отбор тканей гидробионтов: мышцы, печень, жабры. Образцы тканей помещались в специально подготовленные стеклянные пробирки и консервировались 4%-м раствором бихромата калия в концентрированной

азотной кислоте. Анализ на содержание ртути производился в аттестованной лаборатории Гидрохимического института с применением атомно-абсорбционной спектроскопии в холодном паре. Предел обнаружения составил 0,001 мг/г с.м.* Известно, что уровни накопления ртути в гидробионтах напрямую зависят от возраста экземпляра и места вида в трофической цепи. Отобранные виды гидробионтов в пищевой цепочке занимают место консументов первого порядка, и, скорее всего, определяющим фактором имеющейся картины распределения ртути мог быть возраст образцов. Размер образцов варьировался от 15 до 25 см, и ввиду большой выборки, а также нескольких иных целей исследования, в работе анализируются средние концентрации ртути в тканях гидробионтов и их межгодовое изменение.

Результаты исследования и их обсуждение

Концентрации ртути в выловленных за весь период наблюдений образцах рыбы значительно изменялись. Отметим, что в период осенних паводков рыбу удалось отобрать только в 2009 г., в остальное время отбор проводился в летнюю межень (июль–август 2010, 2011, 2015 гг.). В связи с этим считаем целесообразным рассмотреть отдельно эти сезоны.

Содержание ртути в рыбе, выловленной в устьевой области р. Северная Двина в период осенних паводков 2009 г. изменялось в пределах 0,093–0,918 мг/г с.м., в среднем составляя 0,277 мг/г с.м. (табл. 1).

Наибольшие количества ртути обнаружены в печени рыб. В частности, средние концентрации ртути в печени леща и корюшки составили 0,334 и 0,332 мг/г с.м. соответственно, сига – 0,760 мг/г с.м. Относительно низкие концентрации выявлены в жабрах исследованных рыб. Так, в жабрах леща средние концентрации ртути составили 0,201 мг/г с.м., корюшки – 0,151 мг/г с.м., сига – 0,180 мг/г с.м. Полученные данные позволили выстроить следующие ряды ранжирования содержания ртути в отдельных органах и тканях рассматриваемых видов рыб устьевой области реки Северная Двина:

Лещ	Печень > жабры > мышцы
Сиг	Печень > мышцы > жабры
Корюшка	Мышцы > печень > жабры

Максимальные концентрации обнаружены в печени сига (0,918 мг/г с.м.), выловленного в районе о. Кумбыш, минимальные – в мышцах леща (0,093 мг/г с.м.), выловленного в верховье Никольского рукава. Обнаружение максимальных concentra-

* с.м. – сырая масса.

ций в печени гидробионтов свидетельствуют о наличии кормовой базы, обогащенной ртутью, а также о длительности воздействия относительно высоких концентраций металла и его соединений на биоту.

Содержание ртути в рыбе в период летней межени изучалось в июле–августе 2010, 2011 и 2015 гг. По сравнению с 2009 г., в последующие годы концентрации ртути были значительно ниже (табл. 2).

Изменение средних концентраций ртути в тканях гидробионтов по годам изображено на рис. 1.

Так, средние концентрации ртути в печени рыб, отобранных в летнюю межень в более поздние годы, были в 6 раз ниже, в мышцах – в 5,7 раз ниже, а в жабрах – в 3 раза ниже, чем у образцов, отобранных 2009 г.

Здесь необходимо упомянуть, что имеющийся 10-летний ряд измерений концентраций ртути в водной толще устьевой области р. Северная Двина позволил выявить устойчивую тенденцию к снижению содержания всех форм металла, наметившуюся с 2008 г. [33]. Безусловно, это сыграло роль в снижении концентраций ртути в гидробионтах в 2010-м и последующие годы, однако ещё одним важным фактором явилось различие в фазах водного режима в период отбора. В общем массиве данных, полученных в летнюю межень, концентрации ртути изменялись в пределах 0,009–0,180 мкг/г с.м., в среднем находились на уровне 0,057 мкг/г с.м.

Наибольшие количества ртути обнаружены в печени рыб, аналогично осеннему периоду. В частности, концентрации ртути в печени корюшки, отловленной в Белом море, составляют 0,065 мкг/г с.м., а сороги, пойманной на приустьевом участке реки – 0,095 мкг/г с.м. Относительно низкие концентрации выявлены в мышцах исследованных рыб. В среднем концентрации ртути в печени (0,060 мкг/г с.м.) были в 1,5 раза

выше концентраций ртути в мышцах гидробионтов (0,039 мкг/г с.м.).

Отметим, что в период летней межени изменилась последовательность в содержании ртути в тканях рыб. Ряд ранжирования выглядит следующим образом: печень > жабры > мышцы. Из всего массива данных максимальные концентрации обнаружены в жабрах сороги (0,11 мкг/г с.м.), выловленной в протоке Соломбалка, пересекающей г. Архангельск. Это мелководная протока, используемая местным населением в качестве транспортного пути, рыбной ловли на моторных лодках, также собирает стоки г. Архангельска, сильно заилена, прибрежная линия загрязнена антропогенным мате-

Таблица 1

Содержание ртути в гидробионтах устьевой области р. Северная Двина, мкг/г с.м. (по данным исследований в октябре/ноябре 2009 г.)*

Вид рыбы/ ткани	Печень	Мышцы	Жабры	Количество образцов
Сиг (<i>Coregonus lavaretus</i>)	$\frac{0,323-0,918}{0,760}$	$\frac{0,152-0,254}{0,209}$	$\frac{0,112-0,213}{0,180}$	3
Лещ (<i>Abramis brama</i>)	$\frac{0,225-0,443}{0,334}$	$\frac{0,093-0,112}{0,103}$	$\frac{0,150-0,251}{0,201}$	2
Корюшка (<i>Osmerus eperlanus</i>)	$\frac{0,214-0,432}{0,332}$	$\frac{0,231-0,802}{0,572}$	$\frac{0,124-0,323}{0,149}$	3
Сибирская плотва (<i>Rutilus rutilus lacustris</i> (Pallas))	$\frac{0,18-0,44}{0,282}$	$\frac{0,094-0,167}{0,110}$	$\frac{0,061-0,417}{0,216}$	4
Камбала (<i>Platichthys flesus bogdanovi</i>)	0,301	0,218	–	1

* В числителе указаны вариации концентраций, в знаменателе – среднеарифметическое значение.

Таблица 2

Содержание ртути в гидробионтах устьевой области р. Северная Двина, мкг/г с.м. (по данным исследований в июле/августе 2010, 2011, 2015 гг.)

Вид рыбы/ ткани	Печень	Мышцы	Жабры	Количество образцов
Сиг (<i>Coregonus lavaretus</i>)	$\frac{0,018-0,190}{0,112}$	$\frac{0,044-0,060}{0,052}$	$\frac{0,041-0,055}{0,047}$	6
Лещ (<i>Abramis brama</i>)	$\frac{0,030-0,065}{0,050}$	$\frac{0,037-0,068}{0,045}$	$\frac{0,072-0,106}{0,086}$	6
Корюшка (<i>Osmerus eperlanus</i>)	$\frac{0,045-0,059}{0,053}$	$\frac{0,039-0,054}{0,048}$	$\frac{0,043-0,064}{0,051}$	7
Сибирская плотва (<i>Rutilus rutilus lacustris</i> (Pallas))	$\frac{0,043-0,065}{0,053}$	$\frac{0,009-0,034}{0,025}$	$\frac{0,045-0,11}{0,067}$	14
Окунь (<i>Perca fluviatilis</i> L.)	$\frac{0,023-0,048}{0,035}$	0,023	0,042	5

В числителе указаны вариации концентраций, в знаменателе – среднеарифметическое значение.

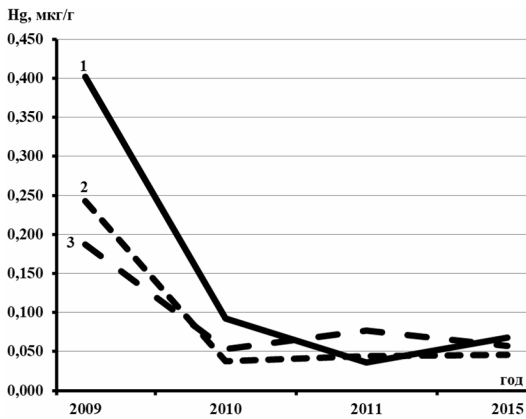

Рис. 1. Изменение среднего содержания ртути в тканях гидробионтов устьевой области р. Северная Двина. 1 – печень, 2 – мышцы, 3 – жабры.

лом. Наличие повышенных концентраций ртути в жабрах выловленной в Соломбалке рыбы наиболее ярко иллюстрирует механизм воздействия, приведший к более интенсивному накоплению ртути в жабрах гидробионтов в летнюю межень. Очевидно, при низком уровне воды в реке в местообитаниях, характеризующихся загрязнением донных осадков и повышенными концентрациями взвеси в водной толще, а также низким уровнем разбавления различного рода стоков, накопление различных компонентов на фильтрующих органах гидробионтов происходит более интенсивно по сравнению с иными гидродинамическими и физико-химическими условиями.

Интерес представляет анализ факторов, определивших повышенные по сравнению с летними уровнями концентраций ртути в гидробионтах, выловленных в конце периода осенних паводков. Во время осенних паводков перемешивание вод усиливается, что влечет взмучивание донных осадков, которые обогащены металлом и его соединениями и способны вызывать «вторичное загрязнение» водной толщи ртутью, в том числе в наиболее биодоступных формах. Исследования поведения ртути в данном районе подтверждают высокую степень опасности «вторичного загрязнения» [16;

17; 23]. Повышение количества взвешенных веществ в воде также ведет к возрастанию концентраций ртути во всех тканях рыб. Для исследуемого района характерно поступление повышенного количества органических кислот с поверхностным стоком, что особенно усиливается в период осенних паводков, это понижает рН, а подкисление вод ведет к более интенсивному накоплению ртути в рыбах [3; 6; 7; 40].

За весь период наблюдений лишь в 13% проб тканей гидробионтов устьевой области реки Северная Двина выявлено превышение значений ПДК ртути для мирных видов (0,3 мг/кг), регламентированное СанПиН 2.3.2.1078-0 [13].

Отметим, что полученные данные согласуются с результатами других авторов. В частности, в работе [18] выявлено превышение допустимых норм содержания ртути в мышцах леща, выловленного из р. Северная Двина в зоне влияния стоков Архангельского ЦБК. Кроме того, по данным авторов, на загрязненных участках реки наблюдалось снижение биомассы фитопланктона в 3 раза, зоопланктона – более чем в 2,5 и зообентоса – в 10 раз по сравнению с

Таблица 3

Ртуть в мышцах рыб пресноводных экосистем арктического и субарктического регионов земного шара*

Вид рыбы, водный объект	Содержание ртути, мкг/г с.м.	Источник информации
Окунь (<i>Perca fluviatilis</i>), озера водосборного бассейна Кандалакшского залива Белого моря	0,100–0,350	4
Сиг обыкновенный (<i>Coregonus lavaretus</i>), Кольский п-ов, Россия	0,122–0,177 0,151	30
Окунь (<i>Perca fluviatilis</i>), озеро Чучъярви, Карелия, Россия	0,080–0,130 0,100	7
Окунь (<i>Perca fluviatilis</i>), озеро Вегарусъярви, Карелия, Россия	0,200–0,440 0,340	7
Окунь (<i>Perca fluviatilis</i>), озеро Змеиное, Вологодская область, Россия	0,100–0,610	7
Окунь (<i>Perca fluviatilis</i>), озеро Мотыкино, Вологодская область, Россия	0,060–0,460	7
Язь (<i>Leuciscus idus</i>), бассейн р. Печора, Россия	0,054–0,082 0,067	30
Окунь речной (<i>Perca fluviatilis</i> (perch)), бассейн реки Печора, Россия	0,072–0,129 0,098	30
Сиг обыкновенный (<i>Coregonus lavaretus</i>), бассейн р. Печора, Россия	0,051–0,059 0,055	30
Плотва (<i>Rutilus rutilus</i>), Амгинский район, Якутия, Россия	0,061–0,202	15
Лещ (<i>Abramis brama</i>), Верхняя Обь	0,006–0,009	2
Окунь (<i>Perca fluviatilis</i>), Верхняя Обь	0,002–0,011	2
Арктический омуль (<i>Coregonus autumnalis</i>), п-ов Таймыр, Дудинка, Россия	0,025–0,058 0,040	30

данными середины XX века [18]. Другими исследователями также отмечались высокие концентрации ртути в органах и тканях сегов и лещей нижнего течения р. Северная Двина, что, по словам авторов, отражает достаточно высокий уровень загрязнения экосистемы ртутью [6]. Данные выводы согласуются с результатами комплексных исследований, уже более 14 лет ведущихся в регионе [10; 20], что, в свою очередь, подтверждает важность и актуальность продолжения этих работ.

Сравнительный анализ полученного материала с имеющимися литературными данными по содержанию ртути в мышцах рыб экосистем субарктического региона и некоторых других водоемов земного шара (табл. 3) показал следующее.

Концентрации ртути в гидробионтах устьевой области р. Северная Двина являются характерными для пресноводных экосистем севера Европейской территории России, в последние годы наметилась тенденция её уменьшения. При анализе гидробионтов – обитателей водных объектов Финляндии, Норвегии, Исландии, Фарерских островов, Аляски, некоторых районов Канады содержание ртути в гидробионтах устья р. Северная Двина сопоставимо, либо её уровень чуть ниже. Значительно ниже они аналогичных характеристик для рек Гренландии, восточных и центральных районов Канады (в 2 раза).

В то же время эти значения значительно (до четырехкратного уровня) превышают концентрации ртути в рыбах относительно чистых, удаленных от крупных промышленных объектов районов, в частности пресноводных экосистем Чукотки и Таймыра, а также верховьев реки Обь.

Вид рыбы, водный объект	Содержание ртути, мкг/г с.м.	Источник информации
Сиг обыкновенный (<i>Coregonus lavaretus</i>), п-ов Таймыр, Дудинка, Россия	$\frac{0,061-0,090}{0,077}$	30
Сиг обыкновенный (<i>Coregonus lavaretus</i>), п-ов Таймыр, Хатанга, Россия	$\frac{0,073-0,126}{0,100}$	30
Чир (<i>Coregonus nasus</i>), п-ов Таймыр, Хатанга, Россия	$\frac{0,055-0,122}{0,082}$	30
Арктический голец (<i>Salvelinus alpinus</i> (Arctic char)), Чукотка, Россия	0,151–0,285	30
Чир (<i>Coregonus nasus</i>), Чукотка, Канчалан, Россия	0,083–0,136	30
Сиг (<i>Coregonus nelsoni</i>), река Кускоквим, Аляска, США	0,032	25
Налим (<i>Lota lota</i>), бассейн р. Маккензи, Канада	0,370	19
Озерная форель (<i>Salmo trutta</i>), Юкон, Канада	0,240–0,370	19
Щука (<i>Esox lucius</i>), бассейн р. Маккензи, Канада	0,430	19
Щука (<i>Esox lucius</i>), озеро Большое Невольничье, Канада	0,180	19
Гонец (<i>Salvelinus alpinus</i>), Лабрадор, Канада	0,035	19
Гонец (<i>Salvelinus alpinus</i>), залив Кэмбридж, Канада	0,047	29
Гонец (<i>Salvelinus alpinus</i>), залив Ричмонд, Канада	0,055	29
Гонец (<i>Salvelinus alpinus</i>), озеро Северное, Канада	0,200	19
Сиг (<i>Coregonus</i> spp. (whitefish)), озеро Бэйкер, Канада	0,072	26
Сиг (<i>Coregonus</i> spp. (whitefish)), озеро Бэнди, Канада	0,229	28
Лещ (<i>Abramis brama</i>), река Кемийоки, Финляндия	0,060	34
Пелядь (<i>Coregonus peled</i>), вдхр. на реке Кемийоки, Финляндия	0,160	34
Сиг (<i>Coregonus</i> spp. (whitefish)), река Кемийоки, Финляндия	0,160	34
Окунь речной (<i>Perca fluviatilis</i> (perch)), река Кемийоки, Финляндия	$\frac{0,030-1,560}{0,320}$	34
Плотва обыкновенная (<i>Rutilus rutilus</i> (roach)), река Кемийоки, верховья, Финляндия	0,190	34
Плотва обыкновенная (<i>Rutilus rutilus</i> (roach)), река Кемийоки, водохранилище, Финляндия	0,330	34
Окунь речной (<i>Perca fluviatilis</i>), озеро Гавдуйври, Финнмарк, Норвегия	0,189	36
Арктический голец (<i>Salvelinus alpinus</i> (Arctic char)), Фарерские острова	$\frac{0,160-0,200}{0,185}$	27
Арктический голец (<i>Salvelinus alpinus</i> (Arctic char)), Гренландия	0,655–0,816	35
Арктический голец (<i>Salvelinus alpinus</i> (Arctic char)), оз. Тинкваллаватн, Исландия	$\frac{0,013-0,031}{0,230}$	37

* Пределы колебаний концентраций – числитель, среднее содержание – знаменатель.

Заключение

Получен ряд данных о концентрациях ртути в экосистеме устьевой области реки Северная Двина. За весь период наблюдений содержание ртути в тканях рыб указанной области лишь в 13% случаев превышало ПДК, равные 0,3 мг/кг для мирных видов.

Выявлено выраженное снижение концентраций ртути в гидробионтах, отобранных в 2010, 2011, 2015 гг., по сравнению с образцами 2009 г. С одной стороны, данный факт свидетельствует о наметившейся тенденции по уменьшению концентраций ртути в исследуемой экосистеме, с другой – важным фактором явилось различие в фазах водного режима в период отбора.

Влияние таких факторов, как повышенная кислотность вод, повышенный риск «вторичного загрязнения», рост количества взвешенных веществ в воде, способствовало значительному возрастанию концентраций ртути во всех тканях рыб в осенний период.

Выявлено значимое изменение накопления ртути в тканях гидробионтов в зависимости от сезона. При низких уровнях стояния воды в реке отмечено более интенсивное накопление металла и его соединений в жабрах гидробионтов, что более ярко выражено для рыб, выловленных в мелководных протоках района исследований.

Содержания ртути в гидробионтах устья Северной Двины находятся на уровне, сравнимом с показателями у обитателей большинства водных объектов субарктических и арктических регионов Аляски, Канады, Скандинавии и севера Европейской территории России. Значительно выше эти значения, чем выявленные в рыбах «чистых», фоновых районов Чукотки, Таймыра, реки Обь в верховье. Таким образом, подтверждается роль гидробионтов в качестве индикатора загрязнения экосистемы устья р. Северная Двина соединениями ртути и тенденций его изменения.

Список литературы:

- [1] Бреховских В.Ф., Волкова З.В., Колесниченко Н.Н. Проблемы качества поверхностных вод в бассейне Северной Двины. – М.: Наука, 2003. – 233 с.
- [2] Газина И.А., Темерев С.В., Индюшкин И.В. Содержание ртути в рыбах Верхней и Средней Оби // Известия Алтайского государственного университета. – 2003, № 3(29). – С. 93–95.
- [3] Заличева И.Н., Ганина В.С., Шустова Н.К. Эколого-токсикологические аспекты устойчивости гидробионтов таежной природно-климатической зоны к закислению водной среды // Экология. – 2006, № 1. – С. 64–69.
- [4] Комов В.Т., Гремячих В.А., Ершов П.Н. Сравнительное содержание ртути в мышцах рыб водоемов севера европейской России (Кандалакшский залив Белого моря) // Биологические ресурсы Белого моря и внутренних водоемов Европейского Севера. – Петрозаводск: ПТУ, 2009. – С. 289–291.
- [5] Комов В.Т., Степанова И.К., Гремячих В.А. Содержание ртути в мышцах рыб из водоемов Северо-Запада России: причины интенсивного накопления и оценка негативного эффекта на состояние здоровья людей // Актуальные проблемы водной токсикологии. Сборник статей. Под ред. профессора Б.А. Флерова. – Борок: ИБВ РАН, 2004. – С. 99–123.
- [6] Моисеенко Т.И., Гашкина Н.А. Биоаккумуляция ртути в рыбах как индикатор уровня загрязнения вод / Моисеенко Т.И., Гашкина Н.А. // Геохимия. – 2016, № 6 – С. 495–504.
- [7] Немова Н.Н. Биохимические эффекты накопления ртути у рыбы. – М.: Наука, 2005. – 163 с.
- [8] Ованесянц А. М., Красильникова Т. А., Иванов А. Б. О загрязнении природной среды и радиационной обстановке на территории Российской Федерации в марте 2008 г. // Метеорология и гидрология. – 2008, № 6. – С. 98–104.
- [9] Овсепян А.Э. Особенности накопления ртути гидробионтами устьевой области реки Северная Двина // Ртуть в биосфере: эколого-геохимические аспекты. Материалы Международного симпозиума. – М.: ГЕОХИ РАН, 2010. – С. 300–304.
- [10] Овсепян А.Э., Федоров Ю.А. Ртуть в устьевой области реки Северная Двина. – Ростов-на-Дону–Москва: ЗАО «Ростиздат», 2011. – 198 с.
- [11] Овсепян А.Э., Федоров Ю.А., Зимовец А.А., Савицкий В.А. Оценка накопления ртути в объектах живой и неживой природы Севера европейской территории России // В мире научных открытий. – 2016, № 5 (77). – С. 116–133.
- [12] Оленичева А.В. Об опыте работы Северного УГМС по обследованию районов экстремально высокого загрязнения (ЭВЗ) природной среды / Информационное письмо СУГМС №1 (164). – Архангельск: СУГМС, 1997. – С. 17–22.
- [13] Санитарно-эпидемиологические правила и нормативы «Гигиенические требования безопасности и пищевой ценности пищевых продуктов. СанПиН 2.3.2.1078–0» (с изменениями на 06.07.2011). – М., 2001. – 269 с. – Интернет-ресурс. Режим доступа: http://zakonrus.ru/gost/sanpin_232_1078_01-3.htm (25.08.2018)
- [14] Стратегическая программа действий по охране окружающей среды Арктической зоны Российской Федерации / Одобрена Морской коллегией при Правительстве Российской Федерации (протокол совещания от 19 июня 2009 г. № 2 (11), раздел I, пункт 2). – М., 2009. – 29 с. – Интернет-ресурс. Режим доступа: http://archive.iwlearn.net/npa-arctic.iwlearn.org/Documents/sap_da/sap_ru.pdf (5.07.2018)
- [15] Тяптиргянов М.М., Тяптиргянова В.М. Эколого-биологический анализ накопления ртути в органах и тканях пресноводных рыб Якутии / Сборник трудов Второго международного симпозиума «Ртуть в биосфере: эколого-геохимические аспекты». – Новосибирск: ИНХ СО РАН, 2015. – С. 357–362.

- [16] Федоров Ю.А., Зимовец А.А., Овсепян А.Э. Геохимические особенности формирования элементарных аквальных ландшафтов устьевой области р. Северная Двина // Современные проблемы гидрохимии и мониторинга качества поверхностных вод: Материалы научной конференции с международным участием. Часть 2. – Ростов-на-Дону: Гидрохимический институт, 2015. – С. 322–326.
- [17] Федоров Ю.А., Овсепян А.Э. Ртуть и её связь с физико-химическими параметрами воды (на примере рек Севера ЕТР) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Естественные науки. – 2006, № 2 (134). – С. 82–89.
- [18] Экологическое состояние рыбохозяйственных водоемов России / Госдоклад. – 2004. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.ecocom.ru/Gosdoklad/Section5.htm>, (25.08.2018)
- [19] Evans M.S., Muir D., Lockhart W.L., Stern G., Ryan M., Roach P. Persistent organic pollutants and metals in the freshwater biota of the Canadian Subarctic and Arctic: An overview // Science of the Total Environment. – 2005, № 351. – P. 94–147.
- [20] Fedorov Y., Zimovec A. About the principal sources of heavy metals in the Northern Dvina River estuary // 11th International Multidisciplinary Scientific Geoconference and EXPO – Modern Management of Mine Producing, Geology and Environmental Protection, SGEM 2011. – Albena, Bulgaria, – 2011. P. 171–174.
- [21] Fedorov Y.A., Ovsepyan A.E., Korobov V.B. Peculiarities of mercury distribution, migration, and transformation in the estuarine area of the Northern Dvina River // Russian Meteorology and Hydrology. Vol. 35. – 2010, № 4. – P. 289–294.
- [22] Fedorov Yu.A., Ovsepyan A.E. Chapter 8: Mercury and Its Connection with Physicochemical Water Parameters (Case Study of the Rivers of the Northern European territory of Russia) // Mercury: Sources, Applications and Health Impacts, Published by Nova Science / Ki-Hyun Kim Richard J. C. Broun (Editors). – New York: Nova Science publishers. Inc., 2013. – P. 155–172.
- [23] Fedorov Yu.A., Ovsepyan A.E., Korobov V.B., and Dotsenko I.V. Bottom Sediments and Their Role in Surface Water Pollution with Mercury (with a Special Reference to the Northern Dvina River Mouth and the Dvina Bay of the White Sea) // Russian Meteorology and Hydrology. Vol. 35. – 2010, № 9. – P. 611–618.
- [24] Govind P., Madhuri S., Shrivastav A.B. Contamination of mercury in fish and it's toxicity to both fish and humans: an overview // International research journal of Pharmacy. – 2012, № 3 (11). – P. 44–47.
- [25] Jewett S.C., Zhang X., Kelley J.J., Dasher D., Duffy L.K. Comparison of mercury and methylmercury in northern pike and Arctic grayling from western Alaska rivers // Chemosphere. – 2003, № 50. – P. 383–392.
- [26] Kennedy D. Baseline study of contaminants in Baker Lake. Synopsis of research conducted under the 1998–1999 Northern Contaminants Program. – 1999. – P. 117–125.
- [27] Larsen R.B. and M. Dam AMAP Faroe Islands 1997–1998 // K. Hoydal, M. Dam (eds.). AMAP Greenland and the Faroe Islands 1997–2001. Vol. 3. The Environment of the Faroe Islands. Danish cooperation for environment in the Arctic, Ministry of Environment. – 2003. – 265 p.
- [28] Lockhart L., Stern G., Low G., Evans M. Mercury in fish from stock surveys of lakes in the western Northwest Territories: Investigation into the factors affecting mercury levels // S. Kalhok (ed.). Synopsis of research conducted under the 2000–2001 Northern Contaminants Program. – 2001. – P. 194–201.
- [29] Lockhart W.L., Stern G.A., Low G., Hendzel M., Boila G., Roach P., Evans M.S., Billeck B.N., DeLaronde J., Friesen S., Kidd K., Atkins S., Muir D.C.G., Stoddart M., Stephens G., Stephenson S., Harbicht S., Snowshoe N., Grey B., Thompson S., DeGraff N. A history of total mercury in edible muscle of fish from lakes in northern Canada // Science of the Total Environment. – 2005, № 351–352. – P. 427–463.
- [30] Melnikov S.A., Vlasov S.V., Gorshkov A.N. Final report on the Raipon/AMAP/GEF project Persistent Toxic Substances, Food Security and Indigenous Peoples of the Russian North. Activity 4. Study of biomagnification in Arctic food-chains. Results tabulated in AMAP Assessment 2002 // Heavy Metals in the Arctic. – 2005. – P. 146–147.
- [31] Mercury in the Arctic (2011) Arctic Monitoring and Assessment Programme (AMAP). – Oslo, Norway, 2011. – 193 p.
- [32] Minamata Convention on Mercury. – Интернет-ресурс. Режим доступа: http://mercuryconvention.org/Portals/11/documents/Booklets/Minamata_convention_Russian.pdf (29.04.2018)
- [33] Ovsepyan A., Zimovets A., Fedorov Y. On the dynamics of mercury in the mouth area waters of the Northern Dvina River for a 10-year observation period // International Multidisciplinary Scientific GeoConference Surveying Geology and Mining Ecology Management, SGEM 17, Ecology, Economics, Education and Legislation. – Albena, Bulgaria, 2017. – P. 713–720.
- [34] Porvari P. and M. Verta Mercury and methylmercury in Finnish reservoirs and in Kemijoki drainage basin // Finnish Environment Report. – 1998, № 175. – 59 p.
- [35] Riget F., Asmund G., Aastrup P. Mercury in Arctic char (*Salvelinus alpinus*) populations from Greenland // Science of the Total Environment. – 2000, № 245. – P. 161–172.
- [36] Skotvold T., Wartena E.M.M., Rognerud S. Heavy metals and persistent organic pollutants in sediments and fish from lakes in northern and Arctic regions of Norway. APN514.660.1. – Tromsø: Aquaplan-niva, 1997. – P. 39.
- [37] Snorrason S.S., Jynsson G.S. Assessment of trace elements in biological samples from Varmagja and Vatnskot. Report III. – University of Iceland, Institute of Biology, 2000. – 19 p.
- [38] Soerensen A. L. [et al.] A mass budget for mercury and methylmercury in the Arctic Ocean // Global Biogeochemical Cycles. Vol. 30. – 2016, № 4. P. 560–575. – DOI: <https://doi.org/10.1002/2015GB005280>.
- [39] Wathen J.B. [et al.] A national statistical survey assessment of mercury concentrations in filets of fish collected in the U.S. EPA national rivers and streams assessment of the continental USA // Chemosphere 122, 2015. – P. 52–61. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.1016/j.chemosphere.2014.11.005>
- [40] Zillioux E.J. Mercury in Fish: History, Sources, Pathways, Effects, and Indicator Usage // Environmental Indicators. – Dordrecht, the Netherlands: Springer Netherland, 2015, – P. 743–766. – DOI 10.1007/978-94-017-9499-2_42

УДК 58.02

ББК 28.5

Н.В.Ловелиус, А.Ю.Ретеюм

МАЛЫЕ И БОЛЬШИЕ СОЛНЕЧНЫЕ ЦИКЛЫ В ЛЕСАХ СКАНДИНАВИИ

В работе рассмотрены проявления солнечных циклов длительностью от 11 до 1430, 2860 и 5720 лет в изменениях роста леса на примере сосновых боров Швеции. Показано, что солнечно-земные связи имеют различный характер в четных и нечетных циклах.

Ключевые слова:

солнечные циклы, рост леса, Швеция

Ловелиус Н.В., Ретеюм А.Ю. Малые и большие солнечные циклы в лесах Скандинавии // Общество. Среда. Развитие. – 2018, № 3. – С. 103–106.

© Ловелиус Николай Владимирович – доктор биологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: lovilius@mail.ru

© Ретеюм Алексей Юрьевич – доктор географических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва; e-mail: aretejum@yandex.ru

Зависимость роста леса от солнечной активности, изучение которой около века назад начал А.Е. Дуглас, в последние десятилетия была неоднократно подтверждена в ходе исследований в разных странах. Полученные результаты свидетельствуют об устойчивом проявлении 11-летнего цикла в кольцах деревьев, по крайней мере, с пермского времени [2]. Однако дальнейшее развитие дендроиндикации космических воздействий сдерживают три фактора:

1) ограниченность исходной информации, поскольку она, как правило, отражает события только последних столетий;

2) недостаточное знание длительных временных циклов и

3) отсутствие ясности относительно природы действующих сил.

Путь преодоления указанных трудностей показан ниже на конкретном примере.

Углубленное рассмотрение космогенных колебаний роста леса в Евразии целесообразно начать с рассмотрения длиннейшего из имеющихся рядов. Это дендрохронология, охватывающая 7400 лет, которая создана коллективом шведских исследователей по сосновым борам, растущим на севере страны [1; 3].

Таблица 1

Границы больших циклов Солнечной системы

Длительность цикла, лет						
179	358	715	1430	2860	5720	11440
1990 г.	1990 г.	1990 г.	1990 г.	1990 г.	1990 г.	1990 г.
1811 г.	1632 г.	1275 г.	559 г.	-870 г.	-3730 г.	-9450 г.
1632 г.	1275 г.	559 г.	-870 г.	-3730 г.	-9450 г.	
1453 г.	917 г.	-157 г.	-2305 г.	-6590 г.		
1275 г.	559 г.	-872 г.	-3730 г.	-9450 г.		
1096 г.	202 г.	-1590 г.	-5160 г.			
917 г.	-157 г.	-2300 г.	-6590 г.			
738 г.	-514 г.	-3020 г.	-8020 г.			
559 г.	-872 г.	-3730 г.	-9450 г.			
381 г.	-1230 г.	-4450 г.				
202 г.	-1590 г.	-5160 г.				
23 г.	-1950 г.	-5880 г.				
-157 г.	-2300 г.	-6590 г.				
-335 г.	-2660 г.	-7310 г.				
-514 г.	-3020 г.	-7670 г.				
-693 г.	-3380 г.	-8380 г.				

Применение метода наложенных эпох в анализе многовековых данных по индексам толщины древесных колец оказывается возможным благодаря установленным временным рубежам в движении Солнца относительно барицентра Солнечной системы, определяющего не только его активность, но также скорость вращения Земли (табл. 1).

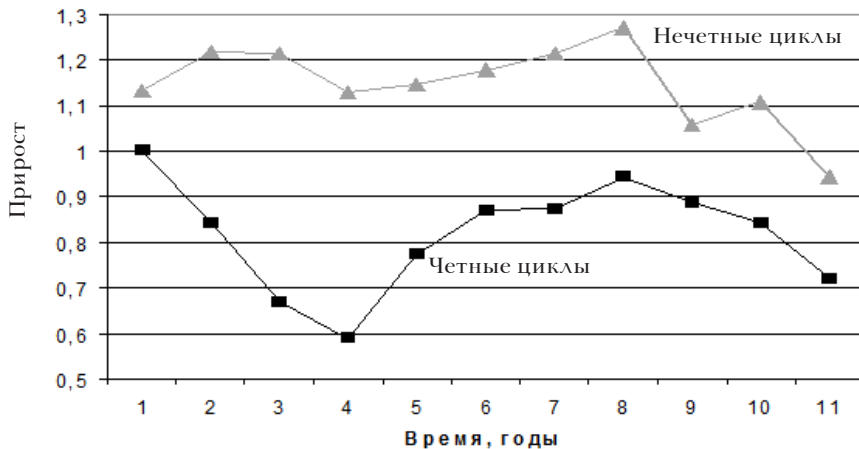

Рис. 1. Средний прирост сосен в годы трех нечетных и четных 11-летних циклов с максимальной и минимальной солнечной активностью

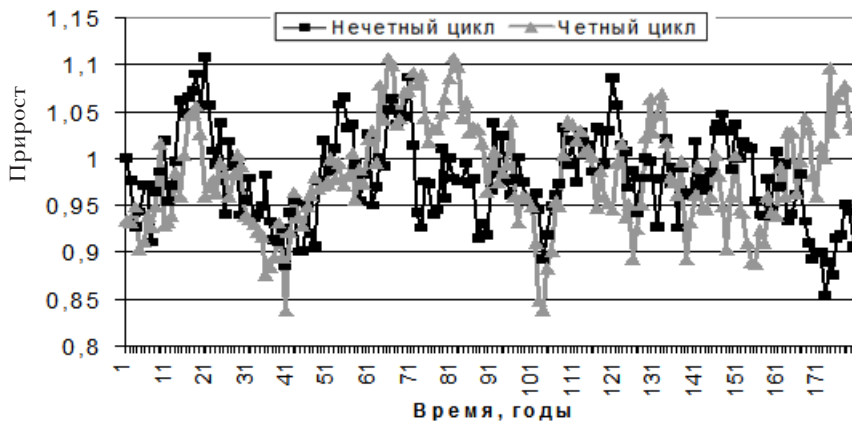

Рис. 2. Средний прирост сосен в годы 20 нечетных и четных 179-летних циклов (нумерация больших циклов идет от 1811 г.)

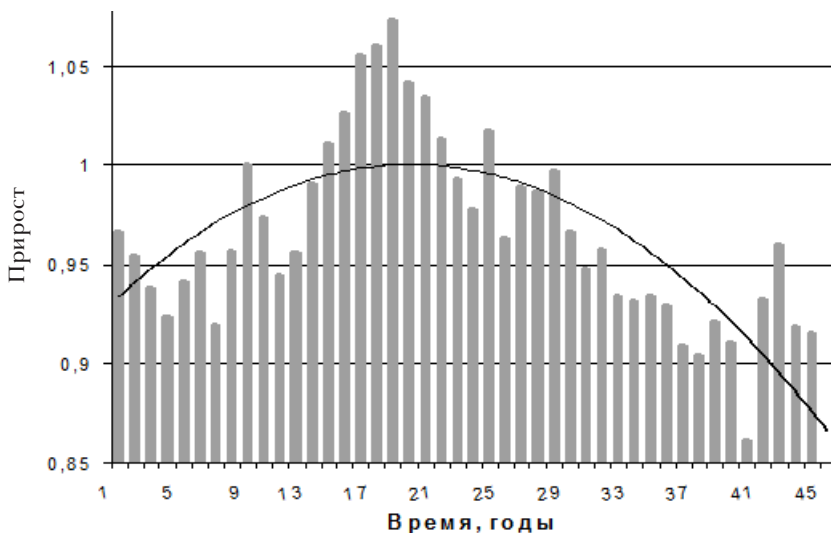

Рис. 3. Средний прирост сосен в годы 40 периодов цикла Брикнера в начале 179-летних циклов

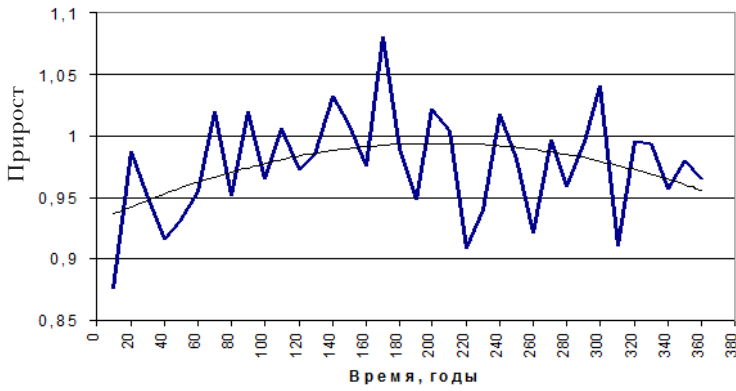

Рис. 4. Четный 358-летний цикл роста леса. Осреднение по 10 сериям за период более 7 тыс. лет. 20-летнее осреднение

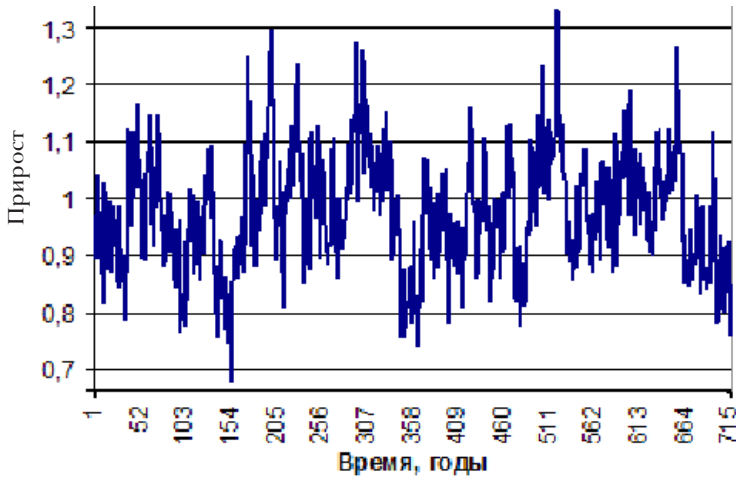

Рис. 5. Последний нечетный 715-летний цикл роста леса (1274–1989 гг.)

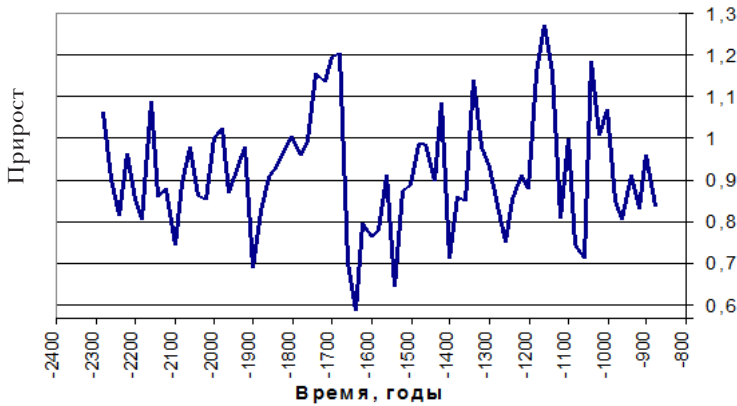

Рис. 6. Пример проявления четного 1430-летнего цикла в жизни леса (2303–873 гг. до н.э.). 20-летнее осреднение

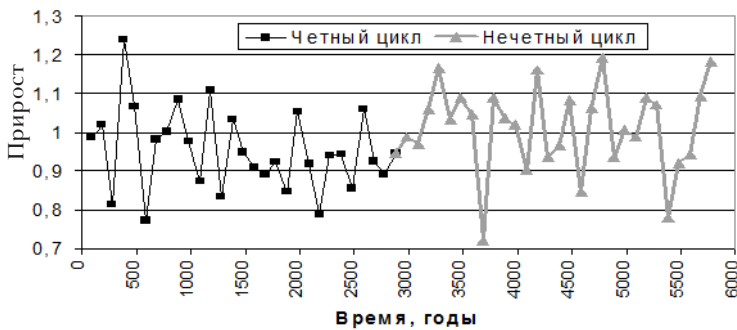

Рис. 7. Два последних 2860-летних цикла, диагностируемых по росту деревьев; образуют 5720-летний цикл

По имеющимся данным, голоцен берет начало в 9300 г. до н.э. или 9700 г. до н.э. Как видим, система солнечных циклов в точности укладывается в рамки этой эпохи, что свидетельствует о ведущей роли космоса в крупных глобальных изменениях биосферы. Найденная закономерность открывает возможности использования точной хронологии. Согласно расчетам, в 1990 г. на смену голоцена пришла другая геологическая эпоха.

Изучение величин приростов за последние 300 лет показывает, что четные и нечетные 11-летние циклы солнечных пятен оказывают существенно различное влияние на лес. Особенно хорошо обнаруженный феномен виден при сравнении периодов с повышенной и пониженной солнечной активности, характерной соответственно для нечетных и четных циклов (рис. 1).

Два непохожих по солнечным и земным характеристикам малых цикла составляют сложный 22-летний цикл Хейли, который, в свою очередь, подчиняясь восьмиричному правилу сложения ($22 + 22 + 22 + 22 + 22 + 22 + 22 + 22 \approx 179$), входит в 179-летний цикл (большой сарос). Его существование становится очевидным при осреднении величин солнечных пятен методом наложенных эпох за последние 1000 лет, разделяемых по астрономическому критерию наименьшего расстояния между центром Солнца и барицентром Солнечной системы. Особенности каждого из восьми элементов в то или иное время зависят от его положения в системе (рис. 2).

Обнаруживается значительная синхронизация роста деревьев в первой половине рассматриваемого цикла и ее отсутствие во второй половине, что говорит о действии какого-то фактора. Середина периода отмечена противоположным поведением леса в годы нечетных и четных циклов. Это проявление 89-летнего цикла Ганского-Глейссберга, который также делится на нечетные и четные по дифференцированной активности Солнца и отклику леса на перемены в космосе.

Результаты осреднения индексов по 40 периодам длительностью в 179 лет отражают высокую степень упорядоченности прироста сосен в первую четверть цикла (коэффициент корреляции по нечетным и четным периодам достигает 0,63). Есть все основания утверждать, что мы здесь сталкиваемся с циклом Брикнера длительно-

стью около 45 лет с его характерным признаком двухчастной структуры (рис. 3). Годы увеличивающегося и уменьшающегося прироста деревьев хорошо соответствуют нечетным и четным 22-летним циклам.

Первый многовековой хрон с типичными максимальными амплитудами колебаний у середины образуют два неравных по исследуемым показателям 179-летних цикла (рис. 4).

Следующий многовековой цикл длительностью около 715 лет проявляется главным образом уже знакомыми нам резкими колебаниями прироста деревьев у временной границы двух 358-летних циклов (рис. 5), что, вероятно, означает сильное переувлажнение территории в течение нескольких десятилетий.

Четко выделяется 1430-летний цикл (715 лет \times 2) с уникальными по размаху колебаниями условий среды обитания на стыке его двух временных частей (рис. 6).

Наконец, дендрохронология позволяет говорить о существовании циклов длительностью в 5720 и 2860 лет. Первый из них, исходя из астрономических критериев, берет начало в 3730 г. до н.э., что на 20 лет раньше времени окончания атлантического периода в Северной Европе, согласно известной схеме Блитта-Сернандера. Граница составляющих его 2860-летних циклов приходится на IX век до н.э. (точнее на 870 г. до н.э.), это примерно на 400 лет раньше, чем принятый раздел суббореальной и субатлантической климатических стадий (рис. 7).

Возникает вопрос: чем же объясняются столь существенные изменения природы на Земле при периодических движениях Солнца относительно барицентра Солнечной системы, благодаря которым, собственно, и строится вся иерархия циклов. Маловероятно, что передача космического импульса к планете происходит непосредственно благодаря солнечному излучению – слишком незначительны вариации его интенсивности. Видимо, необходимо искать другие проводники. Можно высказать предположение об участии трех процессов, контролирующих динамику земных оболочек. Это колебания скорости вращения планеты, водородная дегазация недр и модулирование галактических космических лучей.

Авторы признательны Х. Грудду и его коллегам за возможность использования уникальной хронологии.

Список литературы:

- [1] Grudd H., Briffa K.R., Karlen W., Bartholin T.S., Jones P.D. and Kromer B. A 7400-year tree-ring chronology in northern Swedish Lapland: natural climatic variability expressed on annual to millennial timescales // *The Holocene*. – 2002. № 12. – P. 657–665.
- [2] Luthardt L., Rößler R. Fossil forest reveals sunspot activity in the early Permian // *Geology*. – 2017, v. 45. – P. 279–282.
- [3] National Centers for Environmental Information – <https://www.ncdc.noaa.gov/paleo-search/study/17262>

ИЗМЕНЕНИЕ ДОННЫХ ОТЛОЖЕНИЙ ВЫГОЗЕРА В РЕЗУЛЬТАТЕ МНОГОФАКТОРНОГО АНТРОПОГЕННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Приводятся ретроспективные и новые данные о литологическом, гранулометрическом и химическом составе донных отложений озера Выгозеро. Изучаемый водоем пребывал в естественном состоянии до 1933 года, став в результате антропогенного преобразования водохранилищем. Авторами выявлены гранулометрические фракции, являющиеся индикаторами смен условий осадконакопления, оценена ориентировочная скорость седиментации в водоеме в современное время и в доиндустриальную эпоху. Установлено содержание главных элементов и микроэлементов в верхних слоях донных отложений, что позволило подтвердить результаты гранулометрического анализа, а также проиллюстрировать современное влияние ЦБК города Сегежа на изучаемый водный объект. Выявлены элементы – индикаторы дальнего переноса загрязнителей на экосистему Выгозерского водохранилища.

Ключевые слова:

антропогенная трансформация, Выгозеро, водохранилище, гранулометрический состав, донные отложения, Республика Карелия, тяжелые металлы, ЦБК.

Потахин М.С., Белкина Н.А., Слуковский З.И., Новицкий Д.Г., Морозова И.В. Изменение донных отложений Выгозера в результате многофакторного антропогенного воздействия // Общество. Среда. Развитие. – 2018, № 3. – С. 107–117.

© Потахин Максим Сергеевич – кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Институт водных проблем Севера КарНЦ РАН, ФИЦ «Карельский научный центр РАН», Петрозаводск; e-mail: mpotakhin@mail.ru

© Белкина Наталья Александровна – кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, Институт водных проблем Севера КарНЦ РАН, ФИЦ «Карельский научный центр РАН», Петрозаводск; e-mail: bel110863@mail.ru

© Слуковский Захар Иванович – кандидат биологических наук, научный сотрудник, Институт геологии КарНЦ РАН, ФИЦ «Карельский научный центр РАН», Петрозаводск; e-mail: slukovsky87@gmail.com

© Новицкий Дмитрий Георгиевич – старший лаборант-исследователь, Институт геологии КарНЦ РАН, ФИЦ «Карельский научный центр РАН», Петрозаводск; e-mail: mpotakhin@mail.ru

© Морозова Ирина Валерьевна – младший научный сотрудник, Институт водных проблем Севера КарНЦ РАН, ФИЦ «Карельский научный центр РАН», Петрозаводск; e-mail: mpotakhin@mail.ru

Выгозеро является одним из крупнейших озер-водохранилищ бассейна Белого моря и относится к водосбору р. Нижний Выг (рис. 1). В естественном состоянии озеро существовало до начала 1930-х гг., при среднем уровне 82,7 м БС площадь его водной поверхности достигала 561 км² [19]. В процессе хозяйственного освоения Выгозеро дважды претерпело кардинальные изменения [16]. Первое преобразование связано со строительством Беломорско-Балтийского канала (ББК) и созданием Выгозерского вдхр. (1933 г.). В результате сооружения Надвоицкой регулирующей плотины уровень водоема был поднят на 6 м, его площадь увеличилась более чем в два раза (табл. 1), и Выгозеро стало частью ББК. Вторая трансформация связана с гидроэнергетическим освоением бассейна р. Выг и созданием Выгозерско-Ондского вдхр. (1957 г.). После строительства саморегулирующегося Майгубского канала с изменяющимся направлением течения, был соединен верхний бьеф Ондской ГЭС и Выгозерское вдхр. В результате этого в период весеннего половодья избытки ондских вод стали поступать в Выгозеро и аккумулироваться в нем, а в маловодный период воды из Выгозера стали подаваться на Ондскую ГЭС [10].

Превращение Выгозера в водохранилище сказалось на строении котловины водоема и его гидрологическом режиме: изменились морфометрические характеристики, увеличилась аккумулирующая способность, уменьшился водообмен, трансформировался внутригодовой ход уровня воды и т.д. [16]. Изменения морфо-гидрологических особенностей озера, а также влияние сточных вод Сегежского целлюлозно-бумажного комбината (ЦБК), действующего с 1938 г., отразилось на всех компонентах экосистемы водоема [15], в том числе и на донных отложениях как на конечном звене озерного накопления. Целью данного исследования является изучение трансформации донных отложений Выгозера в результате многофакторного антропогенного воздействия (создание водохранилища, деятельность ЦБК и др.).

Донные отложения озер представляют собой архивы природных событий, происходящих непосредственно в водоемах и на их водосборах [30; 34; 35 и др.]. В ряде случаев их можно рассматривать их как маркеры процессов носящих глобальный характер [31]. В настоящее время, в связи с повсеместным вовлечением компонентов природной среды в хозяйственную

деятельность, донные осадки выступают индикаторами антропогенных преобразований [6; 11; 14 и др.]. Поэтому исследование антропогенной трансформации донных отложений, в частности, изменения седиментационного режима озер в результате создания водохранилищ, весьма актуально.

Для познания процессов осадкообразования водоемов сочетают изучение поверхностного слоя и колонок донных отложений [32]. Поверхностные пробы дают представление о распределении типов донных отложений и отражают различия осадконакопления в отдельных частях водоема. Колонки характеризуют мощности слоя осадков различного типа, их текстуру, стратиграфию и отражают смену седиментационного режима. Сопряженное исследование поверхностных проб и колонок донных отложений весьма актуально для больших озер, так и для водоемов, испытавших смену гидрологического режима вследствие природных изменений и/или антропогенных преобразований.

Начало комплексного изучения Выгозера приходится на 1920-е гг., когда в ходе работы Олонецкой научной экспедиции были получены и первые сведения о грунтах озера [28]. Первое описание донных отложений водоема после создания водохранилища было дано сотрудниками Северного научно-исследовательского института озерного и речного рыбного хозяйства [19]. Большая работа по изучению донных отложений Выгозерского вдхр. была проведена отделом гидрологии Карельского филиала АН СССР в 1960–80 гг. В частности, осуществлялось картирование грунтов, изучались стратификация, механический и химический состав донных отложений, оп-

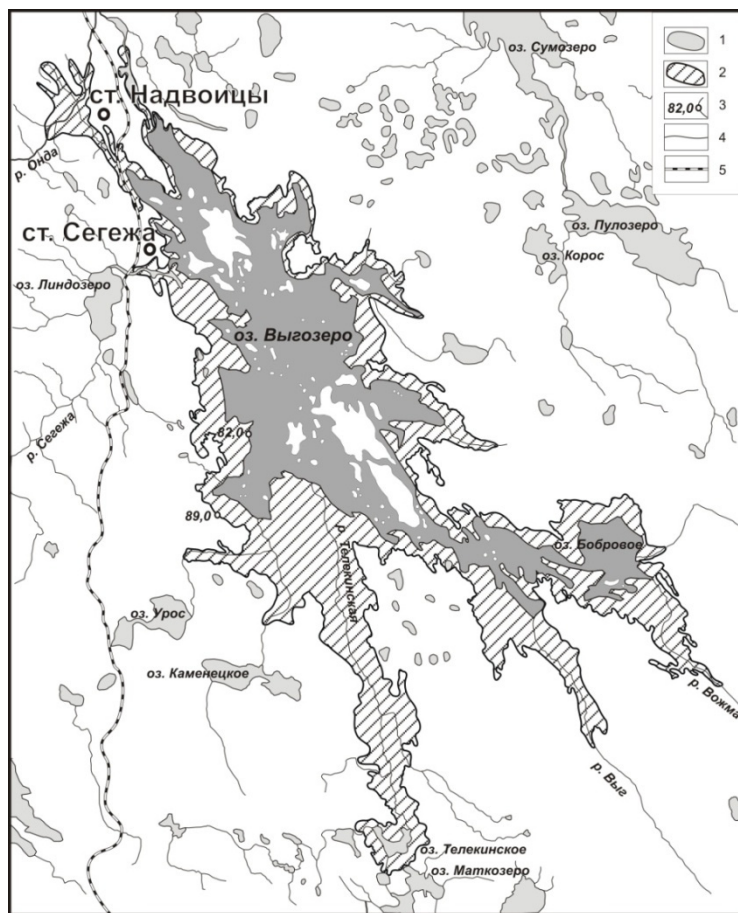

Рис. 1. Реконструкция береговой линии Выгозера по состоянию на 1930 г. [15]: 1 – границы Выгозера до поднятия уровня, 2 – современные очертания Выгозерско-Ондского вдхр., 3 – отметки уровня (м БС), 4 – реки, 5 – железная дорога.

Таблица 1

Основные морфометрические характеристики Выгозера в различные периоды эксплуатации [16]

Название водоема	оз. Выгозеро	Выгозерское вдхр.	Выгозерско-Ондское вдхр.
Период	до 1932 г.	1934–1955 гг.	1957–1974 гг.
Средний уровень, м БС	82,7	88,8	89,1
Площадь зеркала, км ²	561	1196	1270
Глубина, м	средняя	6,1	7,1
	наибольшая	18,0	25,0
Объем, км ³	3,4	8,7	9,1

ределялась интенсивность процессов осадконакопления [7; 22 и др.]. В 1990–2000 гг. Институтом водных проблем Севера (ИВПС) КарНЦ РАН в рамках программы мониторинга водных объектов Карелии изучался химический состав поверхностного слоя донных осадков Выгозерского вдхр. [3; 15; 20; 27; 29 и др.].

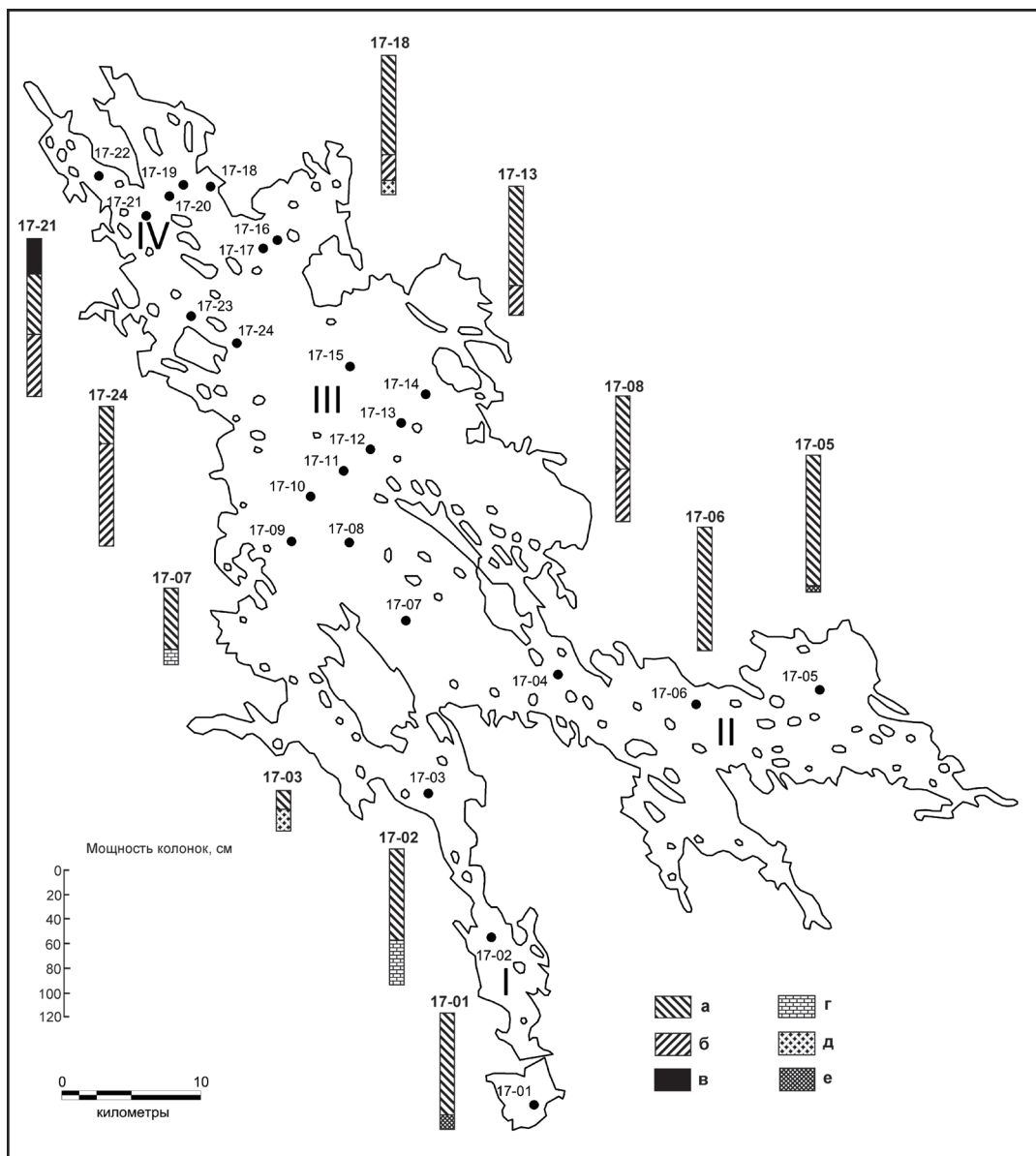

Рис. 2. Станции отбора проб и стратификация донных отложений и районы Выгозерского вдхр. Станции обозначены арабскими цифрами; районы: I – южный, II – юго-восточный, III – центральный, IV – северный). Тип грунта: а – бурый ил; б – зеленый ил (темно-зеленый, серо-зеленый); в – черный ил; г – торфянистые отложения; д – песок; е – глина.

Материалы и методы исследования

Летом 2017 года экспедицией ИВПС КарНЦ РАН были отобраны пробы донных отложений на 24 станциях, расположенных в различных районах Выгозерского вдхр. (рис. 2) [23]. Районы выделены в соответствии с морфологией котловины водоема и динамикой его вод [3; 15]. Южный район – озерно-речные системы, вошедшие в состав водохранилища в результате затопления (станции 17-01, 17-02, 17-03); юго-восточ-

ный – затопленные устьевые участки рек Верхний Выг и Вожма, озеро Бобровое (станции 17-04, 17-05, 17-06); центральный – глубоководная часть, дно Выгозера до затопления (станции 17-06, 17-07, 17-08, 17-09, 17-10, 17-11, 17-12, 17-13, 17-14, 17-15); северный – зона влияния реки Сегежи и сточных вод Сегежского ЦБК (станции 17-16, 17-17, 17-18, 17-19, 17-20, 17-21, 17-22, 17-23, 17-24). Отбор поверхностных проб донных осадков проводился дночерпате-

лем Экмана-Берджа, колонок – стратометром Limnos и трубкой ГОИНа. Непосредственно на месте проводилось детальное лито-стратиграфическое описание колонок и их фотофиксация, отбирались образцы на различные виды анализов (гранулометрический, химический, вещественный) для последующих лабораторных исследований.

Лабораторные исследования проводились на базе Аналитического центра Института геологии КарНЦ РАН в лаборатории палеолимнологии ИВПС КарНЦ РАН.

Гранулометрический состав донных отложений определялся при помощи многофункционального анализатора частиц серии LS13 320 (Beckman Coulter). Технические особенности прибора позволяют анализировать частицы размером от 0,04 мкм до 2,0 мм в соответствии со стандартом ISO 13320–1. В связи с тем, что точность определения гранулометрического состава непосредственно зависит от подготовки материала к анализу, выделение навесок включало тщательное усреднение материала методом квартования.

Содержание микроэлементов в пробах донных отложений определяли масс-спектральным методом на приборе XSeries-2 ICP-MS (Thermo Ficher Scientific). Разложение образцов озерных осадков для ICP-MS-анализа проводили путем кислотного вскрытия в открытой системе. Для анализа использовали аналитические навески образцов массой 0,1 г. Вместе с анализируемыми образцами проводили разложение холостых проб и одного стандартного (контрольного) образца (химический состав донного ила озера Байкал БИЛ-1 – ГСО 7126–94). Подробная методика подготовки проб донных отложений описана здесь [25].

Физические характеристики донных отложений (естественная влажность, пористость, удельная масса), потери при прокаливании и зольность определялись гравиметрическим методом [2].

Полученные в результате экспедиционных и лабораторных исследований данные, наряду с архивными и литературными материалами [1; 3; 7; 15; 19; 20; 22 и др.], были объединены в базу данных «Донные отложения Выгозерского водохранилища» [4] и легли в основу настоящего исследования.

Результаты

Составить первое представление о грунтах Выгозера в естественном состоянии, до превращения его в водохранилище (1920-е гг.), можно по краткому описанию, составленному С.И. Соколовым и Г.Ю. Верещагиным [28]. В нем отмечается, что дно озера заполнено преимущественно

рыхлым илом серо-зеленого цвета. Кроме того, значительное пространство покрыто железной рудой (бобовой, в виде пластинок или толстой корки).

Характеристика донных отложений водоема, после создания водохранилища (1930–1940 гг.), представлена в справочнике «Озера Карелии» [19]. Так, в прибрежной зоне водоема наиболее распространены каменисто-песчаные и каменистые грунты с древесными и торфяными остатками (пни, коряги, обрывки сплавин). На подводных склонах залегают каменисто-песчаные и каменистые грунты, покрытые древесными и травянисто-торфяными остатками. Заиление грунтов начинается с 4–7 м глубины. Глубже 7–9 м располагаются илы темно-коричневого или темно-зеленого цвета, содержащие мелкие растительные остатки. В северных частях водоема иногда в илах встречается железистая руда. Илы занимают около половины площади дна водохранилища.

Более подробное описание донных отложений Выгозерского вдхр. дано Ю.К. Поляковым [22] по результатам работ 1960–70 гг. Наиболее часто встречающимися грунтами водохранилища являются мелкоалевритовые илы бурого, коричневого и темно-зеленого цвета. Они занимают всю центральную (глубоководную) часть водоема, начиная с глубины 9–10 м. Во всех осадках преобладает алевритовая фракция, сортированность средняя, реже плохая. Среди алевритовых илов меньшими участками встречаются тонкоструктурные глинистые илы. В прибрежной (мелководной) зоне распространены крупно- и среднезернистые пески хорошей сортировки. На границе песка и ила, в зоне «смешения», залегают илисто-песчаные отложения, в которых преобладает мелкозернистый песок. В глубоководной части водоема в основании разреза залегает однородная глина серого цвета (в редких случаях песок), сверху эти отложения перекрыты илами, граница между ними четко выражена. Непосредственно на глинах залегают тонкоструктурный глинистые илы серо-зеленого цвета (мощность до 50 см). Над ним располагается илы темно-зеленого цвета аналогичной структуры (мощность 20–40 см). Верхний слой почти повсеместно представлен бурыми (коричневыми) жидкими илами, переходящими с глубиной в более плотные (мощность 20–30 см). На участках дна, затопленных при создании водохранилища, верхняя часть разреза представлена жидкими коричневыми илами (мощность до 30 см), перекрывающимися илы с растительными остатками (типа торф), либо бурыми илами с большим

количеством растительных остатков (мощность до 20 см), подстилаемыми песками.

Схожая картина распределения донных отложений по акватории водохранилища, а также их стратификация, была выявлена в результате экспедиционных исследований 2017 года. Практически во всех колонках донных осадков верхняя часть разреза представлена коричневыми (бурыми) илами мощностью 40–80 см (рис. 3). В глубоководном центральном и северном районе водоема под бурыми илами залегают илы зеленоватых оттенков (темно-зеленые и серо-зеленые), под ними в ряде случаев обнаруживались пески и глины (станции 17-18, 17-22 и др.). На некоторых глубоководных участках (станции 17-04, 17-14 и 17-20) фиксировались отложения железной руды. В мелководных участках южного района под коричневыми илами залегают торфянистые и песчаные грунты (станции 17-02 и 17-03). В глубоководных участках под бурыми илами залегают серые глины (станции 17-01 и 17-05). В западной части северного района водохранилища в верхних слоях донных осадков были зафиксированы черные илы мощностью 20–30 см (станции 17-21, 17-22 и 17-23). Описание ряда разрезов донных отложений Выгозерского вдхр. приводится ниже.

В результате гранулометрического анализа было выявлено, что в серой глине, подстилающей бурые илы на станции 17-01 (рис. 4), преобладают частицы < 0,005 мм (72,7%), остальные частицы отложений относятся к фракции 0,01–0,005 мм (рис. 4а). Отличие гранулометрического и химического состава слоя глины этой станции от состава всех исследованных осадков свидетельствует о том, что она формировалась в условиях позднеледниковья. Согласно палеорекострукциям, освобождение котловины Выгозера ото льда происходило в алёрде между 14,0 и 13,3 тыс. л.н. [13; 21]. В этот период Выгозеро, наряду с Сегозером, входило в состав Онежского приледникового озера, площадь которого на максимальной стадии развития превышала 32 000 км² [40]. Около 13,3 тыс. л.н. приледниковый водоем получил сток на север, в котловину Белого моря [13], в результате чего произошло резкое падение уровня и изоляция Выгозера. Таким образом, в прогляциальных условиях на дне водоема должны были накапливаться серые ленточные глины, а в постгляциальных – серые алевриты. Так в районе Выгозера известны многочисленные выходы ленточных глин на высотах 90–95 м [5; 18].

Выше слоя глин на станции 17-01 залегают бурые илы (рис. 3), уплотняющиеся книзу. Они содержат 29% органическо-

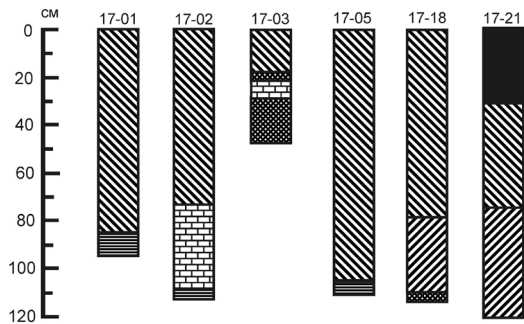

Рис. 3. Литостратиграфия разрезов донных отложений Выгозерского вдхр.

- Станция 17-01 (глубина 10 м)
0–85 см – коричневый уплотняющийся к низу ил;
85–95 см – серая глина.
- Станция 17-02 (глубина 6 м)
0–75 см – коричневый жидкий уплотняющийся к низу ил;
75–110 см – ил с растительными остатками (торф);
110–112 см – серая глина.
- Станция 17-03 (глубина 5 м)
0–18 см – коричневый жидкий ил;
18–20 см – песок;
20–27 см – ил с большим количеством растительных остатков;
27–50 см – песок.
- Станция 17-05 (глубина 13 м)
0–108 см – коричневый плотный ил;
108–111 см – серая глина.
- Станция 17-18 (глубина 13,5 м)
0–80 см – коричневый ил с растительными остатками;
80–95 см – темно-зеленый ил с органикой и песком;
95–107 см – серо-зеленый ил с песком;
107–114 см – серый песок.
- Станция 17-21 (глубина 23,5 м)
0–30 см – черный жидкий ил;
30–75 см – коричневый ил;
75–120 см – серо-зеленый ил.

го вещества (зольность 67%), содержание железа ниже кларковых значений (2,2%), марганца – выше кларка (0,2%). Эти илы накапливались на дне небольшого изолированного озера Телекинского. Оно образовалось в результате регрессии приледникового водоема, а в дальнейшем опять вошло в состав Выгозера в результате повышения уровня и создания водохранилища (рис. 1). Изоляция оз. Телекинского произошла в алёрде (около 13,3 тыс. л.н.), однако накопление органических илов могло начаться только в голоцене, в пребореале (12,0–10,5 тыс. л.н.) [33]. Таким образом, средняя скорость седиментации для

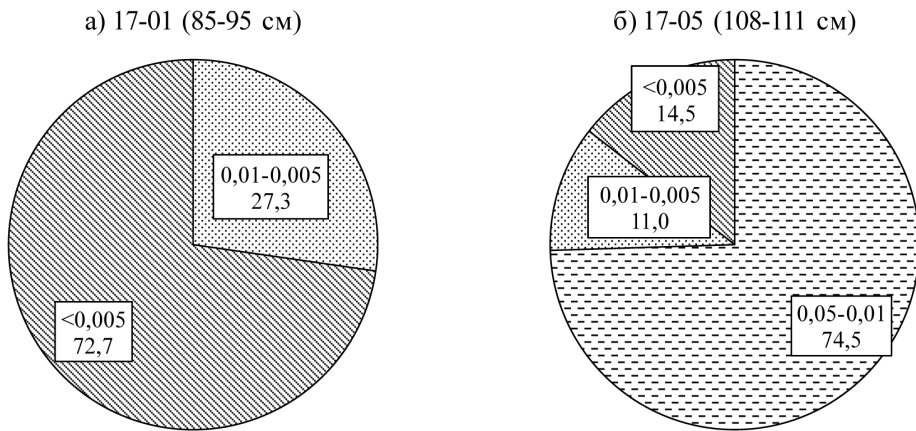

Рис. 4. Гранулометрический состав глины в слое 85–95 см на станции 17–01 (а) и в слое 108–111 см на станции 17–05 (б).

небольшого изолированного озера, оцененная по мощности слоя органического ила, составляет 7–8 мм за 100 лет.

В подстилающей бурый ил серой глине на станции 17–05 преобладает алевритовая фракция отложений 0,05–0,01 мм (74,5%), а остальное приходится на частицы фракций 0,01–0,005 мм и < 0,005 мм (рис. 4б). Это дает основание классифицировать описанный тип отложений как глинистый алеврит. Формирование данного типа осадка, по всей вероятности, проходило в позднем дриасе (13,0–12,0 тыс. л.н.), когда произошла изоляция Выгозера от Онежского приледникового водоема и была утрачена связь последнего с краем ледника. В пробе на контакте с коричневым плотным илом, маркирующим изменение условий седиментации, также преобладают частицы размером 0,05–0,01 мм (49,3%), однако в этом типе отложений практически отсутствуют глинистые частицы, а значения содержаний фракций > 0,05 мм постепенно убывают по мере возрастания крупности частиц до фракции 1,0–0,5% (рис. 5). Данный контакт маркирует переход от условий позднеледниковья к голоцену (около 12 тыс. л.н.), когда началось накопление органических отложений, однако привнос минеральных частиц остался достаточно существенным [33]. Таким образом, средняя скорость седиментации для Выгозера в естественных условиях, оцененная по мощности слоя органического ила, составляет 9 мм за 100 лет. Современные осадки станции 17–05 характеризуются как органические высокогумусные (п.п.п. 44%, удельная масса 0,82 г/см³).

На других станциях периферийных зон Выгозерского вдхр., например, в затопленной долине р. Телекинской (рис. 1), где

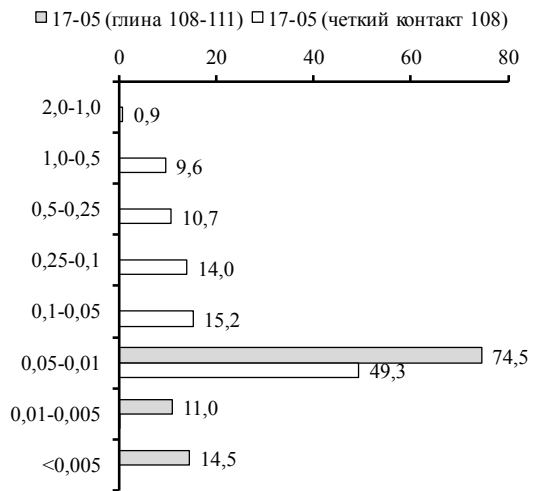

Рис. 5. Гранулометрический состав отложений на глубине 108–111 см на станции 17–05.

иловые отложения залегают на торфянистых отложениях (17–02) и песках (17–03), и в северной части, где наблюдается смена типов илов (17–18), в коричневом иле отмечается значительное содержание фракции 0,05–0,01 мм (от 16% до 26%) (рис. 6). Причем в южной части водохранилища на станциях 17–02 и 17–03 (рис. 3) доля этой фракции достигает максимальных значений из всех исследованных осадков. Необходимо также отметить, что в бурых илах, залегающих в южной части водохранилища, присутствует большое количество неразложившегося детрита (содержание органического вещества составляет 50–60%, концентрации азота и фосфора достигают 0,7 и 0,3%, соответственно). Однако ведущая роль в формировании донных отложений водохранилища отводится частицам более крупного размера (0,25–0,1 мм) (рис. 6). Особенно эти час-

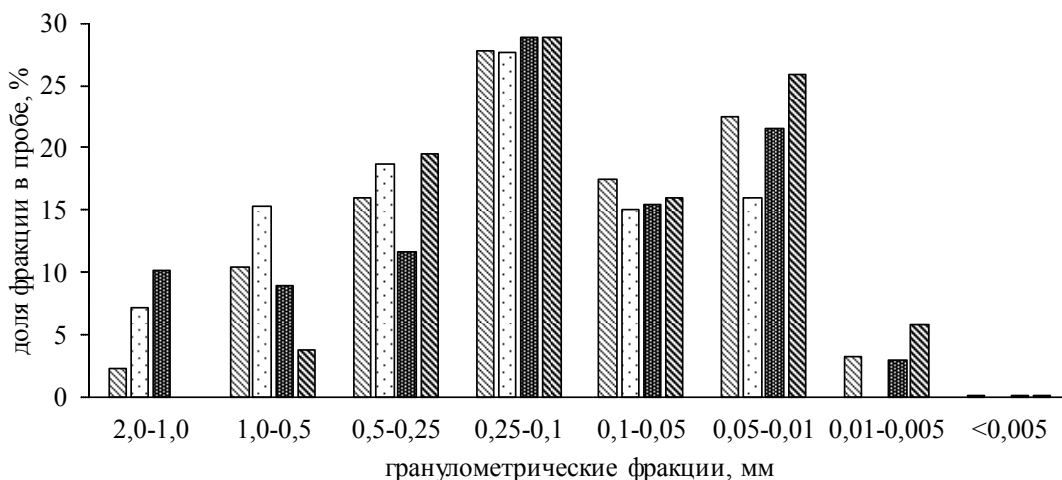

Рис. 6. Гранулометрический состав коричневого ила на станциях 17-02, 17-03 и 17-18 (в скобках указаны слои, см).

тицы преобладают в слоях до от 0 до 30 см, где изменение доли фракции крупных частиц служит хорошим индикатором смены седиментационного режима. Например, на станции 17-18 (рис. 6-8) – темно-зеленый ил с органикой и песком более обогащен частицами крупнее 0,25 мм (зольность 73%, п.п.п. 11%, удельная масса 1,32 г/см³), чем залегающий на нем коричневый ил (зольность 68%, п.п.п. 29%, удельная масса 1,16 г/см³). При этом ниже, в слое 95–107 см, где отмечен серо-зеленый ил с песком картина вновь меняется – значительно снижается представительство фракций > 0,5 мм и увеличивается представительство фракций 0,05–0,01 мм и 0,25–0,1 мм до 32% и 28% соответственно (зольность 80%, п.п.п. 13%, удельная масса 1,26 г/см³). В сером песке, залегающем в основании колонки ниже темно-зеленого ила, преобладает фракция 0,25–0,1 мм, что позволяет классифицировать этот тип отложений как мелкозернистый песок (зольность 96%, п.п.п. 1%, удельная масса 2,11 г/см³). Глинистых частиц во всех типах отложений разреза на станции 17-18 не выявлено. Изменение гранулометрического состава, физических и химических характеристик донных отложений по вертикали колонки является индикатором изменения гидродинамических условий седиментации, указывает на неравномерный характер поступления и перераспределения терригенного материала, поступившего в результате затопления прибрежных территорий в этом районе водоема. Мелкопесчаные отложения с высокой удельной массой, по-видимому, отлагались в период существования озера Выгозера под

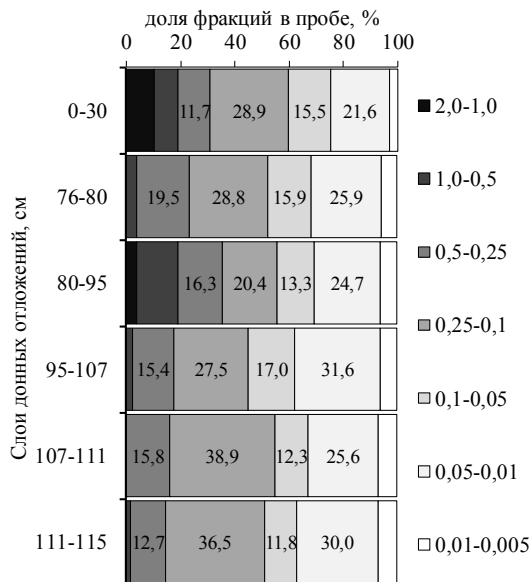

Рис. 7. Распределение гранулометрических фракций разных типов отложений из колонки станции 17-18.

действием естественного стокового течения в русловой части, формировавшейся в этом районе р. Нижний Выг. Повышение уровня водоема привело к размыву песчаных озерно-ледниковых отложений, широко распространенных в северо-восточной части Выгозера [5; 38], а изменение направления стокового течения – к усложнению динамики вод в этой части водоема, что в свою очередь изменило процесс формирования донных отложений. В настоящее время особенностью донных отложений этого района явля-

Рис. 8. Физические характеристики донных отложений станции 17–18.

ется неравномерное накопление в донных отложениях разно-размерного материала и органического вещества. Средняя скорость седиментации для Выгозерского вдхр., оцененная по мощности слоя коричневого ила, доходит до 10 мм за год.

Как уже было описано выше, в верхней части колонки донных отложений станции 17–21 (рис. 3), расположенной в аккумуляционной зоне северного Выгозера, выделяется слой черных илов. Формирование этого слоя связано с введением в эксплуатацию станции биологической очистки и рассеивающего выпуска сточных вод ЦБК, результатом которого явился перенос и накопление мелкодисперсных трансформированных органических взвесей по понижениям дна на пути распространения сточных вод. В гранулометрическом составе черных илов (около 40% органического вещества и 10% железа, удельная масса 1,15 г/см³), преобладающее значение имеют фракции от 0,01 до 0,25 мм (рис. 9). От коричневых илов указанные отложения отличаются крайне малым количеством частиц > 0,5 мм и большим по сравнению с коричневыми илами содержанием фракций 0,1–0,05 мм и 0,05–0,005 мм (рис. 6 и 9).

Детальный разбор колонки отложений мощностью 36 см позволил выявить определенную динамику в накоплении частиц различного размера в черных илах. Так, фракции 0,1–0,05 мм и 0,05–0,01 мм имеют значительный вес в нижней части разреза (слой от 22–35 см) и в верхней части разреза (слой от 0–10 см). В средней части разреза происходит заметное снижение представительства частиц указанных фракций и снижение концентрации органического вещества (рис. 9). С другой стороны, в средней части разреза зафиксировано увеличенное накопление частиц фракций > 0,1 мм.

Корреляция данных гранулометрического анализа образцов из слоя черных

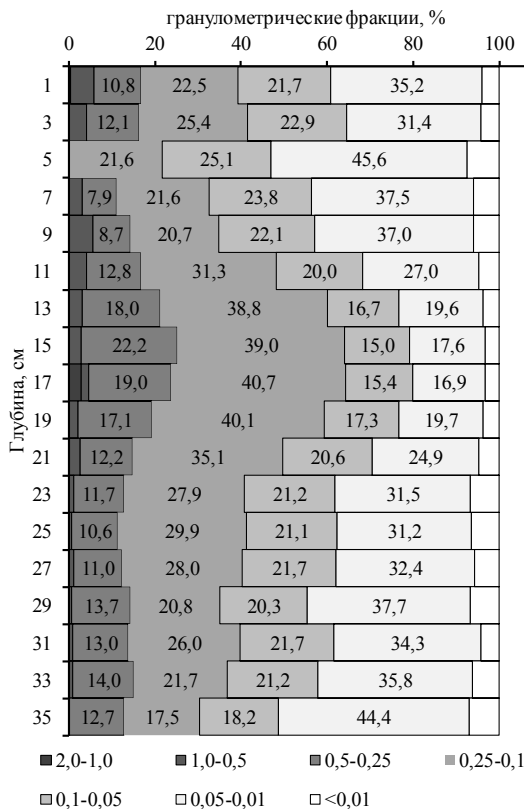

Рис. 9. Вертикальное распределение гранулометрических фракций черного жидкого ила станции 17–21.

илов станции 17–21 с данными содержания макро- и микроэлементов (рис. 10 и 11) позволяет предполагать, что вариации отдельных гранулометрических фракций отложений связаны с активным воздействием техногенного фактора на экосистему водохранилища. Установлено, что начиная со слоя 22–24 см в колонке донных отложений на станции 17–21, синхронно происходит заметное увеличение содержания

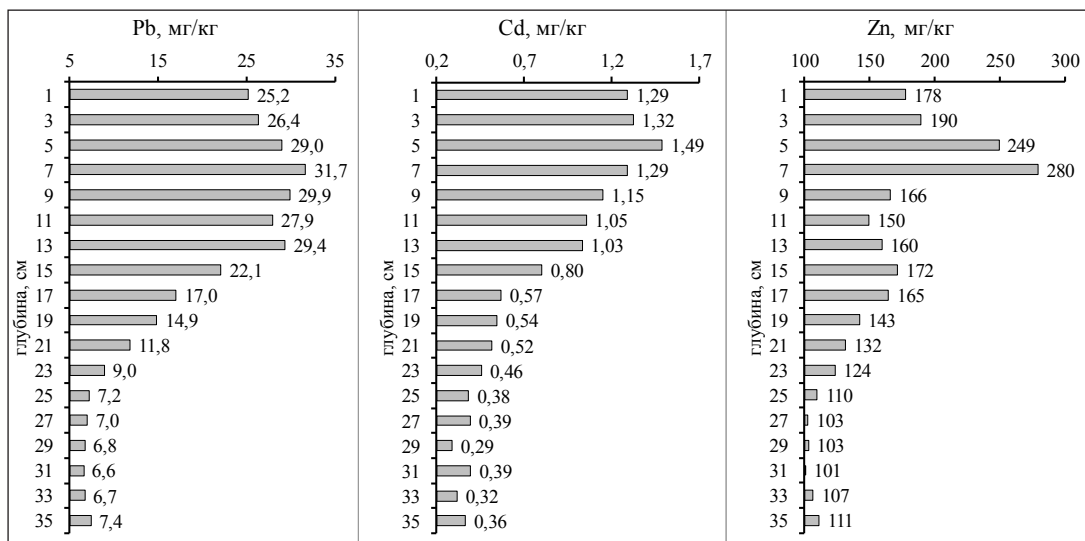

Рис. 10. Вертикальное распределение концентраций свинца, кадмия и цинка в колонке донных отложений оз. Выгозеро (ст. 17–21).

органического вещества и тяжелых металлов (свинца, кадмия, цинка, меди, сурьмы, олова и др.) до самого верхнего слоя осадков. Уровень содержания указанных элементов в верхней части разреза в два и более раз превышает фоновый уровень для донных отложений доиндустриального периода развития водоема (рис. 11).

Основными источниками поступления тяжелых металлов в донные отложения являются промышленные выбросы предприятий. В качестве локального источника антропогенных выбросов выступает ОАО «Сегежский ЦБК», а предприятия Республики Карелии и сопредельных регионов – в качестве источника дальнего переноса различных загрязнителей через атмосферу [8; 12; 36]. Кроме того, одним из источников поступления в водную среду свинца являются выбросы автомобильного транспорта, так как соединения этого тяжелого металла активно использовались в качестве добавки к бензину в период с 1930-х до 2000-х гг., что подтверждается многочисленными исследованиями [11; 37; 39]. Факт значительного влияния автомобильного транспорта на распространение свинцового загрязнения на территории Карелии подтверждается аналогичным распределением этого металла в донных отложениях городских озер региона [26].

Пики ванадия и никеля (рис. 11) в самых верхних слоях изученной колонки отложений (0–10 см), вероятно, связаны с деятельностью ЦБК, где на ТЭЦ-1 в качестве топлива используется мазут [24]. Известно, что в состав мазута входят ванадий, никель,

хром, железо и другие химические элементы [9]. Отмечается тесная связь почти всех тяжелых металлов в колонке донных отложений станции 17–21 с органическим веществом (по ППП, рис. 11). Это свидетельствует о закреплении загрязнителей, попадающих в водную среду, органическими комплексами, в первую очередь гуминовыми и фульвовыми кислотами.

Заключение

Создание водохранилищ является одним из наиболее значительных видов вмешательства человека в естественные процессы эволюции ландшафта. С момента образования искусственного водоема начинается длительный путь формирования его экосистемы. На первых этапах он во многом зависит от процесса трансформации огромного количества твердого материала органической и неорганической природы, одновременно поступившего в результате затопления территорий и продолжающего поступать в результате перестроения берегов и ложа водоема. Донные отложения являются индикаторами этих преобразований, поскольку по своей природе сохраняют информацию о любых событиях, происходящих в водоеме и на их водосборе. Для Выгозерского вдхр., испытавшего кардинальные изменения гидрологического режима в процессе гидротехнического освоения бассейна р. Выг, был применен стратиграфический метод изучения колонок донных отложений, позволивший разделить периоды естественного существования озера, формирования нового ложа водохранилища и

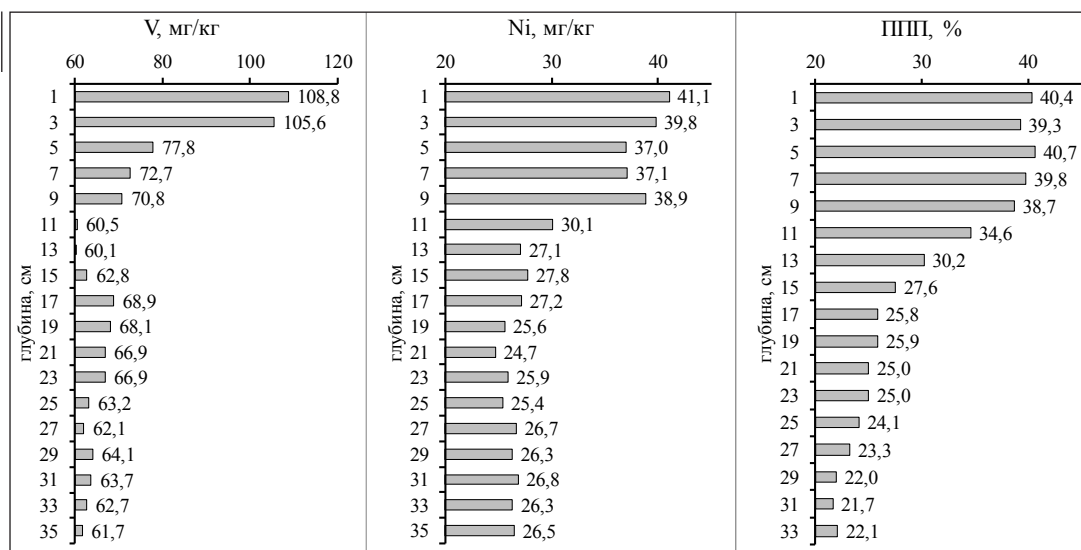

Рис. 11. Вертикальное распределение концентраций ванадия и никеля и значение потерь при прокаливании в колонке донных отложений оз. Выгозеро (ст. 17–21).

функционирования водоема в новых условиях. На основе лито-стратиграфического анализа донных отложений, выполненного совместно с гранулометрическим, вещественным и химическим анализом осадков, акватория Выгозерского вдхр. была разделена на три основных района: Южное, Центральное и Северное Выгозеро.

Южное Выгозеро – зона наибольшего затопления, представляющая собой вошедшие в состав водохранилища участки долин рек Вожмы, Выга и Телекинской. Здесь верхняя часть колонки отложений представлена коричневыми илами с большим количеством неразложившегося детрита, мощностью до 20–30 см, залегающими на торфянистых илах, либо песчаных отложениях. На глубоководных участках южного района, образовавшихся на месте небольших заливов и озер (Бобровое, Телекинское), мощность бурых илов превышает 80 см, а в их основании залегают серые алевроиты и глины, формировавшиеся в условиях позднеледниковья. В Центральном Выгозере (основную площадь района занимает дно озера Выгозера до создания водохранилища) накапливаются иловые отложения.

Граница между бурым органическим высокогумусным илом и зеленым илом разделяет период формирования осадка в условиях водохранилища и озера. Скорость осадконакопления в результате создания водохранилища в этом районе водоема увеличилась на 2–3 порядка, изменился количественный и качественный состав осадочного материала. Северное Выгозеро является зоной абразии и техногенного воздействия. Здесь вертикальная структура донных отложений схожа с осадками центральной части водохранилища (коричневые илы залегают на зеленых илах). Однако северо-восточные участки отличает повышенное содержание в илах мелкопесчаных фракций, что является следствием процесса абразии берегов, сложенных песчаными озерно-ледниковых отложениями. Для северо-западных участков характерно наличие в верхних слоях осадков черных илов (мощность до 20–30 см), связанных с деятельностью Сегежского ЦБК. Техногенные илы отличаются высоким содержанием органических веществ, а также железа и других макро- и микроэлементов (свинец, кадмий, цинк, медь, сурьма, олово и др.).

Список литературы

- [1] Авакян А.Б., Салтанкин В.П., Шарапов В.А. Водохранилища. – М.: Мысль, 1987. – 325 с.
- [2] Ариуншкрина Е.В. Руководство по химическому анализу почв. – М.: МГУ, 1982. – 490 с.
- [3] Белкина Н.А. Ретроспективная оценка состояния донных отложений Выгозерского водохранилища // Водные ресурсы. Т. 41. – 2014, № 3. – С. 270–279.
- [4] Белкина Н.А., Потахин М.С. Донные отложения Выгозерского водохранилища / Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2017621382. 2018.
- [5] Бискэ Г.С. Четвертичные отложения и геоморфология Карелии. – Петрозаводск: Гос. изд-во КАССР, 1959. – 307 с.
- [6] Буторин Н.В., Зиминова Н.А., Кудрин В.П. Донные отложения верхневолжских водохранилищ. – Л.: Наука, 1975. – 158 с.

- [7] Васильева Е.П. Характеристика химического состава донных отложений Выгозерского водохранилища // Водные ресурсы Карелии и их использование. – Петрозаводск, 1978. – С. 63–79.
- [8] Виоградова А.А., Иванова Ю.А. Загрязнение воздушной среды в центральной Карелии при дальнем переносе антропогенных примесей в атмосфере // Известия РАН. Серия Географическая. – 2013, № 5. – С. 98–108.
- [9] Гоголашвили Э.А., Гарифзянов А.Р. Проблемы анализа ванадия в сточных водах тепловых электростанций // Энергетика Татарстана. – 2007, № 3. – С. 60–63.
- [10] Григорьев С.В. Внутренние воды Карелии и их хозяйственное использование. – Петрозаводск: Гос. изд-во КАССР, 1961. – 140 с.
- [11] Даувальтер В.А. Геоэкология донных отложений озера. – Мурманск: МГТУ, 2012. – 242 с.
- [12] Даувальтер В.А. Халькофильные элементы (Hg, Cd, Pb, As) в донных отложениях водных объектов водосбора Белого моря в пределах Кольского полуострова // Геохимия. – 2006, № 2. – С. 237–240.
- [13] Демидов И.Н. О максимальной стадии развития Онежского приледникового озера, изменении его уровня и гляциоизостатическом поднятии побережий в позднеледниковье // Геология и полезные ископаемые Карелии. Вып. 9. – Петрозаводск, 2006. – С. 171–182.
- [14] Ключева В.А., Долженко Г.П. Осадконакопление в водохранилищах бассейна Нижнего Дона. – Ростов: РГУ, 1983. – 142 с.
- [15] Крупнейшие озера-водохранилища Северо-запада европейской территории России: современное состояние и изменения экосистем при климатических и антропогенных воздействиях / Под ред. Н. Н. Филатова. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2015. – 375 с.
- [16] Литвиненко А.В., Филатов Н.Н., Богданова М.С., Карпечко В.А., Литвинова И.А., Сало Ю.А. Антропогенная трансформация и хозяйственное использование озера Выгозеро // Водные ресурсы. Т. 41. – 2014, № 4. – С. 419–428.
- [17] Логвиненко Н.В., Сергеева Э.И. Методы определения осадочных пород. – Л: Недра, 1986. – 240 с.
- [18] Митрофанова З.Т., Филинцев Г.П. Глины Карелии. – Петрозаводск: Гос. изд-во КАССР, 1956. – 160 с.
- [19] Озера Карелии. Природа, рыбы, рыбное хозяйство. Петрозаводск: Гос. изд-во КАССР, 1959. – 619 с.
- [20] Озера Карелии. Справочник / Под ред. Н. Н. Филатова, В. И. Кухарева. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. – 464 с.
- [21] Онежское озеро. Атлас / Отв. ред. Н. Н. Филатов. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2010. – 151 с.
- [22] Поляков Ю.К. Донные отложения Выгозера // Водные ресурсы Карелии и их использование. – Петрозаводск, 1978. – С. 57–63.
- [23] Потахин М.С., Белкина Н.А., Слуковский З.И. Исследование донных отложений Выгозера в рейсе НИС «Эколог» летом 2017 года // География Арктических регионов 2017: материалы Международной научно-практической конференции. – СПб., 2017. – С. 49–53.
- [24] Сегежский целлюлозно-бумажный комбинат // Карелия официальная. Официальный интернет-портал Республики Карелия. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.gov.karelia.ru/Power/Committee/Complex/segeza04.html> (15.06.2018)
- [25] Слуковский З.И. Нормирование по литию концентраций тяжелых металлов в донных отложениях озер Ладожское и Четырехверстное (Республика Карелия) // Химия в интересах устойчивого развития. Том 23. – 2015, № 4. – С. 397–408.
- [26] Слуковский З.И., Ильмаст Н.В., Суховская И.В., Борвинская Е.В., Гоголев М.А. Геохимическая специфика процесса современного осадконакопления в условиях техногенеза (на примере оз. Ламба, Петрозаводск, Карелия) // Труды Карельского научного центра РАН. – 2017, № 10. – С. 45–63.
- [27] Современное состояние водных объектов Республики Карелия. По результатам мониторинга 1992–1997 гг. / Под ред. П. А. Лозовик. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1998. – 188 с.
- [28] Соколов С.И., Верещагин Г.Ю. Лимнологический очерк оз. Выгозера // Труды I Всероссийского гидрологического съезда. – Л., 1925. – С. 198–200.
- [29] Состояние водных объектов Республики Карелия. По результатам мониторинга 1998–2006 гг. / Под ред. П. А. Лозовика. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2007. – 210 с.
- [30] Страхов Н.М. Основы теории литогенеза. – М.: АН СССР, 1962. Т. 1. – 212 с.; Т. 2. – 574 с.; Т. 3. – 550 с.
- [31] Субетто Д.А. Донные отложения озер: Палеолимнологические реконструкции. – СПб.: РГПУ, 2009. – 339 с.
- [32] Субетто Д.А., Прыткова М.Я. Донные отложения разнотипных водоемов. Методы изучения. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2016. – 89 с.
- [33] Шелехова Т.С., Лаврова Н.Б. Донные отложения озер Карелии: палеоэкологические и палеоклиматические реконструкции // Геология Карелии от архея до наших дней. – Петрозаводск, 2011. – С. 204–212.
- [34] Cohen A.S. Paleolimnology: the history and evolution of lake systems. – New York, 2003. – 500 p.
- [35] Hakanson L., Jansson M. Principles of lake sedimentology. – Berlin, 1983. – 316 p.
- [36] McConnell J. R., Edwards R. Coal burning leaves toxic heavy metal legacy in the Arctic // Proceedings of the National Academy of Sciences. – 2008, № 34. – P. 12140–12144.
- [37] Nriagu J.O. The rise and fall of leaded gasoline // Science of The Total Environment. – 1990, vol. 92. – P. 13–28.
- [38] Quaternary deposits of Finland and northwestern part of Russian Federation and their resources. Scale 1:1 000 000 / Eds J. Niemela, I. Ekman, A. Lukashov. – Petrozavodsk: Geol. Surv. of Finland and Rus. Acad. of Sci. Institute of Geology, 1993.
- [39] Thomas V.M. The elimination of lead in gasoline // Annual Review of Energy and the Environment. – 1995, vol. 20. – P. 301–324.
- [40] Zobkov M., Tarasov A., Subetto D., Potakhin M. GIS-modeling of Lake Onego shoreline in the Holocene and Late Pleistocene // Environment. Technology. Resources. Proceedings of the 11th International Scientific and Practical Conference. Vol. I. – Rezekne, 2017. – P. 316–319.

А.В. Воронцов, В.У. Агеев, Н.В. Ловелиус

ПАМЯТИ ВИКТОРА АЛЕКСЕЕВИЧА ЗВЕРЕВА (1935–2018)

- © Воронцов Алексей Васильевич – доктор философских наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, Президент Петровской академии наук и искусств, Санкт-Петербург; e-mail: vorontsov@herzen.spb.ru
- © Агеев Владимир Ульянович – доктор педагогических наук, профессор, президент Санкт-Петербургского государственного университета физической культуры имени П.Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург
- © Ловелиус Николай Владимирович – доктор биологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: lovelius@mail.ru

Виктор Алексеевич Зверев

Профессор кафедры прикладной и компьютерной оптики (ПиКО) Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики, доктор технических наук. В 1961 г. окончил с отличием ЛИТМО по специальности «Оптические приборы». С 1961 по 1986 год прошел путь от инженера до заместителя главного инженера ЛОМО по науке. В 1969 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1971 г. приказом Министра оборонной промышленности был назначен главным конструктором отрасли по разработке и организации использования систем автоматизированного проектирования оптических приборов САПР «Оптика». В 1974 г. Виктору Алексеевичу присвоено звание доцента. В 1978 г. был избран на должность заведующего базовой кафедрой «Конструирование и технология оптических и оптико-электронных систем». В 1983 г. присвоено звание профессора. В 1985 г. был избран на должность заведующего кафедрой «Специальные оптические приборы». В

1989 г. защитил докторскую диссертацию. С 1990 по 1996 год – заведующий кафедрой «Теория оптических приборов».

Лауреат Ленинской премии (1978), премии Совета Министров СССР (1983). Награжден орденом Трудового Красного Знамени, золотой и серебряной медалями ВДНХ СССР, медалью «300 лет Российскому флоту» (1996), медалью «В память 300-летия Санкт-Петербурга» (2004). В 1999 г. присвоено звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации».

Автор более 200 научных публикаций, в том числе 70 авторских свидетельств на изобретения, а также многочисленных докладов на различных семинарах и конференциях в России и за рубежом.

Наряду с исключительным по содержанию послужным списком Виктора Алексеевича особого значения заслуживает его роль в формировании и работе Петровской академии наук и искусств, в которой он много лет выполнял обязанности главного учёного секретаря, сменив достойнейшего из людей генерал-майора Виктора Порфирьевича Петленко, стоявшего у истоков организации. Виктор Алексеевич отличался исключительной доброжелательностью и постоянным стремлением координировать работу всех отделений академии в России и за её пределами. Он владел способностью применения теоретических разработок в практике и систематически призывал использовать теоретические выкладки в решении прикладных задач, стоящих перед каждым направлением деятельности академии. Даже после ухода с должности главного учёного секретаря, несмотря ни на что, он не прекращал активной деятельности в составе президиума. Об этом свидетельствует его обзорный доклад, вошедший в труды 10-го съезда Петровской академии наук и искусств, состоявшегося в октябре 2017 года.

Продолжительная болезнь и уход из жизни Виктора Алексеевича стали огромной утратой для его семьи, коллег и друзей.

ПАМЯТИ ЛЮБОВИ НИКОЛАЕВНЫ САМСОНОВОЙ (1948–2018)

- © Воронцов Алексей Васильевич – доктор философских наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, Президент Петровской академии наук и искусств, Санкт-Петербург; e-mail: vorontsov@herzen.spb.ru
- © Ловелиус Николай Владимирович – доктор биологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: lovelius@mail.ru
- © Жохова Ольга Владимировна – член С.-Петербургского Союза художников, Секретарь отделения художественного творчества Петровской академии наук и искусств, Санкт-Петербург
- © Агеев Владимир Ульянович – доктор сельскохозяйственных наук, профессор, Председатель отделения сельского хозяйства Петровской академии наук и искусств, Санкт-Петербург

Любовь Николаевна родилась 1 февраля 1948 года в городе Няндоме Архангельской области. В 1966 г. окончила среднюю школу в г. Ленинграде, в 1973 г. – Ленинградский сельскохозяйственный институт по специальности «Защита растений». Аспирантуру Всесоюзного института защиты растений (ВИЗР) Любовь Николаевна закончила защитой кандидатской диссертации в 1980 году на тему: «Микоплазменные болезни картофеля (идентификация, свойства патогенов, терапия заболеваний)». Более 40 лет Любовь Николаевна проработала в ВИЗРе, начав свою деятельность с лаборанта, пройдя все ступени профессионального роста.

В 1967 году японские ученые, используя методы электронной микроскопии открыли в растениях новую группу микроорганизмов – микоплазмы. С этого момента началось их интенсивное изучение в различных научных коллективах во всем мире, в том числе в лаборатории вирусных болезней растений ВИЗР под руководством профессора Ю.И. Власова.

Любовь Николаевна, поступив в аспирантуру ВИЗР, стояла у истоков изучения этих патогенов в СССР, поражающих большин-

ство важных сельскохозяйственных культур. Предстояло разработать доступные методы диагностики, мероприятия по защите растений от возбудителя, приводящего к потерям урожая до 60–80% в годы эпифитотий.

Любовь Николаевна провела десятки экспедиций по регионам СССР – Астраханской, Волгоградской, Саратовской, Самарской, Горьковской областям, Дагестане, Чеченской республике, Армении, Киргизии, изучая ареалы распространения болезни и осуществляя сбор уникальной коллекции патогенов с различных сельскохозяйственных культур и дикорастущих растений. Основные направления ее исследований связаны с микоплазменными болезнями на разных культурах: картофеле, томатах, клевере, люцерне, лекарственном растении (барвинок), а также ягодных культурах – землянике, смородине. В результате многоплановых исследований были изучены биология заболеваний, разработаны методы диагностики патогенов и рекомендации по ограничению распространения возбудителей болезней и их переносчиков.

Новизна объектов изучения, разработка новых методик по их диагностике позволили Любове Николаевне по результатам исследований получить два авторских свидетельства (1981 лично и в 1985 – в соавторстве) и опубликовать методические указания по методам изучения микоплазм, а также разработать рекомендации по ограничению распространения этих возбудителей для различных регионов их распространения. Эта работа была оценена руководством РАСХН и Любовь Николаевна была награждена медалью ВДНХ «За успехи в народном хозяйстве СССР».

Обобщив материал, Л.Н. Самсонова совместно с научным руководителем профессором Ю.И. Власовым опубликовала в 1985 г. книгу «Ахлеплазмы – патогены растений». В 1990 г. Любове Николаевне присвоено ученое звание Старшего научного сотрудника по специальности «Защита растений от вредителей и болезней».

Большое внимание Любовь Николаевна уделяла подготовке кадров. Под ее руковод-

твом защищено более 20 дипломных проектов студентами СПбГАУ, Ростовского и Ташкентского университетов, 10 кандидатских работ выполнены при ее научно-методической и практической помощи. Ею опубликовано более 100 научных работ, в том числе книги, методические указания, рекомендации производству, авторские свидетельства.

Активное участие Любовь Николаевна принимала в общественной жизни института: была секретарем комсомольской организации института, внештатным членом бюро Октябрьского и Пушкинского райкомов комсомола, проффоргом лаборатории, ученым секретарем диссертационного Совета, заместителем председателя вирусной комиссии Россельхозакадемии при Отделении защиты растений, а с 2001 по 2006 год – председателем комиссии по вирусным болезням при Россельхозакадемии, направляя и координируя исследования по проблемам фитовирусологии в стране, пропаганде научных достижений ученых.

Одной из форм контактов и координации было проведение научно-теоретических и практических семинаров и конференций. Регулярное проведение таких встреч ускорило внедрение новых разработок в практику. Семинары собирали не только ученых из различных НИИ со всей страны, но и практиков-агрономов с производства.

В 2002 г. Любовь Николаевна была принята в член-корреспонденты ПАНИ, а в 2004 – в действительные члены. На протяжении многих лет была научным секретарем Отделения сельскохозяйственных наук. Она также была избрана в редколлегию журнала ПАНИ «Медный всадник», исполняла обязанности

заместителя Председателя мандатной комиссии Петровской академии наук и искусств.

Научная и общественная работа Любови Николаевны отмечена многочисленными грамотами, премиями и наградами, медалями «В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина» и «В память 300-летия Санкт-Петербурга», Лауреат премии А.Т. Болотова.

Среди хобби и увлечений особое место занимала фотография, великолепно удавались фото заповедных уголков первозданной природы – неповторимое многообразие красок и форм: закаты, игра света и тени. Исключительно полезными были её фотографии разных аспектов деятельности Петровской академии наук и искусств, которые составили основу буклета об академии.

Отличительной чертой работы Л.Н. Самсоновой в составе отделения сельскохозяйственных наук и мандатной комиссии академии были чуткое отношение к своим коллегам и желание помочь им в решении всех организационных, научных и методических проблем.

Казалось, совсем недавно мы видели её неунывающей и исключительно энергичной в дни юбилея и вдруг – несчастье! Даже немыслимо, что её больше нет среди нас. Мы глубоко скорбим в связи с неожиданным уходом из нашей среды исключительно доброжелательного, лучезарного человека. Уход из жизни Любови Николаевны Самсоновой – невосполнимая потеря для Петровской академии наук и искусств. Пусть пухом будет ей земля, которую она своим трудом всю жизнь украшала полезными для людей растениями.

Р.В. Костюк, Д.А. Руцин

ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В МЕКСИКЕ: ЧТО ДАЛЬШЕ?

Дискуссионный семинар в СПбГУ

Санкт-Петербург, 24 сентября 2018 года

© Костюк Руслан Васильевич – доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург; e-mail: rouslan_k@mail.ru

© Руцин Дмитрий Александрович – кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург; e-mail: ruschin@mail.ru.

Темой первого в нынешнем учебном году дискуссионного семинара международников в СПбГУ стали результаты всеобщих выборов в Мексике в июле 2018 г. Они свидетельствуют о бесспорной победе левого политика Андреса Мануэля Лопеса Обрадора, который 1 декабря 2018 года должен вступить в должность президента страны.

Семинар международников состоялся в Смольнинском кампусе СПбГУ. С основным

сообщением на семинаре выступил доктор исторических наук, профессор СПбГУ В.А. Хейфец. В дискуссии также приняли участие преподаватели-международники СПбГУ Л.С. Хейфец, Р.В. Костюк и Д.А. Руцин.

В главном докладе и в выступлениях, прозвучавших в ходе дискуссии, говорилось о комплексных социальных, экономических и внутривнутриполитических причинах, которые привели минувшим летом к «электоральной

революции» в весьма влиятельной латиноамериканской стране.

Мексика по размерам экономики – вторая в Латинской Америке страна после Бразилии. Она является крупным экспортером нефти. Однако снижение цен на нефть привело к девальвации песо по отношению к доллару США. По разным подсчетам от 40 до 50 процентов населения живут в бедности. Высокий уровень коррупции и насилия приводит к снижению деловой активности в наиболее затронутых организованной преступностью районах страны и проблемам с иностранными инвестициями. Мексика также считается одной из самых опасных для журналистов стран мира.

На семинаре отмечался системный общественный кризис и просчёты прежней «партии власти» в стране. Анализировались особенности идеологии и политические установки Лопеса Обрадора и его партии МОРЕНА. Подчеркивалось, что победа АМЛО (так называют Лопеса Обрадора по его инициалам) с результатом около 53% означает конец господства на политической арене Мексики Институционно-революционной партии в союзе с Партией национального действия.

Родившийся в 1953 году Лопес Обрадор был мэром Мехико (2000–2005), участвовал в выборах президента в 2006 и 2012 годах и проиграл. Хотя в 2006 году разрыв был минимальным, что чуть не привело к «революции кактусов». В коалицию «Вместе мы сделаем историю» входят левоцентристская Партия Движение национального возрождения МОРЕНА, левая Партия труда и правоцентристская Партия социальной солидарности.

Большинство мексиканцев поддерживали курс коалиции по подъёму экономики, борьбе с коррупцией, наркоторговлей, преступностью и беззакониями. Особенно остро стоит вопрос безопасности. За время избирательной кампании было убито более 130 кандидатов на выборные должности, в том числе двое в день выборов. За 10 лет в стране было убито 100 тысяч человек. 2017 год выдался особенно кровавым. Бурные дискуссии в обществе вызвало предложение АМЛО о частичной амнистии для преступников.

В сфере экономики дискуссии вызывает энергетическая реформа конца 2013 года, покончившая с монополизмом государственной компании Pemex. В энергетике были допущены иностранные инвестиции, в том числе от «ЛУКОЙЛа» Вагита Алекперова и от компании DEA Deutsche Erdöl Михаила Фридмана. АМЛО хочет проверить контракты на предмет нарушений. Но при этом намерен действовать законным путем – через конгресс и суды. Он обещал не вмешиваться

в дела Центробанка Мексики в части определения курса песо.

Все участники дискуссии отметили, что часть предложений победившего кандидата несут отчётливо популистский характер, и подчеркнули эклектичность как внутриполитической, так и внешнеполитической стратегии победителей.

В ходе семинара говорилось также о том, что и при новом президенте многовекторному измерению мексиканской внешней политики нет альтернативы. При том, что ключевое значение, как и в прошлом, будут иметь отношения с Соединёнными Штатами Америки. Новое руководство Мексики, возможно, уточнит акценты в своих отношениях с КНР, Россией, процессами интеграции в Латинской Америке, в частности, стран тихоокеанской зоны.

На семинаре обсуждались прозвучавшие в США обвинения против России во вмешательстве в мексиканские выборы, а также сравнения Лопеса Обрадора с покойным Уго Чавесом и Дональдом Трампом. В частности отмечалось, что в январе 2018 года тогдашний советник президента США по национальной безопасности Герберт Макмастер заявил, что на предстоящих выборах в Мексике существуют признаки «российского вмешательства». Лопес Обрадор не раз шутил на эту тему. На одном из предвыборных рекламных роликов он стоял в порту Веракруса и ждал российскую подводную лодку с грузом золота. При этом он подчеркивал, что его зовут – «Андрей Мануэльевич». Отмечалось, что сравнение Обрадора с Чавесом чрезмерно, а с Трампом не совсем корректно, хотя их объединяют популизм, национализм, определенная агрессивность, обращение к великому прошлому своих стран. В то же время, популизм Обрадора и Трампа несёт разную идейно-политическую нагрузку, а Лопес Обрадор, в отличие от американского президента имеет серьёзный опыт административной деятельности на посту главы одного из крупнейших мировых мегаполисов.

Дискуссионный семинар в СПбГУ вызвал большой интерес у учащейся молодёжи. Аудитория 150 Смольнинского кампуса, где проходило мероприятие, была забита до отказа. Интерес к теме проявился и в вопросах студентов, касавшихся, главным образом, проблематики борьбы нового руководства страны с преступностью и коррупцией, а также внешнеполитических проектов Лопеса Обрадора. Само мероприятие показывает, что интерес к процессам, происходящим в латиноамериканском мире, с каждым годом среди студентов-международников неизменно растёт.

РОССИЙСКИЕ АРТИСТЫ НА ФЕСТИВАЛЯХ В ФИНЛЯНДИИ, ХОРВАТИИ, КИТАЕ В 2018 ГОДУ

© Дробышева Марина Николаевна, кандидат искусствоведения, доцент Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина; e-mail: drob.55@mail.ru

Оперный фестиваль в Савонлинне (6 июля – 4 августа 2018 г.)

На острове, расположенном в центре озера Сайма, находится замок Олавилинна, Святого Олафа (1475), во дворе которого находится зал на 2257 мест, защищенный от непогоды. Там проходит фестиваль Оперного искусства в Савонлинне. Помимо спектаклей и концертов зрителям предлагается совершить круиз на корабике по озеру, увидеть плавающих сайменских нерп – один из самых редких видов тюленей в мире – а также стать свидетелем Праздника Иванова дня, посетить музей Леса Лусто и старинную гостиницу Пункахарью, построенную по приказу Николая I в 1844 году. В 2017 году там состоялась встреча президентов Финляндии и России – Саули Нийнистё и Владимира Путина.

Главным событием фестиваля стала опера «Пиковая Дама» П.И. Чайковского, режиссер Ере Эркиля. Среди исполнителей были русские певцы, дирижер Александр Ведерников, руководивший несколько лет Большим театром в Москве. Он представил свою интерпретацию оперы и вызвал у аудитории неоднозначное впечатление, задав ускоренный темп, видимо, пытаясь таким образом усилить драматизм. Артисты сумели выразить эмоции героев оперы и показать накал страстей. В «Пиковой Даме» П.И. Чайковского действие происходит в XVIII веке, а у А.С. Пушкина в XIX. В спектакле же действие было перенесено на конец XIX – начало XX века. На сцене воссоздана атмосфера игорных домов того времени, различных кабар.

Елена Гусева безукоризненно спела партию Лизы. Арии Елены отличаются многогранностью исполнения. Юность Константина Шушакова не помешала создать интересный образ Елецкого и проявить высокий профессионализм. Артисты сумели передать конфликт между страстной, порывистой Лизой, сдержанным спокойным аристократом князем. Графиня в исполнении Елены Зарембы была не старухой, а женщиной средних лет, то, что называется «бальзаковского возраста». Певица достойно справилась со своей партией. Болезненную страсть изобразил Миша Дидык в партии Германа. Партия Томского, которую исполнил болгарский баритон Кирилл Манолов, покорила слушателей.

Опера отличается оригинальным, несколько эклектичным, финалом. Лиза, которую к гибели привела любовь, и Герман, жертва азартных игр, после смерти возносятся к стенам замка, олицетворяя собой безгрешные души, устремленные к богу.

В «Пиковой Даме» сценографию осуществил Яни Ульяс. Стремясь передать Петербург времен Достоевского, он воссоздал набережные города.

Декорацией ко всем показанным операм – «Пиковая Дама», «Фауст», «Отелло», «Мадам Баттерфляй» – выступали крепостные стены.

После шестнадцатилетнего перерыва перед финскими слушателями вновь зазвучала опера «Фауст». К «Фаусту» Гуно обратился дирижер Филиппе Оген. Режиссером стал Вилппу Кильюнен, сценограф Киммо Вискари. Для певца Хесиса Гарсия партия Фауста стала дебютом. Особо удались в спектакле у Маргариты (Марьюкка Теппонен) – ария с драгоценностями, а у Мэфистофеля (Петри Линдрооса) – Рондо о золотом тельце и Серенада. Оперу исполнили лучшие финские певцы.

Под руководством выдающегося финского дирижера Ханну Линту была показана и уже получившая известность опера Верди «Отелло». Партию Отелло пел Александр Антоненко. Эта постановка – совместный проект Оперного фестиваля в Савонлинне и французского фестиваля Хорегии Оранжа. Опера «Отелло» в сентябре будет представлена московским зрителям.

На этом фестивале 2018 года также прозвучали оперы Пуччини «Мадам Баттерфляй» (режиссер Хенри Акина, главную партию спела южнокорейская сопрано Сэ Кен Рим), «Турандот» и «Тоска» (дирижер Альберто Веронезе). Выступления стали своеобразным фестивалем Пуччини артистов из Тосканы. История оперного фестиваля в Савонлинне, начавшаяся в далеком 1912 году, продолжает покорять любителей оперного искусства своим высоким мастерством и разнообразием репертуара.

69-е Дубровницкие летние игры (10 июля – 25 августа 2018 г.)

По сложившейся традиции театрально-музыкальный фестиваль в Дубровнике (Хорватия) открывается перед Кафедральным собором Святого Влаха, покровителя города.

Действо, в котором задействованы артисты Драматического фестивального ансамбля (режиссер Саша Божич) и Симфонического оркестра Филармонии (дирижер Томислав Фичини) разворачивалось на площади, где установлена колонна Орландо.

Программа фестиваля состояла из драматических и балетных спектаклей и концертов симфонической и современной музыки. Главным событием музыкальной программы стал сольный концерт Даниила Трифонова, обладателя I премии и Гран-при Московского конкурса имени П.И. Чайковского. С 2013 года он стал эксклюзивным артистом «Deutsche Gramophone», и выдвинут на премию Грэмми, премию «Echo Klassik» в номинации Лучшая сольная запись сочинения XIX века.

Концерт Трифонова состоялся в Атриуме Княжеского дворца под открытым небом, окруженного ренессансными лоджиями и колоннами. После своего блестящего выступления в Концертном зале Мариинского театра 10 сентября, пианист вспоминал: «Дворец расположен рядом с морем, влажность влияет на состояние рояля, во время игры приходилось применять большую силу, касаясь клавиш. Дубровницкая публика воспитана на классической музыке. Здесь на протяжении веков звучали различные инструменты. Во время концерта слушатели разместились помимо расставленных стульев и на ступенях, на подоконниках лоджий, повсюду».

В программе Трифонова были сочинения Шумана, Грига, Чайковского, Рахманинова, Шопена. «Мне за это короткое пребывание в Дубровнике – продолжает музыкант, – удалось с фуникулера увидеть город с птичьего полета, подняться на высоту крепостных стен и совершить прогулку на остров Локрум, увидеть там местное «Мертвое море», Доминиканский монастырь, пройти среди субтропических растений, павлинов, зайцев и белок».

На фестивале были показаны восемь драматических спектаклей. Особого внимания заслуживал спектакль Хорватского Национального театра по пьесе выдающегося писателя Мирослава Крлежи «Микеланджело Буонротти» символично-экспрессионистического направления (режиссер Себастиан Хорват). Это была совместная постановка с Театром имени Ивана Зайца (город Риека). Спектакль был признан лучшим на фестивале.

Драматический фестивальный ансамбль показал спектакль по повести Ранко Маринковича «Под балконами». Действие в постановке происходило среди реальных причудливо изломанных природой деревьев под аккомпанемент завывающего ветра, идущего с моря. В спектакле предстали судьбы людей разных поколений, типичные житейские

ситуации, стремление героев пьесы преодолеть бездуховное существование, страх торжества серости и ничтожества. В постановке использовались далматинские диалекты.

Спектакль «Букетики и жемчужинки» Студенческого театра Леро (режиссер Давор Мояш) состоял из фрагментов известных прологов комедий Марина Држича и его стихотворного творчества.

Главной темой другой постановки «Противостояние на пиру Држича и Налешковича», молодых режиссеров Анастасия Флегера, Марины Пейнович, Хрвое Корбара, были свадебные торжества. Зрители словно побывали на пирах эпохи Држича и Налешковича, драматургов XVI века и на торжествах наших дней. Место действия – пространство башни Менчеты, где в XXI веке проходят брачные церемонии. Стены стали своеобразными безмолвными свидетелями отношений и судеб новобрачных разных поколений.

В центре балетной программы был спектакль Хорватского Национального театра «Дервиш и смерть» по роману боснийско-герцеговинского, сербского прозаика Меши Селимовича. Языком хореографа Игоря Кирова была воссоздана трагическая атмосфера Боснии, окружавшая Дервиша Ахмеда Нуридина (Станислава Ретрановича). После казни невинно осужденного брата, герой меняет представление о жизни и смерти.

На торжественном закрытии фестиваля звучали сочинения Рахманинова, Луиса Верне, Сен-Санса, в исполнении органиста Цаммерона Царпентера и Симфонического оркестра Хорватского радио и телевидения. В заключительном слове прозвучал фрагмент из пьесы Мирослава Крлежи, произнесенный выдающейся актрисой Дорис Шарич-Кукулицей, и был назван спектакль-победитель «Микеланджело».

Дом музей Марина Држича

Директор музея Никша Матич неустанно находится в поисках новых форм и новых ракурсов в выставочном и театральном деле. В дни фестиваля открылась выставка графика Давора Вранкича «Сатирическое в творчестве Марича Држича – о грубости его гротеска». Региональный проект, посвященный 510 годовщине со дня рождения Марина Држича, был отмечен спектаклем «Джухо Крпета» режиссеров Миры и Весны Мухоберац и семинаром «Пасторальная драма: реальность и фикция». Актеры пытались приоткрыть тайный подтекст его пасторали. Герои в ней – Весна, Лето, Амур, Юпитер, Плутон, высмеивали фантастическо-мифологический мир. Автор Држича в своих поэтических строках обращался к современникам, крити-

124 | кую дубровницкое общество, чтобы горячо любимый Дубровник процветал.

Никшей Матичем ведется большая издательская деятельность. Так профессор Дубровницкого университета Катя Бакия опубликовала свою рецензию на книгу Луки Палетака о творчестве Марина Држича.

Третий международный Дальневосточный фестиваль во Владивостоке (24 июля – 8 августа 2018 г.)

На Приморской сцене выступили музыканты из Японии, Южной Кореи, Китая, США, Германии.

Фестиваль, посвященный 200-летию М. Петипа открыл балет А. Минкуса «Дон Кихот», поставленный силами прославленных артистов Мариинского театра. В программе также были «Золушка» С. Прокофьева (постановка хореографа А. Ратманского) и «Времена года» М. Рихтера молодого балетмейстера И. Живаго. Прозвучали на фестивале и оперные премьеры: «Дон Кихот» Ж. Массне, постановщик Яннис Кокос, в главных партиях Юлия Маточкина, Юрий Воробьев, Андрей Серов. В концертном исполнении Симфонического оркестра Мариинского театра были представлены оперы «Соломея» Р. Штрауса, «Иоланта» П.И. Чайковского, за дирижерским пультом Валерий Гергиев.

На фестивале были и выездные концерты, состоявшиеся в Уссурийском Доме офицеров Российской армии, в Приморской краевой филармонии, во Всероссийском детском центре «Океан». Прошли гастролы в Китае, где прозвучала опера С. Прокофьева «Война и мир», постановка А. Кончаловского. Партию Андрея Болконского пел Алексей Марков, Наташу Ростову создала Виолетта Лукьяненко, а Пьера Безухова Евгений Акимов.

Открытие шестого сезона Новой сцены Мариинского театра

На открытии шестого сезона Новой сцены Мариинского театра была представлена постановка Национального театра исполнительских искусств Китая «А зори здесь тихие» композитора Тан Цзяньпина. Спектакль шел на китайском языке. В постановке участвовали китайские артисты, ансамбль песни и пляски Западного военного округа и Симфонический оркестр Мариинского театра.

Оперу «А зори здесь тихие» по повести Бориса Васильева Китайский театр посвятил семидесятилетию победы над фашизмом. Композитор Тан Цзяньпин на основе европейской оперы и русского фольклора создал гармоничное возвышенное глубоко патриотическое произведение. Китайские артисты исполнили оперу в концертном варианте в

Москве в Центральном академическом театре Российской армии в сопровождении Симфонического оркестра Мариинского театра.

Национальный центр исполнительских искусств Китая города Пекина хорошо известен в мире и сотрудничает с восемнадцатью странами. На его сцене выступают и работают выдающиеся мастера искусств. Здесь ставятся спектакли из истории Китая, а также представлено оперное искусство мировой классики. Одно из его назначений популяризация искусства, за последние десять лет состоялось 5600 выступлений и около 5000 мероприятий, организована 341 выставка. Неоднократно на его сцене выступал и Мариинский театр под руководством Валерия Гергиева.

Юбилей Татьяны Пилецкой, народной артистки России в Театре-фестивале «Балтийский Дом», 21 сентября 2018 г.

Нет такого человека, кто не видел фильм «Разные судьбы» режиссера Л. Лукова и не помнил роль Тани Огневой Татьяны Пилецкой. Актриса снималась во многих фильмах – «Пирогов», «Олеко Дундич», «Княжна Мери», «Мать», «Невеста», «Зеленая карета», «Вербное воскресенье» и в других.

Пилецкая окончила Академию русского балета имени Вагановой, что позволило ей танцевать в спектаклях, как и сегодня на премьере спектакля «Ма-Мурэ» по пьесе Жана Сармана в Балтийском Доме, где она блестяще сыграла главную роль героини Ма-Мурэ.

С 1963 года актриса служит в этом театре. Многие поколения зрителей помнят ее роль Роксаны в спектакле «Сирано де Бержерак», с которой она вышла на сцену 600 раз. Сейчас она играет в спектаклях «Дерева умирают стоя», «Игра воображения», «Шерлок Холмс», «Театральный роман».

Татьяна Пилецкая проявила себя в литературном творчестве, она не одну книгу посвятила своим предкам, а именно прабабушке Луизе Графемус-Кесенних, принимавшей участие в Отечественной войне 1812 года. Были в её роду художники и архитекторы Август и Людвиг Урлаубы. Её семья дружила с Петровым-Водкинским, который написал картину «Портрет Татули» или «Девочка с куклой».

Художником Татьяна не стала, но ее внучка Елизавета Пилецкая – живописец. Темы ее полотен современны и связаны с Петербургом и Россией. Татьяна Пилецкая своим творчеством в кино и театре продолжает династию своих предков. В 2018 году увидела свет книга Татьяны Пилецкой «Навстречу ветру». 21 сентября коллектив Театра-фестиваля «Балтийский дом», друзья и зрители поздравили любимую актрису с юбилеем.

«Балет – вечное искусство красоты»

Так называлась выставка архивных документов, посвященная истории петербургского балета, организованная Архивным комитетом и Центральным государственным архивом литературы и искусства Санкт-Петербурга. На торжественном открытии выставки выступили руководители этих учреждений: Сергей Соколов (председатель Комитета и директор архива литературы и искусства), Людмила Николаева и народные артисты России Николай Цискаридзе (ректор Академии Русского балета им. А.Я. Вагановой), Альберт Галичанин (заместитель художественного руководителя Академии танца Бориса Эйфмана), Габриэла Комлева (педагог-репетитор Мариинского театра), Николай Боярчиков и заслуженная артистка России Татьяна Квасова. Куратором выставки стала Анжелика Химичева, а оформил Олег Черненко.

В экспозиции выставки представлены уникальные документы, повествующие о балетной труппе Императорских Санкт-Петербур-

бургских театров, а также о сохранении классического репертуара в 20–40-е годы Федором Лопуховым, Агриппиной Вагановой и о появлении новых имен, таких как Галина Уланова, Константин Сергеев, Наталья Дудинская, Фей Балабина, Семен Каплан. Устроители выставки показали и период военного времени, когда учащиеся балетной школы, преподаватели и артисты Ленинграда были эвакуированы в город Пермь. На одном из стендов собраны материалы, рассказывающие о новаторских балетных постановках Леонида Якобсона.

Особый интерес вызвали у посетителей рукописные документы из личных фондов артистов, балетмейстеров, концертные костюмы, аксессуары, личные вещи. На открытии выставки выступили воспитанники Академии танца Бориса Эйфмана, показав хореографические номера «Гавот» (педагог Наталья Злобина) и «Кай и Герда» (в постановке Константина Кейхеля), продемонстрировав навыки освоения классического балета и танца модерн.

А.А. Субботин

НАШЕ БУДУЩЕЕ – НООСФЕРА. РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ А.И. СУБЕТТО «РУССКАЯ НАУКА: ОТ ПРОШЛОГО – К НООСФЕРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА БУДУЩЕЕ РОССИИ И ЧЕЛОВЕЧЕСТВА»

© Субботин Александр Алексеевич – магистр социологии, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва; e-mail: aasubbotin@yahoo.com

Субетто Александр Иванович – автор концепции **Ноосферного Экологического Духовного Социализма**, является вице-президентом Петровской академии наук и искусств, Президентом Ноосферной общественной академии наук, кандидатом технических и доктором экономических и философских наук, профессором.

Автор, вложив в книгу размышления над историческим призванием наших страны и народа, последовательно раскрывает глобальную идею, кратко сформулированную в самом заглавии книги [8]. Каждая часть предварена эпиграфом, который помогает читателю настроиться на восприятие текста. Части делятся на параграфы и заканчиваются списком литературы, а внутри каждого параграфа автор использует различного рода текстовые выделения, чтобы обозначить наиболее важные места. Таким образом, сама структура книги, а также, как будет видно из цитат, и стиль, работают на идею.

Базисом основной многоаспектной идеи автора является история отечественной науки, которая, согласно А.И. Субетто, делится на три цикла развития: «Петровско-Ломоносовский», «Пушкинский» (именно так!) и

«Вернадскианский». Вместе они составляют фазы развития Эпохи Русского Возрождения. В первой из них деятельность Ломоносова дала **«космический старт русской-российской науке»** [с. 19]. Во второй закладываются общие черты русских учёных – универсализм, рефлексия над смыслом жизни, космическое измерение, интеграция научных дисциплин, забота о Родине [с. 25–26]. «Вернадскианский цикл» открывает двери в ноосферу и охватывает как всю советскую эпоху с 1917 года по 1992 год [с. 28], так и продолжает развиваться в начале XXI века.

Доказывая роль социализма в построении ноосферы, автор оценивает последнюю четверть века как драматическую эпоху развития русской науки, когда «рыночно-капиталистическая (либеральная) контрреволюция продемонстрировала свою антиросийскую, антирусскую направленность по всем «измерениям» общественной жизни» [с. 55]. Однако погубить вековую тенденцию не удалось – народ жив! Например, академики РАН пишут президенту, издают научные публикации – борются за настоящее и будущее не только своей организации, но и знания в стране в целом [с. 56]. На основании истории отечест-

венной науки автор считает, что «Научно-образовательное общество есть единственно возможная стратегия развития российского общества, развития науки, образования и культуры в России XXI века» [с. 62]. Это, однако, противоречит недавно принятому закону [2], который, впрочем, стоит рассматривать в русле недавней рыночно-капиталистической тенденции, критикуемой А.И. Субетто, однако учёный сам намекает, что торжество капитализма – временное явление. В концепции научно-образовательного общества учёный предусматривает макро- и микро- уровень.

Последний раскрывает системогенез научно-образовательного общества как социальной системы с позиций Внутренней Логии Социального Развития (так у автора – он любит заглавные буквы), где важной категорией становится общественный интеллект. Стоит дать его определение, присутствующее у самого автора: это «результат социальной интеллектуальной кооперации, некая опосредованная социальная «интеллектуальная» (если воспользоваться этой категорией разума, присутствовавшей у Спинозы и Канта), которая проявляется как совокупный интеллект общества. Субстанцией общественного интеллекта являются знания» [с. 63]. Циркуляция его происходит через структуры общества, а источником воспроизводства являются образование и наука.

Для реализации этого следует осуществить образовательную формационную революцию, которая является социоприродной и управляемой, противоречит буржуазному тезису о незнании как основе свободы. Общество, образованное в ходе такой эволюции, является культуроцентричным [с. 67], а его ядро представляет собой систему исторически выработанных ценностей. Капиталорационализация культуры губительна, поскольку ведёт к её распаду.

Культ общества так или иначе вызывает вопрос о личности. Для многих это противоречие друг другу, альтернативные понятия. Однако для А.И. Субетто личность «всегда отражает в себе диалектическое единство индивидуального и общественного; **личность есть системно-социальное качество человека**» [с. 69]. Человек един с научно-образовательным обществом и как носитель духности – с ноосферой. Мало того, по своей сущности духовен и труд [с. 70], и все гуманистические концепции определяют его как главную свою ценность. «Изгнание» труда из системы ценностей личности асоциализирует её, в то время как научный труд является всеобщим. Определяя образование, автор требует признать, что оно – **«не производство образовательных услуг, а механизм**

восходящего воспроизводства качества человека» [с. 86]. Таким образом, как труд сделал из обезьяны человека как биологический вид, образование превращает индивида в ноосферную личность, вписанную в общество себе подобных. Следовательно, образование – следующая ступень эволюции жизни на Земле, по крайней мере, эволюции человека – он становится «хомо ноосферикус».

В ходе ноосферной революции наука *«может стать непосредственной производительной силой (в соответствии со знаменитым прогнозом К. Маркса)»* [с. 71]. Новая универсальность труда – универсальность его в новом, научном качестве. Следуя в определении ноосферы за В.И. Вернадским, А.И. Субетто использует понятия «смысловое измерение», всего их семь:

1) *«увязывание начала ноосферогенеза с началом антропогенеза в эволюции Биосферы»* [с. 81], которое по современным данным, соотносится с датой около 5 млн лет назад;

2) место ноосферы в парадигме глобальной эволюции по В.И. Вернадскому;

3) понимание того, что она – «новое качество Биосферы, что это Биосфера, ассимилированная человеческим разумом» [с. 82];

4) следует из третьего и определяет ноосферу как влияющий на Биосферу разум, чьё воздействие подобно давлению живого вещества;

5) социалистический взгляд на ноосферу;

6) предвещает ноосферную глобализацию человечества;

7) *«основание “Ноосферы Будущего” на базе планетарной кооперации этносов (народов), с сохранением этнокультурного, цивилизационного, природно-ландшафтного (и соответственно – биосферного) разнообразия»**.

Восьмое смысловое измерение найдено А.И. Субетто на рубеже 80–90-х годов XX века: ноосфера – это *«управляемая социоприродная эволюция на базе общественного интеллекта и образовательного общества»* [с. 84].

Иначе говоря, в этом новом состоянии Биосферы *«совокупный разум человечества становится управляющим социобиосферной эволюцией, на базе научного познания законов функционирования и развития Биосферы как суперорганизма»* [с. 84]. Следовательно, автор не только описывает, как развивалось учение у Вернадского, но и дополняет его. А.И. Субетто находит в научных сочинениях предшественника наёмки, которые развивает до конкретных положений. Первое – этнический аспект, то есть сотрудничество наций при их уникальности (что как раз может послужить на пользу при взаимодействии – обмен умениями). Второе

* В явном виде отсутствует в концепции В.И. Вернадского, но «линию такого понимания человеческих основ ноосферы в его творческом наследии можно найти» [с. 83].

новшество автора – общий, коллективный разум человечества как вершина эволюции человека разумного. Такое положение логически следует из основного определения ноосферы Вернадским как сферы разума.

Современный учёный выдвигает теорию, согласно которой существующее разделение науки с властью должно перейти в свою противоположность. А.И. Субетто обращается к Питириму Сорокину, провозглашавшему императив замены «правительства политиков» на правительство ученых, святых и мудрецов. Этот разносторонний исследователь создал книгу «Власть и нравственность», где тревожился за то, что *«Прцветание и выживание человека сегодня во многом определяет лишь горстка верховных правителей великих ядерных держав»* [с. 92]. И, поскольку нравственность и ментальность власти, согласно Сорокину, показывают в усиленной степени те же качества тех, кем она управляет, необходимо нравственно оздоровить нацию. Опасность **«власти без мозгов»** (по выражению академика Ж.И. Алфёрова) [с. 167] (выделение мое. – А. Субетто) ставит ультиматум человечеству.

А.И. Субетто постоянно подчёркивает, что спасение утопающих – дело рук самих утопающих. То есть он не столько благодушно пророчесствует неизбежность ноосферы, сколько утверждает, что обозначенный им с опорой на учёных-предшественников путь – единственный выход из тупика, куда человечество завели бездушное потребление и легкомыслие, основанные на вседозволенности под знаменем постмодернизма и конца всего. Поэтому, чтобы спасти разумную жизнь, необходимо осознать **выход на «арену Истории» Большой Логике Социоприродной Эволюции** [с. 99], который проманифестировала первая фаза Глобальной Экологической Катастрофы. В рамках теоретико-философско-историческая рефлексии, пересказывая положения концепции Р.И. и Б.И. Нигматулиных [3, с. 37–61], А.И. Субетто обозначает вышеназванную формулировку как Положение-теорема 1, а всего их восемь.

Положение-теорема 2 – это несовместимость большой энергетики хозяйственного природопотребления и рыночно-капиталистической системы с позиций глобальной экологии. Иначе говоря, капитализм «поедает» Биосферу, лишая её энергетических ресурсов. Третьим положением является императив становления Не-Автономной, Ноосферной Истории в форме управляемой социоприродной эволюции: новая история базируется на принципах природы и единения, она «живая». Третье и четвёртое положения относятся, таким образом, к природе.

Четвёртое положение Логике Социоприродной Эволюции – «закон опережения

ростом лага упреждения последствий в долгосрочном стратегическом управлении роста энергетического воздействия социальной системы на Природу» [с. 104]. Столь сложная формула имеет простое значение: предварительный контроль над использованием человеком природных ресурсов планеты. Здесь от критериев, связанных с природой более непосредственно, происходит переход к более конкретному рассмотрению человека. Поэтому пятое положение рассматриваемой логики – закон опережающего развития качества человека, качества общественного интеллекта и качества образовательных систем в обществе. Иначе говоря, уровень знаний в обществе для успешного претворения в дело важнейших задач должен быть большим, чем эти задачи.

Отсюда обращение к обществу и то, что шестое положение логики социоприродной эволюции – Императив Великой Парадигмальной революции в начале XXI столетия. Оно указывает на «сроки исполнения пророчества». Седьмое положение, гласящее, что **«Научно-образовательное общество – единственный носитель ноосферного синтеза Науки и Власти»** подчёркивает важнейшую роль социума, его собранности и готовности к делу для осуществления необходимого объединения двух ныне разделенных сфер реализации человека. Восьмое положение рассматриваемой логики – **Императив Ноосферного Экологического Духовного Социализма**, который представляет собой социальный строй, отличающийся от предыдущих научным управлением развитием общества [с. 120]. Плановая экономика и сопутствующая ей культурная эволюция рассматриваются А.И. Субетто как благо, поскольку при этом соответствующими сферами занимается наука. Поэтому в итоге **Ноосферному Прорыву человечества из России альтернативы нет**: это доказывается как историей, так и осмыслением её процесса от Карла Маркса до Вернадского, от Вернадского до Субетто. Следовательно, **«новая, ноосферная, парадигма истории как управляемой социоприродной эволюции на базе общественного интеллекта и научно-образовательного общества может состояться тогда и только тогда, когда удовлетворяются требования Закона опережающего развития качества человека, качества общественно-интеллекта и качества образовательных систем в обществе»** [с. 106].

Четвёртая часть книги, логически следуя из предыдущих, посвящена ноосферной парадигме науки об управлении. А.И. Субетто сравнивает проблему становления новой парадигмы науки об управлении с «Родами Действительного Разума человечества» [с. 130]. Это **«системогенетическая и циклическая**

парадигмы как основания новой парадигмы науки об управлении» [с. 142]. Автором выдвигается новое направление науки – системогенетика, которая объединяет генетические подходы к пониманию развития в комплексах чего-либо. Она включает в себя ряд законов, связанных с наследованием, временем, дуальностью управления систем, а также парные законы – дивергенции и конвергенции, кооперации и конкуренции [с. 143], и некоторые другие. Их совокупность устанавливает конец стихийного развития и переход его под контроль ноосферного интеллекта. Таким образом, происходит осознание эволюции как биосферы, так и общества. Эта связь в итоге предусматривает переход **«Разума из состояния “Разума-для-Себя”, – в состояние “Разума-для-Земли, Биосферы, Космоса”»** [с. 145]. Иначе говоря, в полном согласии с учением материализма исчезает кажущееся до сих пор различие физического мира и сознания.

Как известно, одной из основ материализма является учение о самозарождении жизни, а затем в ней и разума. Отсюда закономерно обращение к парадигме гомеостаза или саморегуляции – способности открытой системы сохранять постоянство внутреннего состояния с помощью согласованных реакций для сбережения динамического равновесия. Три типа гомеостата, выделенные Ю.М. Горским, поддерживают постоянство соответственно отдельного параметра, их комплекса или программ развития, и в сумме они демонстрируют три уровня иерархии. Первый поддерживает отдельные параметры, другой – комплекс параметров, и третий – программу развития, а **«управление социоприродной эволюцией или ... ноосферой ... относится к классу гомеостатических управлений эволюцией»**, отсюда гомеостатическая парадигма – «третий источник и основание новой парадигмы науки об управлении в XXI веке» [с. 146–147]. Из этого также следует необходимость ноосферизации науки об управлении как момент ее парадигмальной перестройки, при этом «испытанием» качества ноосферного управления послужит русский Север [с. 157–160].

Разумеется, экологически это связано с рядом опасностей. Первая – недостаточное знание местной геологии, точнее, её роли в балансе геологии общепланетарной. Вторая – возможное нарушение биологической регуляции, которое может аукнуться очень серьезно, но очень не сразу, во всей биосфере планеты. Третья определяется планетарной климатообразующей функцией Северного Ледовитого океана, а четвёртая – опасностью лишить народы Севера их витальной базы. Вот почему этот эксперимент стоит прово-

дить с осторожностью, а **«антропология XXI века возможна как ноосферная антропология, в которой управляющий Разум подкрепляется, в своем становлении, Ноосферизмом и новой, ноосферной парадигмой науки об управлении»** [с. 161].

А.И. Субетто считает, что **«стихийная История именно в XX веке столкнулась со своим Экологическим Пределом»** [с. 136]. На место её должен встать **«управляющий разум – духовно-нравственный интеллект»** [с. 161]. Это необходимо, чтобы выжить, поскольку живая капиталистическая система ведёт мир к гибели. Кроме того, мышление из аналитического, разлагающего, должно стать синтетическим, объединяющим [7, с. 52]. Грядущий управляющий разум, следовательно, тоже имеет синтетические черты: он должен сочетать в себе интеллект, духовность, и нравственность. Отсюда определения автора для понятий добра и зла – последнее есть всё, что приводит к гибели, а первое – то, что сохраняет экологию и соответственно планету. Вместо антиидеала бессердечного ницшеанского сверхчеловека на арену истории, заключает Субетто, должен выйти человек Добра – Ноосферный человек.

Часть V описывает Императив становления ноосферной политэкономии. В ней рассказывается о **«стадиализация истории по основанию Большой Логике Социоприродной Эволюции и Законе интеллектоинформационно-энергетического баланса»** [с. 180]. Согласно А.И. Субетто, **«История человечества разделилась на два совершенно неравных между собой мегацикла:**

- **Малоэнергетическую Стихийную Историю** с начала Неолитической революции 100–120 веков назад по рубеж XIX/XX веков;
- **Высокоэнергетическую Стихийную Историю**, охватывающую только XX и начало XXI века, и представляющую собой Энергетическую Революцию и «Большой Энергетический Взрыв в социальной эволюции человечества» одновременно» [с. 180].

Различие между ними обусловлено не только энергетическим, но и интеллектуальным, ноосферным скачком. По А.И. Субетто мировая экономика гетерогенна (подчиняется действию закона гетерогенности мировой экономики). Поэтому следует выделять в становящейся ноосферной политэкономии ряд законов «срединного уровня», «отражающих специфику духовного и материального воспроизводства в контексте географического детерминизма» [6, с. 10]. У России, согласно учёному, их восемь:

- (1) инфраструктурный закон;
- (2) закон централизации управления социально-экономическим развитием российской цивилизации;

(3) закон существования достаточного сектора мобилизационной экономики;

(4) закон плановости (плановой регуляции);

(5) закон общинно-государственного землепользования;

(6) закон доминирования закона кооперации над действием закона конкуренции;

(7) закон стратегического резервирования;

(8) закон идеократии.

Многие из них известны нам из истории Родины. Капиталистический homo economicus – этот замечательный термин обозначает тупиковую капиталократическую ветвь эволюции. «Кажимость» человеческого бытия на Земле порождена товарно-рыночным фетишизмом, «в соответствии с которым богатство производит капитал (капиталократия), а труд играет вторичную роль» [с. 184] – что противоречит теории Маркса и социализму. Вопреки тупиковому капиталистическому кризису предпосылками начала Новой, Управляемой Ноосферной Истории служат Синтетическая Цивилизационная Революция и становящееся научно-образовательное общество [5, с. 17–21]. Отсюда «политэкономия Будущего» как ноосферная принадлежит к становящемуся Ноосферному Экологическому Духовному Социализму. Она раскрывает противоречия:

(1) между рыночно-капиталистической системой хозяйственного природопотребления и Биосферой;

(2) между Социализмом и Капитализмом, ставшим «экологическим могильщиком человечества»;

(3) между Трудом и Капиталом, переходящее в противоречие между Человеком и Капиталом [с. 186].

Способна же она на это потому, что представляет собой политэкономия наукоёмкого,

интеллектоёмкого, образованиеёмкого Труда, то есть теоретическую ноосферную экономию, для реализации которой необходим ноосферный технологический базис. Его частью является научно-образовательно-производственный комплекс, обеспечивающий:

(1) сохранение и увеличение растительного покрова (в первую очередь – лесного) на хозяйственных территориях;

(2) сбережение аквасистемы ноосферы, как важнейшего основания её устойчивости;

(3) сбережение и увеличение площадей и плодородия и укрепление гомеостатических свойств почвенного покрова на материковой суше Земли;

(4) сбережение разнообразия генома Биосферы и генома человечества [с. 188].

Таким образом, ноосферная антропология и новая наука об управлении [с. 131], направленные против капитализма, неизбежны, так как институт частной собственности и рынок исчерпали себя, и неизбежность их начинается с России, оттого что такова природа её науки. Не стоит бояться её нынешнего якобы плачевного состояния. Согласно В.И. Вернадскому, наука меняется, и только часть её современной может перейти в мировоззрение будущего [1, с. 225]. Как и с литературой, где остаются лишь шедевры, это означает, что *Ноосферно-Космический Прорыв Человечества из России* [с. 198], учитывая не столько нынешнее состояние, сколько прошлое и потенциал её науки, неизбежен! Конечно, нам для этого стоит изрядно постараться, но факт шанса неоспорим. А.И. Субетто доказал нам возможность светлого, космического будущего, и именно к этому мы и должны стремиться в память о наших предках и в заботе о наших потомках, во имя России и всей открывающейся человеку Вселенной!

Список литературы:

- [1] Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление / Отв. ред. А.Л. Яншин. – М.: Наука, 1991. – 271 с.
- [2] Минобрнауки РФ разделено на два ведомства. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <https://rg.ru/2018/05/15/minobrnauki-rf-razdeleno-na-dva-vedomstva.html> (02.06.2018).
- [3] Нигматулин Р.И., Нигматулин Б.И. Исходные теоремы модернизации России // Неэкономические грани: непознанное взаимовлияние. Научные и публицистические заметки / Рук. междисц. проекта и науч. ред. О.Т. Богомолов; зам. междисц. проекта Б.Н. Кузык. – М.: Ин-т экономических стратегий, 2010. – 800 с.
- [4] Сорокин П.А. Долгий путь. Автобиографический роман / Пер. с англ. – Сыктывкар: СЖ Коми ССР, МП «Шыпас», 1991.
- [5] Субетто А.И. Великая парадигмальная революция в развитии науки, культуры и искусства в XXI века: Научный доклад на VII Всемирном Научном Конгрессе. – СПб.: Астерион, 2015.
- [6] Субетто А.И. Законы социально-экономического развития России как самостоятельной цивилизации (в контексте закона гетерогенности мировой экономики): научный доклад. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2014. – 112 с.
- [7] Субетто А.И. Ноосферное смысловедение / Под науч. ред. Л.А. Зеленова. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2012. – 260 с.
- [8] Субетто А.И. Русская наука: от прошлого – к ноосферной ответственности за будущее России и человечества: монография / Под науч. ред. президента Петровской академии наук и искусств, д.ф.н., проф. А.В. Воронцова. – СПб.: Астерион, 2018. – 200 с.

РЕЦЕНЗИЯ НА НАУЧНЫЙ КАТАЛОГ ВЫСТАВКИ «БИБЛЕЙСКИЙ ТЕАТР МАРТИНА ЭНГЕЛЬБРЕХТА»*

© Акимов Сергей Сергеевич – кандидат искусствоведения, преподаватель, МБУ ДО Школа искусств и ремесел им. А.С. Пушкина «Изограф», Нижний Новгород; e-mail: ss.akimov@mail.ru

Летом 2017 г. Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева представил публике уникальный памятник из своих фондов – экземпляр цельногравированной Библии, выпущенной в свет в 1740–1750 гг. в Аугсбурге известным издателем и художником Мартином Энгельбрехтом (1684–1756).

Книга принадлежит к чрезвычайно популярному в Нидерландах и Германии второй половины XVI – середины XVIII в. типу печатной продукции – иллюстрированным, или лицевым, Библиям (нем. Bilderbibel), в которых основное место занимают гравированные изображения, а текст кратко поясняет их.

Увраж Энгельбрехта был приобретен музеем в 1963 г. в букинистическом магазине в сильно поврежденном состоянии и реставрирован в 2011–2017 гг. Е.В. Булыгиной. Отдельные листы демонстрировались на тематических выставках и публиковались в виде комплекта открыток по ходу реставрационных работ; по их завершении произведение было показано монографически, с изданием научного каталога, подготовленного сотрудниками ЦМиАР и видным знатоком европейской печатной графики XVI–XVIII вв., старшим научным сотрудником НИИ теории и истории изобразительных искусств РАХ А.В. Гамлицким [2]. Каталог представляет собой полную публикацию памятника и стал первой на русском языке книгой о творчестве М. Энгельбрехта.

Увраж из коллекции ЦМиАР является единственным (если не считать нескольких отдельных листов из других экземпляров) известным сейчас в российских книгохранилищах экземпляром Библии Энгельбрехта и имеет ценность для историков как западноевропейского, так и русского искусства. Во-первых, это значительный и характерный образец немецкой печатной графики эпохи барокко и рококо, Библия Энгельбрехта отражает вкусы состоятельной части общества, которой было адресовано это роскошное издание. Во-вторых, перед нами важный источник для исследования западноевропейского влияния в отечественном церковном

искусстве XVIII – начала XIX в. Как известно, в середине – второй половине XVII столетия русские монументалисты и иконописцы использовали нидерландские лицевые Библии в качестве композиционно-иконографических образцов, что способствовало расширению сюжетного репертуара и стилистическому обновлению традиционной художественной системы при переходе от Средневековья к Новому времени. Подобная практика сохранялась в провинции XVIII – начала XIX в. с той разницей, что к нидерландским изданиям присоединились более поздние немецкие, в том числе Библия Энгельбрехта [1]. Именно на листы этого увража опирался П. Хлебников при создании росписей трапезной (1787–1788) в церкви царевицы Димитрия на Крови в Угличе.

Научная значимость рецензируемого труда существенно повышается тем обстоятельством, что творчество Энгельбрехта, бывшего не только предприимчивым издателем, но и одаренным художником, почти не освещено в российской искусствоведческой литературе. Если книжная гравюра Германии эпохи Возрождения рассматривается во многих работах, среди которых выделяются монографии Ц.Г. Нессельштрауса (2000) и культуролога Н.А. Багровникова (1999, 2013, 2015), то немецкая печатная графика XVII–XVIII вв., неплохо представленная в российских собраниях, еще ждет специального изучения. Об Энгельбрехте на русском языке имеется только несколько публикаций нижегородского искусствоведа Н.В. Свириной, изучавшей коллекцию эстампов мастера, хранящуюся в Нижегородском государственном художественном музее. Наиболее обстоятельной из них является статья 1997 г., в которой анализируются стилистические особенности листов Энгельбрехта и ставится проблема взаимовлияния гравюры и ювелирного искусства в Аугсбурге первой половины XVIII в. [5]. В Германии самым полным исследованием о художнике остается книга Ф. Шотта, увидевшая свет более 90 лет назад (F. Schott, 1926); во всяком случае сведений о более поздних монографиях разыскать не удалось.

* Библейский театр Мартина Энгельбрехта. Сюжеты Священной Истории в западноевропейской книжной гравюре. Выставка из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева. 14 июня – 1 августа 2017 г. Каталог. Сост. Л.И. Алехина. Авторы вст. ст. Л.И. Алехина, А.В. Гамлицкий. М., 2017. 143 с., ил.

Рецензируемый каталог включает вступительную статью куратора выставки Л.И. Алехиной, обширный очерк А.В. Гамлицкого о составе, проблеме датировки и стилистических особенностях памятника, вопросах его бытования в России, аннотированные воспроизведения всех листов увража. Репродукции кроме каталожных данных снабжены иконографическими комментариями и цитатами из Библии, соответствующими избранным событиям. На выставке увраж Энгельбрехта дополняли находящиеся в фондах ЦМиАР два немецких издания Библии второй половины XVI в. и экземпляр Евангелия Наталиса (1593), краткие описания которых также вошли в каталог. В завершение даются составленные на основе немецкой литературы биографические справки о рисовальщиках и граверах, участвовавших в создании Библии Энгельбрехта.

Произведение из ЦМиАР поставило перед своими исследователями целый ряд проблем, решению которых посвящена статья А.В. Гамлицкого. Первая из них – это датировка памятника. У московского экземпляра, как и у наиболее полного из сохранившихся экземпляров Библии Энгельбрехта, хранящегося сейчас в библиотеке Атенеум в Бостоне, утрачен титульный лист. Американские специалисты датируют издание очень широким промежутком времени от получения издателем права на собственный адрес в 1719 г. до его смерти. А.В. Гамлицкий несколько уточняет хронологические координаты: из участвовавших в работе художников И.Э. Ридингер вернулся из Италии в Аугсбург в 1728 г., а гравюра И.С. Мюллера помечена 1743 г., в следующем же году он навсегда уехал в Англию.

Второй аспект изучения памятника – состав увража и степень участия в его подготовке самого Энгельбрехта не только как издателя, но и как автора композиций и гравера. Экземпляр ЦМиАР насчитывает 124 листа (еще два из других изданий были добавлены позднее владельцами), в то время как экземпляр бостонского Атенеума включает 340 гравюр. В качестве инвенторов и гравиров Энгельбрехт привлек мастеров разного творческого уровня и известности, и Гамлицкий считает, что в увраж могли также войти гравюры, ранее изданные самостоятельными сериями [2, с. 26].

Кроме атрибуционных вопросов важнейшее значение в исследовании произведения имеют его стилистическая природа и место в развитии западноевропейской печатной графики и христианской иконографии XVI–XVIII вв. В листах Библии Энгельбрехта можно проследить заимствования из различных художественных источников вплоть

до конкретных произведений итальянского Ренессанса, французских и голландских мастеров, даже Дж.Б. Тьеполо. Особенно показательны первые шесть эстампов, посвященные сотворению мира и представляющие зеркальные копии гравюр Я. Саделера по оригиналам М. де Воса (около 1580 г.). А.В. Гамлицкий прослеживает происхождение этих композиций, восходящих к росписям Рафаэля в Лоджиях Ватикана, и влияние, оказанное ими в свою очередь на развитие иконографии сюжетов о сотворении мира от Библии Пискатора до угличских росписей П. Хлебникова, имевшего в своем распоряжении именно эти начальные эстампы издания. Нам же хотелось бы подчеркнуть иное: факт использования Энгельбрехтом произведений конца XVI в. говорит о том, что поздний нидерландский романтизм не воспринимался в Германии эпохи рококо как явление архаичное, его образцы (в данном случае обладающие несомненными художественными достоинствами) оставались эстетически привлекательными. Более того, мы можем, видимо, говорить об особом интересе некоторых немецких и чешских художников первой трети XVIII в. к нидерландской романистской традиции, свидетельством чему служит так называемый «второй пражский маньеризм», в т.ч. подражания богемских художников нидерландским произведениям [4].

Кроме упомянутого обращения к гравюрам Я. Саделера в Библии Энгельбрехта есть прямые заимствования из Библии Маттеуса Мериана, несколько раз издававшейся в Германии, в т.ч. в Аугсбурге. А.В. Гамлицкий вскользь обозначает интересную проблему влияния Библии Мериана на немецкую монументальную живопись: в разных землях Германии известно не менее десяти церквей, расписанных с опорой на эти листы [2, с. 29]. Здесь возникает не только примечательная параллель с русской иконописью, где имеется ряд произведений второй половины XVII в., восходящих к амстердамским копиям с гравюр Библии Мериана, но и почти не исследованная тема воздействия печатной графики на монументальное искусство Германии XVII–XVIII столетий.

Наконец, еще один аспект изучения памятника из ЦМиАР – его бытование в России, где увраж, судя по палеографии владельческих надписей, находился уже во второй половине XVIII в. Русскими же владельцами раскрашены некоторые листы Библии. Данное издание не было массовым, поэтому сохранилось в единичных экземплярах. Однако произведения Энгельбрехта были достаточно популярны в нашей стране, подтверждением чему является собрание его гравюр в

Нижегородском художественном музее, куда вошли листы, принадлежавшие основателю Арзамасской школы живописи А.В. Ступину и, очевидно, нижегородским помещикам-коллекционерам Шереметевым [5, с. 137–138].

К сожалению, составители каталога по каким-то причинам не уделили должного внимания латинским и немецким текстам под изображениями. Ни один из них не опубликован, а небольшой размер репродукций сильно затрудняет их чтение, особенно немецких подписей, данных готическим шрифтом. Между тем изучение их лингвистических и стилистических особенностей, соотношения с каноническим текстом Священного писания, сравнение с текстами других нидерландских и немецких *Bilderbibel* могло бы стать любопытным предметом для лингвокультурологического исследования, что существенно дополнило бы наши представления о европейских лицевых Библиях в целом.

Говоря о том, что памятник из ЦМиАР является не единственным бытовавшим в России экземпляром Библии Энгельбрехта, А.В. Гамлицкий приводит в подтверждение эстамп из другого экземпляра этого издания, находившийся в коллекции П.Д. Корина и ранее, очевидно, принадлежавший кому-то из палехских иконописцев (ныне хранится в мемориальном музее художника) [2, с. 36]. Однако он не упоминает, что значительной коллекцией гравюр М. Энгельбрехта располагает Государственный Исторический музей. Это собрание содержит около ста листов на библейские и иные сюжеты, но сотрудниками музея никаких исследований о них опубликовано не было*. Два эстампа из ГИМ демонстрировались в 1995 г. на выставке произведений, реставрированных студентами Московского художественного училища памяти 1905 г., и воспроизведе-

ны в ее каталоге [3, с. 67, 71]. Один из них, опубликованный под названием «Сотворение мира» и изображающий Бога-отца, палящего над землей, – это лист «Четвертый день творения» из Библии Энгельбрехта. На втором листе представлена Богоматерь, стоящая с молитвенно сложенными руками на фоне сцен Благовещения и Распятия. Такой композиции в увраже из ЦМиАР нет, но лист из ГИМ выполнен по оригиналу П. Деккера, участвовавшего в создании Библии Энгельбрехта, и также может входить в это издание, чему не противоречат ни его размеры, ни горизонтальный формат, ни стилистика, ни наличие и расположение текстов (правда, прочитать их по маленькой репродукции невозможно). Следовательно, в распоряжении специалистов есть гравюры из третьего, кроме ЦМиАР и «коринского», бытовавшего в России экземпляра Библии Энгельбрехта.

Изучение влияния западноевропейской печатной графики на русское церковное искусство берет свои истоки еще в начале XX столетия, на советском и современном этапах оно представлено работами В.Г. Брюсовой, А.В. Гамлицкого, И.Л. Бусевой-Давыдовой и других специалистов. Публикация Библии Энгельбрехта из собрания музея им. Андрея Рублева – новый этап этой научной традиции, событие, незаурядное для отечественного искусствознания и в силу уникального характера памятника, оставившего след в истории русской художественной культуры, и в силу добросовестного и высокопрофессионального труда, проделанного авторами каталога. Их подход вполне может послужить ориентиром при научном издании других нидерландских и немецких лицевых Библий XVI–XVIII вв., когда кто-либо решится взять на себя эту грандиозную, но весьма необходимую, работу.

Список литературы:

- [1] Акимов С.С. К вопросу о роли западноевропейской печатной графики в развитии художественной культуры российской провинции XVIII – середины XIX в. // Научная дискуссия: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. X Международная научно-практическая конференция. – М., 2013. – С. 21–27.
- [2] Библиейский театр Мартина Энгельбрехта. Сюжеты Священной Истории в западноевропейской книжной гравюре. Выставка из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева. 14 июня – 1 августа 2017 г. Каталог. Сост. Л.И. Алехина. Авторы вст. ст. Л.И. Алехина, А.В. Гамлицкий. – М., 2017. – 143 с., ил.
- [3] Московское художественное училище памяти 1905 года. Выставка произведений искусства XVII–XX вв., реставрированных учащимися. Каталог. Сост. Г.С. Клокова, А.К. Митюкова. – М., 1995. – 72 с., ил.
- [4] Садков В.А. «Второй пражский маньеризм» и проблема имитации богемскими художниками первой трети XVIII в. произведений нидерландских мастеров // VI научная конференция «Экспертиза и атрибуция произведений изобразительного искусства». Материалы. – М., 2002. – 304 с.
- [5] Свирина Н.В. Гравюры Мартина Энгельбрехта в собрании Нижегородского государственного художественного музея // К 100-летию со дня основания Нижегородского государственного художественного музея. Сборник статей. – Нижний Новгород, 1997. – С. 137–147.

* Благодарю С.С. Мохначеву (ГИМ) за любезно предоставленную информацию.

SOCIETY-ENVIRONMENT-DEVELOPMENT

SOCIETY

Article
Summary &
References

Efficient Management

Kudryavtseva T.J. Cluster as Institutional Form of market organization 3 / 135

History and the Present

Brachev V.S. Life and Destiny of the Historian: Konstantin Wilhelmovich Notman (1901–1937)..... 10 / 136

Kotkov V.M., Kotkova Yu.V. Alexander Nevsky Cathedral – the Main Cathedral of the Caucasian Military District 14 / 136

Discourse Strategies

Chukurov A.Y. Posthumanism ideas in cultural perspective..... 24 / 137

Globalization: Polemic of Civilizations

Lane D. The October Revolution and its Consequences 31 / 137

Teziç M.C. Formation of the Buryat Ethnos in the Structure of Territory and Social Place 42 / 138

Social Phenomena

Fedotova V.A. Economic determinants of attitudes toward health 47 / 139

Bhosale B.V. History of Matheran Hill Station in India..... 55 / 140

Languages of Culture

Thakahov V.H. Identity and Memory in Urbanonyms of Magas City 62 / 141

Kuleshova A.A., Hachaturova E.A., Mitrohina T.A. The Actual Trends in the Fashion Presentation of Costume Designers Collections 68 / 143

World of Art Culture

Klimova O.M. The mode of being in the painting of domestic neo-primitivists of the early twentieth century: the culturological analysis..... 75 / 143

Cultural Heritage

Mosolova L.M., Omuraliev M.B. Art History in the Dynamics of the Culture of Kyrgyzstan of the XX – early XXI centuries..... 79 / 144

Marchenko M.A. Moneybox as a Cultural Phenomenon and its Evolution..... 84 / 145

ENVIRONMENT

Understanding the Noosphere

Gladkiy Yu.N., Mahova I.P., Gladkiy I.Yu. Geophysical and economic Determinants of Wind Power Development in Russia: a contradictory Relationship..... 88 / 145

Global Ecological Crisis: Myths and Reality

Ovsepyan A.E. About Mercury Concentration in Fish in the Mouth of the Northern Dvina River 96 / 146

Natural Environment

Lovelius N.V., Retejum A.Ju. Small and large solar Cycles in the Scandinavian Forest 103 / 149

Potakhin M.S., Belkina N.A., Slukovskii Z.L., Novitsky D.G., Morozova I.V. Changes of Bottom Sediments of Vygozero as a Result of Multifactor Anthropogenic Impact 107 / 149

NEWS

<i>Vorontsov A.V., Ageevets V.U., Lovelius N.V.</i> In memoriam Victor Alekseyevich Zverev (1935–2018).....	118 / –
<i>Vorontsov A.V., Lovelius N.V., Zhokhova O.V., Osipov A.I.</i> In memoriam Lyubov' Nikolaevna Samsonova (1948–2018).....	119 / –
<i>Kostyuk R.V., Rushchin D.A.</i> Discussion Seminar at St. Petersburg State University: «The Electoral Revolution in Mexico: What is next?», St. Petersburg, 2018, September 24.....	120 / –
<i>Drobysheva M.N.</i> Russian Actors at Festivals in Finland, Croatia, China in 2018.....	122 / –
<i>Subbotin A.A.</i> Noosphere is Our Future. Review of A.I. Subetto's monograph «Russian Science: from the Past to Noospheric Responsibility for the Future of Russia and Humanity».....	125 / –
<i>Akimov S.S.</i> Review of the scientific exhibition Catalog «Bible Eheater of Martin Engelbrekht»	130 / –

SUMMARY & REFERENCES

SOCIETY

EFFICIENT MANAGEMENT

T.J. Kudryavtseva,

Ph.D., Assistant Professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg;
e-mail: tankud28@mail.ru

CLUSTER AS INSTITUTIONAL FORM OF MARKET ORGANIZATION

This research reveals fundamental questions concerning industrial clusters in the context of market institutional theory. In particular, author provides evidences spatial arrangement of industrial clusters is the essence of the efficient market organization. Competing schools, which study industrial clusters, agree that common localization of certain interconnected economic subjects is determined by real life. This interconnection in informal in a sense that there is no common ownership or over companies. Therefore, industrial clusters are not hierarchical structures. Consequently, cluster is a specific market organization, which is structured by territorial principle. Such structuration allows creating a set of institutes, which are used by companies, which perform certain activities. In particular, these companies operate in industries, which are highly volatile and which have developed social institutes. Clusters are markets, where goods, services and knowledge are traded in the most effective way. Institutes, which are specific for this market form, allow creation among the cluster members, which smooths obstacles for acquiring and using knowledge created and used locally.

Key words: industrial clusters, cluster market organization, network market organization, cluster economy.

References:

- [1] Kassiyura E.V. Marketing strategies for demand management for innovative products in the value chain [Marketingovyie strategii upravleniya sprosom na innovacionnyuyu produkciyu v epochke sozdaniya potrebitel'skoj cennosti] / Diss. St.-Petersburg, 2017. – 201 p.
- [2] Kucenko E.S. Clusters in the Economy [Klastery v ehkonomie] // Observer. 2010, № 3, pp. 99–110.
- [3] Rodionov D.G., Afanasov A. YU., Gorovoj A. A. Foreign experience in the formation and implementation of regional cluster policy [Zarubezhnyj opyt formirovaniya i realizacii regional'noj klasternoj politiki] // World of economics and law [Mir ehkonomiki i prava]. 2014, № 6, pp. 4–16.
- [4] Rodionov D.G., Afanasov A.Yu., Gorovoj A.A. Regional cluster policy in the context of managing the development of the regional economy [Regional'naya klasternaya politika v kontekste upravleniya razvitiem regional'noj ehkonomiki] // World of economics and law [Mir ehkonomiki i prava]. 2014, № 4–5, pp. 18–30.
- [5] Rodionov D.G., Afanasov A. Yu., Gorovoj A.A. The role of regional cluster policy in ensuring the processes of innovative modernization of the Russian social and economic system [Rol' regional'noj klasternoj politiki v obespechenii processov innovacionnoj modernizacii rossijskoj social'no-ehkonomicheskoj sistemy] // World of economics and law [Mir ehkonomiki i prava]. 2014, № 3, pp. 38–42.
- [6] Harlamova T.L. Innovation-network form of development of megalopolis clusters [Innovacionno-setevaya forma razvitiya klasterov megalopolisa] // Scientific and technical lists of the St. Petersburg State Polytechnic University. Economic sciences [Nauchno-tehnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politehnicheskogo universiteta. Ehkonomicheskie nauki]. 2012, № 1 (139), pp. 80–86.
- [7] Bathelt H., Malmberg A., Maskell P. Clusters and knowledge: local buzz, global pipelines and the process of knowledge creation // Progress in human geography. V. 28. 2004, № 1, pp. 31–56.
- [8] Bellandi M., De Propriis L., Santini E. Endogenous Rerouting and Longevity in Systemic Organisations of Production // Agglomeration and Firm Performance. Springer, Cham, 2018, pp. 207–221.
- [9] Bowles S. Endogenous preferences: The cultural consequences of markets and other economic institutions // Journal of economic literature. V. 36. 1998, № 1, pp. 75–111.
- [10] Coase R.H. The institutional structure of production // The American Economic Review. V. 82. 1992, № 4, pp. 713–719.
- [11] Davies A., Brady T. Organisational capabilities and learning in complex product systems: towards repeatable solutions // Research policy. V. 29. 2000, № 7–8, pp. 931–953.
- [12] Field J. Social capital. Routledge, 2016.
- [13] Hennart J.F., Park Y.R. Greenfield vs. acquisition: The strategy of Japanese investors in the United States // Management science. V. 39. 1993, № 9, pp. 1054–1070.
- [14] Kudryavtseva T., Rodionov D., Kravchenko V., Maryta V. Special economic zones as an instrument of industrial policy pharmaceutical clusters in Russia // Proceedings of the 28th International Business Information Management Association Conference – Vision 2020: Innovation Management, Development Sustainability, and Competitive Economic Growth. 2016, pp. 1008–1018.
- [15] Loasby B.J. Organisational capabilities and interfirm relations // Metroeconomica. V. 45. 1994, № 3, pp. 248–265.
- [16] Lundvall B., Gregerson B., Johnson B., Lorenz E. Innovation System and Economic Development. Aalborg University, University of Nice. 2011, June, p. 2.

- [17] Maskell P. The theory of the firm in economic geography: or why all theories of the firm are not equally well suited for application within the conversation on space // *Economic Geography*. 2001, № 77(4), pp. 329–344.
- [18] Pande P.C., Mansfield T.A. Responses of winter barley to SO₂ and NO₂ alone and in combination // *Environmental Pollution Series A, Ecological and Biological*. V. 39. 1985, № 3, pp. 281–291.
- [19] Popov E.V., Simonova V.L., Kazakova D. M. Investigation of Institutional Clustering: Empirical Evidence 1 // *Montenegrin Journal of Economics*. V. 12. 2016, № 1, p. 65.
- [20] Rodionov D.G., Kudryavtseva T.J. Factors of the effective development of the St. Petersburg instrument engineering cluster // *International Journal of Economics and Financial Issues*. V. 6. 2016, № 2S, pp. 298–306.
- [21] Timsit J.P. et al. The effect of market-pull vs. resource-push orientation on performance when entering new markets // *Journal of Business Research*. V. 68. 2015, № 9, pp. 2005–2014.
- [22] Williamson O.E. *Contract, Governance and Transaction Cost Economics*. New Jersey, World Scientific, 2017, 207 p.

HISTORY AND THE PRESENT

V.S. Brachev,

PhD, professor, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg;
e-mail: V.Brachev@yandex.ru

LIFE AND DESTINY OF THE HISTORIAN: KONSTANTIN WILHELMOVICH NOTMAN (1901–1937)

The first in the historical literature is the scientific biography of the associate professor of the Leningrad University and the Leningrad Historical and Linguistic Institute Konstantin Notman. The main milestones of the life path and scientific and pedagogical activity of the historian are considered. Particular attention is paid to the complex relations of K.V. Notman with the leadership and party organization of LILL, the arrest and testimony given to him during the investigation of his case.

Key words: Konstantin Evgenievich Notman, Leningrad University, Leningrad Institute of History, Philosophy and Linguistics (LIFLI), Trotskyite-Zinoviev opposition, history of factories and plants, Soviet historiography of 1920–1930, political repressions in the USSR.

References:

- [1] The archive of the Office of the Federal Security Service of the Russian Federation for St. Petersburg and the Leningrad Region. File No. П-14079 (On the charge of Alexandrov P.N. and Notman K.V., 1935).
- [2] Brachev V.S. Ya.M. Zakher's criminal case [«Delo» YA.M. Zahera] // *Society. Environment. Development [Obschestvo. Sreda. Razvitie]*. 2012, № 2, pp. 41–45.
- [3] Brachev V.S. Historian Alexander I. Malyshev (1902–1936) [Istoriik Aleksandr Il'ich Malyshev (1902–1936)] // *Society. Environment. Development [Obschestvo. Sreda. Razvitie]*. 2015, № 2, pp. 36–41.
- [4] Brachev V.S. “Professor-Bolshevik” Yakov Karlovitch Palvadre // *Society. Environment. Development [Obschestvo. Sreda. Razvitie]*. 2014, № 3, pp. 37–42.
- [5] Stalin I. About some questions of the history of Bolshevism. Letter to the editorship of j. «The proletarian revolution. 14th year of the dictatorship of the proletariat» [O nekotorykh voprosakh istorii bol'shevizma. Pis'mo v redaktsiyu zh. «Proletarskaya revolyuciya. 14 god diktatury proletariata»] Moscow, 1931, № 6 (111).
- [6] Pipe plant on October routes (Essay) [Trubochnyy zavod na Oktyabr'skikh putyah (Ocherk)] // *Red chronicle [Krasnaya letopis']*. Leningrad, 1932, № 5–6(50–51).
- [7] Central State Archives of St. Petersburg (ZGA SPb). Ph. 328 (LIFLI), File 2, Case № 1167.

V.M. Kotkov,

PhD, professor, S.M. Budyonny Military Academy of telecommunications, Saint-Petersburg;
e-mail: k.julia@mail.ru

Yu.V. Kotkova,

PhD, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg;
e-mail: k.julia@mail.ru

ALEXANDER NEVSKY CATHEDRAL – THE MAIN CATHEDRAL OF THE CAUCASIAN MILITARY DISTRICT

The short history of the Aleksandro-Nevisky of a military cathedral reveals. The chief priest of the Caucasian Army archpriest S. Gumilevsky in 1864 gave a note in which, proved need of construction of a cathedral addressed to the Deputy of the Caucasus. The deputy of the Caucasus Grand duke Mikhail Nikolaevich with special attention treated the statement of the archpriest Gumilevsky as creation of a cathedral from the very first days of a namestnichestvo of the Grand duke was his personal treasured desire, – and also the place of creation of the temple – Gunibskaya Square and that this temple, intending for Church services, at the same time was a monument of the nice end of the Caucasian war was specified to them. Interesting archival data on a temple prichta which are for the first time introduced for scientific use are provided.

Key words: Caucasian military district, Chief priest of the Caucasian Army, Russian troops, Tiflis, fortress, Circassians, Aleksandro-Nevisky military cathedral, priest, deacon, psalm reader, patronal feast day, icon, altar.

References:

- [1] The Scout [Razvedchik]. 1895, February 21, № 228.
- [2] The Scout [Razvedchik]. 1897, July 1, № 350.
- [3] RGIA [Rossijsrij gosudarstvennyj istoricheskij archiv]. F. 806. Inv. 12. Case. 13.
- [4] RGIA. F. 806. Inv. 17. Case. 526.

- [5] Tsitovich Gr. The Sacred Temples of the army and navy (consisting of the Department of Protopresbyter of the military and naval clergy). Historical and statistical description. In 2 parts [Svyashchennye Hramy armii i flota (sostoyashchie v vedomstve Protopresvitera voennogo i morskogo duhovenstva). Istoriko-statisticheskoe opisanie. V 2-h chastyah]. Pyatigorsk, Typo-lithography of A.P. Nagorov, 1913.

DISCOURSE STRATEGIES

A.Y. Chukurov,

PhD, associate professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg;
e-mail: achukurov@yandex.ru

POSTHUMANISM IDEAS IN CULTURAL PERSPECTIVE

The article is devoted to the analysis of the posthumanism ideas in the context of the socio-cultural dynamics of the late XX and early XXI centuries. We point out that posthumanism is not just a philosophical concept, but an objective modern reality. The article analyzes in detail the differences between the basic postulates of posthumanism and the ideas of classical humanism. We also define the relationship between posthumanism and transhumanism, pointing out that transhumanism is simply an aspect, an integral part of the posthumanism conception. Particular attention is paid to the analysis of self-identity mechanisms transformation in the epoch of posthumanism domination. We come to the conclusion that in this process the role of the Imaginary sharply increases and self-identification occurs with something that does not exist in what we habitually call «objective reality»; and most importantly, this process will be permanent in the culture of the 21st century.

Key words: posthumanism, humanism, transhumanism, self-identification, art, cyborg.

References:

- [1] Atlanov D.Yu., Bulgakova O.S. Philosophy of personality [Filosofiya lichnosti]. St. Petersburg, NPCPSN, 2012, 230 p.
- [2] Levinas E. Difficult freedom. Essays on Judaism [Trudnaya svoboda. Ocherki po iudaizmu] // Levinas E. Selected: Difficult freedom [Izbrannoye: Trudnaya svoboda]. Moscow, The Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN) [Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN)], 2004, pp. 319–589.
- [3] Mirandola, della J.P. Speech about the dignity of a man [Rech o dostoinstve cheloveka] / Tr. by L. Bragina // The history of aesthetics. Monuments of world aesthetic thought [Istoriya estetiki. Pamyatniki mirovoy esteticheskoy mysli] in 5 vols. V. 1, pp. 506–514. URL: http://psylib.org.ua/books/_pikodel.htm (10.08.2018)
- [4] Pascal B. Thoughts [Mysli] // Thinking reed: our dignity is not in mastering space, but in the ability to think sensibly [Myslyashchiy trostnik: nashe dostoinstvo – ne v ovladenii prostranstvom. A v umenii zdravo myslit]. Electronic Library of the Russian Academy of Sciences. URL: <https://iphlib.ru/greystone3/library/collection/antology/document/HASH0129eccae3ffd40001c5415e> (15.08.2018)
- [5] Reno A. The era of the individual. To the history of subjectivity / A. Reno. – St. Petersburg: Vladimir Dahl, 2002. – 473 p.
- [6] Spivak S. Doctrine of posthumanism [Doktrina postgumanizma] // Samizdat. URL: http://samlib.ru/s/spivak_s_i/doktrina.shtml (05.08.2018)
- [7] Stelarc: man or cyborg? [Stelarc: chelovek ili kiborg?] // The Kaliningrad room. URL: <http://kaliningrad-room.ru/stelarc-chelovek-ili-kiborg/> (10.08.2018)
- [8] The third ear on the hand was raised by a professor from Australia [Tretye ukho na ruke vyrastil sebe profesor iz Avstralii] // The Star [Zvezda]. URL: https://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201508122057-hzgx.htm (11.08.2018)
- [9] Heidegger M. Being and Time [Bytiye I vremya]. St. Petersburg, Science [Nauka], 2002, 451 p.
- [10] Chukurov A.Y. Transformations of the physical and social body in the context of the formation of self-identity (to the formulation of the question) [Transformatsii fizicheskogo i sotsialnogo tela v kontekste formirovaniya samoidentichnosti (k postanovke voprosa)] // Yaroslavl Pedagogical Bulletin [Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik]. 2017, № 3, pp. 268–273.
- [11] Chukurov A.Y. Bodimodifications and some features of their representation in popular culture [Bodimodifikatsii i nektoryye osobennosti ikh reprezentatsii v populyarnoy kulturne] // Psychophysiology News [Vestnik psikhofiziologii]. 2017, № 3, pp. 33–39.
- [12] Shichanina Y.V. Self-Identity: The Internet Format [Samoidentizvanstvo: Internet-formaty] // Philosophical Sciences [Filosofskiye nauki]. 2009, № 10, pp. 45–59.
- [13] Haraway D. A cyborg manifesto. Science, technology and socialist-feminism in the late twentieth century [Manifest kiborgov: nauka, tekhnologiya i sotsialisticheskii feminizm 1980-kh] / Tr. by A. Garadj. Moscow, Marginem Press, 2017, 128 p.

GLOBALIZATION: POLEMIC OF CIVILIZATIONS

D. Lane,

a Fellow, the (British) Academy of Social Sciences; Emeritus Fellow, Emmanuel College, Cambridge University, United Kingdom; e-mail: dsl10@cam.ac.uk

THE OCTOBER REVOLUTION AND ITS CONSEQUENCES

The article outlines four aspects of socialist revolutions contextualised by the October Revolution: the dynamics of political insurrection, the policies of the insurgents and the institutions and interests which conditioned their

policies, the achievements and shortcomings of revolutionary action, and counter-revolution, which dismantled the socialist system. In the absence of revolution in the industrialised countries of Europe, the Bolsheviks were confronted with the task of building socialism under unfavourable conditions. Significant progress was made in economic planning which was the basis for industrialisation, urbanisation and the formation of a socialist welfare state. Important advances were also made in reducing of inequality; though other forms of repression and discrimination continued and others were shaped by the new system. These developments had noteworthy international effects. It is contended that the socialist system did not collapse but was consciously taken apart. The rise of domestic class forces, aided by destabilising external powers, created conditions for the dismantling of the socialist system.

Key words: Dynamics of revolution, October Revolution, Soviet planning, class conflict, Soviet welfare, repression in USSR, dismantling USSR.

References:

- [1] National Education in the USSR [Narodnoe obrazovanie v SSSR]. Moscow, 1957, 783 p.
- [2] The National Economy of the USSR in 70 years: Anniversary Statistical Year-book [Narodnoe khozyaystvo SSSR za 70 let. Yubilejnyj statisticheskij ezhegodnik]. Moscow, 766 p.
- [3] The National Economy of the USSR 1922–1982. Anniversary statistical year-book [Narodnoe khozyaystvo SSSR 1922–1982. Yubilejnyj statisticheskij ezhegodnik]. Moscow, 623 p.
- [4] Work in the USSR. Statistical collection [Trud v SSSR. Statisticheskij sbornik]. Moscow, 1968, 342 p.
- [5] Asselain J.-Ch. The Distribution of Incomes in East-Central Europe // Equality and Inequality in Eastern Europe / Kende P., Strmiska Zd. (eds.). Leamington; New York: Berg, 1987, pp. 21–62.
- [6] Edmonds R. Churchill and Stalin // Blake R., Louis W.R. Churchill. Oxford, Oxford University Press, 1993, pp. 309–327.
- [7] Equality and Inequality in Eastern Europe / Kende P., Strmiska Zd. (eds.). – Leamington; New York: Berg, 1987.
- [8] Ferguson N. // Sunday Times. 2017, August 13, p. 4.
- [9] Figes O. A People's Tragedy. The Russian Revolution 1891–1924. London: Jonathan Cape, 1996.
- [10] Gerschenkron A. The Rate of Growth in Russia // The Journal of Economic History. 1947, vol. 7.
- [11] Grachev A. Russia in the World / Paper delivered at BNAAS Annual Conference. Cambridge, 1995.
- [12] Hitler A. Mein Kampf / Unexpurgated edition. London, Hurst and Blackett, 1939.
- [13] Human Development Report 1990 // United Nations Development Programme. URL: http://hdr.undp.org/en/media/hdr_1990_en_indicators1.pdf
- [14] Human Development Report 1991 // United Nations Development Programme. New York, 1991.
- [15] Human Development Report 1992 // United Nations Development Programme.
- [16] Jode. Winston Churchill and the Rise of Bolshevism 1917–1927. URL: <https://jodeblogs.wordpress.com/2015/05/29/winston-churchill-and-the-rise-of-bolshevism-1917-1927/>
- [17] Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilisation. Oakland, University of California Press, 1996.
- [18] Lane D. The Capitalist Transformation of State Socialism. London, Routledge, 2014.
- [19] Lane D. The End of Social Inequality? Class, Status and Power Under State Socialism. London; Boston; Sydney, George Allen & Unwin, 1982, 176 p.
- [20] Lenin V.I. Imperialism: the Highest Stage of Capitalism // Collected Works. Vol. 22. Moscow, Progress publishers, 1964.
- [21] Lenin V.I. The Significance of Fraternisation, Pravda № 43, May 11 (April 28), 1917 // Collected Works. Vol. 24. Moscow, Progress publishers, 1964, pp. 318–320.
- [22] Lenin V.I. The Tasks of the Proletariat // Collected Works. Vol. 24. Moscow, Progress Publishers, 1964, pp. 29–35.
- [23] Lenin V.I. What is to be Done? (December 1902) // Collected Works. Vol. 4. – Moscow: Progress Publishers. – P. 347–530.
- [24] Luke T.W. Technology and Soviet Foreign Trade: On the Political Economy of an Underdeveloped Superpower // International Studies Quarterly. Vol. 29. 1985, № 3 (Sep.), pp. 327–353.
- [25] McCauley M. Stalin and Stalinism. London, Longman Pearson, 2008.
- [26] Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia 1905–2016 // NBER Working Papers. 2017, № 23712.
- [27] Shearer D.R. Policing Stalin's Socialism: Repression and Social Order in the Soviet Union, 1924–1953. Yale University Press, 2009.
- [28] Swianiewicz S. Forced Labor and Economic Development. London, Oxford University Press, 1965.
- [29] Walker S. // The Guardian (London). 2017, February 6.
- [30] Wilber C.K. The Soviet Moel and Under-Developed Countries. Chapal Hill, University of North Carolina Press, 1969.

M.C. Teziç

PhD (sociology), teacher, University of Ankara, Ankara (Turkey);
e-mail: canteziç@yahoo.com

FORMATION OF THE BURYAT ETHNOS IN THE STRUCTURE OF TERRITORY AND SOCIAL PLACE

In the literature there are two contrasting thesis about the formation of Buryat ethnos. One of the group argues that untill Russian arrival to Baykal, Buryat ethnos had already existed. An other group of reserchers argue that Buryat ethnos appeared after Russian arrival to PreBaykal and ZaBaykal. In this study the problem of Buryat ethnogenes is studied through the concept of territorilization.

Key words: Buryat, ethnogenes, ethnos, teritorilization.

References:

- [1] Abaeva, L.L., Tjukovskaja, N.L. Buryats [Buryaty]. Moscow, Science [Nauka], 2004, 633 p.
- [2] Bazarov B.V., Habaeva L.B. Buryat national democrats and socio-political thinking of mongol peoples in first third of the XX century [Buryatskie nacional'nye demokraty i obshchestvenno-politicheskaya mysl' mongol'skih narodov v pervoj treti XX veka]. Ulan-Ude, SB RAS, 2008, 376 p.
- [3] Bardin B.B. Buryat-Mongols. A brief historical sketch of Buryats-Mongolian people [Buryat-mongoly. Kratkij istoricheskiy ocherk oformleniya buryat-mongol'skoj narodnosti // Buryatievedenie. 1927, № 3–4, pp. 39–52.
- [4] Bromlej Ju.V. Essays on the theory of ethnoscience [Ocherki teorii ehntnosa]. Moscow, LKI, 2008, 436 p.
- [5] Vjatkina L.V. Essays on the culture and life of Buryat [Ocherki kul'tury i byta buryat]. Leningrad, Science [Nauka], 1969, 218 p.
- [6] Dolgih B.O. Some data on the history of education of the Buryat people [Nekotorye dannye k istorii obrazovaniya buryatskogo naroda] // Soviet Ethnography [Sovetskaya ehntnografiya]. 1953, № 1, pp. 38–63.
- [7] Dorzhiev B.S. History of origin and formation of the Buryat people [Istoriya proiskhozhdeniya i stanovleniya buryatskogo naroda]. Ulan-Ude, Buryat book publisher [Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo], 2010, 204 p.
- [8] Egunov N.P. Baikal in ancient times and the problem of the origin of the Buryat people. P. 1 [Pribajkal'e v drevnosti i problema proiskhozhdeniya buryatskogo naroda. Ch. 1]. Ulan-Ude, 1984, 284 p.
- [9] Elaev A.A. Buryatia: the path to autonomy and statehood [Buryatiya: put' k avtonomii i gosudarstvennosti]. Moscow, Antal, 1994, 176 p.
- [10] Zalkind Ye.M. On the issue of formation of the Buryat-Mongolian peoples [K voprosu ob obrazovanii buryat-mongol'skoj narodnosti] // Notes of the Buryat-Mongolian research Institute of culture [Zapiski Buryat-Mmongol'skogo nauchno-issledovatel'skogo instituta kul'tury]. 1956, iss. XXII, pp.23–45.
- [11] Zoriktuev B.R. Actual problems of ethnic history of the Mongols and Buryats [Aktual'nye problemy ehnticheskoy istorii mongolov i buryat]. Moscow, Vost. Lit., 2011, 278 p.
- [12] Koz'min N.N. On the question of Turkish-Mongolian feudalism [K voprosu o turecko-mongol'skom feodalizme]. Moscow–Irkutsk, 1934, 150 p.
- [13] Nimaev D.D. The problems of the ethnogenesis of the Buryats [Problemy ehntnogeneza buryat]. Novosibirsk Science [Nauka], 1998, 169 p.
- [14] Nimaev D.D. Buryats: ethnogenesis and ethnic history [Buryaty: ehntnogenez i ehntnicheskaya istoriya]. Ulan-Ude, VSGAKI, 2000, 190 p.
- [15] Okladnikov A.P. Essays from the history of Western Buryat-Mongols (XVII–XVIII) [Ocherki iz istorii zapadnyh buryat-mongolov (XVII–XVIII vv.)]. Leningrad, Socekiz, 1937, 431 p.
- [16] Pavlinskaja L.R. Buryat. Essays on ethnic history (XVII–XIX vv.) [Buryaty. Ocherki ehnticheskoy istorii (XVII–XIXvv.)]. St. Petersburg, 2008, 256 p.
- [17] Rumjancev G.N. On the origin of the Buryat-Mongolian people [K voprosu o proiskhozhdenii buryat-mongol'skogo naroda] // Notes of Buryat-Mongolian research Institute of culture [Zap. Buryat-mongol'skogo nauchno-issledovatel'skogo instituta kul'tury]. 1953, iss XVII, pp. 30–61.
- [18] Teziš M.C. Examining Russian (Soviet) ethos theory through constructivist perspective «primordial constructivism» // Society. Environment. Development. 2013, № 4, pp. 109–113.
- [19] Tokarev S.A. About the origin of the Buryat people [O proiskhozhdenii buryatskogo naroda] // Soviet Ethnography [Sovetskaya ehntnografiya]. 1953, № 2, pp. 37–52.
- [20] Tregubova D.D. Sub-ethnos in literature [Subehntnos v literature] // Bulletin of Buryat State University [Vestnik Buryatskogo Gosuniversiteta]. 2011, № 8, pp. 227–232.
- [21] Cybiktarov A.D. Buryatia in ancient history [Buryatiya v drevnosti. Istoriya (s drevnejshih vremen do XVII v.)]. Ulan-Ude, Publishing house of the Buryat University, 2005, 268 p.
- [22] Cresswell T. Place: A Short Introduction. Oxford, Blackwell Publishing, 2004. 153 p.
- [23] Sack R.D. Homo Geographicus a framework for action, awareness and moral concern. Baltimore, The John Hopkins University Press, 1997.

SOCIAL PHENOMENA

V.A. Fedotova,

master of psychology, senior lecturer, National Research University «Higher School of Economics», Perm;
e-mail: vera_goldyreva@mail.ru

ECONOMIC DETERMINANTS OF ATTITUDES TOWARD HEALTH

The main goal of the presented research is to identify economic attitudes affecting the attitude towards health among three generations of modern Russia. Respondents were young Russians aged 18–25 (574 people); 293 people – representatives of the generations X and 184 respondents of 1943–1963 birth years. The questionnaire PVQ-R (Schwartz and etc., 2012) and the «Index relation to health and a healthy way of life» (Zakharenkov et al., 2013) were used as a methodological tools. Youth of Russia is more positively disposed to the increase of material well-being and less experienced the financial stress. Representatives of older age feel acute shortage of funds. Youth's attitudes toward health are more positive in comparison with the other generations of Russians. Through the regression analysis, it was found that the financial deprivation of the representatives of generation Y reduces the manifestation of social attitudes towards healthy lifestyles, while respondents aged 55–74 years, on the contrary, increases. The financial stress of respondents of the generation X and Y reduces the manifestation of the social component of the relationship to health. At the same time, among the representatives of the older generation the financial stress has a positive effect on the desire to change the social environment in accordance with their relation to health problems.

References:

- [1] Badmaeva S.V. Economic socialization of people of different ages in modern conditions [Ekonomicheskaja socializacija ljudej raznogo vozrasta v sovremennyh uslovijah] // Economic psychology in the modern world [Jekonomicheskaja psihologija v sovremennom mire]. Moscow, Econ-Inform, 2012, pp. 9–29.
- [2] Gareeva I.A. Institucional'nye i social'nye transformacii sistemy zdorvoohranenija [Institutional and social transformations of the health system] // Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii [Power and governance in the East of Russia]. 2013, № 3 (64), pp. 122–127.
- [3] Gafiatulina N.H., Zagutin D.S., Samygin S.I. Social health in the context of providing social and psychological security of Russian youth [Social'noe zdorov'e v kontekste obespechenija social'noe-psihologicheskoi bezopasnosti rossijskoj molodezhi] // State and municipal management. Scientific notes SKAGS [Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS], 2017, № 2, pp. 159–163.
- [4] Drobysheva T.V. Economic socialization of the individual: the value approach [Jekonomicheskaja socializacija lichnosti: cennostnyj podhod]. Moscow, RAN Publ., 2013, 215 p.
- [5] Zaharenkov V.V., Viblaja I.V., Oleshhenko A.M. Scientific review of the results of the research conducted by the FGBI «NII KPGPZ» SB RAMS on the influence of external and genetic factors on the development of occupational diseases [Nauchnyj obzor rezul'tatov issledovanij FGBU «NII KPGPZ» SO RAMN po vlijaniju vneshnesredovyh i geneticheskikh faktorov na razvitie professional'nyh zabolevanij] // Bulletin of the All-Union Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Medical Sciences [Bjulleten' VSNK SO RAMN]. 2012, № 5, pp. 141–145.
- [6] Kaznacheev V.P. Adaptation and the constitution of man [Adaptacija i konstitucija cheloveka] // Kuraev G.A., Voinov V.B. Valeology. Glossary of terms [Valeologija. Slovar' terminov]. Rostov-on-Don, CVVR Publ., 2000, 176 p.
- [7] Kanaeva M.A. Socio-economic, behavioral and psychological determinants of self-evaluation of health of Russians [Social'no-jekonomicheskie, povedencheskie i psihologicheskie determinanty samoocenki zdorov'ja rossijan] // National interests: priorities and safety [Nazional'nye interesy: prioritety i bezopasnost']. 2016, № 6, pp. 158–171.
- [8] Kiseleva L.S. Factors that shape public health: the essence and typology [Faktory, formirujushhie zdorov'e naselenija: sushhnost' i tipologija] // International Journal of Experimental Education [Mezhdunarodnyj zhurnal jeksperimental'nogo obrazovanija]. 2015, № 8, pp. 17–20.
- [9] Lebedeva–Nesevrja N. A., Cinker M.Ju. Methodical approaches and practice of risk assessment related to the impact of socio-economic factors on population health in Russian regions [Metodicheskie podhody i praktika ocenki riska, svyazannogo s vozdejstviem social'no – jekonomicheskikh faktorov na populjacionnoe zdorov'e v regionah Rossii] // Health risk analysis [Analiz riska zdorov'ju], 2015, no. № 3 (11), pp. 19–26.
- [10] Fomicheva T.V., Salistaja G.S. Health as a value in the minds of Russians: towards the future of the nation [Zdorov'e kak cennost' v soznanii rossijan: navstrechu budushhemu nacii] // Social policy and sociology [Social'naja politika i sociologija]. 2016, № (116), pp. 157–165.
- [11] Hashhenko V.A. Socio-psychological determinants of the economic identity of the individual [Social'no-psihologicheskie determinanty jekonomicheskoi identichnosti lichnosti] // Problems of economic psychology [Problemy jekonomicheskoi psihologii]. Moscow, RAN Publ., 2005, pp. 513–556.
- [12] Haschenko V.A. Subjective economic well-being and its dimension: the construction of the questionnaire and its validation [Subjektivnoe jekonomicheskoe blagopoluchie i ego izmerenie: postroenie oprosnika i ego validizacija] // Experimental psychology [Jeksperimental'naja psihologija], 2011, № 1 (4), pp. 107–112.
- [13] Homjakova E.I. «Generation Y» in the context of social interaction in modern society [«Pokolenie y» v kontekste social'nogo vzaimodejstvia v sovremennom obshhestve] // Bulletin TPU [Izvestija TPU], 2011, № 6, pp. 83–89.
- [14] Shabunova A.A. Health of the population in Russia: state and dynamics: monograph [Zdorov'e naselenija v Rossii: sostojanie i dinamika: monografija]. Vologda, ISJeRT RAN Publ., 2010, 203 p.

B.V. Bhosale,

Professor, University of Mumbai, Mumbai, India;

e-mail: bvbhosale@hotmail.com

HISTORY OF MATHERAN HILL STATION IN INDIA

Matheran is a result of Colonel Delamains report where the search to establish military sanatorium was started in 1829. It was rejected for habitat by the British military authorities for garrison purposes because it lacked continuous water-supply on the hill. When Hugh Pointz Malet was appointed as collector of Thana, he made attempt to explore the surrounding hills and one of the hill he climbed was the Matheran Hill, had he not taken a firm decision and convinced the Government, Matheran hill station was impossible any further for any kind of development. It was his clear approach to have habitation, attempted to explore springs, and entire surrounding regions of the hill to get knowledge of the mountain and develop hill station. Some of the few springs explored are Malet spring, Harrison spring, Ponsonby spring, Simpson's Tank, Walker's Tank, etc. Earlier these springs were the only sources of water-supply on the hill.

As the population of Matheran and tourist started increasing there was increasing demand for water, many bunds were constructed at the Charlotte Lake, which become one of the major source of water supply. Those who were not able to afford to spend on water carriers depended on springs and tanks. Today water carriers do not exist there is supply of water by taps. Almost every house in Matheran has water tap connection, or there is public stand post (public tap) where one can get water at fixed timings in morning and evening.

Presently Matheran is going through shortage of water because of growing tourist population which needs to be attended. The main argument of this article is to mention that the tiny hill station over a period of time since its discovery, there is lot pressure on environmental settings on the hill and the surrounding regions, I have experienced the hills in different seasons, the temperature on the hill is increasing and the forest cover depleting, with rampant construction of hotels, and also the residential houses because of growing number of tourist and local population. during the British period there was lot of check on number of residential plots and other construction activity, this has completely changed now. The very existence of Matheran hill needs to be protected there is rich flora and fauna needs protection with growing urbanisation around the hill. The urban greed of settlements and commercialisation of the region around the hill is challenge to the hill. The hill has a good circulation of air, and opening up the fine views, which were hidden in thick woods. It can be observed that jungle is becoming less, and undergoing huge change where at many places it has become barren without any trees which has also led to increasing temperature on the hill compared to fifty years back which I have experienced as and when I visited the hill. I was born on this hill and have been experiencing overall socio- economic and environmental changes on the Matheran hill and surrounding regions. Today the hill is undergoing the climate change, which has also brought change in amount of rainfall, intensity of winter and increasing summer temperatures. The maximum temperature in summer can reach between 30°C to 35°C and winter is 16°C to 18°C. The number of springs in market area and at different natural points have disappeared. In 2003 the Government declared Matheran and surrounding regions of the hill as eco sensitive zone, although this will bring some checks on illegal constructions and will help in protecting the forest. But this has also brought conflict with local population, because the number of families is grown and want new place to stay, the tribals are also facing problems because they are dependent on this forest for their livelihood, now finding difficult to survive. There is monitoring committee appointed to maintain environmental check, as a result no new construction, and no change in the land use pattern.

I may also point out that no new hill station is developed in India after the well known established hill station in India. Matheran needs good roads according to the heavy rains on the hill in monsoon. The local Municipal authorities can think of fencing on the hill / building boundary wall at strategic points on hill. This will add to safety measures for tourist population Collection of rain water on the hill, and water flowing down from hill and the neighbouring hills runs waste to the sea needs attention for storing, but there are several places where the water can be stored needs to be studied. If the arrangements for collecting the water is made, this could solve the problem of drinking water during summer for those villages in the surroundings of Matheran.

Matheran hill station is in transition, long ago there were no fans and air conditioners on the hill, but now the hill station needs this facility for better living comforts. The floating tourist population on the hill has increased and the Hotel industry has expanded, all modern amenities are made available to tourist which is available at plains. Creating environmental consciousness among the residents and tourist visiting Matheran is essential to protect the hill station beauty.

The man and environment relations are symbiotic, Matheran needs a sustainable model of development so that Matheran continues its existence, attempts have to be made to increase forest cover, building of Neral –Matheran ghat road, think of local transport and battery operated rickshaws so that it will benefit both tourist and local population. Matheran needs serious attention for education, health and employment for benefit of local population on the hill. The politicians have to rise above several differences to give new thought for development agenda of Matheran.

References:

- [1] Bastavala S.D. "Hill of Beauty", Matheran Centenary 1850–1950 // A Guide Book and History. Bombay, New Book Company Ltd, pp. 188–190.
- [2] Dabke V.B. Hand Book To Matheran. P.B.Kale, Pratibha Press, Shaniwar Peth, 1938.
- [3] Oliver A.K. The Hill Station Of Matheran. Bombay, The Times Press, The Times of India Office, 1905.
- [4] Smith J.Y. Matheran Hill Its People Plants and Animals, 1881.

LANGUAGES OF CULTURE

V.H. Thakahov,

Doctor of Science in Sociology, professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg;
e-mail: atalik7@yandex.ru

IDENTITY AND MEMORY IN URBANONYMS OF MAGAS CITY

The article examines the symbolic structure of urbanonyms of Magas – the capital of Ingushetia- in their relation to the identity and memory nexus. The author notes that the Ingush model of urban toponymy construction differs considerably from that of other North Caucasus cities and from the models of other Ingush urban spaces (such as Nazran, Malgobek, Karabulak and Sunzha). In Magas, there are almost no pre-Soviet and Soviet symbols of nationwide magnitude, which do not directly relate to the Ingush history. The author assumes that Magas is both an area where the political and administrative elite are concentrated and a demonstrative platform that represents a symbolic capital of the Ingush. Magas urbanonyms entrench the Ingush memory texts, thereby ensuring the symbolic appropriation of space of sites in the area where continuous symbolic struggle for re-approval of the right for territory and that for history is part of the ideology and identity policy of the local elites.

References:

- [1] Assman A. New frustration at the memorial culture. [Novoye nedovol'stvo memorial'noi kulturoi]. Moscow, NLO, 2016, 232 p.
- [2] Brubaker R. Ethnicity without Groups. Moscow, Publishing house of Higher school of Economics, 2012, 408 p.
- [3] Bourdieu.P. Le Sens Pratique. Saint Petersburg, Aletheia, 2001, 562 p.
- [4] Malinova O.Yu. Construction meaning: The study of symbolic politics in Russia [Konstruirovaniye smyslov: Issledovaniye simvolicheskoy politiki v sovremennoy Rossii]. Moscow, RAN INION, 2013, 421 p.
- [5] Memorial of remember and fame (Nazran) [Memorial pamyati i slavy (Nazran)]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Мемориал_памяти_и_славы_\(Назрань\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Мемориал_памяти_и_славы_(Назрань)) (03.06.2018)
- [6] Nora P. Between Memory and History: Les lieux de memoire. [Les lieux de memoire]. Saint-Petersburg, Saint-Petersburg state university, 1999, pp. 17–50.
- [7] № 1714–1 decision of the city council of “Municipal district of Karbulak” municipal entity of the Ingush Republic dated 30 June 2010 adopting a regulation and procedure for renaming and obtaining new names by streets and squares; obtaining new addresses, numbering of buildings and houses, numbering of entrances and placement of signs in the “Municipal district of Karbulak” municipal entity [Ob utverzhdenii Polozheniia o poryadke pereimenovaniia i prisoeneniia novykh naimenovaniy ulicam i ploshchadiam, prisoenie adresov, numeracii domov, pod»ezdov i razmeshchenii domovykh znakov v municipal'nom obrazovanii «Gorodskoiy okrug gorod Karabulak» Respubliki Ingushetiia, reshenie ot 30 iyunia 2010 goda № 1714–1]. (Amendment: No. 5/1–1 NGR: RU 060001092 01100019 decision of Karabulak city council from 15.04.2011) [Izmenenie: Reshenie Gorsoveta g. Karabulak ot 15.04.2011 g. №5/1–1 NGR: RU 060001092 01100019]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/459806267> (24.06.2018)
- [8] № 7/43–1 decision of the city council of “Municipal district of Nazran” municipal entity of the Ingush Republic dated 24 February 2010 adopting a regulation and procedure for renaming streets, squares and other place names on the territory of “Municipal district of Nazran” municipal entity [Ob utverzhdenii Polozheniia «O poryadke prisoeneniia naimenovaniy ulic, ploshchadey i inykh toponimicheskikh nazvaniy na territorii munitsipal'nogo obrazovaniia «Gorodskoiy okrug gorod Nazran'». Gorodskoiy sovet munitsipal'nogo obrazovaniia «Gorodskoiy okrug gorod Nazran'» respubliki Ingushetiia», reshenie ot 24 fevralia 2010 goda № 7/43–1]. (Amendment: No. 12/45–2 NGR: RU 06000409201200016 decision of Nazran city council from 11.10.2012) [Izmenenie: Reshenie Gorsoveta g. Nazran' ot 11.10.2012 g. №12/45–2 NGR: RU 06000409201200016]. URL: www.docs.cntd.ru (accessed 24.06.2018)
- [9] List of all streets in Karabulak [Spisok vsekh ulic Karabulaka]. URL: <https://mapdata.ru/ingushetiya/Karabulak/ulisy/stranica-2> (24.04.2018)
- [10] List of all streets in the city of Malgobek [Spisok vsekh ulic goroda Malgobek]. URL: <https://city-address.ru/region-6-malgobek/all-streets> (24.04.2018)
- [11] List of all streets in Nazran [Spisok vsekh ulic Nazrani]. URL: <https://mapdata.ru/ingushetiya/nazran/ulicy> (24.06.2018)
- [12] Tkhhakhahov V. H. Map of the city: the symbolic transformation of space in the North Caucasus [Karta goroda simvolicheskaiya transformatsia prostranstva na Severnom Kavkaze] // Sotsiologicheskie issledovaniia. 2017, № 5, pp. 17–25.
- [13] Magas: list of streets [Magas: spisok ulic]. URL: <https://mapbaze.ru/Ингушетия/Магас> (accessed 24.06.2018); Streets of Magas [Ulicy Magasa]. URL: www.bankgorodov.ru/place/magas/streets (24.06.2018)
- [14] Russian Federation. The Federal Act ‘On naming geographical objects’. Adopted by the State Duma on 17 October 1997. Approved by the Federation Council on 3 December 1997 № 152-FZ (in edition of the Federal acts from 23.07.2008 № 160-FZ; 27.10.2008 № 191-FZ; 10.07.2012 № 99-FZ; 30.12.2015 № 431-FZ) [Rossiiskaia Federatsiia. Federal'nyi zakon «O naimenovaniikh geograficheskikh ob»ektov». Priyat gosudarstvennoy dumoi 17 oktiabria 1997 goda. Odobren Sovetom Federatsii 3 dekabria 1997 goda № 152-FZ v redaktsii Federalnykh zakonov ot 23.07.2008 g. № 160-FZ; ot 27.10.2008 g. №-191-FZ; ot 10.07.2012 g. № 99-FZ ot 30.12.2015 g. №431-FZ]. URL: <https://www.pravo.gor.ru/proxy/ips/?docbody=End=102050595QrdkzQbacklink=1> (08.05.2018)
- [15] What do we know about prominent personalities whose names are in the names of streets, alleys and parks of Magas? [Chto my znaem o vidnykh deiateliakh, imena kotorykh nosiat ulicy, allei i skvery Magasa?]. URL: www.magas.boezformata.ru/listnews/deyatelyah-imena-kotorih-nosyat/55147160 (24.06.2018)
- [16] Shnirelman V.A. To be Alans: intellectuals and politics in the North Caucasus in the 20th century [Byt' Alanami: intellektualy i politika na Severnom Kavkaze v XX veke]. Moscow, NLO, 2006, 696 p.
- [17] Schutz A. (2003) Semantic structure of the everyday world: essays on phenomenological sociology. Moscow, Found «Obshchestvennoe mnenie», 336 p.
- [18] Ten interesting facts about Magas [Desyat' lyubopytnykh faktov o Magase]. URL: <https://etokavkaz.ru/gorod/10-lyubopytnykh-faktov-o-magase> (25.05.2018)

a postgraduate student, Institute of Service and Business (branch) of Don State Technical University in Shachty (Rostov region), Shachty;
e-mail: ars64@mail.ru

Master, Docent, Institute of Service and Business (branch) of Don State Technical University in Shachty (Rostov region), Shachty;
e-mail: ars64@mail.ru

THE ACTUAL TRENDS IN THE FASHION PRESENTATION OF COSTUME DESIGNERS COLLECTIONS

In the work there are some studies about the inseparable connection between theatrical creativity, cinema and fashion with a comparative analysis of the main stages of their historical development; in the article there identify the main components of the stage image structure. We describe the artistic originality of modern fashion shows and with the method of comparative analysis it was described of modern art practices is, it is explained that the catwalk defile becomes not only a translation of fashion trends, but also complex theatrical finds of designers that form a new reality, future models, and the phenomenon of culture. The semiotic method uses to determinate the fashion image as the basic category in the scenic constructions of visual art, as the possibility to use the classical skeleton of the stage composition as a tool to create an artistic image of the fashion catwalk defile. Scenography and staging of a fashionable collection of the author's costume are compared with Oscar-winning Hollywood masterpieces. The common origins to form the image structure from the screens, stage and podium allow them to become new symbols of the era and the part of a new media culture..

Key words: plot, theater, cinema, fashion, image, costume design, fashion-show of collection

References:

- [1] Bart R. Fashion System. Articles on semiotics of culture [Sistema mody. Statii po semiotike kul'tury] / S.N. Zenkin (trans. from Fr). Moscow, Publishing house Sabashnikovs, 2003, 512 p.
- [2] Baudrillard J. The System of Objects [Sistema veshey]. Moscow, Rudomino, 1999.
- [3] Hegel GV F. Aesthetics [Estetika] / Vol. 1. Moscow, 1968.
- [4] Demshina A.Yu. Fashion: rehabilitation of aesthetics or promotion of images [Moda. Reabilitatsia estetiki ili prodvizhenie obrazov] / Fashion in the context of culture. Collection of articles of the Second Scientific and Practical Conference [Moda v kontekste kul'tury. Sbornik statey Vtoroy nauchno-prakticheskoy konferentsii]. Iss. 2. St. Petersburg, 2007.
- [5] Kuleshova AA, Demidova Yu.D. Creativity in the process of training a costume designer [Kreativnost' v processe obucheniya dizainera kostuma] // Modern high technology. 2017, № 6, pp. 128–133. URL: <http://www.top-technologies.ru/en/article/view?id=36712>
- [6] Lipskaya V.M. Cyclic nature of changes in the design of the costume [Tsiklicheskii kharakter izmeneniya v dizaine kostuma] // Herald of St. Petersburg State University. Ser. 6. Philosophy, cultural studies, political science, law. 2012, iss. 2, pp. 49–54.
- [7] Lotman Yu.V. Articles on the semiotics of culture and art [Statii po semiotike kul'tury i iskusstva. Seriy "mir iskusstva"]. St. Petersburg, Academic Project, 2002, pp. 388–400. URL: <http://fb2.traumlibrary.net>
- [8] Nagorskikh Tatyana Nikolaevna Evolution of a phenomenon of a fashion in a context of culture of a post-modern [Evolutsiya fenomena mody v kontekste kul'tury postmoderna] // Proceedings SPbGIK. 2008. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-fenomena-mody-v-kontekste-kul'tury-postmoderna> (27.08.2013)
- [9] Yakovleva M.V. The development of fashion in a crisis situation [Razvitiye mody v usloviyakh krizisa] // Proceedings of the PSPF. 2010. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitiye-mody-v-usloviyakh-krizisa>
- [10] Lipovetsky G. L'empire de l'ephemere. Paris, 1987.

WORLD OF ART CULTURE

graduate student, Ryazan State University named for S. Yessenin, Ryazan;
e-mail: olga.2411@mail.ru

THE MODE OF BEING IN THE PAINTING OF DOMESTIC NEO-PRIMITIVISTS OF THE EARLY TWENTIETH CENTURY: THE CULTUROLOGICAL ANALYSIS

The purpose of this article is to identify and culturological analyst features of the representation of the artistic picture of the world in the painting of Russian neo-primitivism. The subject of the study determines the views of domestic neo-primitivists of the early twentieth century, combined with attempts to reconstruct folk artistic thinking and the concept of life. The characteristic features of the evolution of the artistic world of representatives of neo-primitivism in understanding and searching for new forms of creativity are considered. The methodological basis of the research is the philosophical and cultural approach, which allows the most complete and complete consideration of key issues related to the creative views of representatives of the Russian avant-garde of the early twentieth century. The author comes to the conclusion that the artistic picture of the world embodied in the painting of Russian neo-primitivism characterizes the primacy of transcendent consciousness, the belief

in the development of human capabilities and abilities for a different perception of the world and the universe, interiorization as the basis of human cognitive activity, unity and unity of all kinds of artistic activity, innovation of creativity, its orientation to the future, self-improvement and the improvement of the world.

Key words: Neo-primitivism, the artistic picture of the world, Russian avant-garde, folk aesthetics, Russian iconography.

References:

- [1] Batova A.G., Eletsy G.A. Alexander Shevchenko. Instead of an epilogue [Aleksandr SHEVCHENKO. Vmesto ephiloga] // Moscow Architectural Institute. URL: <http://www.marhi.ru/AMIT/2013/4kvart13/elecckij/elecckij.pdf> (04.05.2018)
- [2] Ledovskikh N.P. Mentality: sources of research [Mentalitet: istochniki issledovaniya] // The person in the world of culture: problems of research. Materials of the Second International Philosophical and Cultural Symposium [Chelovek v mire kul'tury: problemy issledovaniya. Materialy Vtorogo mezhdunarodnogo filosofsko-kul'turologicheskogo simpoziuma]. Stavropol, Pressa, 2006, pp. 87–93.
- [3] Ledovskikh N.P. Existential analysis as a method of cultural studies of artistic creativity [Ekzistencial'nyj analiz kak metod kul'turologicheskogo issledovaniya hudozhestvennogo tvorchestva] // Man in the world of culture: the pragmatics and metaphysics of modernity. Materials of the IX International Philosophical and Cultural Symposium [Chelovek v mire kul'tury: pragmatika i metafizika sovremennosti. Materialy IX Mezhdunarodnogo filosofsko-kul'turologicheskogo simpoziuma]. Ryazan, RSU named for S. Yesenin, 2014. – P. 80–84.
- [4] Livshits B.K. The half-eyed archer [Polutoraglaznyj strelec]. URL: <http://hlebnikov.lit-info.ru/hlebnikov/vospominaniya/livshic/strelec-4.htm> (04.05.2018)
- [5] Musat R.P. Artistic picture of the world: the principles of the relationship of form and content [Hudozhestvennaya kartina mira: principy vzaimosvyazi formy i soderzhaniya] // Theory and practice of social development [Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya]. 2015, № 17, pp. 163–166.
- [6] Pospelov G.G. The emergence of interest in urban folklore and primitive: Goncharova and Larionov [Vozniknovenie interesa k gorodskomu fol'kloru i primitivu: Goncharova i Larionov] // «The Jack of Diamonds»: Primitive and urban folklore in Moscow painting of the 1910s [«Bubnovyj valet»: Primitiv i gorodskoj fol'klor v moskovskoj zhivopisi 1910-h godov]. URL: <http://www.kandinsky-art.ru/library/bubnoviy-valet2.html> (04.05.2018)
- [7] Sarabjanov D.V. The history of Russian art of the late XIX – early XX century [Istoriya russkogo iskusstva konca XIX – nachala XX veka]. Moscow, MGU, 1993, 304 p.
- [8] Kandiyoti D. Fragments of Culture: The Everyday of Modern Turkey. Rutgers University Press, 2002, 360 p.

CULTURAL HERITAGE

L.M. Mosolova,

Doctor Habilitatus, Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg;

e-mail: mosolova@mail.ru

M.B. Omuraliev,

Candidate of Art Criticism, assistant professor, Head of the Department of humanitarian disciplines, Academy

of Arts of the Kyrgyz republic, Bishkek (Kyrgyzstan);

e-mail: mosolova@mail.ru

ART HISTORY IN THE DYNAMICS OF THE CULTURE OF KYRGYZSTAN OF THE XX – EARLY XXI CENTURIES

The article examines art history knowledge and its structural features. For the first time, the evolution of the Kyrgyz art history is analyzed for 100 years (1917–2017). The development of art criticism is given in the context of the dynamics of the culture of Kyrgyzstan throughout the XX – early XXI century; there are a description of the originality of art works in the 1920s–1930s, during the war and post-war period, from Khrushchev's «thaw» to «perestroika», as well as in the construction of the culture of modern Kyrgyzstan. Attention is focused on the decline in the level of development of art history in recent decades and its causes. The ways of the exit of the Kirghiz art history from the crisis is offered.

Key words: Dynamics of culture, art history, structure of art history, national culture, scientific tradition, institutes of artistic culture, modernization, globalization.

References:

- [1] Dzharparov U. Difficult crossing [Trudnaya pereprava] // Kurak. Central Asian almanac: Art and society [Kurak. Central'no-aziatskij al'manah: Iskusstvo i obshchestvo]. 2007, № 2 (18).
- [2] Kagan M.S. Art Studies and art criticism. Chosen articles [Iskusstvoznanie i hudozhestvennaya kritika. Izbrannyye stat'i]. St. Petersburg, Science [Nauka], 2001, 528 p.
- [3] Mosolova L.M. History of art of Kyrgyzstan: (since the most ancient times before the XX century) [Istoriya iskusstva Kyrgyzstana: (s drevnejshih vremen do HKH veka)]. Bishkek, Biyiktik, 2010, 476 p.
- [4] Prazdnikov G.A. Culture in life space [Kul'tura v prostranstve zhizni]. St. Petersburg, publishing house SPbGATI, 2014, 480 c.
- [5] Soviet Kyrgyzstan [Sovetskaya Kirgiziya]. 1942, 1942, April 26.

MONEYBOX AS A CULTURAL PHENOMENON AND ITS EVOLUTION

The present low research degree of this object is surprising, because the moneybox is one of the most ancient and geographically widespread objects of the material culture. Just several decades ago, the moneybox attracted the interest of foreign historians, as well as that of sociologists, culture experts, ethnographers and educators. In today's Russia, the circle of interest consists of rare collectors only, and the bibliography relating to this topic in Russian publications is practically non-existent. The task of this article is to briefly review the evolution of the moneybox, as well as its forms and types, in the context of the general tendencies of the socioeconomic development, pedagogical theories and tastes of the time.

Key words: Piggy bank, penny bank, history, craft, artisan, artist, toy, art, children, souvenir, pedagogics, money, bank, save.

References:

- [1] Moneybox philosophy. Exh. booklet [Filosofiya kopilki. Buklet vystavki]. St. Petersburg. St. Petersburg Toy Museum, 2012, 4 p.
- [2] Beitzl M., Rapp C., Rapp-Wimberger N. Wer hat, der hat. Eine illustrierte Geschichte des Sparens. Wien, Österreichisches Museum für Volkskunde, MetroVerlag, 2009, 320 p.
- [3] Brüggemann A. Das Milliardenjüngling: Zur Geschichte des Postsparens. Frankfurt am Main, Deutsches Postmuseum, Konkordia Druck GmbH Bühl, 1992, 135 p.
- [4] Friis P., Thomsen S. Sparebøsser. Danmark, 1969, 64 p.
- [5] Geldgeschichtliches Museum in der Kreissparkasse Köln. Kreissparkasse Köln, 1988, 32 p.
- [6] Geldgeschichtliches Museum Kreissparkasse. URL: <https://www.geldgeschichte.de/default.aspx>
- [7] Die Geschichte des Sparefroh. URL: <https://www.sparkasse.at/sparefroh/ueber-den-sparefroh>
- [8] Groß Gerhard. European Money Bank Collectors. URL: <http://www.embc.de/de/spardosen/>
- [9] Sparefroh. URL: <https://de.wikipedia.org/wiki/Sparefroh>
- [10] Thurn H.P., Baumgärtner S. Spardosen aus zweitausend Jahren. Die Kulturgeschichte des Sparens. Stuttgart, W. Kohlhammer, 1982, 184 p.
- [11] Weltspartag. URL: <https://de.wikipedia.org/wiki/Weltspartag>
- [12] Wilcox T. Pennywise: 500 Years of the Moneybox. Exh. cat. England. Hove Museum and Art Gallery, 1990, 19 p.

ENVIRONMENT**UNDERSTANDING THE NOOSPHERE****Yu.N. Gladkiy,**

doctor of geographical sciences, professor, member-correspondent of the Russian academy of education,
the Herzen State Pedagogical University of Russia;
e-mail: Gladkiy43@rambler.ru

I.P.Mahova,

candidate of pedagogical sciences, docent, the Herzen State Pedagogical University of Russia;
e-mail: Mahova@herzen.spb.ru

I.Yu. Gladkiy,

doctor of geographical sciences, docent, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg;
e-mail: Gladkiy68@rambler.ru

**GEOPHYSICAL AND ECONOMIC DETERMINANTS OF WIND POWER DEVELOPMENT IN RUSSIA:
A CONTRADICTIONARY RELATIONSHIP**

The oil and gas abundance of the country stands out as one of the main reasons for the backlog of Russian wind energy. The development of specific projects in this area is associated with the approximation of the cost of wind energy to the cost of fossil energy. The contradictory relationship between economic and geophysical conditions of wind power development is estimated. On the one hand, Russia has enormous technical potential of wind energy. On the other hand, the vast territory coinciding with the zone of the most generous potential wind resources is characterized by the lack of a developed market environment. It is emphasized that in a number of remote regions of the Far North and the Far East, wind energy is not a source of profit, but is designed to perform socially important functions – social and environmental. It is suggested that the capacious potential market for wind energy systems can be both millions of individual farms and vegetable farms, and the cottages of Russian citizens – not a well-researched element of the national economy.

Key words: wind energy, wind parks, wind speed, geophysical determinants, cold climate, market environment, wind energy parks localization

- [1] Gsanger S., Denisov R. The prospects for wind energy market of Russia [Perspektivy vetro`energeticheskogo rynka Rossii]. 29 p. URL: <http://www.world-wind-energy.info/wp-content/uploads/2017/06/>
- [2] Wind power and wind power plants in the Arctic [Vetro`energetika i vetro`energeticheskie ustanovki v uslovijah Zapoljar`ja]. Part 2. July 03, 2012. Editor O. Shaidina. URL: <http://zelenect.com/vetroenergetika-i-vetroenergeticheskie-ustanovki-v-usloviyax-zapolyarya-chast-2/2034/>
- [3] Villemis P. Wind stations in Kamchatka and solar in Yakutia – a symbol of the new energy of Russia [Vetrovye stantsii na Kamchatke i solnechnye v Jakutii – simbol novoj `energetiki Rossii]. URL: <http://zelenect.com/vetrovye-stantsii-na-kamchatke-i-solnechnye-v-yakutii-simvol-novoj-energetiki-rossii/25858/>
- [4] How to calculate the wind turbine? [Kak proizvesti raschet vetrogeneratora?]. URL: <http://sovet-ingenera.com/eco-energy/generators/kak-proizvesti-raschet-vetrogeneratora.html>
- [5] Tax incentives for innovation processes [Nalogovoe stimulirovanie innovatsionnyh protsessov]. – M.: IM-EMO RAN, 2009, 160 p.
- [6] Ratner S.V., Dira D.V. Tax incentives for alternative energy in Europe [Nalogovoe stimulirovanie al`ternativnoj `energetiki v Evrope] // Finance and Credit [Finansy i kredit]. 2012, № 8 (488), pp. 21–27.
- [7] System operator of the Unified energy system of Russia [Sistemnyj operator Edinoj `energeticheskoy sistemy Rossii]. URL: www.so-ups.ru
- [8] Wind Speeds in the regions of Russia [Skorosti vetra v regionah Rossii]. URL: <http://www.vetrogenerator.ru/windtable.html> (30 July 2018)
- [9] Chubais A.B. Russian renewable energy as a multi-sector start-up: history and future / International Congress «Renewable energy XXI century: energy and economic efficiency «Reencon – 2016» [Rossijskaja vozobnovljaemaja `energija kak mnogosektoornyj start-up: istorija i budushee / Mezhdunarodnyj Kongress «Vozobnovljaemaja `energetika XXI vek: `energeticheskaja i ekonomicheskaja `effektivnost` «Reencon-2016»]. Moscow, 2016.
- [10] Dmitriev G., Olesen G. Biomass and Wind Power Opportunities in Russia [Biomass and Wind Power Opportunities in Russia]. Moscow, Eco-Accord Center. 2001, August. URL: <http://www.accord.cis.lead.org/cooperation/energy-engl/8.htm>
- [11] International Tax Incentives for Renewable Energy: Lessons for Public Policy. San Francisco, California: Center for Resource Solutions, 2005, p. 27. URL: <http://resource-solutions.org/document-international-tax-incentives-for-renewable-energy-Lessons-for-Public-Policy>
- [12] Karabanov S. The Prospects for Photovoltaic Development in Russia. Renewable Energy Report. 2001, World Renewable Energy Network, 2001, 116 p.
- [13] Manwell J., Roger A., McGovan J. Wind Energy Explained. Theory, Design and Application. John & Sons Ltd., 2009, 688 p.
- [14] Martinot E. Renewable Energy in Russia: Markets, Development and Technology Transfer. Renewable and Sustainable Energy Review 3:49–75. 1999. URL: http://www.martinot.info/re/_publications.htm
- [15] Strebkov, D. Trends in Russian Rural Agriculture and Energy. URL: http://cigr-ejournal.tamu.edu/Submissions/Invited_Russia.PDF

GLOBAL ECOLOGICAL CRISIS: MYTHS AND REALITY

A.E. Ovsepyan,

Candidate of geographical Sciences, associate Professor, Southern federal Universit, Rostov-on-don;

e-mail: ovsepleat@yandex.ru

ABOUT MERCURY CONCENTRATION IN FISH IN THE MOUTH OF THE NORTHERN DVINA RIVER

A specific feature of the North European part of Russia and the mouth area of the Northern Dvina River in particular is bogging catchment area and, as a consequence, the high content of humic sub-stances and hydrogen ions, contributing to the formation of bioavailable forms of mercury. In such circumstances, even the background concentrations of mercury in water bodies can pose serious risks to aquatic organisms. The aim of the study was detection of peculiarities of accumulation and distribution of mercury in different species and tissues of fish of the Northern Dvina River – as one of components of the mercury cycle of the considered natural systems. The results of long-term studies of mercury concentrations in aquatic organisms of the Northern Dvina mouth area presented. The role of aquatic organisms as a component of biogeochemical cycle of mercury migration and transformation in north of the European part of Russia waters analyzed. Accumulation of mercury in different fish species investigated. Features of the distribution of different levels of metal in the tissues of the samples are revealed. A comparative analysis of the content and distribution of mercury species and tissues of aquatic organisms from other regions of circumpolar areas of the Earth researched. Features of accumulation of mercury by fish tissues depending on a season and water level regime are investigated.

Key words: mercury, aquatic organisms, migration and transformation, accumulation in the tissues, the northern rivers, mouth area of the Northern Dvina River.

References:

- [1] Brekhovskikh, V.F., Volkova Z.V., Kolesnichenko N.N. Problems of surface water quality in the basin of the Northern Dvina [Problemy kachestva poverkhnostnykh vod v basseine Severnoi Dviny]. Moscow, Science [Nauka], 2003, 233 p.

- [2] Gazina I.A., Temerev S.V., Indyushkin I.V. Mercury content in fishes of Upper and Middle Ob River [Soderzhanie rtuti v rybakh Verkhnei i Srednei Obi] // Proceedings of Altai state University [Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta]. 2003, № 3(29), pp. 93–95.
- [3] Zalicheva I.N., Ganina B.C., Shustova N.K. Ecological and Toxicological aspects of sustainability of aquatic organisms in taiga climatic zone to the acidification of the aquatic environment [Ekologo-toksikologicheskie aspekty ustoiчивosti gidrobiontov taezhnoi prirodno-klimaticheskoi zony k zakisleniyu vodnoi sredy] // Ecology [Ekologiya]. 2006, № 1, pp. 64–69.
- [4] Komov V.T., Greymachikh V.A., Ershov P.N. Comparative content of mercury in muscles of fish of reservoirs of the North of the European Russia (Kandalaksha Bay of the White Sea) [Svravnitel'noe sodержanie rtuti v myshsakh ryb vodoemov severa evropeiskoi Rossii (Kandalakshskii zaliv Belogo morya)] // Biological resources of the White Sea and internal reservoirs of the European North [Biologicheskie resursy Belogo morya i vnutrennikh vodoemov Evropeiskogo Severa]. Petrozavodsk, PTU, 2009, pp. 289–291.
- [5] Komov V.T., Stepanova I.K., Greymachikh V.A. Mercury content in the muscles of fish from the reservoirs of the North-West of Russia: causes of intensive accumulation and assessment of the negative effect on human health [Soderzhanie rtuti v myshsakh ryb iz vodoemov Severo-Zapada Rossii: prichiny intensivnogo nakopleniya i otsenka negativnogo efekta na sostoyanie zdorov'ya lyudei] // Actual problems of aquatic toxicology. Collected papers [Aktual'nye problemy vodnoi toksikologii. Sbornik statei] / Ed. by Prof. V.A. Flerov. Borok, IBV RAN, 2004, pp. 99–123.
- [6] Moiseenko T.I., Gashkina N.A. Bioaccumulation of mercury in fish as an indicator of water pollution [Bioakkumulyatsiya rtuti v rybakh kak indikator urovnya zagryazneniya vod] // Geochemistry [Geokhimiya]. 2016, № 6, pp. 495–504.
- [7] Nemova N.N. Biochemical effects of mercury accumulation from fish [Biokhimicheskie efekty nakopleniya rtuti u ryby]. Moscow, Science [Nauka], 2005, 163 p.
- [8] Ovanesyants A.M., Krasil'nikova T.A., Ivanov A.B. Environmental pollution and radiation situation on the territory of the Russian Federation in March 2008 [O zagryaznenii prirodnoi sredy i radiatsionnoi obstanovke na territorii Rossiiskoi Federatsii v marte 2008 g.] // Meteorology and hydrology. 2008, № 6, pp. 98–104.
- [9] Ovsepyan A.E. Features of mercury accumulation by hydrobionts of the mouth of the Northern Dvina river [Osobennosti nakopleniya rtuti gidrobiontami ust'evoi oblasti reki Severnaya Dvina] // Mercury in the biosphere: ecological and geochemical aspects. Proceedings of the International Symposium [Rtut' v biosfere: ekologo-geokhimicheskie aspekty. Materialy Mezhdunarodnogo simpoziuma]. Moscow, GEOkHi RAN, 2010, pp. 300–304.
- [10] Ovsepyan A.E., Fedorov Yu.A. Mercury in the mouth area of the Northern Dvina River [Rtut' v ust'evoi oblasti reki Severnaya Dvina] / Rostov-na-Donu – Moskva, Rostizda», 2011, 198 p.
- [11] Ovsepyan A.E., Fedorov Yu.A., Zimovets A.A., Savitskii V.A. Assessment of mercury accumulation in the objects of animate and inanimate nature of the North of European Russia [Otsenka nakopleniya rtuti v ob'ektakh zhivoi i nezivoi prirody Severa evropeiskoi territorii Rossii] // In the world of scientific discoveries [V mire nauchnykh otkrytii]. 2016, № 5 (77), pp. 116–133.
- [12] Olenicheva A.V. On the experience of the Northern UGMS survey areas of extremely high pollution of natural environment [Ob opyte raboty Severnogo UGMS po obsledovaniyu raionov ekstremal'no vysokogo zagryazneniya (EVZ) prirodnoi sredy] / Information letter SUGMS [Informatsionnoe pis'mo SUGMS] №1 (164). Arkhangelsk, SUGMS, 1997, pp. 17–22.
- [13] Sanitary and epidemiological rules and regulations «Hygienic requirements for food safety and nutritional value. SanPiN 2.3.2.1078–0» [Sanitarno-epidemiologicheskie pravila i normativy «Gigienicheskie trebovaniya bezopasnosti i pishchevoi tsennosti pishchevykh produktov. SanPiN 2.3.2.1078–0»]. Moscow, 2001, 269 p. URL: http://zakonrus.ru/gost/sanpin_232_1078_01-3.htm (25.08.2018)
- [14] Strategic action programme for environmental protection of the Arctic zone of the Russian Federation [Strategicheskaya programma deistvii po okhrane okruzhayushchei sredy Arkticheskoi zony Rossiiskoi Federatsii] / Approved by the Maritime Board under the Government of the Russian Federation (minutes of the meeting of 19 June 2009 № 2 (11), section I, item 2) [Odobrenna Morskoi kollegiei pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii (protokol soveshchaniya ot 19 iyunya 2009 g. № 2 (11), razdel I, punkt 2)]. Moscow, 2009, 29 p. URL: http://archive.iwlearn.net/npa-arctic.iwlearn.org/Documents/sap_da/sap_ru.pdf (15.07.2018)
- [15] Tyaptirgyanov M.M., Tyaptirgyanova V.M. Ecological and biological analysis of mercury accumulation in organs and tissues of freshwater fishes of Yakutia [Ekologo-biologicheskii analiz nakopleniya rtuti v organakh i tkanyakh presnovodnykh ryb Yakutii] / Proceedings of the Second international Symposium «Mercury in the biosphere: ecological-geochemical aspects» [Sbornik trudov Vtorogo mezhdunarodnogo simpoziuma «Rtut' v biosfere: ekologo-geokhimicheskie aspekty»]. Novosibirsk, INKh SO RAN, 2015, pp. 357–362.
- [16] Fedorov Yu.A., Zimovets A.A., Ovsepyan A.E. Geochemical features of formation of elementary aquatic landscapes of the estuary region of the Northern Dvina River [Geokhimicheskie osobennosti formirovaniya elementarnykh akval'nykh landshaftov ust'evoi oblasti r. Severnaya Dvina] // Modern problems of hydrochemistry and monitoring of surface water quality: Proceedings of the scientific conference with international participation [Sovremennye problemy gidrokhimii i monitoringa kachestva poverkhnostnykh vod: Materialy nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem]. Part 2. Rostov-na-Donu, Hidrokhimicheskii institut, 2015, pp. 322–326.
- [17] Fedorov Yu.A., Ovsepyan A.E. Mercury and its connection with physicochemical water parameters (on the example of the rivers of the Northern ETR) [Rtut' i ee svyaz' s fiziko-khimicheskimi parametrami vody (na primere rek Severa ETR)] // News of higher educational institutions. The North Caucasus region. Series: Natural Sciences [Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Seriya: Estestvennyye nauki]. 2006, № 2 (134), pp. 82–89.

- [18] Ecological state of fishery water bodies of Russia [Ekologicheskoe sostoyanie rybokhozyaistvennykh vo-domov Rossii] / State Report [Gosdoklad], 2004. URL: <http://www.ecocom.ru/Gosdoklad/Section5.htm> (25.08.2018)
- [19] Evans M.S., Muir D., Lockhart W.L., Stern G., Ryan M., Roach P. Persistent organic pollutants and metals in the freshwater biota of the Canadian Subarctic and Arctic: An overview // *Science of the Total Environment*. 2005, № 351, pp. 94–147.
- [20] Fedorov Y., Zimovec A. About the principal sources of heavy metals in the Northern Dvina River estuary // 11th International Multidisciplinary Scientific Geoconference and EXPO – Modern Management of Mine Producing, Geology and Environmental Protection, SGEM 2011. Albena, Bulgaria, 2011. P. 171–174.
- [21] Fedorov Y.A., Ovsepyan A.E., Korobov V.B. Peculiarities of mercury distribution, migration, and transformation in the estuarine area of the Northern Dvina River // *Russian Meteorology and Hydrology*. Vol. 35. 2010, № 4, pp. 289–294.
- [22] Fedorov Yu.A., Ovsepyan A.E. Chapter 8: Mercury and Its Connection with Physicochemical Water Parameters (Case Study of the Rivers of the Northern European territory of Russia) // *Mercury: Sources, Applications and Health Impacts*, Published by Nova Science / Ki-Hyun Kim Richard J. C. Broun (Editors). New York, Nova Science publishers. Inc., 2013, pp. 155–172.
- [23] Fedorov Yu.A., Ovsepyan A.E., Korobov V.B., and Dotsenko I.V. Bottom Sediments and Their Role in Surface Water Pollution with Mercury (with a Special Reference to the Northern Dvina River Mouth and the Dvina Bay of the White Sea) // *Russian Meteorology and Hydrology*. Vol. 35. 2010, № 9, pp. 611–618.
- [24] Govind P., Madhuri S., Shrivastav A.B. Contamination of mercury in fish and its toxicity to both fish and humans: an overview // *International research journal of Pharmacy*. 2012, № 3 (11), pp. 44–47.
- [25] Jewett S.C., Zhang X., Kelley J.J., Dasher D., Duffy L.K. Comparison of mercury and methylmercury in northern pike and Arctic grayling from western Alaska rivers // *Chemosphere*. 2003, № 50, pp. 383–392.
- [26] Kennedy D. Baseline study of contaminants in Baker Lake. Synopsis of research conducted under the 1998–1999 Northern Contaminants Program. 1999, pp. 117–125.
- [27] Larsen R.B. and M. Dam AMAP Faroe Islands 1997–1998 // K. Hoydal, M. Dam (eds.). AMAP Greenland and the Faroe Islands 1997–2001. Vol. 3. The Environment of the Faroe Islands. Danish cooperation for environment in the Arctic, Ministry of Environment. 2003, 265 p.
- [28] Lockhart L., Stern G., Low G., Evans M. Mercury in fish from stock surveys of lakes in the western Northwest Territories: Investigation into the factors affecting mercury levels // S. Kalhok (ed.). Synopsis of research conducted under the 2000–2001 Northern Contaminants Program. 2001, pp. 194–201.
- [29] Lockhart W.L., Stern G.A., Low G., Hendzel M., Boila G., Roach P., Evans M.S., Billeck B.N., DeLaronde J., Friesen S., Kidd K., Atkins S., Muir D.C.G., Stoddart M., Stephens G., Stephenson S., Harbicht S., Snowshoe N., Grey B., Thompson S., DeGraff N. A history of total mercury in edible muscle of fish from lakes in northern Canada // *Science of the Total Environment*. 2005, № 351–352, pp. 427–463.
- [30] Melnikov S.A., Vlasov S.V., Gorshkov A.N. Final report on the Raipon/AMAP/GEF project Persistent Toxic Substances, Food Security and Indigenous Peoples of the Russian North. Activity 4. Study of biomagnification in Arctic food-chains. Results tabulated in AMAP Assessment 2002 // *Heavy Metals in the Arctic*. 2005, pp. 146–147.
- [31] Mercury in the Arctic (2011) Arctic Monitoring and Assessment Programme (AMAP). Oslo, Norway, 2011, 193 p.
- [32] Minamata Convention on Mercury. URL: http://mercuryconvention.org/Portals/11/documents/Booklets/Minamata_convention_Russian.pdf (29.04.2018)
- [33] Ovsepyan A., Zimovets A., Fedorov Y. On the dynamics of mercury in the mouth area waters of the Northern Dvina River for a 10-year observation period // International Multidisciplinary Scientific GeoConference Surveying Geology and Mining Ecology Management, SGEM 17, Ecology, Economics, Education and Legislation. Albena, Bulgaria, 2017, pp. 713–720.
- [34] Porvari P. and M. Verta Mercury and methylmercury in Finnish reservoirs and in Kemijoki drainage basin // *Finnish Environment Report*. 1998, № 175, 59 p.
- [35] Riget F., Asmund G., Aastrup P. Mercury in Arctic char (*Salvelinus alpinus*) populations from Greenland // *Science of the Total Environment*. 2000, № 245, pp. 161–172.
- [36] Skotvold T., Wartena E.M.M., Rognerud S. Heavy metals and persistent organic pollutants in sediments and fish from lakes in northern and Arctic regions of Norway. APN514.660.I. Tromsø, Aquaplan-niva, 1997, pp. 39.
- [37] Snorrason S.S., Jynsson G.S. Assessment of trace elements in biological samples from Varmagja and Vatnskot. Report III. University of Iceland, Institute of Biology, 2000, 19 p.
- [38] Soerensen A. L. [et al.] A mass budget for mercury and methylmercury in the Arctic Ocean // *Global Biogeochemical Cycles*. Vol. 30. 2016, № 4, pp. 560–575. DOI: <https://doi.org/10.1002/2015GB005280>.
- [39] Wathen J.B. [et al.] A national statistical survey assessment of mercury concentrations in filets of fish collected in the U.S. EPA national rivers and streams assessment of the continental USA // *Chemosphere* 122, 2015, pp. 52–61. URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.chemosphere.2014.11.005>
- [40] Zillioux E.J. Mercury in Fish: History, Sources, Pathways, Effects, and Indicator Usage // *Environmental Indicators*. Dordrecht, the Netherlands: Springer Netherland, 2015, pp. 743–766. DOI 10.1007/978–94–017–9499–2_42

N.V. Lovelius,PhD, professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg;
e-mail: lovelius@mail.ru**A.Ju. Retejum,**PhD, professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow;
e-mail: aretejum@yandex.ru**SMALL AND LARGE SOLAR CYCLES IN THE SCANDINAVIAN FOREST**

The paper deals with the manifestations of even and odd solar cycles with the duration from 11 to 1430, 2860 and 5720 years in the changes of the forest growth on the territory Sweden. It is shown that the solar-terrestrial connections have different character in even and odd cycles.

Key words: solar cycles, forest growth, Sweden

References:

- [1] Grudd H., Briffa K.R., Karlen W., Bartholin T.S., Jones P.D. and Kromer B. A 7400-year tree-ring chronology in northern Swedish Lapland: natural climatic variability expressed on annual to millennial timescales // *The Holocene*. 2002, № 12, pp. 657–665.
- [2] Luthardt L., Rößler R. Fossil forest reveals sunspot activity in the early Permian // *Geology*. 2017, v. 45, pp. 279–282.
- [3] National Oceanic and Atmospheric Administration. URL: <https://www.ncdc.noaa.gov/paleo-search/study/17262>

M.S. Potakhin,PhD in geography, senior researcher, Northern Water Problems Institute KarRC,
FIC «Karelian Research Centre of RAS», Petrozavodsk;
e-mail: mpotakhin@mail.ru**N.A. Belkina,**PhD in geography, leading researcher, Northern Water Problems Institute KarRC,
FIC «Karelian Research Centre of RAS», Petrozavodsk;
e-mail: bel110863@mail.ru**Z.I. Slukovskii,**PhD in biology, researcher, Institute of Geology KarRC, FIC «Karelian Research Centre of RAS», Petrozavodsk;
e-mail: slukovsky87@gmail.com**D.G. Novitsky,**senior laboratory assistant researcher of the laboratory of geochemistry, quaternary geology and geoecology,
Institute of Geology KarRC, FIC «Karelian Research Centre of RAS», Petrozavodsk;
e-mail: mpotakhin@mail.ru**I.V. Morozova,**junior researcher of the laboratory of paleolimnology, Northern Water Problems Institute KarRC,
FIC «Karelian Research Centre of RAS», Petrozavodsk;
e-mail: mpotakhin@mail.ru**CHANGES OF BOTTOM SEDIMENTS OF VYGOZERO AS A RESULT OF MULTIFACTOR ANTHROPOGENIC IMPACT**

In the article, retrospective and contemporary data of the lithological, granulometric, and chemical composition of the bottom sediments of Lake Vygozero are present. The studied water body was in its natural form until 1933, then it was turned into a reservoir by anthropogenic transformation. The authors estimated the approximate rate of sedimentation in the reservoir in modern times and in the pre-industrial era. Granulometric fractions, which are indicators of changes in sedimentation conditions in Vygozero, have been identified. The content of the main elements and microelements in the upper layers of the bottom sediments were established, which allowed for confirmation of the results of the granulometric analysis, as well as illustrating the modern influence of the pulp and paper mill in Segezha on the water object under study. The element-indicators of the effect of long-range transport of pollutants on the ecosystem of the Vygozero reservoir are revealed.

Key words: Republic of Karelia, Vygozero, reservoir, bottom sediments, anthropogenic transformation, pulp-and-paper mill, granulometric composition, heavy metals.

References:

- [1] Avakyan A.B., Saltankin V.P., Sharapov V.A. Reservoirs [Vodohranilishcha]. Moscow, Thought [Mysl'], 1987, 325 p.
- [2] Arinushkina E.V. Guidelines for the chemical analysis of soils [Rukovodstvo po himicheskomu analizu pochv]. Moscow, MSU, 1982, 490 p.

- [3] Belkina N.A. Retrospective assessment of the bottom sediments conditions of the Vygozero reservoir [Retropektivnaya ocenka sostoyaniya donnyh otlozhenij Vygozerskogo vodohranilishcha] // Water resources [Vodnye resursy]. 2014, vol. 41 (3), pp. 270–279.
- [4] Belkina N.A., Potakhin M.S. Bottom sediments conditions of the Vygozero reservoir [Donnye otlozheniya vygozerskogo vodohranilishcha] // Certificate of state registration of the database [Svidetelstvo o gosudarstvennoj registracii bazy dannyh] № 2017621382. 2018.
- [5] Biske G.S. Quaternary deposits and geomorphology of Karelia [Chetvertichnye otlozheniya i geomorfologiya karelii]. Petrozavodsk, 1959, 307 p.
- [6] Butorin N.V., Ziminova N.A., Kudrin V.P. Bottom sediments of the Upper Volga reservoirs [Donnye otlozheniya Verhnevolzhskih vodohranilishch]. Leningrad, 1975, 158 p.
- [7] Vasileva E.P. Characteristics of the chemical composition of the bottom sediments of the Vygozero reservoir [Harakteristika himicheskogo sostava donnyh otlozhenij Vygozerskogo vodohranilishcha] // Water resources of Karelia and their use [Vodnye resursy Karelii i ih ispolzovanie]. Petrozavodsk, 1978, pp. 63–79.
- [8] Vinogradova A.A., Ivanova Yu.A. Pollution of air in central Karelia with long-range transport of anthropogenic impurities in the atmosphere [Zagryaznenie vozduшной sredy v centralnoj karelii pri dalnem perenose antropogennyh primesej v atmosfere] // Proceedings of the RAS. Geographic series. [Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya]. 2013, vol. 5, pp. 98–108.
- [9] Gogolashvili E.L., Garifzyanov A.R. Problems of vanadium analysis in wastewater from thermal power plants [Problemy analiza vanadiya v stochnyh vodah teplovyh ehlektrostantsij] // Electric power industry of Tatarstan [Ehnergetika Tatarstana]. 2007, vol. 3, pp. 60–63.
- [10] Grigorev S.V. Internal waters of Karelia and their economic use [Vnutrennie vody Karelii i ih hozyajstvennoe ispolzovanie]. Petrozavodsk, 1961, 140 p.
- [11] Dauvalter V.A. Geoecology of bottom sediments of lakes [Geoehkologiya donnyh otlozhenij ozer]. Murmansk, 2012, 242 p.
- [12] Dauvalter V.A. Chalcophile elements (Hg, Cd, Pb, As) in bottom sediments of water bodies of the White Sea catchment area within the Kola Peninsula [Halkofilnye ehlementy (Hg, Cd, Pb, As) v donnyh otlozheniyah vodnyh obektov vodosbora Belogo morya v predelah Kolskogo poluoostrova] // Geochemistry [Geohimiya]. 2006, vol. 2, pp. 237–240.
- [13] Demidov I.N. On a maximum stage in the evolution of periglacial Lake Onego, variations in its water level and glacioisostatic shore uplift of the shore in the Late Glacial Period [O maksimal'noi stadia razvitiya Onezhskogo prilednikovogo ozera, izmenenii ego urovnya i glyatsioizostaticheskom podnyatii poberezhii v pozdnelednikovje] // Geology and mineral resources of Karelia [Geologiya i mineral'nye resursy Karelii]. 2006, vol. 9, pp. 171–182.
- [14] Klyueva V.A., Dolzhenko G.P. Sedimentation in reservoirs of the Lower Don basin [Osadkonakoplenie v vodohranilishchah bassejna Nizhnego Dona]. Rostov, 1983, 142 p.
- [15] The largest lakes-reservoirs of the North-West of the European territory of Russia: the current state and changes in ecosystems under climatic and anthropogenic influences [Kupnejshie ozera-vodohranilishcha Severo-zapada evropejskoj territorii Rossii sovremennoe sostoyanie i izmeneniya ehkositsem pri klimaticheskikh i antropogennyh vozdeystviyah] / N. N. Filatov (eds.). Petrozavodsk, 2015, 375 p.
- [16] Litvinenko A.V., Filatov N.N., Bogdanova M.S., Karpechko V.A., Litvinova I.A., Salo Yu.A. Anthropogenic transformation and economic use of lake Vygozero [Antropogennaya transformaciya i hozyajstvennoe ispolzovanie ozera Vygozero] // Water resources [Vodnye resursy]. 2014, vol. 41 (4), pp. 419–428.
- [17] Logvinenko N.V., Sergeeva E.I. Methods for determination of sedimentary rocks [Metody opredeleniya osadochnyh porod]. Leningrad, 1986, 240 p.
- [18] Mitrofanova Z.T., Filincev G.P. Clays of Karelia [Gliny Karelii]. Petrozavodsk, 1956, 160 p.
- [19] Karelian Lake. Nature, fish and fisheries [Ozera Karelii. Priroda, ryby i rybnoe hozyajstvo]. Petrozavodsk, 1959, 619 p.
- [20] Karelian Lake. Directory [Ozera Karelii. Spravochnik] / Filatov N.N., Kuharev V.I. (eds.). Petrozavodsk, 2013, 464 c.
- [21] Lake Onego. Atlas [Onezhskoye ozero. Atlas] / N. N. Filatov (ed.). Petrozavodsk, 2010, 151 p.
- [22] Polyakov Yu.K. Bottom sediments of the Vygozero [Donnye otlozheniya Vygozera] // Water resources of Karelia and their use [Vodnye resursy Karelii i ih ispolzovanie]. Petrozavodsk, 1978, pp. 57–63.
- [23] Potakhin M.S., Belkina N.A., Slukovskii Z.I. Studies of bottom sediments of Vygozero from onboard the R/V “Ecolog” in the summer 2017 [Issledovanie donnyh otlozhenij Vygozera v rejsse NIS Ehkolog letom 2017 goda] // Geography of the Arctic regions 2017: materials of the International Scientific and Practical Conference [Geografiya arkticheskikh regionov 2017: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii]. St. Petersburg, 2017, pp. 49–53.
- [24] Segezha pulp and paper mill [Segezhsnij cellyulozno-bumazhnyj kombinat] // Official Karelia. The official internet portal of the Republic of Karelia [Kareliya oficialnaya. Oficialnyj internet-portal Respubliki Kareliya]. URL: <http://www.gov.karelia.ru/Power/Committee/Complex/segeza04.html>
- [25] Slukovskii Z.I. Normalization of lithium concentrations of heavy metals in bottom sediments of the Ladoga and Chetyrekhverstnoye lakes (Karelia Republic) [Normirovanie po litiyu koncentracij tyazhelyh metallov v donnyh otlozheniyah ozer Ladozhskoe i Chetyrekhverstnoe (Respublika Kareliya)] // Chemistry for sustainable development [Himiya v interesah ustojchivogo razvitiya]. 2015, vol. 23 (4), pp. 397–408.
- [26] Slukovskii Z.I., Ilmast N.V., Suhovskaya I.V., Borvinskaya E.V., Gogolev M.A. Geochemical specificity of modern sedimentation process in technogenesis conditions (on the example of Lake Lamba, Petrozavodsk, Karelia) [Geohimicheskaya specifika sovremennoho osadkonakopleniya v usloviyah tehnogeneza

- (na primere oz. Lamba, Petrozavodsk, Kareliya)] // Proceedings of the Karelian Research Center of the RAS [Trudy Karelskogo nauchnogo centra RAN]. 2017, vol. 10, pp. 45–63.
- [27] The current state of water bodies of the Republic of Karelia. According to the results of monitoring in 1992–1997 [Sovremennoe sostoyanie vodnyh obektov Respubliki Kareliya. Po rezul'tatam monitoringa 1992–1997 gg.] / Lozovik P.A. (ed.). Petrozavodsk, 1998, 188 p.
- [28] Sokolov S.I., Vereshchagin G.Yu. Limnological essay of the Vygozero lake [Limnologicheskij ocherk oz. Vygozera] // Proceedings of I Russian Hydrological Congress [Trudy I Vserossijskogo gidrologicheskogo sezda]. Leningrad, 1925, pp. 198–200.
- [29] The state of water bodies of the Republic of Karelia. According to the results of monitoring 1998–2006 [Sostoyanie vodnyh obektov Respubliki Kareliya. Po rezul'tatam monitoringa 1998–2006 gg.] / Lozovik P.A. (ed.). Petrozavodsk, 2007, 210 p.
- [30] Strahov N.M. Fundamentals of the theory of lithogenesis [Osnovy teorii litogeneza]. Moscow, 1962. vol. 1, 212 p.; vol. 2, 574 p.; vol. 3, 550 p.
- [31] Subetto D.A. Lake sediments: paleolimnological reconstructions [Donnye otlozheniya ozer: paleolimnologicheskie rekonstrukcii]. St. Petersburg, 2009, 339 p.
- [32] Subetto D.A., Prytkova M.Ya. Bottom sediments of diverse reservoirs. Methods of study [Donnye otlozheniya raznotipnyh vodoemov. Metody izucheniya]. Petrozavodsk, 2016, 89 p.
- [33] Shelekhova T.S., Lavrova N.B. Bottom sediments of lakes of Karelia: paleoecological and paleoclimatic reconstructions [Donnye otlozheniya ozer Karelii: paleoekologicheskie i paleoklimaticheskie rekonstrukcii] // Geology of Karelia from the Archean to our days [Geologiya Karelii ot arheya do nashih dnei]. Petrozavodsk, 2011, pp. 204–212.
- [34] Cohen A.S. Paleolimnology: the history and evolution of lake systems. New York, 2003, 500 p.
- [35] Hakanson L., Jansson M. Principles of lake sedimentology. Berlin, 1983, 316 p.
- [36] McConnell J. R., Edwards R. Coal burning leaves toxic heavy metal legacy in the Arctic. Proceedings of the National Academy of Sciences. 2008, № 34, pp. 12140–12144.
- [37] Nriagu J.O. The rise and fall of leaded gasoline // Science of The Total Environment. 1990, vol. 92, pp. 13–28.
- [38] Thomas V.M. The elimination of lead in gasoline // Annual Review of Energy and the Environment. 1995, vol. 20, pp. 301–324.
- [39] Quaternary deposits of Finland and northwestern part of Russian Federation and their resources. Scale 1:1 000 000 / Eds J. Niemela, I. Ekman, A. Lukashov. Petrozavodsk, Geol. Surv. of Finland and Rus. Acad. of Sci. Institute of Geology, 1993.
- [40] Zobkov M., Tarasov A., Subetto D., Potakhin M. GIS-modeling of Lake Onego shoreline in the Holocene and Late Pleistocene // Environment. Technology. Resources. Proceedings of the 11th International Scientific and Practical Conference. Vol. I. Rezekne, 2017, pp. 316–319.

ПРАВИЛА НАПРАВЛЕНИЯ, РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ОПУБЛИКОВАНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Общие условия направления статей

1. Автор предоставляет в редакцию результаты оригинального исследования и гарантирует, что представленный текст не был ранее опубликован.

2. К рассмотрению принимаются статьи, сопровождаемые Заявкой* на публикацию.

3. Материалы к публикации представляются в электронном виде в редакцию (191015, Санкт-Петербург, а/я 83, Суворовский пр., 61, ЦНИТ «Астерион») или по электронной почте: terrahumana@asterion.ru, terrahumana@terrahumana.ru.

4. Объем принимаемых к публикации статей – 0,5 авторского листа (20 тыс. знаков), включая ссылки и сноски. Схемы, иллюстрации и таблицы, необходимые для раскрытия темы, не должны увеличивать объем статьи более чем на 0,1 авторского листа. Объем информационных сообщений – не более 0,1 авторского листа (4 тыс. знаков).

5. Аспиранты и соискатели учёной степени кандидата наук должны предоставить рецензию или отзыв научного руководителя на статью, заверенные печатью факультета, администрации вуза или отдела кадров вуза.

6. Все поданные к публикации материалы проходят внутреннее рецензирование. По итогам рецензирования статья может быть возвращена на доработку или отклонена.

7. Автор несет ответственность за достоверность предоставляемых сведений, фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений.

8. Подавая материал к публикации, автор соглашается с тем, что редакция имеет право редактировать текст, при условии, что правка не меняет смысла и основных выводов представленной статьи.

9. Подавая материал к публикации, автор соглашается с тем, что редакция имеет право размещать текст в сети Интернет в режиме Open Access, а также размещать статью и метаданные автора в базах данных на безгонорарной основе.

10. В одном номере журнала может быть опубликована только одна статья одного автора (исключением могут быть коллективные статьи при разном составе соавторов).

Требования к содержанию

11. К публикации принимаются научные статьи (теоретические, практические, обзорные статьи; рецензии и пр.) на русском и иностранных языках, соответствующие тематике журнала.

12. Структура научной статьи должна быть следующей**: 1) название, 2) аннотация, 3) ключевые слова, 4) введение, 5) материалы и методы, 6) результаты и выводы, 7) благодарности, 8) список использованной литературы.

13. Аннотация должна содержать: а) цели исследования; б) описание методов; в) главные выводы. Кроме того, она должна быть информативной (не содержать общих слов), содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований), структурированной (следовать логике описания результатов в статье). Англоязычные аннотации **не должны быть** калькой русскоязычной аннотации.

* Бланк заявки можно скачать на сайте www.terrahumana.ru.

** Как написать и опубликовать статью в международном научном журнале: метод. рекомендации / Сост. И.В. Сви́дерская, В.А. Кра́тасюк. – Красноярск: Сиб. федерал. ун-т, 2011. – 52 с.

14. Текст должен быть представлен в файле формата Microsoft Word (.doc или .rtf).
15. Текст не должен содержать двойные и более пробелы, табуляции, разбиение на колонки.
16. Кавычки оформляются так: «... ..»; кавычки внутри цитат: «... “...” ...».
17. Таблицы, формулы, схемы, графики, рисунки и др. иллюстрации должны быть пронумерованы в порядке их упоминания в тексте.
18. Иллюстрации предоставляются отдельно в виде файлов с расширением jpg, tif, bmp, png. (рисунки, как правило, помещаются на одной странице, т.е. чем больше рисунков приложено, тем меньший размер у них окажется в итоге.) Надписи на рисунках даются на языке статьи.
19. Рисунки и другие иллюстрации должны быть подписаны. Каждая таблица должна иметь тематический заголовок.
20. Статья должна быть снабжена индексами УДК и ББК.
21. Статью должны сопровождать на русском языке: аннотация (100–250 слов), список ключевых слов (5–7).
22. Статью должны сопровождать на английском языке: название, аннотация (100–250 слов), список ключевых слов (5–7).
23. Статья должна иметь Список литературы (References) (рекомендуется 10–15 источников, включая иностранные) в двух формах: А) на русском языке (и/или языке оригинала), Б) латиницей – в транслитерированном виде и в переводе на английский язык. Правила оформления приведены на сайте журнала: <http://www.terrahumana.ru>; см. примеры оформления на с. 262–263.
24. Ссылки на источники оформляются в квадратных скобках двумя числами. Первое указывает порядковый номер издания в списке литературы, второе – номер страницы. Например, «[4, с. 25; 8, с. 48–49]». Все поясняющие примечания даются в затекстовых сносках на последней странице текста статьи.
25. Сведения об авторе статьи предоставляются на русском и английском языках и включают:
 - фамилию, имя, отчество полностью;
 - ученое звание / ученую степень;
 - название и шифр специальности, если планируется защита диссертации;
 - должность и место работы / учебы / соискательства;
 - город проживания / работы;
 - контактные телефоны, e-mail.

Порядок рецензирования и опубликования рукописей, поступающих в редакцию журнала

26. Рукопись принимается к рассмотрению при условии, что она соответствует требованиям к авторским оригиналам статей (материалов), принятым в журнале «Общество. Среда. Развитие».
27. Рукопись, не соответствующая научному профилю и/или редакционной политике журнала, может быть отвергнута главным редактором и/или редакционным советом без рассмотрения ее рецензентами.
28. Рукописи, поступившие в редакцию журнала, главный редактор направляет на рецензирование двум экспертам, имеющим близкую к теме статьи научную специализацию и опубликованные статьи по той области науки, к которой относится присланный материал.
29. Рецензентами выступают члены редакционного совета журнала и привлеченные эксперты.

30. В журнале принято двойное «слепое» рецензирование (рецензент не знает, кто автор статьи, автор не знает, кто рецензент). Непосредственное взаимодействие автора и рецензента исключено. Редакция не откликается на просьбы дать координаты рецензента, чтобы автор мог ему объяснить спорные положения своей статьи.

31. Все статьи проверяются рецензентом на плагиат с помощью имеющихся в его распоряжении инструментов (<http://www.antiplagiat.ru>, <http://text.ru/antiplagiat>, программа «Etxt Антиплагиат», поисковые системы и др.). В случае большого количества некорректных заимствований рецензент вправе дать отрицательное заключение без дальнейшего чтения и анализа текста рукописи.

32. Отзыв рецензента о рукописи должен быть объективным и сформулирован в соответствии с принятыми в редакции параметрами оценивания (см. п.33). Личная критика автора неуместна. Рецензенты обязаны выражать свои взгляды четко и аргументированно.

33. При вынесении заключения рецензент оценивает следующие параметры: отвечает ли статья профилю журнала; присутствует ли в статье актуальность и новизна; сформулированы ли цель и задачи; описана ли методология исследования; есть ли историографический анализ по исследуемой проблеме; присутствует ли описание эксперимента и насколько оно четкое; все ли используемые термины и дефиниции обоснованы и определены; есть ли выводы по статье, и пр. Наличие, отсутствие или неполное соответствие этим критериям служит основанием для выработки рекомендаций о судьбе статьи.

34. Рецензия на статью пишется в свободной форме, но обязательно должна содержать оценку указанных в п. 33 параметров.

35. Сроки рецензирования определяются ответственным секретарем редакции с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статей, но не более 45 дней.

36. Рецензент не имеет права передавать рукопись на рецензирование другому лицу без согласования с редакцией.

37. Рецензенты, а также сотрудники редакционного совета и редакции не имеют права использовать в своих собственных интересах, частично или полностью, содержащиеся в рукописи сведения и выводы до ее опубликования. Рукописи являются интеллектуальной собственностью авторов.

38. В случае конфликта интересов (конкурентных отношений, сотрудничества или других отношений) рецензента и автора, компании или учреждения, связанных с представленной рукописью, редактор передает рукопись для рассмотрения другому рецензенту.

39. Рецензент, который считает, что не обладает достаточной квалификацией для оценки статьи, либо если присутствует конфликт интересов, должен уведомить об этом редакцию и отказаться от участия в рецензировании данной рукописи.

40. Редакция оперативно информирует авторов о принятом решении и направляет авторам копии рецензий.

41. После получения положительной рецензии редакция информирует авторов о принятии статьи к печати с указанием сроков публикации.

42. При получении отрицательной рецензии редакционный совет либо отклоняет рукопись, либо направляет предложения по доработке статьи в соответствии с замечаниями рецензента. Доработанная (переработанная) статья повторно направляется на рецензирование вместе с ее первоначальным вариантом.

43. В случае несогласия с заключениями рецензентов автор статьи имеет право предоставить аргументированный ответ в редакцию журнала, на основании которого может быть принято решение о дополнительном рецензировании. Спорные

44. Рецензии на рукописи статей хранятся в редакции журнала в течение пяти лет со дня поступления рецензии и могут быть по запросу предоставлены соответствующему экспертному совету Высшей аттестационной комиссии (ВАК) РФ.

Пример списка литературы на русском языке:

1. Хачатуров К.А. Латиноамериканские уроки для России = Latinoamericanas para Rusia. – М.: Междунар. отношения, 1999. – 394 с.
2. Загуренко А.Г., Коротовских В.А., Колесников А.А., Тимонов А.В., Кардымон Д.В. Технико-экономическая оптимизация дизайна гидроразрыва пласта // Нефтяное хозяйство. – 2008. – № 11. – С. 54–57.
3. Каневская Р.Д. Математическое моделирование гидродинамических процессов разработки месторождений углеводородов. – Ижевск, 2002. – 140 с.
4. Цыпкин Ю.А. Агромаркетинг и консталтинг: учебное пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ ДАНА, 2000. – 637 с.
5. Ненашев М.Ф. Последнее правительство СССР. – М.: Кром, 1993. – 221 с.
6. От катастрофы к возрождению: причины и последствия разрушения СССР. – М.: Былина, 1999. – 319 с.
7. Усманов Т.С., Гусманов А.А., Муллагалин И.З., Мухаметшина Р.Ю., Червякова А.Н., Свешников А.В. Особенности проектирования разработки месторождений с применением гидроразрыва пласта // Новые ресурсосберегающие технологии недропользования и повышения нефтегазоотдачи: Труды VI Междунар. симпозиума. – М., 2007. – С. 267–272.
8. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. Поэмы. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Наука, 1999. – 575 с.

Пример списка литературы на английском языке с транслитерацией:

1. Hachaturov K.A. Latin American Lessons for Russia [Latinoamericanas para Rusia] = Latinoamericanas para Rusia. M., Intern. relations [Mezhdunar. ot-nosheniya], 1999, 394 p.
2. Zagurenko A.G., Korotovskikh V.A., Kolesnikov A.A., Timonov A.V., Kardymon D.V. Techno-economic optimization of the design of hydraulic fracturing [Tekhniko-ekonomicheskaya optimizatsiya dizaina gidrorazryva plasta]. Oil Industry [Neftyanoe khozyaistvo], 2008, no.11, pp. 54–57.
3. Kanevskaya R.D. Mathematical modeling of hydrodynamic processes of hydrocarbon deposit development [Matematicheskoe modelirovanie gidrodinamicheskikh protsessov razrabotki mestorozhdenii uglevodorodov]. Izhevsk, 2002, 140 p.
4. Zipkin Y.A. Agromarketing and konstalting: textbook for High Schools [Agromarketing i konstalting: uchebnoe posobie dlya vuzov]. M.: Dana, 2000, 637 p.
5. Nenashev M.F. Last government of the USSR [Poslednee pravitel'stvo SSSR]. Moscow, Krom Publ., 1993, 221 p.
6. From disaster to rebirth: the causes and consequences of the destruction of the Soviet Union [Ot katastrofy k vozrozhdeniju: prichiny i posledstviya razrusheniya SSSR]. Moscow, Bylina, 1999, 319 p.
7. Usmanov T.S., Gusmanov A.A., Mullagalin I.Z., Muhametshina R.Ju., Chervyakova A.N., Sveshnikov A.V. Features of the design of field development with the use of hydraulic fracturing [Osobennosti proektirovaniya razrabotki mestorozhdeniy s primeneniem gidrorazryva plasta]. Proc. 6th Int. Technol. Symp. "New energy

saving subsoil technologies and the increasing of the oil and gas impact” [Trudy 6 Mezhdunarodnogo Simpoziuma “Novye resursoberegayushchie tekhnologii nedropol’zovaniya i povysheniya neftegazootdachi”]. Moscow, 2007, pp. 267–272.

8. Lermontov M.Y. Works [Sochineniya]. In 4 t. T. 2. Poems. [V 4 t. T. 2. Poemi]. – 2nd ed., Rev. and add [2-e izd., ispr. i dop]. SPb.: Nauka [SPb.: Nauka], 1999, 575 p.

РЕДАКЦИОННАЯ ЭТИКА

1. Стремясь к повышению качества научной периодики, издаваемой в России, редакция журнала «Общество. Среда. Развитие» следует публикационной этике, принятой в издательском мире. Основные нормы и правила взаимоотношений между авторами, рецензентами и редакторами строятся на основе рекомендаций, разработанных «Комитетом по этике научных публикаций»* (Committee of Publication Ethics) (COPE) и НП «Комитет по этике научных публикаций»**.

2. Редакция журнала «Общество. Среда. Развитие» в целях научного и методологического обеспечения устойчивого развития общества и гармоничного сосуществования социальной и природной среды реализует концепцию создания условий для креативного диалога между учеными гуманитарных и естественных наук.

3. Учитывая важность взаимного обмена мнениями между учеными, необходимость развития междисциплинарного дискурса, особенно между гуманитарными и естественными науками, редакция журнала «Общество. Среда. Развитие» полагает полезным увеличение количества своих авторов и читателей. В связи с этим предпочтение при рассмотрении материалов отдается подписчикам журнала.

4. Все поданные в журнал «Общество. Среда. Развитие» материалы проходят «двойное слепое» рецензирование.

5. Ответственность за некорректное заимствование лежит на авторе. Редакция журнала «Общество. Среда. Развитие» осуществляет проверку подаваемых материалов на плагиат. К сожалению, ни один из имеющихся методов проверки не гарантирует 100% выявления плагиата.

6. Редакционный совет рассматривает журнал как открытую площадку для научной дискуссии, а саму дискуссию необходимым условием для развития общества, поэтому в журнале могут быть опубликованы материалы, содержащие тезисы, не поддерживаемые редакцией.

* <http://publicationethics.org/resources/international-standards>

** <http://publicet.org>

К.Г. Исупов (главный редактор), доктор философских наук, профессор, профессор кафедры эстетики и этики Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург.

В.В. Никифоров (председатель ред. совета), кандидат технических наук, директор Центра научно-информационных технологий «Астерион», Санкт-Петербург.

22.00.00**Социологические науки**

А.В. Петров, доктор социологических наук, профессор, кафедра экономической социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, исполнительный директор Российско-Китайского Центра сравнительных социальных, экономических и политических исследований факультета социологии СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

С.И. Росенко, доктор социологических наук, профессор, Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья им. П.Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург, Россия

М.М. Сунарчина, доктор социологических наук, доцент кафедры социологии и работы с молодежью факультета философии и социологии Башкирского государственного университета, Республика Башкортостан, Уфа, Россия

Ю Кепин, Ph.D. (государственное и социальное управление), профессор, директор Центра инноваций в сфере государственного управления КНР, Пекинский университет, Пекин, Китай

А.О. Боронов, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры теории и истории социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Р.Н. Кошенова, доктор философских наук, профессор кафедры философии факультета социальных наук, Евразийский университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

И.Я. Фроянов, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России с древнейших времен до XX века, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

А.А. Збрицкий, доктор экономических наук, профессор, директор Института дополнительного профессионального образования, ГАСИС НИУ ВШЭ, заслуженный деятель науки РФ, Москва, Россия

А.А. Алимов, кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; руководитель, Научная программа «Международное сотрудничество в области окружающей среды и развития», Санкт-Петербург, Россия

24.00.00**Культурология**

Ю.А. Грибер, доктор культурологии, профессор кафедры социологии и философии, Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия

Л.В. Никифорова, доктор культурологии, профессор, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, Санкт-Петербург, Россия

В.А. Сулимов, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры культурологии и педагогической антропологии, Институт культуры и искусства Сыктывкарского государственного университета, Сыктывкар, Россия

Я. Кеневич, доктор исторических наук, профессор, факультет «Artes Liberales» Варшавского университета, директор Лаборатории интердисциплинарных исследований «Artes Liberales», Варшава, Польша

Ванг Цзе, Ph.D. (искусствоведение, социальная литература), профессор, декан Института гуманитарных наук, Шанхайский университет транспорта (Цзяо Тун), Шанхай, Китай

Л. Мешкова, Ph.D. (исследования культуры), заведующая кафедрой изучения европейской культуры, Университет Матей Бела, Банска Быстрица, Словакия

Н.А. Кривич (зам. главного редактора), кандидат культурологии, главный редактор издательства «Астерион», Санкт-Петербург, Россия

Е.Ю. Терещенко, доктор культурологии, доцент, Мурманский арктический государственный университет, Мурманск, Россия

25.00.00**Науки о Земле**

В.А. Румянцев, доктор географических наук, профессор, академик Российской академии наук, научный руководитель Института озерадения РАН, Санкт-Петербург, Россия

Н.Н. Филатов, доктор географических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, главный научный сотрудник Института водных проблем Севера Карельского научного центра РАН, Петрозаводск, Россия

Ю.Н. Гладкий, доктор географических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования, заведующий кафедрой экономической географии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

В.Н. Малинин, доктор географических наук, профессор, Российский государственный гидрометеорологический университет, Санкт-Петербург, Россия

Н.В. Ловеллус, доктор биологических наук, профессор кафедры физической географии и природопользования, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

А.И. Субетто, доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Санкт-Петербург, Россия

П.Я. Бакланов, доктор географических наук, профессор, академик Российской академии наук, Почетный профессор Института географии и агроэкологии АН КНР, научный руководитель, Тихоокеанский Институт географии Дальневосточного отделения Российской академии наук, Владивосток, Россия

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ООО «Центр научно-информационных технологий «Астерион».
191015, Санкт-Петербург, а/я 83, (812) 685-73-00, 663-53-92, 970-35-70.
E-mail: asterion@asterion.ru

Дизайн обложки – Е.Ю. Абдушукурова
Подготовка оригинал-макета – ЦНИТ «Астерион»

ЦНИТ «Астерион»

Заказ № 207. Подписано в печать 25.09.2018. Бумага офсетная. Формат 70×100¹/₁₆. Объем 13,7 п.л. Тираж 800 экз.
Санкт-Петербург, 191015, а/я 83, (812) 685-73-00, 970-35-70,
E-mail: asterion@asterion.ru, <http://www.terrahumana.ru>